
Наталья
Дардыкина
ОТКРОВЕНИЯ
ЗНАМЕНИТОСТЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В новую книгу вошли откровенные и увлекательные беседы с признанными деятелями отечественной и мировой культуры — писателем Михаилом Веллером, Виктором Ерофеевым, поэтами Евгением Евтушенко, Юзом Алешковским, композитором Родионом Щедриным и великой балериной Майей Плисецкой, художниками Михаилом Шемякиным, Сергеем Чепиком, гением джаза Алексеем Козловым, создателем первых советских рок-опер Алексеем Рыбниковым…

Перед читателями предстанут респектабельный Андрей Дементьев — и эпатажный метросексуал Алмат Малатов, тончайший Рустам Ибрагимбеков — и пассионарный Александр Проханов.

Все они независимые, гордые личности.

Талантливая молодежь имеет свой голос. О чем ее радости и печали? Что она думает о современности?..

Читателей этой книги ждут интереснейшие встречи с яркими творческими людьми.

- Наталья Дардыкина
  - Виртуоз интервью
  - На Олимпе и дома
    - Ave Майя
    - Два рыжих гения любви
    - В старинном доме с Портосом
    - Тяжко в театре абсурда
    - Козел на саксе
    - Иерусалимский москвич
    - Таежник-гегельянец
    - Ночь исцеленья
    - Вулканический мужик
    - Северный сфинкс
    - Опасный полет к Юпитеру
  - Любимцы муз
    - Грешен на меду
    - Летающий Евгений
    - Шальной Казанова
    - Он любит и любим
    - Поэт на крутом вираже
    - Сексуальный превращенец
    - На любви помешанный
    - Рыцарь с кедровым сундуком

- Одиночество со всеми вместе
- Адвокат мушкетеров
- Красивая линия жизни
- Он предсказывает катастрофу
- Писатель с «маузером»
- В амплуа Шерлока Холмса

○ Соотечественники и друзья в Европе
- Оскар не по-голливудски
- Голгофа русского живописца
- Русский в пустыне Швейцарии
- Усмешка Джоконды
- Отшельник и его женщины
- Сербский романтик
- Гений смеха и… мат

○ Во власти страсти
- Аллюр на резвых лошадках
- Мистификатор
- Певец Стамбула и Шампани
- Жизнь опасней волкодава
- Тело мастера не боится
- Пролетая над гнездом соблазна
- Рядом с бессмертными
- Раскопки счастья
- Мистик и однолюб

○ Фото с вкладок

Наталья Дардыкина
Откровения знаменитостей

Виртуоз интервью

В каждом деле есть ремесленники (они тоже, конечно, необходимы), — есть мастера, виртуозы. Наталья Дардыкина — настоящий виртуоз интервью. А жанр этот отнюдь не самый легкий, особенно когда выбираешь в собеседники «тяжеловесов» культуры.

Жанры интервью, беседы, философского диспута древни, как мир людей. С той поры как у нас развязались языки, одни постоянно спрашивают, тогда как другие по мере сил отвечают. Еще в «Упанишадах», памятнике ведической литературы, философские рассуждения местами принимают форму диалога двух спорящих или беседующих полуисторических, полумифических лиц.

Вероятно, такая сказочность повествования была необходима, ведь в мудрость простых смертных в то время, как и в наше, впрочем, верили мало. В античную эпоху с «отвечающего» уже сняты покровы потустороннего существа. К тому же он не спорит, а разъясняет и проповедует. Вспомним сочинения Платона, написанные в форме диалога, где главным действующим лицом выступает Сократ.

В наши дни жанры интервью приобретают широкое распространение и, соответственно, новые стилистические черты. Становятся более интимными и раскованными. Встреча людей лицом к лицу в приватной обстановке располагает к откровенности и даже к исповедальности. В ходе задушевной беседы человек обычно раскрывается с лучшей стороны. Случается, журналист превращается в опытного психолога и вызывает в своем собеседнике такой взрыв эмоций, что внутренняя цензура для того просто перестает существовать. Вот почему эти жанры стали в наше время особенно востребованными, и им охотно отводит свои страницы одна из наиболее тиражных и авторитетных российских газет — «Московский комсомолец». И выдающимся мастером в этих жанрах по праву считается Наталья Александровна Дардыкина. Хотя, по правде сказать, невозможно определить, в каком жанре она все-таки работает. В тех текстах, которые составили эту книгу, жанры интервью, беседы и философского диспута изрядно переплелись.

Наталья Дардыкина безошибочно точно выбирает тон беседы со своим очередным персонажем. С одним — она очаровательно скромна, другого — может чуть-чуть подковырнуть. Но в любом случае ее манера разговора исключительно благожелательна и

интеллигентна. Полагаю, если бы всеблагие призвали ее как собеседницу на пир, она бы с любым из «небожителей» искусства и науки вступила в содержательный диалог — хоть с самим Сократом.

Наталья Александровна как интервьюер не раздает направо и налево свидетельства бессмертия своим знатным собеседникам. Восхищаясь ими как людьми и как творцами, она вслед за Александром Бенуа понимает, что иной раз шанс пережить свое время «имеют не всякие «вожди», не всякие «всесветные знаменитости», а как раз явления несравненно более скромные — художники неувядающей искренности, простого правдолюбия». Вероятно, поэтому среди тех, кого она с пристрастием вопрошает, не только держащие пальму первенства в той или иной области художественного творчества. Ей также интересны и любопытны творческие люди, которые еще не вошли в привычную обойму знаменитостей, но имеют все основания считаться известными «персонами», что в скором будущем и должно неминуемо произойти. Таким образом, она в какой-то мере берет на себя роль прорицательницы Кассандры. И теперь, с отступом во времени, можно сказать — редко ошибается.

Я думаю, что критерием, которым руководствовалась в отборе своих собеседников Наталья Дардыкина, является их «незабронзовелость» присутствие в них дара простодушия, ибо без него искусство перестает быть живым.

Из этой книги читатель узнает много нового о мире современной культуры и литературы. И это даже не самое главное. Ведь встречи с замечательными людьми и приобщение к их художественной жизни в ее обыденности — «праздник души» для всякого любознательного человека.

Святослав Бэлза

На Олимпе и дома

Ave Майя

К ее ногам склонялись короли государств и искусства

Великая балерина и блистательная актриса, дитя озарения, она сама вдохновляет поэтов, музыкантов, хореографов… Для Мориса Бежара, поставившего для нее пять спектаклей, Майя — «пламя в мире балета, она страстна, совершенна, опьянена движением». Влюбленные в балет люди называют ее гениальной, сравнивают покоряющий артистизм и легендарную славу Плисецкой с полетом славы кинозвезды Греты Гарбо.

И все-таки Плисецкая несравненна! Ее профессиональный уровень феноменален — протанцевать на сцене 60 лет! Это чудо, словно сама муза танца благословила ее своей древнегреческой лирой. Приехав в Москву на свой юбилейный фестиваль, организованный Большим театром и спонсорами, Майя превратила сумрачный ноябрь в многоцветное событие. Первым торжеством стало открытие выставки в Театральном музее имени Бахрушина. К ее ногам водрузили целую «клумбу» из пятисот белоснежных роз. Художники придумали огромное сердце из бутонов темных бархатных роз. Кондитеры сотворили роскошный торт на сюжет «Кармен»: сладкие ниспадающие складки занавеса, музыкальные знаки и рукотворная роза на ароматном веере.

Многие газетчики добивались интервью у Плисецкой. Но она пообещала только мне. В субботу утром я услышала ее тихий голос по телефону: она дала согласие на встречу. Вечером Майя позвонила еще раз и назначила время. Невидаль: мировая звезда, лауреат самых престижных премий, в чью честь названа планета Плисецкая, звонит сама, не пользуясь услугами посредников. Только поистине великий человек может быть так естествен и прост.

— Майя Михайловна, ваше невероятное мастерство принесло вам множество наград и званий. Какая недавняя награда доставила вам особенную радость?

— Премия принца Астурийского, престижнейшая европейская премия. Ее называют испанской Нобелевской. Она существует 25 лет, и это поистине замечательно. Ее могут дать одному человеку. На этот раз такой чести удостоился победитель «Формулы 1», знаменитый гонщик Фернандо Алонсо. Его лидерство стало для испанцев грандиозным событием. Мне дали премию пополам с испанской балериной Тамарой Рохо, танцующей в Лондоне, в Королевском балете. Ей 25. Воспринимаю эту премию как награду

двум векам балета. Счастлива, что впервые почтили балет. Ведь Нобелевская никогда не присуждалась балету. Вероятно, не считают его настоящим искусством. Принц Астурийский лично вручал эту награду в Астурийском центре, в присутствии королевы Софьи. Было множество знатных людей. Все держались просто, не демонстрируя свою знатность.

— Вы знакомы с королем Хуаном Карлосом?

— Год назад, когда мы с Родионом Щедриным были в Мадриде, нас пригласили на ужин в королевский дворец Бурбонов. Великолепное совершенство, невероятная красота! Высочайший вкус старинных мастеров. Все великолепие сохранилось благодаря тому, что во время Второй мировой войны дворец не пострадал. За столом собралась вся королевская семья: Хуан Карлос, королева Софья, две дочери с мужьями, принц с молодой женой Летицией. Это было ее первое появление после свадьбы среди королевских гостей. Все общались по-королевски просто и естественно. Это был большой прием после концерта Ростроповича, исполнившего музыку трех русских композиторов на испанские темы: Глинки, Римского-Корсакова и Щедрина.

— На торжественных обедах вас сажают рядом с монархами и государственными деятелями. Это главное угощение или подчеркнутый комплимент?

— Уж не знаю, как это именовать. На одном приеме нас с Щедриным посадили рядом с голландской королевой. Но про ее титул, естественно, нам не сказали. Великолепная дама болтала с Щедриным о том о сем. Только приехав в Амстердам, на вокзале, мы увидели большую фотографию этой женщины. Она оказалась королевой Голландии.

— На приемах вы появляетесь в торжественных одеждах?

— Пышных одежд не имею. Наверное, и не надо. Всегда одеваюсь в платья и костюмы Пьера Кардена — и на сцене, и в жизни. Раньше он их дарил. Теперь в связи с экономическими трудностями в Европе мы покупаем у него в бутике с большой скидкой. Его еще никто не превзошел. Он дерзкий новатор. Черные колготки и мини-юбки придуманы им. Он первый их сделал.

— Скажите, Майя Михайловна, почему вы не носите драгоценные ожерелья на вашей лебединой шее?

— *(Смеется.)* Потому и не ношу, чтобы шея была видна.

— Помню вашу балеринскую жалобу: «Сижу не жрамши». Вы и сейчас изящны и легки. Неужели все еще мучаете себя диетой?

— *(Хохочет.)* Да нет! Это я шутя сказала, чтобы не приставали с такими расспросами. На диете не сижу. Объедаться не надо! Вот и все. Утром ем кашу из геркулеса на воде, пью чай

или кофе по настроению. Чай даже больше люблю.

— А Родион Константинович?

— Как и я, с утра на геркулесе. Кстати, на Востоке видела: буддисты тоже кашу едят.

— Вас привлекает философия буддизма?

— Просто любопытство: мама дала мне имя, не зная, что мать Будды звали Майя. И про ацтеков не слышала.

— Ваш муж прирожденный рыбак. В литовском поместье на берегу озера тоже рыбку добывает?

— Родион рыбалку обожает, почти как футбол. У нас в семье поклонение футболу.

— Вы на футбол ходите?

— Ходим! И по телевизору не пропускаем. Щедрин разбирается во всех тонкостях игры. Замечает, когда судьи допускают небрежность.

— И приходит в негодование?

— Без негодования: не кричит — тихо комментирует, осуждая ошибку.

— У себя в усадьбе, случайно, не играете с ним в футбол?

— Играли. У нас была собака. Ее теперь нет — умерла. С ней мы играли в футбол, и Родион ее укорял: «Что ты зубами хватаешь? Даже Рональдо-зубастик так не набрасывается на мяч». А что касается рыбной ловли, он профессиональный рыбак. Я тоже иногда рыбку на блесну ловлю.

— Какая там, в Литве, рыба водится?

— Много окуней, лещи, щуки.

— В телесюжете я видела ваш дом. Он такой светлый, уютный. Балетный класс ваш белизной сияет. Дом недавно построили?

— Ему 25 лет! А пол в балетном классе моем — вот он и сияет.

— Приятно было видеть вас у репетиционного станка…

— Сейчас я не занимаюсь — прекратила совершенно всякие занятия после операции колена, два года назад. У меня оторвалась связка. Вильнюсский врач сделал мне серьезную операцию и хорошо подлечил.

— Для благоустройства дома дизайнеров приглашали?

— В советские времена о домашних дизайнерах не слышали. Мы пригласили немецкого архитектора, и он сконструировал макет, исходя из наших просьб: кабинет Щедрина и мой балетный класс. Остальное сделали все по-советски скромно — и по стилю, и по цене недорого. Постепенно дом утеплили. По батареям идет горячая вода — нагревается электричеством. Теперь там можно жить и зимой. Есть камин. Чудно посидеть у огня!

— И у лебединого озера? В это лето лебеди не обошли вас стороной?

— Лебеди появляются, как только мы приезжаем. Это какая-то мистика или предзнаменование! Однажды один с рыжей головой приплыл. Успели заснять для подтверждения невероятного. Есть цветное фото. Не знаю, что это такое. За сколько-то километров есть место, где зимой теплая вода. Лебеди там зимуют. Однажды приехали мы встречать Новый год, вышли на терраску и видим: Боже мой! Летят 14 лебедей! Стая опустилась около плотика, покружила в нашей воде, лебеди подвигали головками, помахали крыльями. Думала, что я брежу. Фантастика! И Родион, и наша Наташа, которая содержит дом, видели этот чудодейственный визит… Погостили лебеди недолго, снялись и улетели.

— Совершенно потрясающий факт… Майя Михайловна, простите, что возвращу вас в ваше детство. По жуткой терминологии советских прокуроров и дознавателей, вы — дочь врага народа. Расскажите о ваших родителях.

— Я с детства чувствовала ложь, понимала в разговорах людей, что искренне, а что вранье. Конечно, только интуицией понимала, еще без участия головы. Внутренне всегда протестовала против лжи. Это сопротивление неправде во мне осталось навсегда. Однажды на каком-то официальном приеме один высокий функционер спросил меня: «За что вам Миттеран дал орден Почетного легиона? Ведь его давали за участие в движении Сопротивления?» Я ответила ему: «Я всю жизнь сопротивляюсь».

О судьбе родителей я написала в своей книге, но для не читавших ее и для молодых коротко расскажу: мой отец работал на Шпицбергене советским консулом и начальником шахт. Его послал туда Отто Юльевич Шмидт. Моя мать — актриса немого кино, вгиковка из первого выпуска. Для того времени мама играла очень много — снялась в восьми или девяти фильмах. Играла узбечек, а это были все страшные трагедийные судьбы. В кино, сидя рядом с ней, я плакала. Мама старалась меня успокоить, а я сердилась, что она мешает мне плакать.

В 37-м году начались массовые аресты. Мои родители не избежали тяжелой участи. Отец был расстрелян. Мать — в тюрьме. Позже, когда время изменилось, мы узнали, что отец был реабилитирован за отсутствием состава преступления. История банальная.

— Какая жуткая подробность из того трагического времени нет-нет и тревожит вашу память?

— Официальный приговор отцу — «10 лет без права

переписки». И лишь потом люди узнали, что это означает мгновенный расстрел. Тут же, сразу приводилось в исполнение. Отец убит невинно! До конца моих дней я буду это помнить.

— Майя Михайловна, у вас великое множество поклонников, влюбленных в ваше искусство. Но и недоброжелателей хватает. Что вам труднее переносить — приставучее преклонение или зависть и интриги?

— К поклонениям можно привыкнуть, они не очень угнетают. Всегда была счастлива доставлять людям радость. Признаюсь, завистникам я мало приносила радости. А интриги — это обидно, и даже очень. Любой человек на это обращает внимание. Я не исключение.

— Не от этих ли интриг приключались ваши бессонницы?

— Не только от них. Когда мы начали ездить на гастроли по миру, то никак не могли приспособиться к скачкам времени. По-московски — ночь, а там, где-то, день. Чтобы танцевать, надо поспать, и мы глотали снотворное. В одной Японии я была 35 раз!

— Вы уже почти японка! Они вам памятник должны поставить.

— *(Смеется.)* Какие-то общества Плисецкой у них уже есть. Зимой собираюсь отправиться в тридцать шестое путешествие туда — там тоже планируют фестиваль. Так что путешествия отучили меня спать, и теперь я боюсь — не усну — и принимаю снотворное. Есть анекдот: «Доктор, я страдаю бессонницей». — «А что вы делаете, чтобы заснуть?» — «Я считаю». — «До скольких вы считаете?» — «До трех». — «Ну, так быстро засыпаете?» — «Иногда в четыре». Сколько мне ни говори, что снотворные опасны, я с детства неслух: говорят — нельзя, я слушаю и все равно делаю по-своему.

— Чем вы себя ограждаете от хамского наскока дураков, особенно кем-то науськанных?

— Отвечаю им одной фразой: оставайтесь непоколебимо убежденными в своей правоте.

— В тексте Мериме Кармен не столь совершенна, как в вашем танце: в каждом жесте, в повороте головы — сама гордость и страсть. В ней — победная артистическая выразительность. Вы Кармен открыли в себе?

— Я ее так понимаю. Играю искренне. Конечно, как Альберто Алонсо поставил, он ведь мог решить ее образ как в опере, на полном серьезе. А я даже классику танцевала с юмором. Иначе скучно. А Кармен в опере делают эдакой вамп. Наша с Алонсо Кармен издевалась, смеялась и испытывала партнеров. Тореро ей был просто интересен — что это за тип? Хосе она очень хорошо знала. Есть там сцена «По дороге в тюрьму». Алонсо поставил ее

очень выразительно. Там каждый шаг, взгляд что-то значат. Если это исполнить, роль получится! Я играла и смотрела на реакцию партнеров: схулиганю и смотрю на него. Испанским зрителям это очень понравилось. И в зале раздалось «оле!». Я жила в спектакле страстями, которые чувствовала в Кармен. Мне и рассказ Мериме очень нравился, не могу сказать чем. О музыке Бизе я всю жизнь думала. Когда я увидела у нас в Ледовом дворце спектакль «Кармен» кубинского балета в постановке Алонсо, я просто упала со стула от изумления. И сказала, как Таня Ларина: «Это он!» Побежала за кулисы к Альберто. Мы еще не были знакомы. Влетела и с ходу: «Альберто, вы хотите для меня поставить «Кармен»?» — «Я об этом мечтаю», — сказал балетмейстер.

— *А как с музыкой балета?*

— Я о ней просила сначала Шостаковича. Он занят был, почесал затылок и произнес: «Я Бизе боюсь». Это отпало. Я к Хачатуряну. Он сделал круглые глаза и ушел от ответа. Альберто специально приехал в Москву — ему, кубинцу, сделали визу. Не будь Фиделя Кастро, нам бы и не снилась «Кармен»: иностранцев в Большой к творчеству не допускали. У Алонсо уже было готовое либретто. Щедрин прочел его и посоветовал, *что* взять из Бизе. Начали ставить. Не получалось! Что-то выходило, но чаще с музыкой совершенно не совпадало. Мы с Тореро разревелись, пришли к Щедрину с жалобой: «Что нам делать?» — «Ну ладно, приду я к вам на репетицию», — сказал Щедрин. Пришел, посмотрел. «Очень интересно, — сказал с улыбкой. — Ладно, не плачьте…» За 20 дней он сделал аранжировку. Теперь эта пьеса, «Кармен-сюита», — самая популярная в мире. Ее играют 365 дней в году — или балет, или просто оркестр, или запись. Думаю, Жоржик был бы доволен озорным превращением своей оперы в балет.

— *Вы, Майя Михайловна, вдохновляете мужчин, и они создают для вас и в вашу честь замечательные творения. Интересно, какие душевные порыва Анны Карениной в балете Щедрина вас не только увлекли, но и потрясли?*

— В «Анне» я играю не себя, а то, как я представляю себе эту женщину, ее сложный характер, ее любовь и загнанность. Марина Цветаева сказала проще: «За исполнение всех своих желаний она легла на рельсы». Может быть, так и есть?

— *В эпиграфе Толстого к роману — та же мысль: «Мне отмщение, и аз воздам».*

— Да, это означает: я сама себе воздам.

— *Майя Михайловна, изменилось ли с годами ваше понимание счастья?*

— С годами мы все осмысливаем свой путь. Я все больше

ценю свое счастье. Раньше некогда было даже обернуться, чтобы поразмышлять. Любуясь итальянской старинной скульптурой на домах, я вдруг воскликнула однажды: «Ой, как она быстро повернулась!» Мне показалось, что скульптура живая, а я всего лишь поглядела на нее под другим углом.

— Великая скульптура бессмертна.

— И прекрасная живопись, и музыка, и вообще настоящее искусство нетленно.

— А несравненная Плисецкая бывает самоедкой?

— Всегда!!! Истинная правда. Я все время себя казню и ругаю за ошибки.

— Майя Михайловна, вы с Родионом Константиновичем не работаете в шоу-бизнесе. В других странах вы стали бы миллионерами. А вы живете скромно. В чем ваше богатство?

— Не уверена, что в драгоценных вещах — счастье. Можно бешено разбогатеть и быть несчастным. Мне кажется, у человека не должно быть ничего сверхлишнего. И кроме того, это страшно отягощает. Представьте себе: ну был бы у нас большой и дорогой дом. Ведь его надо содержать, за ним трудно ухаживать, необходимо иметь большой штат работников. Зачем? Когда-то давно Люся Зыкина сказала мне свою мудрость: «И с собой не возьмешь, и за тобой не понесут».

— Ваши поклонники стараются поразить вас оригинальностью подношений. Какие подарки вас особенно порадовали и вдохновили?

— Самый драгоценный подарок моего мужа Родиона Щедрина — балет «Дама с собачкой» к моему дню рождения. Не забыть подарок Нуриева — розы огненного цвета, такой цвет я видела впервые; или огромную охапку фантастических пионов в круглой, как аквариум, вазе Жаклин Кеннеди. И великий подарок к юбилею от Мориса Бежара — танцевальный номер на музыку Баха — Гуно «Ave Maria». Он назвал его «Ave Майя».

— При встрече с Родионом Константиновичем чувствуешь, как на тебя изливается внутренняя теплота и его благорасположение. Вы могли бы сказать о его человеческой породе?

— О своем муже неудобно говорить. Нескромно.

— Будьте хоть раз за всю беседу нескромной.

— Знаете, он один на всем белом свете — в чистоте и честности, совершенно кристален, как чистое стеклышко. За пазухой не держит ни к кому ничего дурного. Поскольку он откровенен, то нажил много врагов. Говорит не за спиной человека, что он о нем думает, а в лицо. Никогда не лукавит, не притворяется. Он не станет говорить мило с неприятным ему человеком. Это исключается. Он с министрами очень строг.

— Майя Михайловна, что вы сами себе пожелаете?

— Должна сказать: я счастлива, что дожила до того, что можно все делать и задуманное воплотить. 20 ноября в Кремлевском дворце будет вечер в мою честь. Увижу на сцене все то, о чем я даже не смела мечтать. Правда, я еще не обо всех сюрпризах знаю, держат в секрете. Но мне достаточно, что будет мой любимый брейк-данс Da Boogie Crew. Это же настоящая новинка. Будут китайские шаолиньские монахи-акробаты, — такое даже во сне не могло прийти в голову! А еще прославленный ансамбль Моисеева. Рада увидеть Хоакина Кортеса, испанского танцовщика, со своей труппой, молодых солистов Большого, Мариинского, Королевского балета. О танцовщицах-кореянках можно сказать «ах!». Наши замечательные звезды, танцовщики из Аргентины, Бразилии, Англии… Дрожу от нетерпения. Для этого вечера мне прислал три платья Жан-Поль Готье — на выбор. В одном я появлюсь на этом вечере.

Родион Константинович Щедрин со всей откровенностью сказал о жене:

— Майя себя физически не перетруждала, не насиловала свое тело, свои мышцы, свои суставы. Об этом свидетельствуют ее коллеги. И при такой лености достигла всего. Всю свою жизнь, каждый год, каждый месяц и день, она делала все против своей карьеры и против себя. И все-таки выстояла, несмотря на парадоксальность своего поведения и сопротивления обстоятельствам, победила. Я радуюсь этому бесконечно и счастлив. Старательности в ней нет. В ней — природа, природа, природа. Исключительно Бог одарил ее артистизмом, замечательными физическими данными. Слава Богу, она не погубила эти задатки и воплотила в наилучшем виде. Сомнения не вызывает: Майя — великая женщина, ее женственность — в каждом жесте, слове, интонации, поведении — во всем.

18 ноября 2005 г.

Два рыжих гения любви

Родион Щедрин: «Мы уверены — это Бог нас свел»

Композитор милостью Божией и великая балерина, Родион Щедрин и Майя Плисецкая, полвека живут в любви и согласии, и к нам иногда доходит теплый свет их нежных муз. Год Щедрина, объявленный ЮНЕСКО, достиг вершины в России. Блистательные концерты к 70-летию Родиона Константиновича стали музыкальным посланием в будущее. А сам прославленный юбиляр при нашей встрече воскликнул: «Я никогда не забуду, что первая публикация обо мне появилась в "Московском комсомольце"». Ее автор — Александр Рекемчук.

Много лет назад в их московской квартире я брала интервью у Родиона Константиновича. С тех пор почти ничего не изменилось: в передней — огромное, во всю стену, зеркало. Напротив — массивное круглое. По углам холла те же высокие застекленные «этажи» с коллекцией Майиных игрушек. Круглый стол раздвинут: на нем бумажные следы только что прерванной работы. Майя отлучилась ненадолго. Родион репетировал в своей студии рядом. Мы с музыкальными помощницами Майи пьем чай на кухне, где все по-старинному просто, без современных модных предметов. В 4 часа, как было условлено, влетела на кухню Майя в роскошном брючном костюме от Кардена, где черноту ткани прожигают хризолитового свечения круги. Сияющая, готовая к выходу, Майя по-домашнему легко включается в разговор о пустяках. И никакой звездности, и никакого обременительного груза лет. Она все та же Майя! И вблизи — сама легкость и свет.

Родион после репетиции вошел возбужденный, быстрый — времени в обрез, и он сразу провел меня по трехкомнатным жилым апартаментам.

— Видите, как все по-походному разбросано!

Распахнуты чемоданы, смотаны ковры. И какие! Каждый — реликвия: они от великого французского художника Фернана Леже с его броской яркостью. На стене — керамическое чудо работы Пикассо. Его подарок. А рядом — керамический цветной пласт Леже. Много книг. И хотя наши гении живут то в Мюнхене, то в Литве, навсегда родной для них остается квартира на Тверской.

— Родион Константинович, что-то я не вижу у вас Шагала?

— Шагал много раз рисовал Майю. Знаменитое панно в

Метрополитен он писал с нее.

Майя . У него там танцующие фигуры, и одна из них я.

— Сколько продолжалось ваше позирование?

— Ну, несколько часов. И он хотел, чтобы мы танцевали.

Родион . И не под сухую… А вот живописный портрет Майи. Писал Фонвизин. А эти два — работы Голенца. Талантливый художник, армянин по рождению, приехал тогда из Парижа и страшно бедствовал. Нас с ним познакомил академик Артемий Исаакович Алиханян. Человек заботливый, он привел художника к нам. А с академиком мы часто играли в покер, поскольку были из одной компании покеристов. И мы заказали Голенцу Майин портрет. Терпеливая, она ему долго позировала. Голенц написал три. Один портрет купил Аркадий Райкин и повесил у себя дома. Художник раньше Майю не видел, а как вдохновенно выразил и ее пластику, и характер. На этой стене раньше висел Шагал. Эту вещь он для меня рисовал. Теперь я ее не вижу, куда-то домашние переложили. Шагалов у нас много. Что-то уже отдали в Государственный литературный архив. И вообще живописи было гораздо больше у нас. Что-то подарили, что-то забрали с собой в Литву.

— Вы бывали у Марка Захаровича Шагала дома в Париже?

— Везде бывали, в том числе в Сан-Поль де Вансе. Теперь там, недалеко от Ниццы, его музей. И, конечно, часто бывали у него в Париже, вблизи собора Парижской Богоматери. Кстати, у него дома царил такой же, как теперь у нас, беспорядок — все в развале.

— Зато видно: здесь люди не прокисают и не посвящают жизнь поддержанию комфорта.

— Чего уж нет — того нет.

— Родион Константинович, в 43-м году, в свои 11 лет, вы убежали из дома — на фронт…

— Было такое. Бегал два раза. И не один, а с приятелем Мишей Готлибом. Хотелось доблести. Бежали спасать Отечество. Но первый раз недалеко ушли. Вокзал строго охранялся войсками, и нас поймали. На следующий день опять решили попробовать. Переспали на какой-то лестнице. Было холодно и неприятно… Добрался я даже до Кронштадта.

— Родителей вы сильно переполошили?

— Со мной им никакого сладу не было. И они рискнули отправить мои документы в Нахимовское училище. Меня уже готовились туда зачислить, но, на мое счастье, видно, Господь помог, на Большой Грузинской открыли хоровое училище под руководством Свешникова. Интернат соответствовал Нахимовскому. Воспитатели — все военные. Дисциплина

железная. Но что мне пришлось особенно по душе — на концертах мы выступали в мундирчиках с золотыми пуговичками. И казалось, что ты уже защищаешь Родину. Так, без уговоров папы и мамы, я увлекся музыкой.

— Расскажите про свою маму.

— Что теперь рассказывать? Мама моя, Конкордия Ивановна, недавно умерла. Она была, слава Богу, долгожительницей. Умерла в 92. Когда она жаловалась на самочувствие, я говорил ей: «Мама, надо дотянуть до XXI века. Держись!» — «Держусь!» — уверяла она. Но 5 декабря 1999 года мама умерла. Вчера, в трехлетие ее кончины, мы вспоминали ее… Пирожки она пекла замечательные, холодец отличный варила. На дни рождения, на Рождество, на Пасху она особенно старалась угостить нас повкуснее. Мама была чрезвычайно верующей. Ведь мой дед, ее отец Иван Герасимович, был священником. Она соблюдала все православные праздники. А мой отец Константин Михайлович тоже воспитывался в духовной семинарии и обучился всем премудростям, но он был более свободным в вере.

— Ваши озорные частушки, с народного языка слетевшие, придают вашим сочинениям перченую остроту. Наверное, вы сами в молодости могли лихую частушку отмочить?

— У меня жизнь так сложилась: родился в Москве, а лето проводил на Оке. Отец мой был сыном священника в Тульской губернии. Усердие и просвещенность деда отметили и направили его в город Алексин священником — это 200 верст от Москвы. Дом, где его поселили, стоит до сих пор. Там до недавнего времени жила моя тетка — Дина Алексеевна. Сейчас-то она у нас. Мы договорились с местной властью, чтобы на этом доме установили мемориальную доску. Мы оплатим…

История моего отца прелюбопытная. Алексин стоит на Оке. Место прелестное. Но советская власть изгадила город, замусорила. Построенный химкомбинат все отравил. Когда ветер повернет с той стороны — хоть противогаз надевай… Когда я последний раз там побывал — боль перехватила грудь. До революции интеллигенция туда приезжала на отдых. Году в 1910-м, летом, пожаловали артисты Малого театра. А отец и два его брата были от природы очень музыкальны. Всего-то их было семеро братьев. И все имели духовное образование. А эти трое стали профессиональными музыкантами. Один мой дядя, профессор, виолончелист, всю жизнь играл в оркестре. Второй был хормейстером. Отец играл на скрипке. Мог играть на всех инструментах. Его одаренность и феноменальную музыкальную память заметила знаменитая актриса Вера Николаевна Пашенная. Великого сердца женщина на свои деньги привезла его в Москву.

А ведь на лошадях надо было ехать до Серпухова, оттуда на поезде. Или на пароходе плыть от Алексина в столицу. Показала она Костю Щедрина ректору Московской консерватории — знаменитому композитору Ипполитову-Иванову. У доброй женщины на все нашлось время. Композитора поразила одаренность мальчика, и его приняли на подготовительный курс. Пашенная два года содержала талантливого студента на свои деньги. В 1917 году Константин Щедрин закончил консерваторию, вернулся в Алексин и основал там музыкальную школу.

— Знаю, что два его брата при Сталине погибли.

— Репрессированные не были музыкантами. Но над всеми братьями висела смертельная опасность.

— Вы, московский мальчик, любили бывать в Алексине?

— Летом меня всегда привозили. Ехали на лошадях. Я там еще застал подлинный народный музыкальный дух. Звонили колокола, и под этот звон народ выпивал, а потом веселился. Частушки я слышал не по радио — своими ушами. До сих пор помню эти чудные пьяные песни. Я бы мог их спеть, но они такие, что меня за них сразу арестуют.

— Мальчик Родька часто влюблялся в девчонок?

— Конечно, в девочек влюблялся. Моя сексуальная ориентация совершенно определенная. *(Смеется.)* Я с большинством — не с меньшинством. Много влюблялся — и в Алексине, и всюду.

— В молодые свои композиторские годы с одной вечеринки вы увезли красавицу Майю. Заранее разработали сценарий увода?

— И так и не так. Познакомились мы с ней в доме у Лили Брик, куда меня привела любовь к раннему Маяковскому. Все у него наизусть знаю, гениальные стихи. Литератор Александр Липовский, видя мою помешанность на Маяковском, познакомил меня с Володей Котовым, уже приходившим на Лилины вечеринки. Кстати, это с ним мы сочинили известную песню «Не кочегары мы, не плотники…» Я написал к фильму «Высота» музыку, а Володя потом подтекстовал к песне слова. Песня жива до сих пор. Даже рокеры иногда кончают ею свой выход. Так вот. Привел меня Володя к Лиле Брик с Катаняном. К тому времени я написал нечто по Маяковскому. И долбанул им «Левый марш», а потом знаменитую «По морям, играя, носится с миноносцем миноносица…»

— «Как взревет медноголосина: «Растакая миноносина!»

— Литературная богема заставляла меня играть «Левый марш» в каждый мой визит, а при нашем уходе ночью Лиля Юрьевна и Василий Абгарович совали нам деньги на такси.

Конечно, на такси мы не ездили — чаще шли пешком… Потом я написал музыку к пьесе «Они знали Маяковского». Она шла в Александринке, а Черкасов играл поэта. Представьте, художником спектакля был сам Александр Григорьевич Тышлер! Потом в Большом он тоже оформил мою оперу «Не только любовь». С великим Тышлером я работал три раза в жизни. С ним делал «Мистерию-Буфф», когда Маяковского стали возрождать. Плучек ставил «Мистерию», но не в здании Сатиры, а на Малой Бронной. Замечательная постановка! Тышлера я очень люблю. Однажды в Питсбурге мне сказали, что у одной тамошней коллекционерши 18 или 20 Тышлеров.

— Но вдова его, Флора Яковлевна, старалась ничего не продавать.

— Я тоже не поверил! И сказал: «Отведите меня к ней. Я хочу видеть своими глазами: а вдруг это не Тышлер». Мы приехали, и я увидел гениальные рисунки Тышлера. Эта понимающая особа хранила их со всей скрупулезной тщательностью.

— Родион Константинович, любимый Тышлер нас увлек от Майи.

— Возвращаемся. За фильм «Высота» мне заплатили очень хорошие деньги. Фильм имел большой успех. Я купил себе машину — «Победу» серого цвета. На машинах по Москве тогда мало кто ездил. На вечере нашего первого знакомства у Лили Брик я увидел Жерара Филипа с женой. При разъезде гостей французов повезла в гостиницу поджидавшая их машина. А я повез Майю к ее дому. Но не сразу начался наш роман. Она меня попросила записать музыку Чарли Чаплина — хотела это станцевать. Но не станцевала, и я на нее обиделся… Встретились мы уже в Большом, где пошла моя опера «Не только любовь».

— К*огда вы бываете в разлуке, что с вами происходит?*

— Мы каждый день переговариваемся по телефону. Разоряемся на этом. Такого нет дня, чтобы мы не созвонились, даже если она в Новой Зеландии.

— Перебрасываете любовный мост через материки?

— Да, разговариваем с любого расстояния, хотя бы по пейджеру.

— Для Майи творят костюмы лучшие кутюрье. У кого одевается Родион Щедрин?

— Специально ни у кого не одеваюсь и по магазинам не хожу. Мы дружим с Карденом. Он же Майе сделал царские подарки. Во всех своих спектаклях Плисецкая танцевала в костюмах Кардена. О его авторстве запрещено было даже упоминать в программке. Раньше Карден нас часто одаривал. Но нам уже неудобно у него брать. Сейчас, когда мы бываем в Париже, то идем в его бутик,

где нас все знают. Что-то покупаем. Ему исполнилось 80 лет. Он совершенно такой же — себя не щадящий, мятущийся путешественник. Подвижный, улыбчивый. У него великолепная генетика. Сестра его умерла в 98 лет. Он ведь не француз — итальянец. Это по культуре он француз. Майю одевает только Карден, даже ежедневную одежду, скажем, пальто, делает он.

— За границей у вас случаются королевские приемы. В чем вы на них блистаете?

— Например, Слава Ростропович по случаю своего юбилея устроил главный ужин в Букингемском дворце. Там были короли и королевы Европы. Я пришел в черном смокинге by Pierre Cardin, а Майя — в очень красивом черном платье от Кардена. В присутствии английской королевы иначе нельзя. Был принц Чарлз, был испанский король…

— Его величество проявил внимание к Майе?

— Ну конечно. Она в Испании работала. У них с королем хорошие, добрые отношения. При встрече целуются.

— Майя сама царственна. Когда она на сцене под восторженные крики зрителей уплывала за кулисы, вас не мучили сомнения — вот сейчас «утанцует» к другому гению?

— Нет-нет. Не мучил себя ревностью. Мы были уверены — это Бог нас свел.

— Размолвки случаются, чтоб день-другой вы были в сумрачном молчании?

— Нам и без них хорошо. Женился я тайно, без родительского благословения. Лишь однажды пригласил моего дядю-москвича познакомиться с Майей. Приехал он с большим тортом. Я помогал ему распаковывать — и мы вывалили торт прямо на ковер. И все растеклось. Он мне и говорит: «Вот сейчас молодая жена даст нам жизни!» — «Да она даже не среагирует». — «Ты ври, да знай же меру!» Майя опаздывала. Вошла: «Ой, торт провалили…» Дядя был потрясен и сказал мне с облегчением: «Вдвойне поздравляю». Другой мой дядя, Михал Михалыч, приехал из Тулы, позвонил по телефону: «Позови меня. Скажу сразу — истеричка она или не истеричка». Познакомился и наедине заулыбался: «Поздравляю. Она нормальная баба».

— Вы сочиняли для Майи балеты. А романсы в ее честь не напевали?

— Я посвятил ей музыкальную пьесу «Подражание Альбенису». Посвящал фортепьянный концерт, оперу «Не только любовь».

— Родион Константинович, вы хорошо знали Шостаковича. Расскажите о нем.

— Он знал меня с девяти лет. Когда мы с мамой были в

эвакуации в Куйбышеве, часто мучились от голода. Бывало, застывая на морозе, разыскивал на картофельном поле мороженые клубни. Что-то приносил. Потом к нам приехал отец, когда поправился после контузии. В это время организовали Союз композиторов, и Шостакович стал первым председателем. Ответственным секретарем стал мой отец. Гений Шостаковича вполне соотносим с его человеческим гением. Редчайший случай. Стольким людям он помог, оказал содействие в тяжелые решающие минуты. Сердобольный, участливый, он никогда не изображал надменного гения. Не стану называть его современников, которые на вопрос к ним: «Можно я вам позвоню?» — лукаво хитрили: «Я не помню своего телефона». Шостакович был идеальным человеком. Истинный интеллигент. Думаю, таким же был и Чехов.

— По мнению Иосифа Бродского, «Чехов метафизичен, он всего лишь врачеватель во всех смыслах». Он считал, что Чехову «недостает душевной агрессии».

— Бесплодны подобные дискуссии. Они показывают не лицо Чехова, а того, кто судит о нем. Не причисляю себя к адептам Бродского. А к Чехову отношусь с величайшей любовью. О Чехове-человеке можно судить по его огромной переписке, и не только с братом.

— Вы как-то высказали парадоксальную мысль: «Гений — это термоядерная мощь, которая пробьет все». В ком вы ощущаете такую силу?

— В Шостаковиче. Он преодолел все. Несколько близких его родственников были расстреляны. Тухачевский, с которым композитор был дружен, был единственным, кто вступился в его защиту в ответ на гнусные выпады против композитора. Когда Шостакович приезжал в Москву, он останавливался в квартире Зинаиды Райх и Мейерхольда, которого тоже потом убили. Видите, великий человек весь был окружен расстрельными людьми. Его долбали во всех газетах. Только термоядерное, сверхчеловеческое чувство внутренней свободы защищало его, и он написал такие великие произведения. Как его не расстреляли за Восьмую симфонию? Как его не повесили за Десятую? Как не отправили в Сибирь за Четвертую?.. И при этом дали пять Сталинских премий. Не берусь судить, я тогда был ребенком, возможно, он уцелел потому, что Сталин имел духовное образование и в музыке, наверное, что-то понимал. Он же ходил в оперу, смотрел балет. Когда услышал александровский гимн, то произнес поразительную фразу: «Это плохо инструментовано. Надо инструментовать как Вагнер». Это факт — не придумка. Ну конечно, Сталин любил играть в «кошки-мышки». Об этом тоже

надо помнить.

— А из современников кто вам близок?

— Обожаю Андрея Вознесенского. Мне дорога и понятна его поэзия — будоражит меня всего. Знаю его наизусть. Очень люблю Белочку Ахмадулину и Борю Мессерера. Белла — гениальная женщина. Всегда ее боготворю. С Мессерером мы вместе работали. По всему миру идет «Кармен-сюита» в его классической сценографии.

— Принес ли вам какую-то приятную неожиданность ваш фестиваль?

— Принес, принес — просто именины сердца. Абсолютную радость. Как говорил Роберт Шуман: «Композитору нужны две вещи — воздух и похвалы». Все это было на моих концертах и в Петербурге, и в Москве.

— Ч *ем вас вдохновила «Лолита»?*

— Хотя Набоков написал ее по-английски, но на русский он перевел роман сам. И как выразителен его язык. «Лолиту» постарались свести к педофильской теме. Для меня эта книга не с одним дном. В ней много по-настоящему неразгаданных тайн.

— Вас когда-нибудь предавали те, кому вы доверяли?

— Предавали. Достаточно серьезно. Люди, которые были мне близки и кому я верил, оказались абсолютными конъюнктурщиками невысокого полета.

— Могут ли в России изменить все к лучшему жертвенники, альтруисты, придя к власти: не станут воровать, а пожертвуют собой ради народного блага?

— Я однажды был донкихотом — входил в Межрегиональную депутатскую группу. Там было много интересных людей. Все было захватывающе. Но предполагаемое не свершилось. Все повернулось в другую сторону. А нынче жертвенники совсем перевелись.

— А это правда, что вы в Мюнхене не купили, а просто снимаете квартиру?

— Снимаем. Двухкомнатную, меблированную. С постелью.

— Никакого собственного стиля?

— Никакого. Я там работаю. Как композитор, я там себя лучше чувствую: в городе Вагнера уважают твои авторские права. Хорошо издают сочинения. Город этот люблю. Он красив, полон зелени. Там прекрасное баварское пиво. Любое! Я уже разбираюсь — нужно пить только из бочки, не из бутылок. В нашем квартале 32 ресторана. Мне в Москве этого не хватает. Куда пойти? В прокуренный ресторан, где с тебя потребуют страшные доллары за бутылку вина?

— Родион Константинович, в Москве еще не забыли о вашей

увлеченности футболом. В Германии вы ходите на стадион?

— Очень редко ходим на матчи. Но команду «Бавария» знаем.

— Можно сравнить уровень класса клубных команд наших и германских?

— Там класс гораздо выше. Они смелее играют, потому что знают: спортивная медицина их вытащит, спасет. А наши играют с оглядкой. Наша медицина в этой области реабилитирует потерпевшего с трудом. И в этой трусости, в страхе получить травму наши футболисты играют слабее. Врачи у нас есть гениальные. Но помимо нужна техническая, лекарственная база…

— Майя ходит с вами на футбол?

— Всегда. Она неистовая, отчаянная болельщица.

— Вы сами не играли на поле?

— Сейчас еще играю. Недавно в игре упал, повредил левое плечо — теперь за инструментом эта травма дает о себе знать.

— Вы заядлый рыболов. Говорили мне когда-то, что при случае можете прокормить семью рыбой. Как там, в Мюнхене, с рыбной ловлей?

— Немцы очень законопослушные. А потому часто можно увидеть на реке, на озере почти ирреальную картину: стоит человек до пуза в воде. Стоит долго. Вдруг выдергивает рыбку. Берет измеритель и прикладывает к рыбьему телу: доросла ли рыба до нужного размера. В Германии суровый закон: если хоть на сантиметр рыбка меньше предусмотренной длины, выпусти ее сразу в воду, иначе будешь отвечать за браконьерство. Такой спорт не для меня.

— Расскажите про свой литовский дом. Вы его построили сами?

— Мы купили старый каменный. Нам Литва не чужая, ведь оттуда род Плисецких. Дом был в плохом состоянии. Мы его утеплили. В течение нескольких лет что-то реставрируем, ремонтируем. До конца жизни забот хватит. Наш дом стоит у озера. Зимой и летом там рыбу ловить — просто удовольствие! Встал с постели — и прямо к воде.

— Майя составляет вам компанию на рыбалке?

— Иногда. Зимой из проруби таскает окуньков.

— Сырую рыбку едите?

— Ели. Полчаса можно ее продержать в лимончике зеленом, едком, добавить перчику. Вкуснота!

— На одной из ваших карточек вы стоите в окружении никелированных кастрюль.

— Редко сам готовлю. Майя умеет — и хорошо, и быстро. В общем, мы быта не боимся, он нас не ссорит, не сердит.

— В литовском раздолье какую живность завели?

— Мы очень любим собак. У нас их две. Немецкая овчарка — помесь с волком, по кличке Шамиль, обожает Майю. Подойдет к ней, привалится к ногам своей девяностокилограммовой массой и ждет ласки. Шамиль живет на улице, в большом и высоком вольере. Когда Майя его кормит, берет кусочки осторожно, еле прикасаясь. Воспитанный! Моя любимица Аста, ротвейлер, — умница, просто собакочеловек. Все понимает. Зову ее к себе на второй этаж в кабинет: «Пойдем музыку писать». Поднимется наверх, ляжет и наблюдает. А поздно вечером, стоит мне сказать ей: «Спать, спать», — тут же идет вниз, к своей постели.

— Мне рассказывала ваша домоправительница Наталья, что у вашего озера творится настоящая мистика: к Майе прилетают лебеди.

— Удивительно — но прилетают. 20 ноября, в день рождения Майи, когда мы были в Мюнхене, Наталья позвонила и сказала: «Майя, к вам лебеди прилетели. Я взяла бинокль и посчитала. Их было 16». Летом лебеди подплывают к Майе, и она их кормит с руки.

Жизнь Родиона и Майи — это адажио: два рыжих гения любви одни на берегу.

В старинном доме с Портосом

Михаил Шемякин: «Я лицо кавказской национальности»

Он терпеть не может торжественных слов. Мировая знаменитость, Шемякин отвык от имени-отчества: «Зовите меня просто Миша». В его скульптуре под Нью-Йорком, около университета Хофстра, Платон беседует с Сократом. Петр Первый, одобренный королевской семьей, стоит в пригороде Лондона, в пяти минутах ходьбы от Гринвича. В Петре скульптор воплотил молодую мечту и надежду царя. Внутренняя лава самого художника никогда не застывает. Его лицо и руки в шрамах наших отечественных ударов. Из-за бешеного темпа жизни ему некогда сибаритствовать и стареть. Зато сколько он успевает сделать.

На этот раз в Москве он появился на одно мгновение. Мне позвонила Сара, близкая подруга и самоотверженная помощница Михаила Шемякина. Я страшно обрадовалась: не видела Мишу года два, а тут он в «Президент-отеле» и ждет меня… В вестибюле меня встретила Сара, а Миша остался в номере, где телевизионщики Первого канала снимали сюжет о песне Владимира Высоцкого «Очи черные». А вот и он. Мы обнялись. Шемякин еще не держал в руках мою книгу «Великие и ужасные», где среди других знаменитостей — большое интервью с ним. Он тут же прочел мой автограф: «Фантастически талантливому мастеру», — и, улыбаясь саркастически, заметил: «Ну уж это слишком. Но спасибо».

Нигде в мире не пострадали скульптуры Шемякина, а в Петербурге и Москве вандалы, возможно, провокационно и с чьего-то науськивания, разрушают творения Мастера. В столице, на Болотной площади, тщетно пытаются уберечь от бесчинства замечательную трагическую композицию «Дети — жертвы пороков взрослых». Подобный позор немыслим ни в одной цивилизованной стране. Этот жестокий вандализм больно ранит художника.

— Миша, вас редко видим в Москве. Устали от больших маршрутов?

— Удается приехать раз в год, да и то иногда. Трудны теперь не перелеты, хотя и они тяжелы, но проверки в связи с терроризмом. Пассажирам приходится переносить обыски, обязательное появление вблизи и около фигур с автоматами. В Штатах непременно обшаривают всех пассажиров. Овчарки обнюхивают. Бррр! Вспоминаешь с тоской то время, когда провожающим позволялось пройти чуть ли не к трапу самолета.

— В мире — и там, и здесь, и повсюду — многое изменилось. Что нас так принизило и напрягает?

— Ой, Наташенька! Как говорил Мефистофель в «Фаусте» Гете: «Из бочки вытекло. Осталась лишь бурда, и дело близится к финалу». *(Смеется, как ночной гость Фауста.)* Это он сказал о тех далеких, еще романтических временах. А что нам остается сказать о сегодняшних? Все идет, как говорится, по программе Божией.

— Жизнь действительно непредсказуема Хочется человеку в трудной ситуации опереться на что-то светлое — пусть на воспоминания о детстве, юности. Какая пора согревает вашу душу?

— Детство у меня было страшное. Не на эти детские видения я опираюсь, потому что мой отец к тому времени стал алкоголиком. Его гульба была для семьи тяжела. А если учесть, что он осознавал себя джигитом, то мое детство, к великому горю, было залито водкой и кровью. Если с нежностью что-то вспоминаю, так это юношеские годы, когда я покинул отчий дом. И приехал в Ленинград приобщаться к изобразительному искусству, знакомиться с мастерами. Мне радостно было начать самостоятельную жизнь вдали от шума и скандалов родителей. Я с радостью прикасался к азам искусства. Хотелось больше рисовать, много писать красками. Всегда вспоминаю с удовольствием бедные, но романтические года юности.

— Юный Шемякин, наверное, учился и страсти нежной — влюблялся, страдал?

— Кто из юношей не был влюблен! Я очень рано влюбился и… женился. В 21 год стал отцом — родилась моя дочь Доротея. Жили мы в коммунальной квартире, как у Владимира Высоцкого: «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». В нашей квартире проживало 38 человек с одной уборной. Шумные, буйные, открытые, в основном дальнобойщики. Когда возвращались, много пили, бузили. Шум, вонь, грязь — всего этого было с избытком. Растить нам дочку было сложно, но мы с Ревеккой растили. В юности все кажется преодолимым. Это сейчас начинаешь сильно переживать по тому или иному поводу. А тогда все казалось простым, достижимым, а радость ждала впереди. Воспоминания молодости поддерживают меня.

— В России вы бываете по творческой необходимости. Тем острее открывается вам наша сегодняшняя сермяжная жизнь. Какова она, на взгляд живущего в Америке?

— Пусть я живу в Америке, но принадлежу к той стране, которая всегда находится, мягко выражаясь, в состоянии тяжелого беспокойства. С ужасом вижу, что происходит с молодежью.

Вспоминаю пророческие слова Солженицына, сказанные в начале перестройки. Обращены эти слова к новым демократам. Тогда великий маэстро справедливо заметил, что если еще раз вы, господа, обманете население, а в основном молодежь, то от будущего вы сами же вздрогнете. Даю вольный пересказ его мысли, но ту газету, где я прочел это удивительное предостережение, храню в США среди важнейших документов.

К сожалению, пророчество великого писателя сбывается. И это не радует душу и не греет. Очень, очень все тревожно. Я остаюсь сыном России, остаюсь русским художником и лицом кавказской национальности: не перестаю гордиться тем, что принадлежу по отцу к старинному кабардинскому роду Кардановых. Недавно вернулся оттуда, из Нальчика, полный впечатлений. Встречался с творческой молодежью, наполнился ее тревогами.

В это время отель покидали телеоператоры Первого канала, и Шемякин, приветствуя их, пошутил:

— Несу, как говорил мой знакомый поэт, «тяжкое бремя славы». Все нормально — надо работать. Кто не работает, тот не ест. Вот молодая красивая журналистка, а пашет как!

— *Миша, ваша собственная дочь тоже пашет?*

— Знаете, есть такая пословица: «Яблоко от яблони недалеко падает». Но есть и другая, ее адресуют обычно детям известных людей: «На детях талантливых людей природа отдыхает». В нашем случае природа потрудилась и яблочко от дерева не откатилось. Доротея занимается тоже изобразительным искусством с юных лет — скульптурой, оформлением книг. Сейчас она заключила контракт с издательством «Вита-Нова» — будет иллюстрировать знаменитый роман «Голем» Густава Мейринка, написанный им в Праге. Суперсерьезный проект. Ей предстоит огромная работа — создать серию рисунков и пастелей. Я тоже заключил с этим издательством контракт на 43 иллюстрации к тому стихотворений Владимира Высоцкого. Туда войдут и мои воспоминания о нем, и редкие фотографии, стихи и поэмы, посвященные мне, факсимильные листы — в нашу парижскую жизнь он дарил мне оригиналы своих новых стихов.

— *Надеюсь, ваши парижские воспоминания остались украшением вашей жизни?*

— С Парижем у меня связано очень многое. Безумно люблю Париж. Люблю Францию. Прибыл туда двадцатисемилетним. Десять лет парижского бытия стали продолжением моей юности.

— *Высоцкий влюбился в Марину Влади, а вы в кого?*

— Конечно, я тоже влюбился. Но влюбляюсь я сразу всерьез и

надолго. С той француженкой, в которую был влюблен и с которой был крепко связан, я не разлучался 25 лет. К сожалению, она умерла десять лет назад. Слишком много курила, много работала вместе со мной. Ее имя тоже очень известное. Она дочь очень большой фигуры во французской литературе и художественной жизни — Луиса де Вильморена. Элен вместе со мной уехала в Америку. Я очень ее любил и ценил.

— Вы рисовали ее портреты?

— Рисовал. В первом моем томе есть и рисунки, и ее фотографии, и ее работы. Она ведь тоже была художницей, окончила французскую Академию художеств.

— На каком языке объяснялись?

— На немецком. Потом частично по-французски. Ее мама была известной писательницей, красавицей — она появлялась на обложках журналов. Ее замок и парк стали достоянием Франции. Мама Элен — из семейства знаменитых королевских ботаников Вильморен. В тех местах торгуют пальмами, зеленью, растениями. Эта семья многие годы общалась с художниками. Двоюродный дядя Элен — знаменитый, мною любимый художник Тулуз-Лотрек.

— Тулуз-Лотрек многими любим. Недавно в Париже я общалась с художником Сергеем Чепиком. Он тоже любит Лотрека, и по его примеру много рисовал «Мулен Руж» и его артистов.

— Да, Чепик — замечательный художник. Кстати, он тоже заключил контракт с «Вита-Нова» на иллюстрацию какой-то большой вещи.

— Скажите, Сара появилась в вашем доме еще при Элен?

— Да, еще тогда. Элен понимала, как много мне помогает Сара. Ревность у нее появилась, но рассудок привел к равновесию чувств. Позже, когда ее совсем подкосила эмфизема легких и она уже не могла помогать в доме, Элен мне сказала: «Береги Сару». Мне часто приходится жить в сумасшедших ритмах, и поэтому шагать со мной очень сложно.

— В течение нескольких лет наблюдаю редкую и самоотверженную преданность Сары неугомонному Шемякину. Ее русский язык — прекрасен!

— А какого мужества эта женщина! Она не побоялась лететь со мной в Афганистан в опаснейшее время. Она же бывала и в боевом афганском лагере Хекматиара. И в Пакистан я отговаривал ее ехать. Она твердо сказала: «Я ни за что не отпущу тебя одного!» Страшное это было путешествие. Просто чудо, что мы вернулись с ней живыми. Посол Воронцов, который в свое время был послом в Афганистане, при встрече со мной за

несколько часов до отлета отговаривал нас от этой поездки. А мы были тогда связаны с правительством, с Министерством обороны: разговор шел о спасении советских военнопленных. И мы с Сарой услышали: «Знаем, насколько эта поездка опасна. Надеемся, что вы вернетесь живыми».

— Господь вас хранил.

— Хранил и Господь, и святой Иоанн Кронштадтский, покровитель нашей семьи. Мой прадед, Панфил Васильевич Лаптев, был его другом. Они вместе служили в соборе Кронштадта. Иоанн крестил мою бабушку и многих моих родственников. На днях я был в Петербурге, в музее его имени, и мне там предложили участвовать в кинопроекте создания фильма, посвященного этому почитаемому святому. У нас в семье передавали из уст в уста его благословение. Он обещал моему прадеду, что будет охранять десять его поколений. Подарил Иоанн Панфилу Васильевичу дом двухэтажный в Мартышкине, на берегу Финского залива. Во время революции дом у нас отобрали, но он сохранился. Там живут люди в радости и на просьбу продать дом отвечают: «В этом доме такая благодать! Никогда в жизни ни за какие деньги его не продадим». Мама, услышав этот ответ, заплакала и ушла.

— В Америке кто оберегает ваш дом? Ремонт завершили?

— Все у нас нормально. Наш ремонт бесконечный. Денег нет. Там всегда живут мои друзья американцы, помогают, следят за садом.

— А что в саду растет?

— Деревья разные, несколько яблонь, но плодоносят они редко и скупо. Но парк у нас красивый, со скульптурами. Там есть и мои, и французов. Есть одна скульптура Михаила Константиновича Аникушина (мы с ним дружили) — он подарил мне в свое время Чехова. Так что получился парк интернациональный.

— Есть у вас любимый уголок в парке?

— Растет у нас громадный дуб — ему 360 лет. Люблю скамейку в тени этого громадного свидетеля веков, где любила сидеть моя мама. Она в парке этом похоронена. У могилы мамы мне необходимо иногда побывать, подумать. К сожалению, слишком много времени мы проводим в самолетах. В прошлом году в нашем доме в Клавераке я отсутствовал целых полгода. «Клаверак» со староголландского означает «Клеверное поле». У нас просто по колено растет клевер — немыслимой густоты.

— А какие птицы носятся над клеверным привольем?

— У нас живет очень красивое семейство воронов. В течение многих лет наблюдаю, как они выращивают своих воронят.

Семейство разрастается. Когда начинают кружить над ними ястребы и коршуны, семейство отчаянно и смело защищает свою территорию. Громадные хищные птицы несутся прочь, почти заклеванные нашими воронами.

— Замечательные характеры!

— Да, да! Я их обожаю!

— По вашим рассказам знаю ваших собак. Кто сейчас вас радует?

— Мы мечтаем завести очередную партию собак. К сожалению, сейчас из-за вечных отъездов мы себя ограничиваем в этом удовольствии. Живет у нас ньюфаундленд Портос, довольно старый, громадный. Эта махина обожает лежать на снегу. Лед ли, вода ли — он всегда блаженствует в прохладе.

— Закаленный?

— Да эта порода не может жить в доме. Он ведь рожден в холодном Ньюфаундленде. Оттуда к нам и прибыл. Есть у нас и еще один замечательный персонаж — годовалая изящная и подвижная собачка, — бостонский терьер Бип.

— Да вы же еще и кошатники.

— У нас их семь штук, и все с именами. У каждой свой характер. Многих мы взяли из приюта. В Америке хорошие приюты для животных. Там не бегают, как здесь, бездомные животные. В Петербурге множество бездомных собак. В Москве — меньше. Слава Богу, здесь мэр замечательный! Есть у нас громадный енотовый кот. Однажды брел он по дороге, за городом. Его увидели и привезли к нам. Пилигрим прижился, получил имя Бродяга и теперь никуда из дома не стремится. Растет у нас кот Петр Первый, Петруша. У него абсолютно круглая голова с усами. Этого шотландского вислоухого мы купили в Петербурге. Поистине королевское явление!

На самом деле король среди наших животных и всеобщий любимец уникальной породы — мутант с измененным геном Е. В 50-е годы родились мутанты с египетскими пропорциями от простых котов. У них тонкий хвост и кучерявая шерсть. Я полез в свои архивы и нашел фотографию одной редчайшей гробницы, где отпечатан рисунок именно такого кота. Те же пропорции, рыжий цвет и шерсть кучерявой волной. Генетически вернулись эти коты из времен Древнего Египта. Наш кот необычайный умница.

— Наверное, посланец космоса?

— Да они относятся к породе сфинкс. У моего друга Анвара Алибабова, руководителя театра «Лицедеи», есть настоящий сфинкс, в тех же пропорциях, но, правда, без шерсти. Анвару он и без шерсти нравится.

— Миша, ваши руки сейчас больше тянутся к рисунку или к скульптуре?

— Очень много работаю над большим проектом, одобренным президентом России. Мы с ним встречались летом в Калининграде на 750-летии города. Повсюду висели плакаты «750-летие Калининграда». Я выступил там по телевидению и воскликнул: «Побойтесь Бога, как может быть граду с приставкой «Калинин» 750 лет?» Мне ответили — дескать, так решено было в Кремле. Но сидят там люди умные и хитрые. Сомневаюсь, что именно они скомандовали отнять дату у древнего города, безобразно пренебрегая его историей. Путин открывал там памятную доску: университету города присвоили имя великого философа Канта. Как выяснилось, не только я люблю его, но и Владимир Владимирович. Вот так-то. Там я показал свои эскизы памятника Гофману, ведь Гофман родился в Кёнигсберге. Этот проект мой был одобрен и Шрёдером, и Путиным. И мне сказали, что они сами будут вести и поддерживать этот проект. Памятник будет установлен там, где теперь стоит камень со словами: «Здесь стоял дом, в котором родился и жил Гофман». Там есть музыкальная школа имени Гофмана, великий сказочник был еще и композитором.

— Прошел слух, что вы работаете над мультфильмом «Гофманиада».

— По этой причине я приехал в Москву. Мысль о создании этого фильма пришла в голову совершенно замечательному человеку, Акопу Киракосяну. Это будет девяностоминутный анимационный кукольный фильм по моим рисункам с музыкой композитора Шандора Калаша. Пока мы делаем маленький фильм-проект на 17 минут. После него будем искать спонсоров. Вряд ли государство выделит на этот проект нужные деньги. У российского государства на культурные проекты никогда нет денег. На закупку клубов, яхт они наличествуют. Громадные деньги охотно вывозят из страны за границу. Экономика и культура подождут.

Однажды некая газета крупным шрифтом выделила слова президента: «Россия — богатая страна с бедным народом». А почему он беден? Одна часть обворовывает народ и захлебывается в черной икре, а другая остается с тощим пузом и голой задницей и думает, как зиму перезимовать и не замерзнуть. Путин, как летописец Нестор, фиксирует, что происходит в стране: «Меньше всего россияне доверяют своим правоохранительным органам». А дальше? Ну тогда сделай что-то, чтоб доверяли!

— Давно хочется спросить: почему же президент все еще

доверяет своим министрам, не раз принимавшим позорные решения?

— Министры — это стена, очень хорошо прикормленная. А потому они к президенту не допускают никого, кто мог бы представить свой серьезный проект. Он же окружен каменным забором из чиновников.

— С Шемякина требовали мзду, чтоб посодействовать встрече с президентом?

— Да они же знают, у меня денег нет. Но нельзя же допустить, чтоб Шемякин бесплатно ходил к президенту.

— Миша, у вас в Мариинском еще один балет появился по Гофману — «Волшебный орех».

— Недавно была в Петербурге премьера по моему сценарию с музыкой Сергея Слонимского. Но я только что вернулся с другой премьеры — трех одноактных балетов в Софии: «Весна священная» Игоря Стравинского, «Кроткая» по Достоевскому с музыкой Рахманинова и «Метафизический балет» со Второй симфонией Прокофьева. Я создал новую концепцию «Весны священной» — моя дань этому замечательному композитору. Я был знаком с Игорем Стравинским. В 62-м году три дня провел с ним в Петербурге. Это был первый его приезд после эмиграции, но он был еще бодрее многих молодых. Приезжал Стравинский с очень солидной дамой — своей женой, она в свое время была супругой Судейкина. Эта дама почти не говорила и очень много курила, а Игорь был шустрый, очень гофманский, со старинными русскими прибаутками. Балетом «Весна священная» я давно занимаюсь: выполнил шесть литографий на тему балета, сделал портрет Стравинского, есть он у меня и в скульптуре, и в графике. Когда я сегодня говорю, что у меня хранится письмо от Игоря Федоровича Стравинского, на меня смотрят с изумлением: а сколько, мол, вам лет? Да, Стравинскому было тогда уже много лет, но он и в преклонном возрасте прекрасно дирижировал.

— Да, Миша, вы вошли в гипнотическое состояние самого Дягилева, который приложил столько усилий к постановке этого балета Стравинского.

— Всё так. Но Дягилев давно покоится на кладбище в Венеции. Недалеко от него лег Стравинский, а потом и Бродский.

— Скажите, если будет все складываться счастливо, когда вы покажете свой анимационный фильм «Гофманиада»?

— Куклы уже вовсю делают на «Союзмультфильме». Творческая группа оттуда приезжала ко мне в Америку, они жили у меня, и мы вместе работали. Мы уже презентовали четырехминутную часть, и вместе с ней у творческой группы родилась надежда, что найдется щедрый спонсор на этот

головокружительный проект.

8 апреля 2006 г.

Тяжко в театре абсурда

Михаил Шемякин: «Господа дорогие, до чего же мы докатились!»

Недавно в Кремле президент Медведев вручил орден Дружбы знаменитому художнику и скульптору Михаилу Шемякину, чьи работы хорошо знает цивилизованный мир. В его личной жизни произошли крупные изменения: перебрался из США в центр Франции. Обустраивается в Шато де Шамуссо.

Этот замок начал свое существование в XII веке, потом достраивался и перестраивался аж до XIX века. Знаменитый архитектор Виолле ле Дюк использовал в реставрации имитацию древней готики. Я приехала к Шемякину в «Президент-отель». Меня встретила Сара, его давний близкий друг и помощник. В ожидании Михаила мы поговорили о том о сем.

Переезд

— Сара, как же вы расстались с Америкой, с таким обжитым гнездом в Клавераке?

— С грустью. Мы были очень счастливы в Америке. Но пришло время переселиться в Европу — очень тяжело часто летать через океан, а по ряду творческих причин Шемякину нужно находиться в Европе.

— У вас же была там огромная библиотека…

— Мы перевезли 19 огромных контейнеров на теплоходах. Это было очень мучительно. Бригада целый месяц их паковала, набивала нашим скарбом. Нам очень помогла сестра Михаила Татьяна — она часто жила у нас в Америке. Каким-то чудом самые ценные вещи и картины не пострадали.

— Как вы поступили со своими котами и собаками?

— Животные сами на самолет не сядут. Пришлось приглашать знакомых, покупать им путевки в Париж. Мы привезли семь котов и пять собак.

Наконец появился быстрый, почти летящий, Шемякин. Мы обнялись — не виделись года три. Время подходило к половине двенадцатого, а он еще ничего не ел. Поджидавшая его чашка чая так и осталась остывать, пока мы говорили.

Им не до искусства

— Миша, вы, наверное, и в Кремле ничего не выпили?

— Нет, нет Я вообще не пью. Давно, лет 16, в рот не беру ничего. «С этим делом мы покончили давно», — пел Высоцкий. В прошлом мы были совсем не аскеты *(смеется)*.

— Вам, гражданину мира, какой показалась Россия вблизи?

— По-моему, Россия опять в каком-то смутном брожении. Для людей искусства сейчас наступили тяжелые времена. На собственном опыте это испытываю. Сколько бы я ни пытался что-нибудь значительное сделать, на практике превращается в абсурдную неразбериху.

— Вы долго работали над памятником великому Гофману. Какова его судьба?

— Вначале к этой моей идее отнеслись с эффектным энтузиазмом. Мы встретились в Калининграде, где родился великий сказочник. Да и я там фактически вырастал, но тогда город чаще называли Кёнигсбергом. Я показал проект памятника Путину и Колю: это портрет Гофмана в окружении его Музы и персонажей. Путин, увидев мои эскизы, мне показалось, вдохновился и произнес: «Этот памятник буду сам опекать». А Коль по-дружески воскликнул: «Нет, я буду опекать». Пошутили, повеселились, поснимались на память. И мы расстались. Через некоторое время мне позвонил Боос: «Звонил ваш друг…» — «Какой?» — спросил я. Он засмеялся: «Владимир Владимирович Путин поинтересовался, как продвигается памятник. А я ничего про него не знаю». И Боос пригласил меня приехать к нему побеседовать: «Все выясним и определим место для него».

Прилетел я туда. Мы бродили по городу вместе с калининградскими архитекторами, вглядывались в несколько площадок. Нашли место, где лежит скромный камушек с надписью: «Здесь стоял когда-то дом Эрнста Теодора Гофмана». Меня обрадовали слова Бооса о том, что он решает денежный вопрос со Швыдким. Но проект забуксовал. Масса бумаг, встреч, говорильни. Никаких денег я не получил. Но я еще верил президенту Путину. И, естественно, памятник начал делать. Вложил колоссальный труд и время. Весь монумент сейчас в гипсе. Его фотографии я отправил через кремлевских сотрудников Путину, тогда еще президенту. Ответа никакого не последовало. Денег тоже. И стоит памятник замороженный.

— Складывается впечатление, что в кругах, близких к правительству, к президенту, у вас есть влиятельные недоброжелатели. Сочувствую вам, Михаил, и Путин уже не президент, и Коль давно не канцлер. Наверное, оба великосветски уступили друг другу опеку памятника. Но у вас ведь было еще одно приключение, в Подмосковье?

— Аппарат Громова заказал мне большую скульптуру, посвященную трагедии матерей и вдов. Чиновники меня торопили: скульптура важна была для укрепления рейтинга Громова. Заключили договор со мной. А когда я выполнил работу, равнодушно мне было сказано: мы не заказывали вам скульптуру.

А контракт назвали недействительным, поскольку бумаги готовили люди, слабо связанные с кабинетом Громова. Возникла гротескная ситуация. Громов кричал: «Я ничего не заказывал!» А у меня бумаги с его подписью — «Одобряю». И вот памятник стоит в моей мастерской в Америке, в Клавераке.

— В каком месте должны были поставить скульптуру?

— В Мытищах. Место мы выбрали. У меня есть фотография, где мы стоим с сотрудниками кабинета Громова: снимаем, обмеряем, говорим, какие деревья надо перенести, чтобы памятник был виден… Потом те же люди безответственно разводят руками, будто ничего не заказывали, будто все это померещилось.

Что за жизнь в родном краю

— Миша, переезд во Францию вас, наверное, вымотал и прибавил энергии. Вы такой легкий, упругий, как новая пружина.

— Переезд был очень сложен. Но Клаверак мы не бросили совсем — сохранили. Предлагаю российскому правительству сделать на нашей территории, в нашем здании, художественный центр. Там к тому же и большой музыкальный центр. Место окружено университетами, где происходят фестивали. С этим предложением я обратился к Швыдкому. Но он с великой радостью мне сказал, разводя пухлыми ручками: «Денег в государстве нет». Складывается впечатление, что Россия одна из беднейших стран. Просто нищая.

В этой земле вся таблица Менделеева. А народ живет в такой нищете, которую можно сравнить только с Африкой. Оскудение сегодняшней России приходится сравнивать с тем заведением, куда я в молодости насильно был помещен, — с сумасшедшим домом. У людей здесь нет ощущения, что они живут в собственной стране. И самое печальное: чем старше становится человек, тем больше он не защищен. На какие шиши русский человек может лечиться?

Октябрьская революция нанесла немыслимый урон нации, ее генофонду. Уничтожены дворяне, купцы, мыслящая интеллигенция, работоспособные, думающие люди. Революцию свершали во имя народа! А теперь без всякого мирового юридического права какие-то охламоны с благословения властей получили, прибрали к рукам богатства недр земли и все, что нация создала за 74 года советской власти. На этом народном богатстве жируют искусственные миллиардеры. Просто бред.

— Нас в те времена учили высокой нравственности.

— Да, в нашу молодость мы усвоили советы наших воспитателей и мечтали о будущем человечества. Нам внушали:

думать о деньгах низко, недостойно человека. А нынче бизнес, золотой телец вытесняют искусство. Так на телевидении, так в печати. Реклама осточертела, она агрессивно-навязчива: беги, хватай, успевай — подешевело.

— Но ничто не дешевеет. Вот у вас на тарелочке три бутерброда с кусочками красной рыбы на троих. Сколько за штуку?

— Да просто позор на весь мир. В Питере, в «Астории», бутерброд стоит от 19 до 21 доллара. Здесь чуть-чуть подешевле. А если еще прибавить чашечку кофе, потребуется четверть вашей получки. Так что по-одесски можно пожелать своему врагу, чтобы он жил на одну зарплату. Люди начинают крутиться. И слабые духом нарушают закон. Само государство ничтожными зарплатами толкает людей к преступлению. Думаю, российская власть будет вновь сочинять поправки к законам, чтобы любым способом защитить наворованное богатство миллиардеров.

В советское время — уже без сталинских репрессий — были курорты для рабочих, детские сады, бесплатные школы и вузы. Если начальник или ответственный чиновник недостойно себя повел, то ему говорили: «Партбилет на стол!» Он от страха и стыда пускал себе пулю в лоб или другим способом уходил из жизни. Сейчас отсутствует понятие морали.

— Вы заметили, что с трибун уже не произносят слова «рабочий класс», «народ»?

— А черт с ними, что о них думать? Какое им дело до народа! У них за границей собственность, счета в банке, виллы, дети учатся в престижных университетах. При всех минусах советской системы простому народу при социализме было надежней. Он знал — живет у себя в государстве, не возьмут его за шкирку и не выбросят из квартиры.

Недавно мы были на Северном Кавказе и посмотрели правительственные дачи советских времен. Такие простенькие, даже убогие. Новые русские в такие домики даже своих домработниц не поселят. А в них жила советская элита.

Должна же наконец Россия очнуться. Сколько же можно постоянно ей находиться в сложнейших переходных периодах.

— Еще одна страшная драма. По официальным данным, у нас более двух миллионов детей, не умеющих читать. И это в стране, где 20 лет назад была всеобщая грамотность.

— Польская кинематографистка, учившаяся во ВГИКе, сделала свою дипломную работу именно о бездомных детях, живущих в неиспользуемых тоннелях метро. Они голые ходят среди банок, мусора! Они не то что не умеют читать — наверное, уже говорить не могут. Я видел отдельные куски из этого фильма. Он был выдвинут на «Оскара». Таинственные силы сделали все,

чтобы не показать, — нельзя позорить Россию. А надо бы его показать здесь, чтоб наконец прогремел тревожный и жесткий вопрос: господа дорогие, до чего же мы докатились! Меня, например, иногда спрашивают, почему в моем фонде висит портрет Феликса Дзержинского. Я говорю: прежде всего потому, что Феликс заботился о беспризорных. Поэтому я стараюсь помочь в образовании молодежи.

— В Петербурге наступление новых русских вылилось в скандал: вопреки воле большинства, собираются выстроить чудовище-небоскреб. Как вы к этому относитесь?

— Это позорный факт. Строительство обойдется в фантастические миллиарды! Пустить бы эти доллары на образование. Дутым миллиардерам ничего не стоит изуродовать прекрасный город. Когда я, Сокуров, Гранин выступили открыто против разрушения классического стиля Петербурга, нас назвали защитниками мертвого города. Это город Пушкина, Белинского, Достоевского! А любители «живого» города — подумать только! — планируют снести все и настроить отелей. Их трогает только приток бабла.

Хороший город Ханты-Мансийск

— Миша, поговорим о хорошем. Обживая свое поместье во Франции, почувствовали себя князем Кардановым?

— Это смешно. Ситуация с этим замком XII века та же самая, какая была в Америке, в Клавераке: эти старинные дома были школами. Много сил потребуется, чтобы все омолодить. Но хорошо одно — возле них остались какие-то лаборатории, театральные помещения. Но самое главное, теперь у нас есть персональная библиотека-лаборатория в тысячу квадратных метров. Пятнадцатого ноября я принимаю русских аспирантов из Ханты-Мансийска. Очень верю в глубинку.

В Ханты-Мансийске замечательный губернатор Югры Александр Васильевич Филипенко фактически сотворил чудо: в тундре, в вечной мерзлоте, соорудил из бронзы памятник мамонтам. Он выстроил суперсовременный по архитектуре город. У них есть даже Центр одаренных детей Севера.

— Вы с ним знакомы?

— Очень интересно получилось. Поздно ночью у меня раздался звонок — позвонил весьма веселый Валера Гергиев: «Миша, я попал в сказочное место. Здесь чудо: посреди вековых елей высится современный город с колоссальным музыкальным театром, где я сейчас дирижировал. Тебе нужно посетить Ханты-Мансийск и что-то сделать для города».

Вот сейчас мы ведем переговоры. Губернатор захотел, чтобы я создал художественно-архитектурный ансамбль для Центра

кукольного искусства. Вместе с молодым и талантливым архитектором Асей Мидовой мы создали проект, наполненный сказочными фигурами. Там несколько площадок для театра кукол, смешанного с латерна-магикой, с «Волшебным фонарем». Там и Музей кукольного искусства, и творческие лаборатории для создания спектаклей. Проект уникальный. Но разразился кризис и на этот уникальный проект губернатор не получил высшего благословения. Проект заморожен, хотя мы с Асей участвовали в конкурсе «Золотое сечение» со своим проектом и выиграли.

— Это же рывок к творческому воспитанию молодежи Севера.

— Я сейчас передал этот проект кремлевским работникам. Если он дойдет до президента и премьера, то, очень надеюсь, будет одобрен. И тогда у губернатора будут развязаны руки. А пока он ищет спонсоров для создания уникального Центра искусств в городе романтичного северного сияния. Создание этого проекта прославит меценатов больше, чем самая грандиозная и самая шикарная яхта.

Шато де Шамуссо

— Что задумали свершить в замке?

— Пока пытаюсь добыть деньги, чтобы выстроить скульптурно-живописную мастерскую. Идею образования молодежи ставлю во главу угла. В библиотеке у меня будут заниматься студенты и аспиранты. Мы там продолжаем делать фильмы для канала «Культура». Уже сделал восемь.

— Я помню первые ваши картины. В них захватывающие сюжеты и бездна неизвестных фактов. Ваш комментарий и собственный парадоксальный угол зрения столь неожиданны и остры, что чувствуешь себя осчастливленным зрителем.

— Но, к великому сожалению, их показывают очень поздно, ночью, когда на других каналах гонят порнуху. А нормальные люди в это время спят.

— А как вы разыскали Шато де Шамуссо?

— Искали 15 лет. Приехали. От одного внутреннего вида волосы поднимались дыбом. Кстати, замок стоит дешевле, чем квартира в Москве. Но в его ремонт и совершенствование надо вложить столько, что на всю жизнь забот хватит. Земля во Франции стоит не очень дорого.

— У нас найдутся любопытные и спросят: «А где Шемякин деньги взял?»

— Не первый год я в изобразительном искусстве. Иногда осуществляю крупные скульптурные проекты. Не забывайте: французское правительство мне помогло. Почетно для той области, где я теперь живу, что Шемякин поселился в их краю.

— Наши читатели, возможно, не знают, что вас наградили во

Франции крестом «Рыцарь искусства».

— Это Министерство культуры Франции проявило доброту ко мне.

— Знаменитый русский художник Олег Целков тоже где-то во французской провинции живет. Встречаетесь?

— Очень редко — на каких-то выставках в Париже. Сейчас я работаю с великим мимом и замечательным человеком Вячеславом Полуниным. Он часто приезжает с супругой к нам в замок, а мы посещаем его знаменитую мельницу, где он создал Академию клоунов. Это недалеко от французского Диснейленда. Частый наш гость — Антон Адасинский, создатель и руководитель театра «Дерево». Мы работаем с ним над проектом «Гофманиада». Интересно фантазирует с пленкой замечательный экспериментатор в области кино Паша Самченко. Недавно мы снимали с ним у нас в замке, а потом поехали к Полунину, там есть речка. Дом его уникален. Каждая комната имеет свое художественное решение. Например, комната великана, комната престарелых родителей. Все с редким юмором. Ворота ему выполнил замечательный мастер — сам Резо Габриадзе. Каждый гость в это поместье что-то вносит.

— У его мельницы сохранились крылья?

— Нет, зато есть плотина и в речке рыба. Они ловят рыбу, высунув удочку из окна. Представьте — коптят собственных угрей.

— Близ вашего шато есть речка?

— Протекает речка Андр. Живем мы в области Берри, где до принятия христианства кельты выбирали своего короля. Символом короля был медведь. Так и закрепилось — Берри. Здесь сохранилась традиционная медицина, тайны которой передавали друиды из поколения в поколение. В этих местах религия друидов сохранилась.

— Внешне они не демонстрируют особенности своего верования?

— Нет. Правда, по определенным дням совершают что-то мистическое.

— Это, конечно, своеобразный театр.

— Я с ними не сталкивался. Хотя вся наша жизнь — это театр. Но чаще театр абсурда.

21 ноября 2009 г.

Козел на саксе

Алексей Козлов: «Тяжело в России непьющему человеку…»

Кто он — Алексей Козлов? Архитектор и теоретик-дизайнер, он с отвагой рыцаря ушел в музыку, в джаз, стал блистательным профессионалом, обрел мировую известность. Он создатель и руководитель ансамбля «Арсенал», автор сложнейших аранжировок классики, композитор. Недавно прославленному саксофонисту присвоили звание народного артиста за уникальность таланта и блестящее исполнительское искусство.

Он автор книги о роке и тома интересных мемуаров, где воссоздал живой портрет молодого поколения 50 — 60-х годов. В нищей Москве они умудрялись доставать пижонские шмотки: блейзер, рубашки битн-даун, невообразимые туфли «с разговорами», джинсу. Вечером выходили на «Бродвей», кадрили девиц, вели забавную ночную жизнь. Вот одна характерная сценка: «Считалось, если ты настоящий чувак, то ты не должен просто так отпустить чувиху с «процесса», что ты не позволишь ей «скрутить динамо»… Так вот такая «динамистка», после «кира» и «плясок», усыпляла бдительность своего ухажера, позволяя ему очень много, что не оставляло сомнения в успешном финале. В какой-то момент она вдруг доверительно произносила фразу «подожди, я сейчас вернусь» с намеком на необходимость чего-то интимно-необходимого, выскальзывала из объятий, незаметно покидала «хату» и, взяв такси, сматывалась в неизвестном направлении. Обманутый любитель быстрой наживы обычно подвергался насмешкам со стороны друзей, страдая морально и физически. Мы называли это еще и «остаться с квадратными яйцами».

Таких вкусных подробностей в книге «Козел на саксе» немало.

— Алексей, кто придумал марку «Козел на саксе», по которой тебя узнают сразу?

— Вообще-то в этом виноват Саша Филиппенко. Это фрагмент из фельетона, который для него придумал Марк Розовский. Взял из спектакля Театра Станиславского «Взрослая дочь молодого человека», поставленного Анатолием Васильевым, где я был как бы музыкальным консультантом, рассказывал актерам про наш московский «Бродвей». Я это хорошо знал. Ни Алик Филозов, ни Эмик Виторган, ни Юра Гребенщиков этого уже не застали, а изображать из себя стиляг в спектакле помогал им я.

Мои рассказы Анатолий Васильев вставил в сценический текст Славкина, автора пьесы. Ну а фельетон стал читать Филиппенко.

— Тебя это обидело?

— Сначала вызвало досаду. Ну потом я понял, что с этим ничего не поделаешь. Это сочетание слов стало частью моей легенды.

— Ты не поколотил сгоряча Сашу?

— Мы с ним были в хороших отношениях. Но после «Козла» некоторое время я доставал его своими подшучиваниями. Обычно я ударяю словом.

— Ты начинал когда-то со старенького довоенного альт-саксофона. Теперь у тебя первоклассный инструмент, отливает золотом и солнцем. Откуда он?

— Это немецкий саксофон последней модели. На этом альте я теперь играю. Другого у меня нет.

— Инструмент стал голосом твоей души. Скажи, есть между вами какая-то тайная связь?

— На самом деле инструмент, на котором всю жизнь играешь, становится частью тела, просто-напросто. Когда я беру его в руки, он становится моими голосовыми связками, частью меня самого. Я его как бы и не замечаю. Это одна из высших степеней игры, когда не думаешь об инструменте.

— Сакс из магазина — он ведь иной?

— Новый — чужой. Стоит его немножко «раздуть», чтобы он структурировался под твои физические параметры, и он начинает звучать как тебе надо.

— Бывает у саксофона плохое настроение?

— Ты опять к мистике. Это саксофон мне подчиняется. Если у меня плохое настроение, он не звучит.

— В мире много хороших саксофонистов. Замечаю, не все стили и манеры игры российских саксофонистов ты принимаешь. Когда-то молодой Козлов виртуозно играл американский джаз. Что с тобой, ведь ты его не разлюбил?

— Ты правильно заметила особенность моего состояния. Я в нем нахожусь около 20 лет. Джаз из Америки пошел по Европе и достиг Советского Союза. Наши музыканты имели одно желание — научиться играть джаз фирменно. Это была первая задача. Мы мечтали об одном: научиться играть и умереть с этим.

— Знаю, твоей игрой восхищались сами американцы.

— Это увлечение американским джазом я прошел и подумал над другим: как научиться играть джаз не по-американски?

— Как найти свой стиль?

— Более того — как найти свою идеологию. Откуда брать это все? Вдруг я понял: если я буду играть традиционный джаз — би-

боп, хард-боп, авангардный джаз, — я из этих стандартов никуда не смогу вырваться; те же приемы, те же ходы. И тогда я сделал «Арсенал». Там можно было делать что хочешь, смешивать все. Брать классику, любой фольклор, фанк, рок и, конечно, джаз всех видов. Этот сплав позволил мне вырваться из цепей фирменной американской музыки.

— Ты пошел в сторону?

— Сейчас я нахожусь в таком состоянии, что просто не могу играть американский джаз. Мне это неинтересно.

— Пусть его играют другие, кто в этом обрел себя или идет к самому себе. Они ведь значительно моложе тебя!

— Ну и пусть они играют. У меня просто пальцы не шевелятся играть традиционный джаз.

— Ты себя просто загипнотизировал.

— Нет. Я поймал себя на мысли, что даже то, что обожал и играл — любимых моих композиторов, теперь не играю. С большим удовольствием играю свою музыку.

— В тебе поселилась композиторская страсть.

— Возможно. Я почувствовал, что музыка стала для меня не самоцелью, а средством не только самовыражения, но средством воздействия на людей. И тут я натолкнулся на неожиданную глухоту. Мою музыку, которая не похожа на американский джаз, не воспринимают ни критики, ни журналисты. Сейчас музыкальная критика полностью зависит от издателя. Из текста вычеркивается все серьезное. Издатель любит и ищет негатив, обязательно негатив — любит подперчить чтиво, облажать кого-то. Особый шик, если под обстрелом оказывается человек известный.

— Вступлюсь за издателей. Газеты и журналы конкурируют. И если читатель любит острые блюда, надо это блюдо уметь приготовить. Что в этих обстоятельствах делать музыканту с собственным стилем и направлением? Отвечу — создавать свое издание!

— Я бы с радостью издавал журнал или газету о джазе. Но сколько денег это стоит! Где найти щедрого спонсора, поклонника джаза? Ни одного такого журнала в Москве нет. Я согласился бы стать там редактором, но не могу найти инвесторов. Издание некоммерческое. Кто даст денег, если нет выгоды?

— Скажи, а какие чувства вызывают у тебя молодые музыкальные критики?

— Азартно ведут себя не особенно грамотные критики. Иные, как моськи, лают на слона, могут облажать Дэвиса, Лундстрема. Дешевая журналистика стала сейчас ну просто повальной.

Поэтому я опасаюсь давать интервью. Молодые выскочки ни черта не понимают ни в джазе, ни в его истории. Они, пожалуй, даже не слышали про страшные времена, как мы пробивали в СССР джаз. Они поливают кого угодно, хоть Дюка Эллингтона.

— Они, наверное, даже не знают, что Алексей Козлов играл вместе с Дюком…

— Да, эта деталь моей биографии внушает мне спокойствие. Она — моя внутренняя защита от мелких нападок. Встречаю иногда такие гадкие замечания в свой адрес от мальчиков, которые недавно на свет появились. Я играл и с Дэвидом Брубеком, и он специально присылал из Вашингтона женщину за моей аранжировкой пьесы «Take Five» для струнного квартета и саксофона. Ее исполнял квартет Дэвида Брубека. Я играл эту вещь в доме американского посла в Москве, и Брубек просто закричал от удовольствия: «Я никогда не слышал, чтобы можно было со скрипками так сыграть эту вещь». Моя аранжировка пошла к нему в музей.

— С кем ты тогда играл?

— С квартетом Шостаковича.

— Высочайший класс. Написать об этой музыке и об исполнительском искусстве квартета Шостаковича вместе с Алексеем Козловым не по зубам любителям позубоскалить. Однажды на концерте в ЦДЛ я открыла для себя совершенно нового Алексея Козлова — музыканта и композитора. Меня, филолога, потрясло, что ты посвятил большое произведение поэтам-обэриутам, гонимым и уничтоженным советской властью. Возможно, многие впервые услышали непонятное слово «обэриуты». Почему ты вдруг обратился к этой ныне экзотической теме?

— У меня много композиций, построенных на версиях сочинений великих классиков. Я сделал аранжировку для струнного квартета второго фортепианного концерта Рахманинова, аранжировки Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского, Глиэра, Равеля, Дебюсси… Это все мне близко и дорого. Потом я обратился к нашей поэтической истории, начал писать пьесы на тему «Незнакомки» Блока, а совсем недавно сделал циклы на стихи обэриутов — Заболоцкого и Олейникова. Один смешной, другой — трагичный. С этой программой, с моей музыкой, мы были в США, в Чикаго и еще в четырех городах. В первом отделении для бывших русских читал стихи обэриутов, говорил про их трагичную судьбу. Заболоцкий хоть и вернулся, но совсем больным. Там я понял: наши эмигранты не знают и не знали, кто такие обэриуты.

— Да и здесь, кроме филологов, о них не слышали.

— В советское время достать их можно было только в самиздате. Наконец-то моя романтическая мечта осуществилась — я написал музыку про этих уникальных людей.

— *Да, у них великолепная игра со словом…*

— Главное — их сюрреализм. Они продолжили идею Достоевского. У капитана Лебядкина в «Бесах» таракан попал в стакан, а у Олейникова — целый абсурдистский сюжет про этого таракана: «Таракан сидит в стакане. Лапку рыжую сосет. Он попался, он в капкане, и теперь он смерти ждет. Он печальными глазами на диван бросает взгляд, где с ножами, топорами, вивисекторы сидят. Таракан к стеклу прижался и глядит, едва дыша, он бы смерти не боялся, если б знал, что есть душа. Но наука доказала, что души не существует, что печенки, кости, сало — вот что душу образует. Есть всего лишь сочлененья, а потом соединенья. Против выпадов науки невозможно устоять. Таракан, сжимая руки, приготовился страдать…»

Алексей читает наизусть. А дальше продолжается потрясающий переход от озорства к трагическому.

— И за это с ними власть поступила со всей безумной жестокостью. Да и коллеги тоже их ненавидели, писали на них доносы.

— *В писательской среде доносы процветали. У музыкантов доносительство не пустило корни.*

— Когда началась новая волна эмиграции, я написал пьесу «Последний взгляд». Мы прощались с друзьями, словно их хоронили. «Арсенал» сейчас играет эту грустную музыку, и обходимся без фирменного джаза. Когда-то меня обвиняли, что я занимаюсь идеологической диверсией, играя джаз. И мы играли его с еще большим подъемом, зная, что американщина, как ржавчина, разъедает советскую идеологию. Сейчас, когда я слышу, как наши музыканты великолепно играют американский джаз, то ловлю себя на мысли: теперь у меня самого возникают такие чувства, как у тогдашних секретарей ЦК.

— *Это ужасно, Алексей!*

— Нет.

— *Почему же?*

— Убежден, американский джаз должен быть у нас как часть. Нельзя позволить, чтоб гибло наше творческое начало.

— *Да с какой стати одна музыка будет убивать другую? О чем ты?*

— Я об исполнительских возможностях. Классический американский джаз понятен и знаком всем. Поэтому его охотнее слушают, чем наше новое.

— Новое должно завоевать своего слушателя. Нельзя же во имя нового запретить знакомое и любимое!

— Вот! Теперь слушай: было бы замечательно, если бы давали ход всему.

— А кто запрещает?

— Люди с деньгами скорее будут вкладывать в американское.

— Их понять можно: деньги делают деньги.

— За что боролись, на то и напоролись. Этот перекос не только в культуре, но и в обычном — в сельском хозяйстве, в промышленности… Конечно, каким-нибудь партийным начальником я не стану никогда, но я играю теперь только свою музыку, российский джаз.

— И тебе хочется, чтобы и другие ее играли. Когда-нибудь сыграют: ты пишешь и для будущего.

— Как заметил волк у Крылова, «…Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

— Кстати, о тебе в Москве говорят, что ты очень неплохо зарабатываешь.

— Да я пекусь не только о себе. Я не нуждаюсь — заработал такую популярность, что она меня кормит. И «Арсенал» популярен. Я смотрю, как тяжело приходится людям, которых некому поддержать. Они дают мне слушать свои кассеты — потрясающая музыка! Сейчас новое не может пробиться сквозь этот асфальт.

— Во все времена молодые с трудом завоевывали свой успех, пока о них не скажет доброе слово кто-то из знаменитых. Вот ты, Алексей Козлов, саксофонист-классик, можешь не просто сочувствовать молодым, а помочь одному-двум встать на ноги?

— Пытаюсь помогать. Музыканты, которые меня окружают, все талантливые: Дмитрий Илугдин, Феликс Лахути…

— У него фамилия знаменитого поэта.

— Да этот перс — его дедушка! Потом — потрясающий музыкант Лев Слепнер. У него свой ансамбль. Он играет свою музыку. Но чем я всем могу помочь, если я сам еле выплываю?

— Ты счастливый музыкант. Твоему «Арсеналу» уже 30 лет. Его состав давно уже не тот.

— Это восьмой состав.

— Почему уходили музыканты?

— Я менял стиль, уходил от прежнего «Арсенала».

— Вы когда-то играли брейк-данс.

— Играли и брейк-данс, и хип-боп. От стиля фьюжн уже ушли, сейчас пришли к постмодернизму. С нами теперь выступают оперные певцы, классические музыканты.

— Кто из оперных пел с вами?

— Олеся Шерлинг и американский певец Хью Уинн.

— *Но ведь есть какая-то причина тому, что из «Арсенала» уходят инструменталисты?*

— Уходят, потому что не понимают, куда я двигаюсь. Они привыкли играть известные вещи. А я говорю: «Ребята, мы сейчас будем играть совсем другую музыку». Но им не хочется или не нравится. Они, настоящие профессионалы, хотят играть то, что они хорошо и добросовестно играют.

— *Алексей, внешне ты такой мастодонт, несгибаемый, могучий. А в музыке не терпишь застылости. От тебя еще не ушел некий романтизм. Откуда в тебе это?*

— С детства во мне поселилась непоседливость. Я не мог спокойно стоять в кроватке, а сейчас не могу стоять в очередях. И никогда не стоял. Даже у врача не переношу очереди. Лучше буду голодным, но в очередях не стану. Даже музыка при частом исполнении мне надоедает. Хочется все время нового. Эта черта характера неприятная и для меня, и для окружающих. Но с этим ничего поделать нельзя. В музыке я тоже не стою на месте.

— *В музыке ты меняешь стили. А в семейной жизни являешь образец постоянства — вашему браку с Лялей уже 30 лет. Что оберегает ваш союз? Любовь?*

— Любовь — расплывчатое понятие. Тут все гораздо шире. У нас просто мистически совпали все жизненные установки и не было повода, чтоб нам расстаться. В первой половине своей жизни я менял девушек довольно часто. Надоедали моментально. А здесь… *(Задумался.)*

— *Соединились половинки?*

— Мы живем без напряга, без мысли держаться друг за друга. Считаю, наша встреча с Лялей — подарок судьбы.

— *Встреча была случайной?*

— В 73-м году, когда я репетировал с «Арсеналом» в подвале ДК «Москворечье», туда пришли мои друзья — поэты Ассар Эппель и Юра Ряшенцев, привели сюда Лялю, аспирантку Института иностранных языков. Кто-то из них готовился за ней приударить. И я как ее увидел — и все!

— *И возникли сложности у женатого музыканта. Ведь первый брак был тоже по любви?*

— Да. Моя первая невеста и жена была студенткой консерватории, и я этим очень гордился. Она родила мне сына Сергея. Когда я встретил Лялю, что-то в ней, в нас пересилило…

— *Расскажи про сына.*

— Несколько лет назад он стал кинооператором и успел получить две «Ники». Сергей Козлов до отъезда в Америку снял несколько фильмов, в том числе «Дети чугунных богов» с

венгерским режиссером, работал с Денисом Евстигнеевым, с Кончаловским снял «Одиссею». Кстати, Сергей снимал первые наши клипы и рекламные ролики. Если ты помнишь серию его реклам банка «Империал».

— Великолепные миниатюры с элементом сюра и хорошей долей юмора и иронии. Такого таланта рекламы больше не существует.

— Через меня пытаются Сергея разыскать для каких-то новых рекламных проектов. Но это уже не для него.

— Ваш отец однажды выдал афоризм: «Гены сильнее разума».

— От отца я унаследовал это качество, но за него надо и приходится расплачиваться. Представь — я не могу соврать, не могу лицемерить. По моему лицу можно догадаться, как я отношусь к человеку.

— Не придумал себе маску?

— Просто стараюсь реже встречаться с неприятными мне людьми. Никакой дипломатичности в моем поведении!

— Ты должен страдать от этого.

— Страдаю постоянно. В России непьющему человеку очень плохо. Дружба с перспективой выгодных деловых отношений не для меня. Я не пью, не курю, не вписываюсь в общепринятый стандарт. Со сталинских времен пошло: кто не пил, становился подозрительным, и его убирали. Прямота моя людей настораживает. Один пример: я пытался давать взятку. Когда-то необходимость заставляла умасливать чиновника. Но у меня взятку не брали. Обычно я подсылал директрису. У нее получалось.

— Алексей, в книге ты достаточно откровенно пишешь о своих недостатках. Анализируя свою психологическую сущность, можешь назвать свой главный недостаток, который ты не смог преодолеть?

— Свой недостаток я знаю. Лень. Но вот что я понял: лень дана мне от природы не как порок, который надо преодолеть. Мой недостаток сослужил мне службу. Я учился в музыкальной школе, но играть гаммы мне было лень. Я бросил и увлекся джазом из-за лени. В музыке тобой управляет желание! Когда мне нужно что-то выучить, я предпочту сымпровизировать. Когда мне неинтересно, лень побеждает. И я говорю себе — не буду! А если же я чем-то увлечен, захвачен, то могу работать, не замечая времени. Такую радость мне сейчас доставляют мои компьютерные работы.

— Ты архитектор по образованию. Тебе удалось что-то построить?

— Меня сразу увлекла теория дизайна, теория творчества.

Это, кстати, мне помогло развить внутреннее видение.

— И дачу себе не построил?

— Нет. Сижу у себя в кабинете у компьютера.

— Ты меня прости, Алексей, тебя послушаешь и подумаешь, что твои музыкальные гены в твоем успехе ни при чем. Вот, дескать, ленился и стал знаменитым музыкантом. А люди должны знать, что твоя мама, Екатерина Ивановна Толченова, закончила консерваторию.

— Моя мама — уникальный человек; ей сейчас 97. Он внучка протодьякона Успенского собора в Кремле Ивана Григорьевича Полканова, известного в Москве священнослужителя. В 1919 году он умер — и таким образом избежал репрессий и преследований.

Я познакомилась о Екатериной Ивановной; она так хорошо улыбается — светло и чисто. И рассказчица отменная. Любит слушать музыку, была очень счастлива, увидев, что в книге «100 музыкантов» среди самых знаменитых стоит имя ее Алеши.

— Господин народный артист, в какую страну охотнее всего ездишь?

— Меня зовут, а мне не хочется. В Штатах я столько раз бывал, что уже лень мне туда ехать. Ведь ездить очень тяжело… Из европейских стран, как ни странно, больше всего мне понравилась Германия. А вот в Америке мне некомфортно: там нет обедов.

— Любишь поесть?

— Сейчас я на диете — у меня диабет. Случилось это недавно, и я стал интересоваться этой болезнью. Оказывается, многие джазмены умерли от диабета — например, Элла Фицджеральд.

— Как-то видела тебя с «Арсеналом» на ТВЦ, но так и не поняла, что же вы исполняли — ни комментария, ни бегущей строки.

— Джаз вообще показывают очень мало и с таким отношением, словно они тем самым делают нам подарок. При этом почти никогда не соблюдают авторских прав. У меня был смешной прецедент с каналом «Культура». Когда я выступал со струнным квартетом Шостаковича в Большом зале имени Чайковского, то увидел телекамеру и спросил режиссера Андрея Пряхина, знает ли он, что, если они это покажут без моего разрешения, я могу их разорить. Пряхин был смущен. Но я отходчив. Мы договорились о том, что они мне просто сделают копию, и они мне ее сделали. Я принципиально настаиваю, чтобы мне показывали запись, прежде чем она пойдет в эфир. Может

быть, мне что-то не понравилось в звуке или в собственном исполнении, и я мог бы забраковать данную запись или предложил вырезать из нее какой-то кусок. Имею я на это право?

— Возможно, если это не телерепортаж.

— Я говорю о фильме.

— Чем ты сейчас увлечен?

(Достает большую коробку дисков для компьютера.)

— Это называется «История джаза». В 32 дисках все стили, все! Здесь все биографии, фотографии основных создателей каждого стиля в джазе. Я раздобыл полнейшую информацию о джазе и превратил ее в электронный вариант. Сейчас работаю над серией «Инструменты в джазе»: труба, альт-саксофон, саксофон-тенор и другие. Их будет 18.

— Бесценная работа.

— Аналогом моих серий в мире нет. В Интернете у меня есть свой сайт «Музлаб» — музыкальная энциклопедия. Там еще и рок, и фанк. Председатель правления одного московского банка Олег Скворцов, мой поклонник, нашел меня сам, позвонил и предложил создать этот сайт. Моя задача — поддерживать и пополнять всю эту информацию.

— Можно поздравить любителей музыки — вместе с тобой они станут энциклопедистами. Скажи, на улице тебя узнают?

— Вот недавно иду на свой любимый Рижский рынок, навстречу человек среднего возраста, улыбается, рукой машет и говорит, как знакомому: «Козел на саксе?» Кивнул я ему, он как-то обрадованно поднял большой палец. К счастью, бывает такое нечасто, иначе это бы утомляло.

25 августа 2003 г.

Иерусалимский москвич

Писатель Анатолий Алексин: «Все мы, что греха таить, перед мамами в чем-нибудь виноваты»

Все свои произведения он посвятил юношеству, и до сих пор в этой среде он чувствует себя комфортно. Его герои вытворяют все, что им заблагорассудится. Его книжки и спектакли по его пьесам четырежды отмечены Государственными премиями СССР. Они изданы на 48 языках. А Япония выпустила собрание сочинений Алексина, Индия издала на хинди. Его имя внесено в Международный и Почетный список Х.К. Андерсена.

Больше 10 лет Анатолий Георгиевич Алексин живет в Израиле. В России бурно переиздаются его книги, но он не желает и не умеет их «пиарить». Только что вышла его книга «Смешилка — это я!». Кроме новой повести в нее вошли уже известные его вещи: «Очень страшные истории», «Покойник оживает и начинает действовать». А еще — «Необычайные похождения Севы Котлова». Его новая героиня Смешилка, гений подражания, влюбилась в старшеклассника и со сцены решила обыграть его покоряющие качества: «Глядя на него не отрываясь, в упор, я стала показывать, как он изящен и строен, как плюет на моих соперниц старшеклассниц, которые на него пялились…» А обернулось все посмешищем и разочарованием. Повесть остроумна и современна. А писателю уже за 80. И я рискнула позвонить Алексину в Тель-Авив.

— Анатолий Георгиевич, многие в России убеждены, что вы никуда не уезжали, а просто по скромности не появляетесь на литературных тусовках. Ваши книги издаются в Москве — значит, вы здесь!

— Моя душа находится в Москве. Я — русский писатель, живущий в другой столице. Уехать в Израиль нас принудила медицина: у меня — онкология, а моя жена Татьяна тоже перенесла тяжелую операцию. Здешняя медицина очень много сделала для улучшения нашего самочувствия. Я очень благодарен Израилю за то, что в течение ряда лет нам здесь помогают справиться с очень тяжелой болезнью.

— И наверное, вас поддерживают не только врачи, но и незатихающая ваша известность в мире.

— Да, и это тоже. Только что получил премию имени Януша Корчака. Дом его имени находится в Иерусалиме. Моя жизнь — это мои повести, мои рассказы. Меня радует, что они переведены

в разных странах.

— Вам нравится оформление ваших книг, вышедших в России?

— Очень. Полиграфически они безупречны. Я благодарен издательствам «АСТ», «Росспэн» и «Детская литература».

— Гонорар присылают?

— Да, да. Заключают договор, и все как полагается.

— Не так давно вы отмечали свое восьмидесятилетие. Какие мысли одолевали вас в те дни?

— С возрастом все чаще испытываешь необходимость принести покаяния, исправить то, что, к сожалению, исправить уже невозможно. И прежде всего принести покаяние маме. Ведь все мы, что греха таить, перед ними в чем-нибудь виноваты. Ее давно уже нет… А я все еще мысленно говорю: «Прости меня, мама». Она рассказывала близким и даже не очень близким, какой у нее заботливый сын: очень хотела, чтобы люди ко мне хорошо относились, чтобы уважали меня. Я и в самом деле старался спасать ее от болезней, от житейских невзгод, торопился выполнить ее нечастые просьбы, а слов покаянных не высказал, хотя они переполняли меня, подступали к горлу.

Многое мы осознаем запоздало, когда изменить уже ничего нельзя. Случалось, забывал позвонить в назначенный час. А мама, словно извиняясь, прощала меня: «Понимаю, ты так занят!» Иногда раздражался по пустякам, а мама стремилась все понять, сделать интересы сына своими: они были для нее подчас выше истины. Если бы можно было сейчас позвонить, прибежать, высказать! Поздно.

— Вы росли в суровое время, полное изломанных судеб и трагедий. Беда обошла стороной вашу семью?

— Как ни странно, чем старше становишься, тем чаще вспоминаешь о своем детстве. Детство мое оказалось, увы, очень трудным: я был сыном «врага народа». Мой отец, участник Гражданской войны, убежденный коммунист, был репрессирован и приговорен к расстрелу. Три с половиной года отсидел в камере смертников. Но приговор не привели в исполнение по жуткой причине: самих следователей отправили на тот свет. Господь спас отца. Он был крупным экономистом, потом-то его орденами награждали…

Не могу не сказать и о том, что отец моей жены Татьяны, приехавший по велению сердца из Германии строить социализм, достроил его в вечной мерзлоте Магадана. Он был расстрелян в 37-м в возрасте Христа. Потом его, конечно, реабилитировали, писали с большим уважением о заслугах крупного ученого.

Но в этом жутком мраке все-таки были люди, которые в любых условиях, даже в разгул сталинского террора, оставались

людьми. Когда Таниного отца, строителя мостов и заводов, везли в Магадан, он сквозь решетку тюремного вагона выбросил в тайгу, в никуда, письмо жене, написанное на листках папиросной бумаги. И оно дошло! Значит, нашелся человек, который с риском для своей судьбы поднял его и доставил адресату.

И предков моей жены по материнской линии Октябрьская революция не пощадила. Ее дворянская линия восходит аж ко временам Василия Темного, отца Ивана Грозного. В дворянском служивом роду Елчаниновых были высокопоставленные боевые генералы, полковник и любимый Екатериной Великой поэт и драматург, погибший в бою в возрасте 26 лет. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона удостоверяет, что среди Елчаниновых был и губернатор киевский и один из создателей города Самары. Был и военный писатель, полковник, публиковавшийся под псевдонимом Егор Егоров. Это был Танин дедушка… Письма Чехова и Горького, одобрявшие его творчество, конфискованы при аресте дедушки. И братья Георгия Елчанинова, генералы-артиллеристы, награжденные Георгиевскими крестами, были либо расстреляны, либо утоплены в Неве (дабы не тратить патронов!).

Танина мама, Мария Георгиевна, официально именовалась, как все уцелевшие дворяне, «лишенкой», то есть не имела права на образование и занятие мало-мальски значительных должностей. Обо всем этом кошмаре Татьяна рассказала в нашей совместной книге «Террор на пороге» («Олма-пресс»), а затем в книге воспоминаний «Неужели это было?..». В книге много фотографий представителей славного дворянского рода, людей высочайшей культуры и благородства.

— Помните ли вы о тех, кто впервые вас напечатал?

— Конечно. За мои незрелые стихи и заметки «деткора» ответственный редактор «Пионерской правды» Иван Андреевич Андреев выплачивал мне гонорар, что было для него крайне опасно: я же был несовершеннолетний, к тому же бдительные сотрудники на редакционных летучках восклицали: «Зачем мы публикуем вражеского отпрыска?» Но Иван Андреевич продолжал выписывать мои гонорары на имя литсотрудника, которому доверял, а уж тот тайно вручал гонорар мне. Маленькие, смешные были деньги, но они нам с мамой, уволенной с работы, помогали. Также, кстати, поступал по отношению ко мне и редактор «Московского комсомольца» Малибашев. Благороднейший был человек, добровольцем ушел на фронт и погиб…

— Парадокс, но в те же жестокие времена «толстые журналы» разыскивали талантливую молодежь и печатали дебютантов. Какой журнал был к вам особенно добр?

— Очень рад, что 20 моих повестей, прежде чем стать книгами, публиковались в журнале «Юность». А тираж журнала исчислялся сотнями тысяч. Пригласил меня в журнал выдающийся мастер слова Валентин Катаев. Потом главным редактором был Борис Полевой и мой закадычный друг Андрей Дементьев. Это при нем тираж «Юности» перешагнул за три миллиона экземпляров. Это он вернул на страницы журнала почти всех так называемых диссидентов, даже повесть о солдате Чонкине Владимира Войновича вопреки цензуре напечатал.

— Андрей Дементьев несколько лет работал в Израиле. Вы встречались?

— Андрей Дмитриевич — один из самых близких моих друзей. Он замечательный поэт, и мы до сих пор дружны. Я был горд другом, когда он за свои стихи стал лауреатом Лермонтовской премии. Уверен, что более высокой награды для русского поэта быть не может.

— Как партийные начальники встречали ваши публикации в капиталистических странах?

— Этот факт вызывал в них резкое раздражение и недоумение: почему это на Западе печатают мои сочинения. А я полагаю, по простой причине — ведь я никогда не касаюсь напрямую проблем политических. Главный герой моих произведений — это семья. А человечество как раз и состоит из семей. Через семьи пролегают все основные проблемы — нравственные, социальные, экономические. Я, конечно, не могу оценивать ни свои повести и романы, ни свои пьесы. И сценарии своих фильмов тоже оценивать не имею права. Но мне доставляло удовольствие, что в этих фильмах играли замечательные артисты: Евгений Лебедев, Олег Табаков, Василий Меркурьев, Николай Плотников, Борис Чирков, Вениамин Смехов, Зоя Федорова, Ада Роговцева, Леонид Куравлев, Сергей Филиппов… Приятно произносить эти прекрасные имена.

— Но по вашей повести снимали и телефильм…

— Не забыть мне, как принимали телефильм «Поздний ребенок». Самая влиятельная теледама нашептывала тогда мне: «Вас исказили! Ваших героев нельзя узнать! Неужели вы это поддержите?» И я поддался. Тем паче что и мне самому показалось, будто в какой-то мере молодой режиссер Константин Ершов предложил мне чужой стиль, чужую манеру. И я, при всем своем мягком характере, не поддержал Костю. Ему была присуждена обидная категория, что ударила по его престижу и, разумеется, по его карману. А вскоре фильм показали по телевидению, и мне сразу позвонил Ираклий Андроников: «Толя, поздравляю тебя!» — «С чем?» — «Как с чем? Только что показали

твой замечательный фильм». — «Это картина режиссера, а не моя. Она вам понравилась?» — «А как она может не понравиться? Это новое слово в кино!»

А через месяц в журнале «Искусство кино» появилось эссе выдающегося режиссера и взыскательнейшего человека Анатолия Эфроса. Он также давал фильму высокую оценку. Картину стали показывать часто. И чем больше я ее смотрел, тем больше она мне нравилась. И мне стало ясно, что эту картину я просто недопонимал. И решил я отправиться в Киев, где жил Костя Ершов, чтобы извиниться, принести покаяние. Сперва позвонил по телефону. Женский голос ответил: «Его нет». — «А когда он будет?» — «Никогда. Он умер…»

С покаянием и добром надо спешить, чтобы они не остались без адресата!

— В давнюю советскую пору вы были председателем одного из трех жюри на Московском международном кинофестивале. С кем-нибудь из великих встречались?

— В течение 12 дней мне посчастливилось тогда встречаться с Федерико Феллини. Его фильм «Интервью» был выдвинут на премию. И я услышал, как великий режиссер говорил Сергею Герасимову: «Сережа, вы ведь, согласно вашим традициям, присудите мне Гран-при. Раз Феллини приехал, надо… А фильм-то мой ведь не очень. Я уже получил у вас такую награду за «Восемь с половиной» — и хватит». Но Гран-при ему все-таки присудили.

Мне довелось встречаться и с Пабло Пикассо, и с Марком Шагалом. Что объединяло этих трех великих деятелей культуры? Отсутствие малейших амбиций, высокомерия и доступность, столь изумлявшая меня. Им не надо было доказывать, кто они такие. Это и так все знали.

— Сейчас немодно оглядываться на классиков. Кого из великих наших писателей чаще вспоминаете?

— Лермонтова. Помню, как я познакомился в Гурзуфе с Юрием Гагариным — он там отдыхал. Однажды наш звездный путешественник мне признался: «Это не мы, космонавты, первыми увидели, что Земля голубая, — первым это открыл Лермонтов:

В небесах торжественно и чудно
Спит Земля в сияньи голубом…

Юрий Алексеевич боготворил Лермонтова. «Космическая поэзия!» — воскликнул он. Послушайте, Наташа, как возвышенно звучит признание лермонтовского Демона:

Тебя я, вольный сын эфира,

Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя…

Алексин восторженно повторял слово волшебной звучности: «надзвездные», выделяя ударную гласную «е».

— А мой первый редактор Константин Паустовский утверждал, что великая русская проза началась с «Героя нашего времени». А я сам стал свидетелем того, что сцены многих стран мира украшает лермонтовский «Маскарад». Гениальный поэт, прозаик и драматург… Посланец Бога на земле.

— *Анатолий Георгиевич, в теплом и целительном далеке о каких местах вы скучаете?*

— Очень скучаю по Москве. Я ведь мальчик арбатских переулков. Наш Филипповский переулок выходит на Власьевский, ведущий к Арбатской площади. Я учился в средней школе, бывшей Медведевской гимназии в Староконюшенном переулке. Огромный привет Москве, москвичам. Совсем не важно, где живет писатель, хоть на необитаемом острове. Сердце мое остается в Москве.

— *Ваши книги выходят в Москве, значит, вы — рядом.*

Таежник-гегельянец

Леонид Бородин: «Жена моя — настоящая декабристка»

Писатель Леонид Иванович Бородин удостоен благородной награды — литературной премии Александра Солженицына. Премия присуждена «за творчество, в котором испытания российской жизни переданы с редкой нравственной чистотой и чувством трагизма; за последовательное мужество в поисках правды».

Его проза выросла на крепких сибирских корнях. Таежники Бородина — мужики непредсказуемые. От них всякой беды ожидать можно, но в безвыходной ситуации себя не пощадят, собой пожертвуют без геройства. И сам автор, сибиряк по рождению, смело шел на смертельный риск, руководствуясь высокой целью. Леонид Иванович дважды получал за свои убеждения лагерный срок. Но одиннадцатилетняя несвобода не отравила душу таежника.

Уже десять лет Леонид Бородин является главным редактором журнала «Москва».

— Леонид Иванович, что вы ощутили, узнав о получении премии Александра Солженицына?

— Я всегда чувствовал себя непрофессионалом, скорее любителем в писательском деле, даже самозванцем. Для меня писание всегда было отдыхом. Долгие годы мне приходилось добывать хлеб насущный черной работой. Кидал уголь в кочегарке, отдыхая, писал у жаркой топки. В тайге трудился — перо брал опять же для отдыха. Не могу, как другие, писать по десять страниц в день: всегда дело, служба поглощают меня без остатка. Вот почему присуждение мне замечательной премии Александра Солженицына смутило меня. Не скрою, я этому очень рад.

Два отца

— Вы не рисовали фамильное древо Бородиных?

— Я вообще не от Бородиных. Моего родного отца Феликса Шеметаса, литовца по национальности, расстреляли в 39-м году как члена троцкистской группы. Я ношу фамилию и отчество моего отчима. Он был мне замечательным отцом. Несколько лет назад он умер. Лишь лет в двенадцать я узнал, что он мне не родной отец. Никогда я не считал его отчимом. Моя мама, Валентина Ворожцова, — из рода сибирских купцов средней руки.

— В ваших сочинениях не раз возникала проблема доносительства. На вас ведь тоже кто-то донес?

— По первому делу — социал-христианского союза

освобождения народа — нас было 30 человек. И всех посадили. Известен человек, который сообщил о нас. Он был неподготовленный, его попробовали привлечь, но комсомолец испугался и поступил в соответствии с понятием о долге. Я не считаю его поступок предательством. Мы были обречены с самого начала.

— Какие вы были легкомысленные экстремисты!

— В программе, составленной нашим руководителем, было записано, что социализм не может улучшаться, не подрывая своих основ. Он рухнет и развалит все вокруг себя. Ближайшая задача была — подготовить подпольную армию, которая сможет перехватить ситуацию на грани развала.

— Серьезный замах. Как с вами обошлись?

— Я, рядовой член организации, получил всего шесть лет. Отсидел. Руководитель получил двадцать лет.

— А второй раз за что вас судили?

— Это была зачистка диссидентов по всем уровням.

— Но вам дали 10 лет!

— Максимальный срок. Я проходил как нераскаявшийся, то есть рецидивист. Срок обеспечен не «делом» — «дела» фактически и не было.

— На допросах дерзили?

— Нет. Никогда не дерзил следователю. Мы с ним пили мирно чай. Многие политические отказывались от чаепития категорически. Я не отказывался. Следователь задавал вопрос — я улыбался и молчал. А он записывал: «Ответ не последовал».

Когда в 73-м году я освободился, меня отправили под надзор на Белгородчину. Но там работы для меня не нашлось. Я уговорил милицию отправить меня на родину, и мы уехали в Сибирь.

Философия охотников

— Когда ваша первая вещь была напечатана в Германии, вас это не испугало?

— Я в ужас пришел. В 78-м году подборка моих рассказов без моего ведома ушла туда. И однажды в журнале «Посев» я обнаружил свою вещь.

— Мне симпатичны ваши таежные мужики. Один из ваших молодых героев «Гологора» Филька — философ-самоучка — сыплет цитатами из Гегеля. Вы подарили ему собственное увлечение философией?

— Вы угадали. Лет в девятнадцать я был увлеченным гегельянцем. Позднее поступил в аспирантуру Ленинградского университета, сдавал реферат по Бердяеву. Мне было предложено работать над диссертацией по истории философии. Устроился

учителем под Ленинградом, затем стал директором школы и потихоньку собирал материал для диссертации. Но тут-то меня и взяли…

— Со своими парнями в «Гологоре» вы обошлись так жестоко — почти все они погибли. Пугаете неприспособленных романтиков, чтобы не лезли они в тайгу за туманом?

— Отчасти именно это я хотел внушить. Когда в тайгу идут случайно, в порядке игры, на проверку своих достоинств и выносливости, ничего, кроме беды, их не ждет. Таежники и охотники — суровые люди. Стреляет охотник, например, козу, подбегает к ней, ножом вскрывает горло, подставляет стаканчик свой раздвижной и пьет свежую кровь. Понимаете, охотник получает удовольствие не только от добычи, но и от самого убийства…

— Вы советуете романтику с хмелем молодости и силы не вставать у них на пути?

— Эта встреча в тайге столь разных типов без последствия не пройдет. Повесть «Гологор», за которую я получил от вас упрек, построена на реальной основе. У каждого персонажа есть прототипы. С женщиной, чья судьба определила драму героини, я до сих пор поддерживаю живую связь. Один из прототипов погиб: по пьянке застрелил лесника, попал в лагерь, где и был убит.

— Как изменились ваши родные сибирские места? Что стало с теми людьми, кого вы издавна знали?

— Одни разъехались. Кто остается, гибнут или спиваются. Мои родные места выглядят сейчас мрачно.

Настоящая подвижница

— В повести «Женщина в море» вы говорите о современной невоздержанности тела и души. А разве ваше поколение пуританствовало?

— Все бывало. В чем-то мы, безусловно, были более целомудренными. Я, например, воспитан в уважении к возрасту. Но и мы во всяких шайках побывали. Я сам в поножовщине не раз участвовал. У меня с десятого класса сохранились два шрама от удара ножом. В 53-м году прошла амнистия. Амнистированные оседали вдоль железной дороги. Блатной стиль, традиции уголовного мира насаждались братвой и усваивались местными.

Повесть «Женщина в море» открыла в лирическом герое проснувшуюся после ссылки страсть к авантюрному приключению. Он сначала спасает пьяную самоубийцу, а потом покупается на уговор ее дочери. Герой стоит на стреме, когда она с дружком уводит большие деньги.

— Вы сами могли бы отважиться на похожий поступок?

— Кстати, этот сюжет не такой уж сочиненный. У повести была реальная основа. На эту авантюру в ту пору, после лагерей, я клюнул бы запросто. Ведь это конкретное дело. И если бы я им проникся, то смог бы на него пойти.

— По этой повести, кажется, снят фильм?

— Он так и назывался — «Женщина в море». Главного героя там играл Любшин. Любшин — это точно не я.

— Могу и не спрашивать — уверена: у вас счастливый брак.

— Жена моя Лариса — настоящая декабристка. Поехала со мной в Сибирь. На иркутской бирже труда она получила место коменданта общежития при медицинском техникуме. А работал я тогда конюхом, дворником, кочегаром. В общежитии мне приходилось по вечерам стоять вышибалой. Сюда шпана старалась попасть — в общежитии жили одни девочки. Приходилось нам с Ларисой долбить замерзшие уличные нужники. В Москве Лариса дальше Садового кольца не уезжала, а в Сибири не сдалась. Мы выживали на дарах леса. Вешали на горб алюминиевые ящики на лямках и шли в лес. Сначала рвали жимолость, потом чернику, бруснику. Лариса несла 20 килограммов, я — 30. Заходили в дома, продавали. Потом колотили кедровый орех. Справлялась моя декабристка с трудностями нормально. Потом родилась наша дочка. Сейчас она стала учительницей. Четвертое учительское поколение в нашем роду!

15 июля 2002 г.

Ночь исцеленья

Лауреат премии Александра Солженицына Борис Екимов: «К великому сожалению, резко уменьшается количество русского населения»

Ему скоро исполнится 70. В увлеченном разговоре с его лица куда-то исчезают морщины, он молодеет, расцветают по-весеннему глаза, в интонации проскальзывает неугасающий азарт жизнелюбия.

Он назначил мне встречу на утро. Я пришла раньше условленного времени, а он уже ждал меня. Накануне я заглянула в огромный фолиант «Шедевры русской литературы XX века», изданный по инициативе академика Дмитрия Лихачева. Среди вещей любимых классиков есть и рассказ Екимова «Фетисыч» и еще трех лауреатов солженицынской премии: Валентина Распутина, Константина Воробьева и Евгения Носова. Грустный рассказ Екимова напечатан рядом с «Последним лучом» Короленко. Но печаль нашего современника глубже: его герой, мальчишка Егор по прозвищу Фетисыч, пытается спасти хуторскую школу от закрытия. Жизнь не оставляет мальчишке никаких надежд.

— Борис Петрович, читателю близка ваша тревога за угасающую русскую провинцию: исчезают целые деревни, обезлюдели хутора. И, похоже, этот разрушительный процесс неостановим?

— Он будет продолжаться еще лет десять. Потеряет жизненную силу еще чуть ли не половина малых сельских поселений.

— А может быть, этот процесс естественный и не стоит печалиться?

— Конечно, все это можно объяснить урбанизацией. Но что худо? На селе люди остались без работы. Абсолютно! И слышен их беспомощный крик: «Дайте нам работу!» Они готовы бежать за ней на край света, куда угодно — лишь бы заработать на жизнь. Раньше их держал колхоз. Теперь пришел капитализм. Собственник, вооруженный хорошей техникой, в работниках не нуждается. Ему хватит узких специалистов.

А сельский люд разбредается, поработает где-то месячишко-другой, покрутится ночами в убогой бытовке — глядишь, что-то заработает и привезет домой денежки. А как жить семье без хозяина?

— Да и сам глава семьи обобран работодателем и унижен. Самое страшное — его никто не защитит.

— Да, это так. Когда приходит время расчета, хозяин бесцеремонно унизит человека: «Работаешь как черный, а получать хочешь как белый?» Почти бесплатно люди работают. Большая беда пришла к хорошим, работящим людям. Они остались не у дел.

— *Кому-то, может быть, повезет больше, найдет работу у честного хозяина…*

— Ну и что? А жилья-то у него вблизи работы нет. И не будет! Нормальные люди не могут и не должны жить без семьи, без детей!

— *О какой же рождаемости можно мечтать?*

— К великому сожалению, резко уменьшается количество русского населения. Знаю поселки, где в следующем году не будет ни одного первоклассника. Молодые потихоньку уходят из родимых мест. И постепенно закрываются школы, медпункты, клубы.

— *Можно ли считать, что тема угасания сельской жизни стала самой тревожной для вас?*

— Да. Но не только для меня — она должна обеспокоить всех нас. Пусть меня называют «почвенником», «деревенщиком», но сохранение русского языка все-таки неразрывно слито с деревней. В городе пласт чистой русской речи быстрее вымывается газетными и тусовочными словами.

Разрушаются духовные традиции семьи, исчезает дружеская спаянность людей. В городе ты и соседей-то не знаешь — как хочу, так и свищу. А в деревне, на хуторе, ты весь на виду. Насоришь ли у дома, не поздороваешься ли с человеком, увидят отца и станут укорять: «А твой-то со мной не поздоровкался». Такую выволочку за это задашь своему сыночку! На деревенском круге все еще держится провинциальная Россия. А если идет вымывание деревенских основ, то это идет вымывание наших корней. И отеческое древо не будет так зеленеть и плодоносить.

— *Так и стоят брошенные деревни пустыми?*

— Там живут чеченцы. Зачем им школа? Они занимаются скотом. В наши волгоградские места чеченцы приходили издавна. Поживут лет двадцать, пока не построят свой дом в Грозном, и уедут. Потом придут другие.

— *Случаются ли конфликтные межнациональные разногласия?*

— К сожалению, есть. У нас край многонациональный: казахи, мордва, чуваши, марийцы, украинцы, белорусы — люди ехали в хлебный край. Но всего напряженней отношения с чеченцами. У них абсолютно иные обычаи. На русских они никогда не женятся. В свой круг чужого не принимают. У нас

никогда не было, чтобы скотину пасли на хлебном поле. А им все равно. Наши местные живут своим клочком земли, своей коровенкой. Старые люди ковыряются в земле, пока не умрут. Моя родная тетя Нюра уже падала, а все приговаривала: «Я копать хочу». Плачет: «Дай мне лопату».

— Ваши родители каким-то образом оказались в Красноярском крае, в Игарке.

— Они окончили рабфак, а потом Московский технологический институт по пушнине. Их отправили в Игарку по распределению, и отец там вскоре, после моего рождения, заболел и умер. И тогда моя мама Антонина Алексеевна и ее сестра Анна с сыном объединились в одну семью. Мужа тети Нюры посадили в 37-м, и нас всех сразу выслали в Казахстан, в город Или, как врагов народа. Только вместе мы могли выжить. Так мы и жили одной семьей под одной крышей. В Калач-на-Дону приехали в 45-м на восстановление народного хозяйства, но без права проживания в областных центрах.

— Ваша мама овдовела в молодости, а потом замуж вышла?

— Нет. Какие после войны были женихи. В моем классе только у двоих ребят уцелели отцы, остальные погибли. Муж тети Нюры потом пришел из мест отдаленных — его освободили и реабилитировали.

— В каких войсках вы служили?

— В стройбате. Призвали меня в армию, когда я бросил механический институт после четвертого курса — побеждали мои филологические наклонности. Мы, солдаты, строили площадки для «Востока». Жили в солдатских землянках, и вокруг стройобъекта в три ряда шла колючая проволока. Щебень, цемент, пыль. Работа — до седьмого пота.

— Борис Петрович, вы родились в суровой Игарке да еще зимой. Не эти ли природные факторы наделили вас мощной целенаправленной энергией?

— Есть ли она во мне, эта мощная энергия, этого я не знаю. А может быть, там, в младенчестве, я соприкоснулся с энергией угнетения? Много позднее ездил в Игарку посмотреть, что это такое. Вспомнил, что у Виктора Петровича Астафьева есть «Кража», как раз той поры, когда я родился, то есть 38-го года. Мы как-то с ним встретились, он мне книгу подарил с надписью: «Игарскому религорю». Слова этого я не понял. Думаю, что он имел в виду мученика: ведь в тех местах были в основном ссыльные.

И вот я побродил по старой Игарке среди домов, вросших в землю, побывал на кладбищах с повалившимися, гниющими крестами. Там же вечная мерзлота. Это не место для житья. Мне

рассказывали, как пригоняли в эти места ссыльных: бедолаг выгружали с баржи на пустыре — живите! Начинали они копать землянки. А тут грянет зима, и умирали от мороза и труда непосильного. Иной приговаривал на смертном одре: «Слава Богу, хоть отдохну теперь». И семья Виктора Астафьева, и он сам мальчишкой пятнадцатилетним тоже были ссыльными.

— Несмотря на вечную мерзлоту тех мест, где вы родились, судя по всему, вы человек страсти.

— А без этого нельзя! Над вымыслом слезами обольюсь. Иначе человек над книжкой будет зевать. А он должен, читая, радоваться либо плакать. Вся настоящая литература и есть страсть.

— Хочется услышать про ваши молодые лирические волнения…

— Что я сейчас, накануне семидесятилетия, про это вспоминать буду? Читайте мои вещи, про все узнаете.

— На фотографии вы играете с ребенком. И такой счастливый!

— Это мой внук Митя, любимое дитя моего сына Петра.

— Мне рассказывали о вашей страсти к рыбной ловле. Где вы ловите?

— Выезжаю к приятелю на хутор. Живу там несколько дней. Иногда даже один. Рыбу не обязательно ловить. Для еды нужно мало. Люблю над водой подумать, по берегу походить. Мне приятель говорит: «Ты не рыбак, ты ходок».

— Мне говорили, что вы прекрасно готовите уху.

— Да, это мужское дело. Я научился готовить рыбу на сене.

— А что это такое?

— Запекаешь рыбу в духовке с ароматными травками. Вот этот травяной, сенной дух особенно благодатен.

— Скажите, Борис Петрович, что вызывает ваш восторг в молодом поколении?

— Их красота. Как не восторгаться прекрасными лицами! Какой заразительной энергией наполнено молодое тело, как горят их глаза, когда общаются, не замечая никого вокруг.

— Вам близки страсти, которые владеют ими?

— Да они живут теми же страстями, которые сжигали и нас. Но, правда, мы были стыдливее. И это, наверное, хорошо. Они же целуются на улицах не стесняясь. Я в такие минуты в душе вопрошаю: «А что же с вами будет, когда вы останетесь наедине?» Да ладно. Это поветрие моды, которую прививает телевидение. Это безоглядность проходящая.

— Вы верите, что жизнь изменится к лучшему?

— В нас сидит эгоцентризм: нам хочется, чтобы сейчас и немедленно все стало хорошо. Сегодняшним мы недовольны и

ворчим: плохо, плохо. Конечно, где-то в Швейцарии или Германии жизнь получше. Но стоит спросить себя: что главное? Жизнь так коротка. И надо бы научиться избавляться от лишнего. Лишнее имущество, которое навьючиваешь на себя, ты потом тянешь на себе как вол. Посмотрите, сколько у каждого ключей! У меня их десятка три. Не от воров мы защищаемся. А воры пришли недавно ко мне и за две минуты открыли все замки, обчистили, и до свидания… Ну что ж, не помрем без украденного.

— Сейчас так заразительна зависть к дорогим машинам, к роскошной еде с икоркой, осетринкой…

— А по мне, самая вкусная еда — это хлеб. В глубинке зайдешь на пекарню, вдохнешь запах теплого хлеба, и вырвется старинный восторг: «Ой Господи! Девки, какой же вкусный хлеб вы печете!» Возьмешь буханку, да еще воды родниковой, соли и буханку эту навернешь — не заметишь». А вода в наших родниках — просто чудо. Сидишь около, пьешь воду с ладони, и доволен. Чувствуешь — вот оно, главное: хлеб, воздух, которым можно дышать, не отплевываясь. А что тебе, человек, еще нужно? Зачем ты, богатый миллионер, строишь дом за домом? Вспомнить бы про Диогена.

— На всех Диогенов бочек не хватит. Какое чувство вы, Борис Петрович, считаете главным?

— Любовь. Без любви и человечества не было бы. Понимать и любить эту жизнь — вот счастье. Наша короткая земная пора — все лишь птичий посвист! Зачем тебе две-три машины? Я люблю ходить пешком. Встретится знакомый и удивляется: «А чего ты не на колесах?» А я ему подкидываю по-народному: «Ноги носят, а когда не будут носить, усядусь в машину».

— И будете из машины восхищаться одуванчиковым полем. Кстати, вы не делаете вино из одуванчиков? Я два лета упражнялась в этом искусстве, поверив Брэдбери.

— Нет. Из одуванчиков варю мед. Только не из уличных. На чистой поляне нужно собрать желтые лепестки. Раньше у нас этим занимались цыгане. Снимали на хуторе хату, собирали лепестки, варили с сахаром и продавали. У меня тоже получился прекрасный мед. Зимой откроешь баночку с этим экзотичным медом и почувствуешь майскую пору.

— У вас в Калаче есть земля?

— У всей нашей семьи — 12 соток. Мне только что позвонил сын Петя с беспокойством — густо травой заросла наша поляна. Вот приеду, наточу косу и развлекусь покосом.

19 мая 2008 г .

Вулканический мужик

Генрих Штейнберг: «Меня срезало камнем величиной с табуретку»

Его жизнь — это фантастическое соединение множества самых несовместимых дел: увлечение архитектурой и защита ворот «Зенита», геофизика и космонавтика, вулканология и участие в создании и испытании лунохода. Он всегда выбирает риск, опасность. Имя Генриха Штейнберга, выдающегося исследователя вулканов, известно во всем мире. Академик РАЕН, он в течение нескольких лет возглавляет Институт вулканологии и геодинамики. Естественно, этот институт не в Москве, а на Сахалине, с отделением на Курилах.

Генрих — личность легендарная. Он в одной дружеской компании с Бродским, Рейном, Битовым, Городницким, Алешковским. Когда-нибудь Генрих сделает свою книгу о любви к действующим вулканам, о самых опасных своих спусках в огненный зев Вельзевула. О нем сделаны фильмы. Очень красивые безлюдные сопки. Клубящиеся белые газовые испарения над вулканами. Невероятные живописные сочетания красок. И часть этой красоты — человек, приговоренный вечно идти к земным и небесным тайнам.

Андрей Битов написал о нем книгу «Путешествие к другу детства», полную юмора, розыгрышей и нескончаемого удивления перед своим однокашником Генрихом — Андрей называл его вулканавтом. Быть на вулкане страшно даже на экране. Из рваного кратера вырывается многоцветный причудливый взрыв. Слепнешь от его огня и красоты. На палатку вблизи огненного жерла падают увесистые слепящие куски и сжигают ее.

Вулканолог Штейнберг раскрыл множество земных тайн. Он открыл на острове Итуруп месторождение рения. Он здесь в вулканических газах, откуда его при желании и умении можно извлечь. Объектив кинокамеры венгерского кинооператора Золтана, снимавшего фильм о Штейнберге для немцев и французов, поймал удачу — ученый держит в руках кусок породы с включением рениита. Но вот наступает опасный момент съемок — спуск на специальном тросе со ступеньками в брюхо вулкана. Генрих уходит в воронку, в облако горячего газа.

— *Страшно?* — Нужно рассчитать возможные опасности. Следить, чтобы у тебя под ногами не было больше 150 градусов.

Подошва держит некоторое время 120 и 150. При этой температуре газ еще виден. Но когда температура значительно выше, горячий газ становится прозрачным. И тут легко ошибиться…

На экране Генрих после подъема из вулкана шатается, ему нечем дышать, он валится на грунт и дышит из кислородного баллончика. Слегка поджаренные ботинки со штырями на подошве снимают с него друзья.

— Этот спуск происходил в 2002 году, мне было 67. Извержение вулкана произошло 3 года назад. И за это время дно кратера не остыло, а прогрелось от лавы до 700 градусов.

— *Как тут не воскликнуть: чертов мужик, этот Штейнберг?*

— Есть еще силы. В 2000 году я проходил медицинское обследование: ученые хотели проверить, что там во мне изменилось с той поры, когда меня в 33 года готовили в космонавты. Тогда нашли идеальным для полета в космос. Они мне объяснили: мой физиологический возраст оказался на 12 лет ниже календарного. Тридцатитрехлетнему мужику они дали 21. Вторая проверка моих «градусов» подтвердила: моя физиология моложе календарной примерно на 20–25 лет.

— *Почему ленинградец, мечтавший продолжить семейную традицию — стать архитектором, вдруг выбрал вулкан?*

— Не вулкан я выбрал, а Камчатку. После 3-го курса, в 56-м году, попал туда на поисковые работы. И на съемках наша партия зацепила рудопроявление молибдена. А по засекреченной специальности я должен был бы искать уран. Правда, на распределении, после окончания института, я отказался идти на секретную работу, и меня направили в Хабаровское геологическое управление. А там я выбрал Камчатку… С Институтом вулканологии я связан с момента его образования.

— *Генрих, к этой опасной работе, наверное, нужно себя как-то особенно психологически готовить?*

— Внутренняя проверка, конечно, идет. Но только реальность учит. Когда первый раз спустился в кратер Авачинского вулкана, на дне его я столкнулся с раскаленными породами. Температура около 800 градусов. Спустился я с обычными термометрами, рассчитанными до 500 градусов. Сначала у меня «полетел» стопятидесятиградусный, а потом и пятисотградусный. И до меня дошло — породы на дне не красноватого цвета, а раскаленные. И туда не сунуться.

— *А какое у вас было снаряжение?*

— Альпинистские ботинки на зубчатой плотной подошве. Кислородный изолирующий прибор, ящик с баллонами кислорода на груди. Штормовка-брезентовка. Тогда я еще

спускался в довоенном пожарном шлеме с гребнем.

— Зачем вы спускались в такой ад?

— Отбирал пробы газа из кратера в местах наиболее высоких температур. В руках был особый прибор для этих целей. И вот я тогда впервые обнаружил: хотя вулкан извергался 16 лет назад, на его дне высокая температура. Мой первый спуск в кратер действующего вулкана стал сенсацией — об этом писали многие газеты.

— Вы столько исследовали и наоткрывали. Вас наградили?

— Нет, не награждали. Я даже этим горжусь. Важно, что в октябре 99-го мы дали правильный прогноз извержения вулкана Кудрявый с указанием даты его старта — за четыре дня до события.

— Ваша популярность в ученых кругах Европы и Америки поразительна. Что вы делали в Италии?

— Италия — моя любимая страна Европы. Там, кроме Везувия и Этны, есть замечательные Эоловы острова. По мифологии Эол — бог ветра. Это маленькая островная дуга раз в пятьдесят меньше Курильской. Несколько островков — и на них два действующих вулкана: Стромболи и Вулкано. Стромболи был моим первым итальянским вулканом. Он замечательный! Извергается непрерывно с 1500 года до нашей эры. Вся Европа ездит смотреть на красивые извержения через каждые 20 минут. К нему сделаны дорожки, подъездные пути. Туристы в восторге. Но иногда извержение усиливается, начинает изливаться лава, и Стромболи становится менее доступен.

— Синьор Штейнберг, когда вам бывает страшно?

— Страх естествен на стадии принятия решений, когда готовишься, прикидываешь, стоит или не стоит, тогда страх присутствует. Страх ведь — элемент воображения. Но когда начинается работа, спуск, на страх не остается времени. На спуске в кратер ты находишься в напряженном внимании — ведь проходишь крутую стенку, идешь по раскаленным участкам. Вот когда вернулся и вспоминаешь, что было, рядом с чем прошел, — иногда возникает запоздалый страх.

— Но вам не всегда удается избежать беды…

— Было всякое. Однажды стряслось такое, в октябре 1962 года. Мы со студентом Сашей Таракановским проводили с самолета аэромагнитную и аэрофотосъемку. Он предложил мне проверить над вулканом еще и уровень радиации. Включили аппаратуру и получили четкую аномалию над раскаленным куполом в кратере. Зашли на маршрут еще раз — действительно идет радиоактивная аномалия…

Напомню, в конце октября 62-го начался Карибский кризис.

Американский флот подошел к берегам Кубы, наш флот двинулся туда. Я собрал отряд, и вертолет забросил нас на вулкан Карымский. Командир утешил: «Летите на вулкан, а в Петропавловске еще опаснее». Высадились. Вертолет ушел. Поставили лагерь. Пошел снег. Мы потыкали радиомеры в лаву — никакой аномалии. Стал думать… В газах? А взять газовую пробу можно только в кратере. И полезли мы с Чирковым, моим помощником, на кратер. Взрывы шли над нами. И мы решили, что самую опасную зону миновали. Но произошел направленный взрыв прямо в нашу сторону. Меня защитил большой камень, а Чиркова срезало камнепадом. И как мне потом объяснили, я допустил ошибку — бросился к нему, вместо того чтобы выждать минуты две, пока пройдет камнепад. И все!

Чирков видел, как меня срезало камнем величиной с табуретку. Хорошо, что зацепило не всей массой. Я отключился. К счастью, у Чиркова был только перелом бедра и он дал аварийную ракету… Никто не мог нас доставить в больницу: военные в те дни стояли по форме № 1 — «если завтра война…» Но 29 октября военным дали отбой, и на следующий день прилетел вертолет противолодочного дозора с океана. Звали этого смельчака майор Галанин. Давно разыскиваю его. Игорь Кваша, мой приятель, тоже ищет. Но пока он не отозвался. Майор Галанин посадил вертолет в центре Петропавловска на стадионе. Из Москвы и Новосибирска прилетели бригады врачей. У меня обнаружили всякие переломы: затылочный, теменной, левовисочный, — да еще кровоизлияние. Семь суток я находился без сознания. Замечательные специалисты за два месяца привели меня в порядок.

Жизнь с самой юности испытывает Генриха на излом. Андрей Битов рассказывал, что в Генриха однажды выстрелила юная девушка, и удивительно — он уцелел.

— Что там у вас почти полвека назад произошло? Девушка была в вас влюблена? — Дочь хороших знакомых пришла ко мне, двадцатичетырехлетнему, в гости. Было милой девочке шестнадцать. Посидели мы, музыку послушали, вина выпили. Первый час. Она не уходит. Собираюсь ее проводить домой, слышу: «Не хочу уходить. Останусь у тебя». У нас была трехкомнатная квартира, родители в отъезде. Уложил ее в своей комнате и ушел в родительскую спальню…

Генрих вспоминает лирический фарс, разыгранный влюбленной в него девочкой. Он мужественно оберегал ее невинность.

— Говорил ей: «Подожди года два, тогда у нас будет совсем

другой разговор». Подошел к окну. Тихая белая ночь. И вдруг слышу щелчок затвора. Я быстро обернулся — девочка держала в руках мою винтовку. (Она висела у меня в комнате. В ней был один патрон на предохранителе.) Ствол направлен мне в голову. Инстинктивно я отвел голову вправо и выставил левую руку навстречу стволу. Грохнул выстрел. Пуля прошибла ладонь навылет. Девочка забилась в истерике, а я, обмотав руку полотенцем, бросился в медпункт. Как я напугал дежурного старого доктора!.. Вот видите — все заросло.

Александр Городницкий отмечает в Генрихе мужской характер. Петр Фоменко заметил его скромность в сложном переплетении с желанием славы. Андрей Битов образно осмыслил божественную сущность Штейнберга: «Генрих родился с вулканом — вместе». Сила и красота мужчины-вулкана притягивала людей искусства. Художники андеграунда Михаил Кулаков, давно живущий в Италии, и Анатолий Зверев, к сожалению, рано умерший, нарисовали его портреты и подарили. Знакомству с первой женой Генрих обязан Кулакову. А Зверев жил у Штейнбергов в Ленинграде четыре дня. Ночные мужские посиделки горячил не чай. Зато утром по московской привычке Зверев раскладывал на кухне свои рисунки и говорил маме Генриха: «Анна Аркадьевна, три рубля — за любой». — «Ну что вы, Толя», — смущалась добрая женщина и давала трешку на «маленькую».

— Генрих, вы богаты друзьями. И среди них — Василий Аксенов. — В 80-м году, когда Вася собирался в творческую командировку в США, он предчувствовал, что уезжает совсем. Он мне тогда сказал: «Если за ближайшие два года в Союзе произойдут кардинальные изменения к лучшему, вернемся». 30 июня я помогал ему в Переделкине укладывать книги и уговаривал задержаться — приближались Олимпийские игры. Он шутил: «Ничего — в 84-м посмотрим их в Лос-Анджелесе». Уехал, присылал поздравительные открытки. Но потом, когда их с Майей лишили гражданства, в открыточке он мне написал, что больше писать не будет, — за меня беспокоился.

На своей книжке «Скажи изюм» Аксенов написал: «Генриху Шнейнбергу, который по дороге с Камчатки через Сахалин в петербургском экипаже посетил Нашингтон. Дружески. В честь общих наших вулканов. 14 июля, 1989 год».

— Вас с Бродским связывала не поэзия, а большая дружба. Но я не нашла в его томах посвященного вам стихотворения. — Когда приезжал с Камчатки в Ленинград, мы встречались часто. Однажды он сказал: «Я тут написал замечательный стишок.

Послушай: если понравится, посвящу тебе». Прочел «Дебют». Действительно прекрасное стихотворение. *(Читает наизусть.)* Обычно посвященное стихотворение как-то соотносится с тем, кому оно посвящено. Здесь этого не было. И я сказал об этом Иосифу. И «Дебют» остался без посвящения.

Но на книгах, подаренных Генриху, есть несколько замечательных посвящений. На «Стансах к Августе. Стихи к М.Б.» читаем: «Генриху Штейнбергу. Пока ты занимался лавой, / я путался с одной шалавой. / Дарю тебе, герой Камчатки, / той путаницы отпечатки. / Иосиф Бродский. 18 июля 89 г.». Генрих был у него в Нью-Йорке в обеих квартирах в разные годы.

— Вы заметили перемены в Иосифе?

— Внешне он, конечно, переменился. Я прилетел, позвонил. Он объяснил, как его найти. Приехал я на Мортон-стрит. Поднялся по лестнице, звоню. Дверь не открывают. Когда я позвонил третий раз, вдруг откуда-то снизу раздается: «Заходи». Потом догадался, спустился вниз и рядом с лестницей увидел узенький проход. Вхожу. Иосиф держит руку под козырек и говорит: «Ты вполне узнаваем». — «Ты тоже».

Сначала отвезли его «мерседес» в русский автосервис, и целый день гуляли с ним по Нью-Йорку. Оглядел он меня критически и спросил: «Ты куда едешь?» — «В Аризону, на геологический конгресс». Иосиф заметил: «Там же сейчас 40 градусов. Пошли в магазин». Он купил мне костюм — светлый, легкий. Что надо! Пошли в ресторанчик, потом зашли в сервис и на его «мерсе» вернулись к нему. У него в садике посидели за столиком. Хорошо поговорили, а потом поднялись ужинать на третий этаж, к его соседке, тоже писательнице Маше Воробьевой. Тогда Иосиф еще не был женат. Всех и меня интересовало, приедет ли он в Россию. Он сказал: «Незаметно туда не приедешь, а официоз мне не нужен. Да, собственно, чего возвращаться? Посмотреть на пепелище?»

— О чем он спрашивал вас?

— Иосиф, человек любознательный, интересовался вулканами, самолетами, спортом.

— Вы общались с ним по дороге на вулкан в 92-м?

— Тогда в Никарагуа было извержение Сьеро-Негро. Я летел руководителем группы вулканологов от МЧС. Летели с пересадкой в Майами. В терминале набрал его номер. Иосиф ответил, а в конце разговора сказал: «Ты там только никуда не лезь. А когда все кончится, позвони». Нашей работой на вулкане все были довольны. Еще бы! Мы работали на кратере, и я спустился в кратер, к которому ни американцы, ни европейцы

приблизиться не рискнули. А мы дали заключение о том, что можно снимать чрезвычайное положение и возвращать эвакуированное население. Каждый день чрезвычайного положения стоил стране 4,5 миллиона долларов. Главная газета посвятила нам две полосы песнопений.

В 94-м, в мае, я прилетел в Нью-Йорк с моей последней женой Мариной. И вновь Иосиф одел и меня, и ее. Ему это доставляло удовольствие. Мы с ним общались так непосредственно, будто и не расставались. Долго ходили по городу, и к семи вернулись домой — посмотреть на его дочку Анну, пока ее не уложила спать Мария, жена Иосифа.

— *Марина и Мария — две женщины в его судьбе.*

— Обе красивые. Марии было, наверно, 27–28 лет. Молчаливая, сдержанная. Она стала укладывать дочь, а мы пошли наверх читать стихи.

Иосиф подарил Генриху новые книги и подписал. На книжке «Часть речи» текст: «Милому моему Генриху небольшое словоизвержение от Иосифа Бродского». На другой — еще одна надпись: «Вулканологу от волконолога — милому Генне от симпатичного Иосифа». И еще: «Генриху Штейнбергу, смотрящему в огонь. С любовью Иосиф Бродский». На сборнике «Мрамор»: «Дорогому Генриху. Прочтите эту пьесу, сэр, она — отрыжка СССР. 1989 г. Нью-Йорк». В последнюю нашу встречу вечером он попросил меня спуститься вниз за сигаретами: «Если я пойду, Мария догадается, что я опять собираюсь курить». Он всегда много курил. И, видимо, Мария за этим следила.

— *Со стороны он мог казаться мизантропом.*

— Иосиф был человек веселый, легкий. Я его попросил: «Дай посмотреть на нобелевскую медаль». Вошли в его рабочую комнату, и он вытащил медаль из ящика стола и пошутил: «Видишь, на черный день». Но нобелевская медаль не производит впечатления золотой.

— *Дома как он одевался?*

— Вот как я сейчас — легкие штаны или джинсы, какая-то майка. Он пошутил над тем, что ему пришлось однажды облачиться во фрак.

Генрих достает маленький альбомчик фотографий, снятых на похоронах Иосифа. И рассказывает, как все это было. Приехали Барышников, Алешковский, Рейн с Надей, Кушнер, Генрих и Александр Штейнберги, писательница Людмила Штерн.

— Гроб стоял в похоронном доме — с понедельника до четверга. С утра мы собирались. Фотографировать было запрещено. Потом шли в «Русский самовар», где три дня шли непрерывные поминки, а вечерами собирались там же, между Пятой и Бродвеем. Когда-то «Самовар» открыл наш друг Рома Каплан, а помогли ему создать Иосиф и Михаил Барышников.

— Как себя вела вдова по отношению к русским друзьям Иосифа?

— В те печальные дни заметил, что вдова Иосифа держится отчужденно. Похороны взяли на себя ее итальянские родственники. Когда повезли гроб Бродского в склеп, то не позволили сопровождать его даже Барышникову.

— До вас доходит информация, где сейчас Мария с Анной?

— Она вернулась в Италию. Живет в Милане. Говорят открыла кафе.

* * *

Историй, приключившихся со Штейнбергом, хватит не на один роман. Свою старшую внебрачную дочь Галину он удочерил. Она юрист. Генрих был трижды женат. И все по любви. Первая жена, художница Татьяна, месяца три или четыре провела на Камчатке. И этого было достаточно! Одна радость — рождение сына. Первенец Александр с фамилией матери, Сергеев, стал компьютерщиком, работает теперь в Москве.

Вторая жена Людмила, учительница истории и английского языка, — совершенно замечательная женщина. Их сын Миша родился на Камчатке. Он геофизик, окончил университет, затем прошел конкурс и полтора года учился в США. Мог остаться там, но вернулся и продолжил дело отца-вулканолога. Дочке Ане 19 лет. Ее будущая специальность — дизайн и компьютерная графика. Независимая волевая девочка завоевала звание чемпиона Москвы по восточным единоборствам. Миша научил ее приемам корейского карате.

Третья жена — Марина, театровед, работает в крупной газете, вечерами занята театром.

— Наш сын, четырехлетний Игнат, — общий любимец. Все мои дети от него в восторге. Мы с Мариной развелись, Игната ко мне привозит его няня, и он неделями живет у меня. Марина вновь вышла замуж…

— Четвертый раз собираетесь жениться?

— Нет. Я в хороших отношениях со всеми женами и детьми. Одно я понял: детей не надо учить жить. Они живут в мире других ценностей. Но одно стоит им внушить: измены и предательства не надо воспринимать как мировую трагедию. Это, к сожалению, норма жизни, такая же печальная, как неизбежная смерть родителей. Так было, и так будет.

Вулканы тоже живут и умирают. К ним отношусь как к женщинам — строго и уважительно. Нельзя себе внушать, что завтра все будет так же хорошо, как вчера. Нельзя допускать небрежность ни на вулканах, ни с любимыми. Ко всему следует относиться с ответственностью и во всем быть точным. Ведь несчастье случается не в самых опасных местах, а тогда и там, где становишься небрежным или самоуверенным. Как на работе, так и в личной жизни: отложишь позвонить и все объяснить, допустишь небрежность — и потерпишь крах. А его можно было избежать.

11 марта 2005 г .

Северный сфинкс

Алексей Рыбников: «Если есть цель, если гонит азарт, то все вынесешь»

С молодых лет на него повесили клеймо авангардиста. А он упрямо шел своим путем и создавал шедевры в жанре симфорока. За выдающиеся успехи в искусстве Алексей Рыбников увенчан лауреатством «Триумфа» и Государственной премией. Невероятно: композитор написал музыку к 130 фильмам замечательных режиссеров. Среди них — «Остров сокровищ», «Приключения Буратино», «Вам и не снилось», «Тот самый Мюнхгаузен», «Андерсен», «Жизнь без любви», «Дети бездны», «Дело о мертвых душах». Шумный успех имела рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и опера-мистерия «Юнона и Авось». Они принесли ему всемирную известность. И независимую премию за высшие достижения в искусстве «Триумф».

Ученик Арама Хачатуряна еще в консерватории написал концертное каприччио «Скоморох», коснулся трагической судьбы шута, всю жизнь развлекающего толпу и погибающего в предсмертных муках. Отважный человек, он дерзнул в опере-мистерии «Литургия оглашенных» вступить на дантовский путь — показать картины рая и ада, чтоб мы осознали: наш мир сорвался в беспредел. В «Юноне» заставил поверить в непобедимость любви.

— Алексей Львович, на торжестве чествования лауреатов «Триумфа» в Музее изобразительных искусств прозвучала ваша сюита «Северный сфинкс» в исполнении ансамбля солистов Государственного академического симфонического оркестра имени Евгения Светланова. По музыкальному строю, по настроению — это глубоко русское произведение. Кем вдохновлялись? Чей образ не оставлял вас в покое?

— Вообще-то вначале был кинопроект. Я посмотрел материал, снятый на эту тему, вчитался в сценарий и понял, что меня с Александром Павловичем, нашим императором Александром Первым, косвенно связывает «Юнона и Авось»: именно он давал разрешение Резанову на путешествие. Интереснейшая судьба Александра Первого меня задела и вдохновила. И музыку я сочинял не так, как обычно пишут киномузыку, — это было мое посвящение нашему славному императору.

— Когда слушаешь эту музыку, ощущаешь: в ней словно растворена любовь. Притягательна погруженность композитора в

русский сюжет.

— Да, меня очень волнует эпоха начала XIX века. Меня поразило, что в России той поры не так много было музыки, в то время как в Европе наблюдалось подлинное кипение музыкальной жизни.

— *Особенно непривычно после скрипки, рояля, виолончели слышать в симфоническом оркестре солирующую гитару.*

— В эпоху Александра Первого она была особенно любима в домашнем музицировании. Для гитары и написан романс в духе Гурилёва и Варламова, которых я очень люблю.

— *Вашу музыку восторженно оценил Карден. Он проявлял какие-то знаки особого почтения к композитору Рыбникову?*

— *(Смеется.)* В имеете в виду финансовую поддержку?

— *Именно!*

— Нет-нет! Зато Карден подарил мне в 83-м году музыкальный инструмент — синтезатор, он до сих пор у меня работает. А в этом году свой день рождения я отмечал вместе с Карденом в его замке — поместье маркиза де Сада. Обсуждали новые проекты.

Французские зрители были захвачены оперой «Юнона и Авось» в театре «Эспас Карден». Марк Захаров в книге «Театр без вранья» воскликнул: «В сцене прощания Резанова и Кончиты, случалось, некоторые земляки наши, потерявшие свою родину, рыдали навзрыд… возникал акт совместного театрального экстаза».

— *Вас поразила такая эмоциональная экспрессия парижан?*

— Если со сцены идет живая эмоция, мощная энергия, это захватывает зрителя во всех странах. Ко мне там подходили люди со своими эмоциями, восторженно делились впечатлениями.

— *В недавно исполненной Шестой симфонии вас увлекла схватка Света и Тьмы. Вы вдохновлялись какими-то сегодняшними столкновениями или трактуете Тьму философски — она извечна и была всегда?*

— Об этом достаточно сложно говорить. Хотелось вернуться к истокам. Как же Тьма пришла в этот мир? Изначально был Свет. Бог сотворил мир светлым. Рожденные радовались: как же все хорошо и солнечно. И в какой-то миг возникло противостояние: появились зависть, ревность, предательство. В музыке это можно выразить одновременно и эмоционально, и по-философски абстрактно. Ей не нужна конкретная программа. Музыка может показать все в абсолюте: вот свет, вот терзание, вот сомнение, вот восстание, вот бунт. А вот оплакивание ангелов, которые погибли за братьев. Вот великая битва Света и Тьмы.

— В эти понятия-звучания вы не вкладываете никакого сюжета?

— Совершенно верно. Есть много симфоний, у которых нет никаких программ: у Моцарта, у Брамса, у Бетховена, у Чайковского.

— Кто слушал вашу Шестую симфонию, отметили ее безусловное достоинство — мелодизм.

— Яркий мелодический образ, мне кажется, — это то, без чего музыка не может существовать. Это мое старомодное, а может быть, и новомодное, признание. Хотя довольно долго существовала и музыка без мелодий. Как она будет существовать сейчас вновь без мелодий, я не знаю.

* * *

— Алексей Львович, ваш сын стал композитором. Сколько ему лет?

— Дмитрию уже 31. Первый раз его пригласил Ролан Быков в фильм, который снимала его студия. Сейчас у сына полнометражный анимационный фильм «Алиса. День рождения» по книге Кира Булычева. Там звучит Митина инструментальная музыка, много песен. Работает он также и над художественными и телевизионными фильмами.

— Так он уже ваш соперник!

— А вот уже нет *(смеется)* . Я потихонечку из кино хочу уходить. Сейчас написал музыку к «Пассажирке» Говорухина. Буду писать к фильму Хотиненко «На реках вавилонских», планируем новый фильм с Рязановым. Как видите, берусь только за исключительные кинопроекты. А так, чтоб кино стало наполняющим мою жизнь, — этого уже не будет. Сейчас меня захватили крупные формы.

— Дмитрий, наверное, уже женился?

— Да, несколько лет назад. Моей внучке 3 года. Он живет за городом, там у него есть студия.

— К вам в театральную студию дорогу не забыл?

— Ну что вы. Сейчас мы готовим премьеру «Звезды и смерти Хоакина Мурьеты». Я приглашаю его как музыкального продюсера: в этой роли он незаменим.

— Исполнителями будут исключительно артисты вашего театра?

— Будут артисты нашего театра, а также Светлана Светикова в роли Тересы, Игорь Сандлер — в партии Смерти, а в роли

Хоакина сразу два исполнителя — известный певец Дмитрий Колдун и молодой талантливый актер Данила Дунаев. В исполнении группы Дмитрия Четвергова музыка зазвучит вживую.

— Скажите, а внучка унаследовала сходство с отцом?

— Елизавета очень похожа на Рыбниковых. Все говорят, что она похожа на дедушку.

— Алексей Львович, вы не меняетесь. Мы не виделись лет десять, а вы все такой же молодец, только слегка прибавили в весе, на лице — ни морщинки.

— Наверно, потому что вес прибавил *(смеется)* .

— В последнюю нашу встречу ваша дочь Аня пела Кончиту для диска. Чем она сейчас увлечена?

— Аня полностью погрузилась в семейную жизнь. У нее трое детей: двое своих и один сын мужа. Моему внуку Степе уже 12 лет. Он учится в художественной школе, увлечен компьютерной графикой, маслом пишет замечательные пейзажи. И мы, как заботливая родня, боремся с компьютером, но пока безуспешно.

— Вы, помню, были страстным читателем. А дети и внуки не охладели к литературе?

— Им все-таки очень мешает массовый поток информации. Но когда Степа вместе с нами приехал в любимую нашу деревню, где нет компьютера (мы специально не взяли!), то взахлеб начал читать по сто страниц в день какую-то приключенческую литературу. Не забыл и про классику, и про школьную программу.

— Неужели не шел на рыбалку, предпочитая книгу?

— Успевал все. Но нас пугает, что внуков не так привлекает природа, как какой-то виртуальный мир.

* * *

— Алексей Львович, ваши глаза вспыхнули, когда вы коснулись любимой деревни. Где это она могла так сохранить свою привлекательность?

— Деревня под Переславлем-Залесским, в 180 километрах от Москвы. Она среди лесов. Там много монастырей — поистине святые места. Природа нетронутая, людьми не затоптанная, совершенно изумительная. Леса заросли. Тропки-дорожки, некогда исхоженные людьми, теперь совершенно потерялись. Словом, лесная стихия там живет по своим законам.

— Вы снимаете жилье?

— Нашему собственному тамошнему дому уже 20 лет. Без нас

за ним присматривают. Сейчас в нем произвели полную модернизацию. Думаю, там будет очень уютно.

— За домашней скатертью-самобранкой собирается иногда вся семья?

— Именно так и бывает. Два дня назад за столом собрались и дети, и внуки.

— Вы устраиваете застолье в саду?

— Сад есть, очень заросший, запущенный. Деревья сажала Аня. Правда, есть у нас громадная липа, ей сотни лет. Есть у нас и яблони, и вишня. С легкой Аниной руки все плодоносит. Получился красивый сад.

— К лесным дарам у вас есть любопытство?

— Практически не бываю в лесу — некогда. Но это самое любимое — пойти в лес за рекой, в самые заповедные места. Формальный повод — сбор грибов. Но самое интересное не грибы, а стихия леса.

— Вы отважный путешественник. Так и кажется, что вас вдохновляют стихи поэта и философа Данила Андреева: «Там волны вольные — отчаль же! правь! спеши! И кто найдет тебя в морях твоей души!»

— Действительно, люблю дикие стихии, особенно океан в районе экватора. Езжу на разные острова, больше всего люблю Мальдивы. Нам, к счастью, удается несколько раз в году туда съездить: там сочинять хорошо. Беру с собой ноутбук, это практически музыкальная студия.

— Последний раз где вы были?

— В Экваториальной Африке, в Кении и Танзании, проехали 1500 километров на джипе, были в национальных парках Масай-Мара, Серенгети, Занзибара.

— Однажды вы совершили путешествие по местам, где Резанов полюбил Кончиту. Как выглядят современные Кончиты, женщины экзотических мест?

— Кончита была в Калифорнии, а я посетил Венесуэлу. Впечатления незабываемые. А женщины в тех местах не такие хрупкие, как Кончита. Они полны физической энергии.

— Вы совершаете опасные путешествия в Южную Африку. Путешествуете с женой?

— Летаем вдвоем с Таней. Конечно, приходится делать разные прививки. Хотя неприятные случаи бывали — насекомые нас не щадили, зато какие впечатления получаем! Без них вряд ли можно было написать Шестую симфонию. Когда видишь камни для жертвоприношения индейцев в знаменитом месте Мачу-Пикчу, в лесах Перу, испытываешь необъяснимое волнение. Одно дело — видеть такое в кино, и совсем другое — соприкоснуться с

этим вблизи, почувствовать энергетику иных времен. Пролетая над Наска, имеешь возможность видеть огромные древние рисунки на земле, таинственные и прекрасные, поражаешься искусством пространственного мышления их создателей. И не можешь принять версию, что все это сотворили индейцы.

— А кто же это мог сделать? Пришельцы?

— В пришельцев не верю. У меня ощущение — эти великие творения могла создать очень высокая цивилизация, существовавшая до Потопа.

— Представляю взрыв ваших эмоций при виде великих странностей. Как вы все это переносите — психологически и чисто физически?

— Вообще-то это огромные физические нагрузки. Мы совершили 11 перелетов в течение 13 дней — и на вертолетах, и на больших самолетах. В последний раз в Африке летели на воздушном шаре. Но если есть цель, если гонит азарт, то все вынесешь. Трудности забываются, а остается сильнейшее впечатление от нехоженых троп и недоступных туристам мест.

— Наша Сибирь не зовет к своим тайнам?

— В Сибири я был только в Томске, больше не складывалось. Европейскую часть России знаю лучше: ездили в Петрозаводск, в Карелию, бывал в брянских лесах и в степях Приволжья.

— Вы производите впечатление очень тренированного и закаленного спортсмена.

— Я не тренированный и не могучий. Когда работаешь с перенапряжением, тогда необходима физическая встряска: только она может погасить стресс творческий. Просто отдыхать: читать, лежать, бездельничать — не для меня. Я бы от неподвижности, наверно, заболел.

* * *

— Ваш театр трудно выживал. Какое у него сейчас самочувствие?

— Театр работает очень интересно. Постоянно идут мюзиклы: «Приключения Буратино» и «Красная Шапочка». Они очень хорошо воспринимаются публикой, и даже летом в Театре киноактера идут постоянные спектакли. Мы проводили семейный музыкальный фестиваль «Буратино» в разных городах России. Сейчас театр выпускает рок-оперу «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». По-прежнему наша главная проблема — помещение. Наш театр сейчас государственный, он в системе Департамента культуры Москвы. Но нам приходится арендовать даже

репетиционные базы, не говоря уж о концертных площадках.

— Надо бы для музыкального театра построить новое здание по современным требованиям и возможностям, поскольку новый театр требует нового пространства.

— Дай Бог, если исполнятся обещания, данные нам официальными лицами.

— Счастливого путешествия, Алексей Львович, и вам, и вашей музыке.

28 января 2009 г.

Опасный полет к Юпитеру

Леонид Зорин: «У меня все-таки было сердце молодого футболиста»

Театральные люди любят пьесы этого дерзкого драматурга. В них великолепные диалоги, каждая фраза сверкает гранями отточенного слова, герои осмеливаются показывать свою прельстительность, женщины покоряют духовным излучением. В последние годы Леонид Зорин раскрыл свой талант прозаика. Он не стремится стать фаворитом толпы, не входит в тусовки, где любят и ненавидят по общей установке: свой — чужой. Он сознательно выбрал затворничество: «…в отдельности есть своя магия». В 15 странах поставлены 12 его пьес, в том числе «Покровские ворота», «Римская комедия», «Царская охота». Однако Зорин избежал тщеславия, «не уронил себя радостью». И вот триумфальный успех — в 2009 году Зорин стал лауреатом престижной премии «Большая книга» за сборник мини-романов «Северный глобус».

Прививка не действует

— Леонид Генрихович, вы испытывали тревогу, касаясь темы Сталина? Ведь советский Юпитер даже из Аида достает нас.

— В моих «Зеленых тетрадях» есть давняя запись: «Никогда не смог бы написать художественного произведения о Сталине». Душит ненависть. Признаюсь, эта запись моя меня как-то задевала. Что это значит — не могу? Почему же?

— Сколько мастеров с легкостью клепали и раскрашивали сталинский сюжет!

— Написать прокламацию очень легко. Но от прокламации до художества лежит дистанция огромного размера. Я понимал: писать о нем нужно, поскольку перестала действовать прививка против этого человека. Что-то, видимо, скрыто в нас всех, и это «что-то» пробуждает потребность в жестокой руке палача… Видимо, она есть, существует. Писать об этом надо. Я понял, что мое авторское спасение в том, чтобы писать от его имени. Тогда не будет брани с моей стороны, открытой или завуалированной, я останусь в пределах художественного произведения.

— А он оттуда, из кромешного небытия, может вам навредить за то, что вы залезли в его душу?

— О себе-то думаю — я устою: достаточно трезвый человек. Боюсь его влияния на всех! Это страшнее. Боюсь за всю нашу несчастную страну. Здесь его влияние совершенно очевидно.

— Ваши близкие от Сталина пострадали?

— Нет. Но пострадали многие вокруг меня, и не обязательно было знать пострадавших лично, чтобы переживать за их судьбы. Мой отец был человеком совершенно исключительных нравственных качеств. Во время репрессивной вакханалии 30-х годов, когда сослуживцев отца объявляли «врагами народа», на собраниях, где против них «единодушно» голосовали, отец обычно сидел с руками, скрещенными на груди.

— В «Авансцене» вы приводите трогательное признание вашего отца: он был уверен, что уцелел потому, что маленький сын успел завоевать общие симпатии бакинцев.

— Да, он почему-то считал будто я его «оборонял» — охранял. Я был бакинской «достопримечательностью»: в 9 лет у меня вышла книжка стихов.

— Кто вам помог издать?

— Я писал стихи. Директор издательства предложил их напечатать… Народный комиссариат просвещения отправил меня с моей книжкой в Москву. Меня направили к Алексею Максимовичу Горькому. Приехал я к нему на дачу в Горках вместе с Бабелем.

— Фантастика!

— У Горького меня познакомили с Маршаком. Алексей Максимович хотел, чтобы Маршак «шефствовал» надо мной… У нас потом с ним были теплые отношения.

Конечно, смешно было считать, что мой детский поэтический успех мог как-то «оборонить» моего отца. В этом смысле отец был глубоко наивный человек. Но по характеру, по убеждениям, по принципам он был из единого куска стали. Жизнь его была невеселой. Очень образованный человек, он знал одну постоянную радость — беседовать со мной. Представляю, каким ударом для него стал мой отъезд из Баку. Остался обездоленным.

Пришла любовь, и я женился

— Как вы себя чувствовали в театральной среде?

— Многие годы я отдал драматургии, а стало быть, и театру. Там своя жизнь, достаточно пестрая, шумная… Я написал 49 пьес. А пишутся они совсем по-другому, нежели проза. Очень долго пьеса в вас прорастает. Вы начинаете осязать свои персонажи чувственно, предполагать, как они поступят в тот или другой момент… Но когда вы понимаете, что они уже ваши и вы с ними, то записать пьесу можно сравнительно быстро. Она пишется на одном дыхании, как теперь говорят, на драйве. Тогда получается. Пьесу «Добряки» я написал за шесть дней. Работал по 11 часов в сутки. Был молодой, и меня нельзя было оттащить от стола.

— Бунин, никогда не писавший пьес, гениально определил особенность драматического произведения: пьесы отточенностью

форм, крылатостью языка родственны стихам. Вы интуитивно чувствовали это, переходя от стихов к пьесам? Ведь и стихи разваливаются, если плохо сделаны.

— Вы верно считаете: в пьесах много от стихов и особенно от музыки. Не будем говорить о нас, смертных, зато в высших образцах всегда ощущается звон металла.

— В ваших пьесах кипят страсти, сталкиваются и разбиваются судьбы. Если автор сам не любил, не страдал, то и пьеса никого не заденет, не растревожит.

— Я ничем от других молодых южан не отличался. Да еще играл в футбол в юношеской команде. А футбол — дело страстное!

— Вы к тому же еще и шахматист.

— Да, я имел в 13 лет первую шахматную категорию — примерно кандидат в мастера.

— Представляю, какой успех вы имели у девчонок.

— Все было брошено ради литературы. Я был сумасшедший графоман. Исписывал горы бумаги.

— Зрителей, видевших ваши «Покровские ворота», «Царскую охоту», «Медную бабушку», интересует собственный чувственный опыт автора.

— Такой же, как у всех.

— Не поверю. Зорин в литературе ищет свой неповторимый стиль. А вот в любви он, дескать, как все. А у всех — сегодня одна любовь, завтра — другая.

— Конечно, смешно делать моралиста из человека, который прошел школу бакинского стадиона… Но модное теперь раздевание на газетных полосах считаю дурным тоном.

Леонид Генрихович скромничает, а вот его лирические герои видят женщин насквозь. Прекрасным авантюристкам адресуют особые комплименты: «Ну и женщина! Идешь и качаешься. Каждым взглядом отправляет в нокаут. Словно током, с ног сшибающим током». Герои, вдохновленные знанием автора, с особым удовольствием принимают женский одухотворенный соблазн: «Ах, серебряные колокольчики светлых лирических героинь — надбытность, поэзия, беззащитность, черт бы вас взял со всей вашей лирикой! А эти контральтовые тембры женщин, рожденных для страсти и смерти, — мороз по коже, сладкая бездна! Но вдруг поймешь, что ни бездны, ни тайны нет и в помине, все на поверку — тонкая игра мизансцен». В отличие от своих персонажей Леонид Генрихович был счастлив в семейной жизни.

— Пришла любовь, и я женился. Генриетта Григорьевна была театроведом…

Леонид Генрихович подводит меня к большому портрету красивой обаятельной женщины.

— Генриетта Григорьевна была женщиной совершенно замечательной, человеком глубокого ума, исключительных личных качеств… Через год после первой встречи мы поженились. Она подарила мне сына — оправдание моей жизни. Андрей — известный ученый-филолог. Его мама прошла со мной мой очень нелегкий путь. Мы прожили с ней 32 года.

— Леонид Генрихович, вы 5 лет вдовствовали. Сполна познали горечь одиночества?

— Иначе и быть не могло. Выручила способность к волевому усилию. Ежедневно — без выходных и отпусков — садиться за стол и работать, работать…

— Шумные премьеры ваших пьес, общение с самыми красивыми женщинами в театре — все это заставляет думать, что свою новую любовь вы встретили на сцене.

— Не угадали. С Татьяной Геннадиевной меня познакомил мой сын Андрей, в то время аспирант Геннадия Николаевича Поспелова, патриарха нашего литературоведения. В свое время в Литературном институте я сам учился у Поспелова. Меня пригласили на его восьмидесятилетие. Там я встретил его дочь Татьяну и… погиб! Женился в 61 год.

— На папином торжестве виолончелистка Татьяна музицировала?

— Нет-нет. Такое домашнее музицирование из другой оперы. Потом, конечно, я бывал на ее концертах. Сейчас она преподает в Российской академии музыки имени Гнесиных. Педагог она, на мой взгляд, превосходный. У нее замечательные отношения со студентами. Признаюсь, Татьяна Геннадиевна — очень строгий мой критик. Мне повезло — обе мои жены не позволяли себе восторгов по поводу того, что я писал. Они не «писательские» жены. Климат обсуждения всегда был и есть жесткий, даже жестокий, чрезвычайно требовательный. Мне всегда доставалось. Они считали, что я пишу хуже, чем мог бы. Это дисциплинировало меня.

— Но, наверно, и раздражало?

— В первый момент. Но уже минут через десять, когда отойдешь, ничего, кроме благодарности, не испытываешь. Конечно, рядом с такими строгими судьями не расслабишься. Они очень высокие планки воздвигают, и, естественно, соответствовать этим требованиям я не могу. Но стараться должен.

— Мне сказали, что у вас появилась правнучка.

— Внучку Андрея назвали в честь прабабушки: она тоже Генриетта Григорьевна.

— Где Андрей Леонидович сейчас профессорствует?

— В РГГУ. К тому же он еще преподает в американских университетах. Его книга «Кормя двуглавого орла» имела весьма широкий отклик. Другая только что вышла в издательстве «НЛО». Это книга очерков «Где сидит фазан». Очень горд тем, что он посвятил ее мне.

Губительные «Гости»

После разгрома спектакля «Гости» в Театре Ермоловой по пьесе Зорина главного режиссера Андрея Лобанова лишили театра. Двадцатидевятилетний драматург пережил стресс, и у него внезапно обнаружилась тяжелейшая чахотка с кавернами. «…Утром, едва я раскрыл глаза, с изумлением почувствовал в горле какое-то грозное клокотание. Я не успел позвать жену — потоком хлынула алая влага… Настоящее извержение крови…» Беда случилась в воскресенье, за городом. Юрию Трифонову удалось остановить чужую машину. «Меня осторожно погрузили, жена села рядом. Юрий насупился. Можно было легко понять — он не уверен, что я доеду. Да я и сам в это мало верил. Все эти дни смерть была так близко… Я уже понял — она возможна» («Авансцена»).

— Для властей и официальной критики я был мишенью. Почти ни одна моя пьеса не выходила без скрежета. Своими пьесами я сократил жизнь многим режиссерам. Прежде всего Лобанову. Но и Завадскому, и Рубену Симонову, и Товстоногову.

— Слава Богу, Леонид Генрихович, вы победили свои болезни.

— У меня все-таки было сердце молодого футболиста. В общей сложности болезнь моя меня одолевала пять лет. Три операции перенес. Но вот ничего — сидим и говорим.

— Наверно, там, в одиночестве, вы вновь стали писать стихи.

— Я пишу их всю жизнь.

— Но почему-то не издавали.

— Не издавал, но я их просовывал то в «Зеленые тетради», то в другие книги и пьесы — своя рука владыка.

— Поэзия — это звук. Сейчас не понимают, что и проза имеет ритм.

— Без ритма вещь получается хаотическая, неоформленная. Я постепенно перешел к прозе, и расцениваю это как самый серьезный поступок в моей жизни. Разумеется, люблю диалог. Театр очень опасен. В нем ты зависишь от посредников. В прозе

ты сам отвечаешь за все. Сфальшивил — отвечай. В пьесе ты не все можешь доверить своему герою. Ты должен раствориться абсолютно. Если сам вылезешь — это нехорошо. А в прозе автор может выйти на первый план и говорить от себя. И вот однажды я ушел в прозу. И вновь познал все тяготы жизни новичка. Выяснилось: все, что наработано мною на свою скромную литературную репутацию, ничего этого нет.

— В ваших «Зеленых тетрадях» есть тревожная фраза: «…был нацелен на катастрофу». Сегодняшнее состояние России вы не воспринимаете как катастрофу?

— Оказалось, очень сложно войти в другую формацию. Разумеется, это было необходимо. Я — исторический пессимист, потому что очень уж несовершенен и порочен человек. Я вслед за Алексеем Максимовичем не повторял, что человек — это звучит гордо. На мой взгляд, человек — это звучит горько. За свою долгую жизнь я видел в человеке больше дурного, чем хорошего, и не только у нас, таков он всюду — в Индонезии, в Шри-Ланке, в Соединенных Штатах, в Германии. Благополучная Швеция стоит на первом месте по числу самоубийств. Люди устроены не лучшим образом.

Долго ли будет наша планета вертеться? Не знаю. Перейдем ли мы через XXI век? Не уверен. Когда ружье повешено на стене, оно должно выстрелить. Мы слишком много уничтожили врученного нам. Высшая сила дала нам маленький живой островок во Вселенной. Мы распорядились им плохо. Мы терзаем нашу Землю. Она ограблена, изувечена. Ей угрожает парниковый эффект, над ней озоновые дыры. Ядерные запасы когда-нибудь грохнут. Людей бессмысленно и озверело убивают. Вот мой герой и говорит (простите за самоцитату): «Не век, а какая-то скотобойня».

Страшно, что преступниками становятся даже малолетние дети. И наша история, и телевидение со своими жестокими боевиками приучили детей к ощущению, что жизнь человеческая ничего не стоит. В сочинениях девочки пишут, что хотят стать путанами, а мальчики примеряют профессию киллера. Что же мы сделали с их сознанием?

— Готова почва для прорастания дьявольского семени?

— Игра с дьяволом — это еще игра с самим собой, с тем Аидом, о котором вы сказали и который способен поселиться в каждом.

— Как важно юному существу встретить мудрого и совестливого человека, как встретили вы в молодости режиссера Андрея Лобанова.

— Я вблизи видел Горького, Бабеля, многих знаменитых

людей. Но никто для меня не стоит рядом с этим человеком. Даже когда он молчал, чувствовалось, что от него исходит холодок бессмертия.

— В среде творческих людей во все времена шла и идет борьба за лидерство. Как вы к этому относитесь и почему не участвуете в ней?

— Я никогда не засорял своей головы такой чепухой. Литература — это не спорт…

Любимцы муз

Грешен на меду

Евгений Евтушенко: «Мне было пятнадцать. Женщина эта, пасечница, дала мне первый чувственный опыт»

Евгений Александрович внезапно оказался в юбилейном возрасте. Сам удивлен: ему, артисту на карнавале жизни, вдруг 70! Он и сейчас может бросить мальчишескую фразу: «Мне нравится в лицо врагу смеяться и женщину нести через ручей».

Он написал немало покаянных стихов. Играл в раскаяние? Скорее всего Евтушенко всегда играет самого себя. Но, согласитесь, звонко и откровенно звучат эти строки: «Я разный — я натруженный и праздный. Я целе— и нецелесообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и добрый. Я так люблю, чтоб все перемежалось, и столько всякого во мне перемешалось — от запада и до востока, от зависти и до восторга». Критикуйте его — он все равно скажет сам о себе резче и ярче!

— Евгений Александрович, пришло время вспомнить о ваших предках. Кто из них подарил вам ген поэзии?

— Мои родители были очень разными людьми. Я ношу имя моей мамы, Зинаиды Ермолаевны Евтушенко. Ее отец, полуграмотный крестьянин, вернулся с Первой мировой войны кавалером трех Георгиев. В революцию перешел к красным, был начальником артиллерийских складов РСФСР, носил два ромба. Но это его не спасло: был обвинен как «враг народа» и сгинул — то ли умер в лагере, то ли был расстрелян.

— Ваша мама — украинка?

— Там и белорусские, и украинские, и даже польские источники. Один из моих прапрадедов был обедневшим польским шляхтичем, пришлось ему служить у жестокого помещика управляющим. Он возглавил бунт против этого злодея и был выслан в Сибирь, на станцию Зима, вместе со всеми бунтовщиками.

— Женя, ходят всякие слухи, почему вы не носите фамилию отца.

— В XVIII веке во время какой-то эпидемии одна вдова с четырнадцатью детьми переселилась на территорию современной Латвии. Ее дети стали замечательными стеклодувами, женились в основном на латышках. До меня дошла уникальная реликвия из тех времен — хрустальный шар с потрясающим внутренним свечением. Фамилия моего деда явно немецкого происхождения — Гангнус.

— В Германии живут носители этой труднопроизносимой фамилии?

— С такой фамилией сейчас там восемь человек. Считаю их своими дальними родственниками. Они меня сами нашли…

— Где встретились ваши родители?

— Они учились в МГРИ — Московском геологоразведочном институте, а подружились в летней экспедиции. Когда я читал маме свою поэму «Братская ГЭС», она вдруг заплакала и достала пожелтевшую фотографию, где она с Александром Гангнусом. Оба они были очень красивы — я не в родителей.

— Ну что вы, получился очень хороший экземпляр сына любви!

— На той карточке мама в сапогах, в откинутом с лица накомарнике, юная, грациозная, сидит на лошади около горы. Папа ей помогает сойти с коня, как истый кабальеро. Стоят палатки, горит костерик, на карточке — надпись: «На месте изысканий будущей Братской ГЭС. 1932 год». Увы, потом они разошлись.

Мой папа был романтиком, писал стихи. Так что ген поэзии мой, в общем, от отца. Он был ходячей антологией русской поэзии. Много читал наизусть… На его могиле на Ваганьковском мы с братьями — его сыновьями от второго брака — поставили памятник, на нем высечены четыре строки из папиных стихов: «Отстреливаясь от тоски, я убежать хотел куда-то, но звезды слишком высоки и высока за звезды плата». Он написал это гениальное стихотворение в 18 лет. В детстве я носил фамилию Гангнус. Но во время войны учительница физкультуры настраивала мальчиков не дружить со мной: «Он немец!» А ведь мой дедушка был немецко-латышской крови. Моя бабушка, чтобы ко мне не приставали, записала меня на фамилию матери. После появления в печати моего «Бабьего Яра» антисемиты изобрели версию, что я еврей, хотя у меня и доли еврейской крови нет.

— В юности какая-нибудь предсказательница угадала вашу яркую судьбу?

— Долго я хранил записочку, которую мне вытянула морская свинка на толкучке станции Зима во время войны, — там я родился, и сейчас в доме моего детства открыт Музей поэзии. В записочке я прочел: «Ждут тебя, пацан, многие путешествия. У тебя будет пять детей и большая слава». Все сбылось: у меня пятеро сыновей и худая ли, хорошая ли, но слава имеется.

— Ваша первая любовь была отмечена чем-то странным?

— Первую девочку я поцеловал не в губы — поцеловал ей руку. Во время войны мы делали маленькие снарядики для фронта. Стояли на ящиках, чтобы достать до станка. И вдруг работу прекратили и сказали: «Сейчас будут играть особую

музыку». Остановив станки, мы высыпали на улицу. Падал снежок. Из черной тарелки репродуктора донеслось первое исполнение «Ленинградской симфонии» Шостаковича. Я стоял рядом с девочкой Жанной, потому что был в нее влюблен. Она слушала музыку и вся трепетала. Впервые я понял, что может делать с человеком музыка. В свои 9 лет она была такая красивая! И я поцеловал ей руку.

— А чувственную любовь когда познали?

— Это не любовь, а чувственный опыт. Ей было 27. Война сделала ее вдовой. Мне было 15. Женщина эта, пасечница, дала мне первый чувственный опыт.

— Ну что ж — стал грешен на меду.

— Хорошо сказано! Меня к тому времени выгнали из школы, заподозрив, что именно я, получивший два кола, сжег классный журнал, хотя совершил этот героизм не я. Позднее выяснилось: поджигателем был отличник, будущий членкор академии. Подрядился я тогда работать в геологоразведочной экспедиции. Был я тоненький, но высокий. А когда все произошло, я сказал моей первой «сладкой» женщине, что мне 19 лет. С ней случилось что-то невероятное. Эта замечательная женщина упала перед иконой и просила у Бога прощения… У меня вообще не было плохих женщин.

— Ваши сыновья от разных женщин. У них нет конфликтов?

— Сыновья знают друг друга, и у них нормальные отношения. Женщины всегда были моими лучшими друзьями. Я написал: «У меня никогда не было ни одной непорядочной женщины. Каждая женщина была порядочной потому, что была со мной».

— Однако вы мастер на комплименты самому себе. Но лучше назовите своих любимых по именам.

— Первая любовь у меня была к девятнадцатилетней актрисе из Одессы. А мне было тогда 16. Лена сшила для меня галстук, и на свое первое выступление в 49-м году в парке «Сокольники» я надел этот галстук. Лена очень любила мои стихи, но, к сожалению, Елена прекрасная уже умерла… Потом — совсем серьезная любовь к Белле Ахмадулиной. Влюбился в нее еще до Литературного института.

— Таинственная, обворожительная женщина, интереснейший поэт — как не влюбиться!

— Таинственного в ней ничего не было. Сейчас трудно представить, но в Литинституте Белла была секретарем, старостой курса. Комсомолка-идеалистка. Я написал о ней прелестные стихи. В свой медовый месяц мы поехали с ней в Грузию. Там переводили грузинских поэтов вместе. У меня даже вышла книжка переводов Мачавариани. Белла переводила сама и

помогала мне. Нам даже трудно сейчас было бы вспомнить, кто чего переводил. Думаю, что половина ее переводов вышла под моей фамилией. Ахмадулина очень быстро и талантливо все схватывала.

— Потом по Москве ходила сплетня, что Евтушенко увел жену друга — поэта Луконина.

— Болтали, не зная, что брак Лукониных распадался, и мой, увы, тоже находился накануне развала. Мы с Галей к тому времени страдали от одиночества.

— Ее грустное одиночество чем вы лечили?

— Стихами. Галя очень любила стихи и тонко их понимала.

— Вы нежный человек?

— Я был молодой и не всегда поступал правильно. Я вообще далек от идеала. Но всех женщин своих любил. Правда, есть у меня одно качество — оно может быть и достоинством, и недостатком: я ужасно любопытный, ненасытный до жизни человек. Но никогда я не был замешан в заговоре против женщины. Не становился на сторону одной из моих жен против другой. К сожалению, я не мог закрывать глаза и не видеть, не воспринимать женскую красоту.

— Обольщаться поэту не запретишь.

— Но все-таки такое не проходит бесследно.

— У вас с Галей тоже не было детей?

— Мы усыновили мальчика Петю и любили его как родного. У него сложная судьба. Учился в Америке, потом вернулся. Он талантливый художник.

— В СССР наделал шума ваш брак с молодой англичанкой: Евтушенко совершил очередной экстравагантный шаг.

— Без любви я не женюсь. Джан Батлер родила мне двух сыновей — Сашу и Тошу. Саша живет со своей мамой в Лондоне. Мы с ним очень дружны.

— Где вы познакомились с Джан?

— В ресторане «Арагви». А подумал тогда, что эта яркая леди — американка, и спросил ее опрометчиво: «Вы из какого штата?» Ответ был как выстрел: «Я из Англии. Это еще, слава Богу, не американский штат». Мне это очень понравилось. Мы с Джан тоже любили друг друга. Все осложняла тяжелая болезнь Тоши. С ним случилась внутриутробная инфекция. Джан героически боролась за Антона — он даже ходить не мог. Она делала все возможное и поставила Тошу на ноги. Он чудесный мальчик. Конечно, я не мог уделять ему столько внимания, сколько Джан. Ни один мужчина не способен на такое самопожертвование. Когда мы разошлись, Джан вышла замуж. Она хочет, чтобы я чаще виделся с детьми.

— И наконец, вы женились на Маше.

— Заметьте, все мои первые жены не были русскими. Белла — итальянотатарка. Она потомок рода Стопани. Галя — еврейка. Третья — англичанка. Маша — мой первый брачный эксперимент с молодой русской женщиной.

— Наиболее удачный, кажется?

— Не знаю, — говорит поэт и улыбается, как скрытый хищник. — Нашей семье уже 17 лет.

— Евгений Александрович, сегодня в электричке я познакомилась со студентами железнодорожных колледжей — Рязанского и Саратовского. Они захотели вас кое о чем расспросить. Вот один вопрос: «Если бы на то была ваша воля, что изменили бы вы в своем прошлом?»

— Ничего! К прошлому не подходит сослагательное наклонение. Даже если бы мне предложили вновь стать шестнадцатилетним и в обмен забыть все, что я пережил, ни за что не согласился бы.

— И еще вопрос студентов: «Что вам нравится в современных девушках, а что вызывает протест?»

— Они все совершенно разные. Есть девушки-идеалистки. Они были и будут всегда. Но мне не нравится определенная категория молодых особ. Появилась некая новая порода женщин — в их глазах можно уловить какое-то компьютерное щелканье. Совершенно очевидно просчитывается: «Что с этого человека буду иметь?» Не обязательно деньги, а какой-то нужный контакт, работа ли, поездка ли — словом, ищут какую-то прибыль. Они профессионально и мгновенно производят свой подсчет. Правда, стараются скрыть свои виды на человека, но никакой макияж не скроет их намерений.

— Евгений Александрович, какие стороны души должен проявить солидный человек по отношению к своей молодой жене, чтобы ей с ним было комфортно и не было бы одиноко и скучно?

— Мы с Машей очень разные люди. У нас часто не совпадают взгляды на литературу, на воспитание детей. И многое другое. Мы часто спорим на различные темы, даже ссоримся.

— Как Маша себя чувствует за границей?

— Она хорошо говорит по-английски. В России была блестящим врачом, но, к сожалению, в Америке нет доверия к русскому медицинскому диплому. И Маша закончила заочно Петрозаводский университет по преподаванию русского языка иностранцам. Сейчас она стала очень успешным учителем в городе Талса, штат Оклахома. В детстве я влюблялся в училок, а теперь у меня жена — училка.

— Когда-то вас старались «достать» вашей фразой: «Со мною

вот что происходит — ко мне мой лучший друг не ходит…» Сохранились ли у вас хорошие отношения с кем-нибудь из поэтов?

— Поэту с поэтом трудно ужиться. Нормально, что люди расходятся. У меня замечательные отношения с Евгением Рейном, который был учителем Бродского, с Александром Кушнером, с Александром Межировым.

— *Вы встречались с Межировым в Америке?*

— Он живет в Портленде. И до сих пор классно пишет стихи, сейчас готовит собрание сочинений.

— *Как устроен его быт?*

— Он живет в доме для престарелых. Получает пенсию как ветеран войны. За пребывание в доме платит какой-то маленький процент от пенсии. В Америке много добровольцев, помогающих старикам. Скажу вам: там многие старики продолжают учиться. У нас в институты принимают до тридцати пяти. В США учатся даже семидесятилетние вместе с молодыми. Они дружат. Юные становятся мудрее, а старики сохраняют радость жизни. Ходят друг к другу в гости, спорят. Это, представьте, все происходит на моих курсах. И выпивоны после каждого курса мы устраиваем. Дружу со своими студентами. Езжу выступать по всей Америке — везде у меня читатели.

— *У вас богатая американская биография. Вам часто приходится выступать в аудиториях, где принимали Иосифа Бродского и любили его. А Бродский в ряде интервью не очень лестно отзывался о поэте Евтушенко.*

— Оставляю это на его совести. Об этом не хочу говорить.

— *Повредило ли мнение нобелевского лауреата авторитету Евтушенко за границей?*

— Нет. Очень трудно найти грамотного американца, который не знал бы мои стихи. «Бабий Яр» знают все.

— *Ваш день рождения 18 июля. А на следующий день мир отмечает 110-ю годовщину Маяковского. Вас это вдохновляет?*

— Мне сейчас досталась колоссальная награда за мою давнюю любовь к Маяковскому — я приглашен в Багдади, где родился великий поэт. Кстати, американские студенты очень любят Маяковского. Мы вслух читаем «Облако в штанах». Гениальное произведение! Пастернак ценил его раннее творчество, понял трагедию поэта и написал лучшие стихи на его смерть. 18 июля я встречаю своих читателей, как всегда, в Политехническом, на следующий день лечу в Багдади — там отметят сдвоенный день рождения — Маяковского и мой. Для меня колоссальная честь.

— *На вашем концерте выступят ваши сыновья и ваш американский ученик, композитор и пианист Чарли Халка.*

— Он играл в Петербургской филармонии и имел большой успех. На этом концерте была премьера моего стихотворения «Ленинградская симфония». Я читал стихи, и звучал Шостакович. Что творилось в зале! Играл темиркановский оркестр. Я пел там свою первую песню, написанную с композитором Эдуардом Колмановским, «Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня». Она стала народной. В Москве прозвучит моя новая песня на музыку Мориса Жарра, написанную к фильму «Доктор Живаго». Я всегда удивлялся, как это француз написал такую потрясающую, очень «чайковскую» музыку. Потом узнал, что у него обе бабушки — русские. Все-таки генетика сказалась. Но в фильме эта дивная мелодия звучала без слов. Я написал стихи.

И Евгений Евтушенко начинает петь — очень нежно и грустно:

Если, крича, плачу — почти навзрыд.
Словно свеча, Лара в душе стоит.
Мир пустоват без огонька в ночи.
И Пастернак с Ларой — как две свечи.

Евтушенко радуется, что в обожании женщин он совпадает с Пастернаком, и цитирует строки поэта: «С детских лет я ранен женской долей. Поэт — только след ее путей, не боле». Наш Евгений в присутствии женщин становится гением пышного комплимента. После восхищения — «какие девочки в Париже — просто жарко» — он тут же вознесет до небес свою русскую спутницу: «Но ты не хмурься на меня и знай: ты лучшая в Париже парижанка». Таков он, Евтушенко: в любом возрасте — Женя.

14 июля 2003 г.

Летающий Евгений

Евгений Евтушенко: «Очень трудно найти таких прекрасных собутыльников»

Поэту Евгению Евтушенко 18 июля исполняется 75. Удивляйтесь и завидуйте — он любит жить в жестком ритме: летает читать лекции в университет, в Оклахому, вновь возвращается в Москву, возносится над Европой и курсирует над Россией. У поэта особая миссия — растопить людские сердца поэтическим словом, взбудоражить озорством мысли и даже эпатировать постные вкусы, представ перед публикой в рубашке неимоверного цвета, вроде яркой метафоры. Накануне дня рождения Евтушенко нарасхват. Но не рискнула по жаре мчаться к нему в Переделкино. А телефон-то зачем? И вот…

— Алло, Женя, «МК» приветствует тебя с твоим жарким летом.

— Нату-у-ленька, спасибо! Но приехать в редакцию сейчас не могу — в замоте.

— Пообщаемся виртуально. Скажи чувствуешь ли свои пугающие цифры лет или твой возраст отдельно, в паспорте?

— Будем считать, что 75 — это правда. Но для меня эти понятия существуют отдельно. Я сейчас нахожусь под впечатлением от большой поездки по России с рок-оперой «Идут белые снеги» — ее написал композитор Глеб Май на мои стихи. Маршрут оперного путешествия огромен: Петербург, Нижний Новгород, Краснодар, Саратов, Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Петрозаводск — вот такая очень сложная зигзагообразная амплитуда. Всюду меня встречали переполненные залы. Я читал стихи, какие-то наизусть, какие-то с листа. Публика просила новых стихов. Еще хочу сказать: после празднования дня рождения я продолжу путешествие по России — прежде всего поеду в Иркутскую область. Ее территория равна трем Франциям. Планирую выступить семь раз. Конечно, не забуду свою родину, станцию Зима. Самое радостное для меня в этой поездке — встречи с народом в переполненных залах. Я видел огромное количество молодых ребят. Они сидели рядом с шестидесятниками как ровесники, тем же интересом горели их глаза.

— Женя, как ты выдерживаешь такой ритм?

— Я благодаря этому и живу. От этих выступлений я набираюсь сил, чувствую веру людей в поэзию, в Россию, и сам начинаю верить в возможность единства поколений, когда их

объединит любовь к искусству и мысль о настоящем и будущем, сблизит общая надежда.

— Ты любишь поэтические фестивали. Какой был последний?

— Я побывал наконец-то на Грушинском фестивале авторской песни на Волге под Самарой, на Жигулевских горах. Здесь сама природа подарила великую сцену для поэзии, для поэтического голоса. Этому фестивалю 35-й год, но, к сожалению, я приехал на него первый раз. Не могу простить себе, что до сих пор сюда не добрался. Сейчас, к сожалению, название «Фестиваль авторской песни» стало слишком узким. На самом деле он стал фестивалем ПОЭЗИИ: здесь читают стихи, поют, прекрасно общаются. Поразительно, что инициатором этого замечательного начинания стал Валерий Грушин. Но он, к великому горю, погиб, спасая детей недалеко от станции Зима, когда перевернулся плот. Ему и посвящен этот фестиваль, фактически молодежный. К сожалению, он разделен на две части из-за каких-то финансовых недоразумений его организаторов.

— Они собираются в разных местах?

— Да, на двух склонах Жигулевских гор. И на каждом было не менее чем по 50 тысяч. Меня поразила эта увлеченность людей поэзией. Расстояние между ними около полутора километров. Заключительный концерт начинали в семь часов, а закончили в половине третьего. И когда я запамятовал одну строчку своих стихов, множество голосов ее повторили для меня. А фонарики в руках слушателей на двух горах издалека можно было воспринять как свет прозревших людей. Меня это поразило. Предлагаю нашему телевидению: вместо невыносимо скучных новогодних концертов показать запись фестивального концерта на Жигулевских горах, чтобы вся страна видела, какие у нас замечательные таланты.

— Женя, с годами не исчезает твоя энергия, азарт непременного общения с читателем кажется заразительным. Что тебя омолаживает?

— Ну как сказать? Когда я вижу на концертах лица замечательных людей, то ощущаю прилив необычайной энергии. К сожалению, этих лиц не видит страна. Каждый день на экране — невыразительные лица нашей попсы, поющей низкокачественные песни. Эти песни запомнить совершенно невозможно. Фактически попса занимается пропагандой низкопробного вкуса. Своей вульгарщиной они отравляют сознание молодых людей. Отравленные этой попсой, они не могут читать ни Пастернака, ни Мандельштама. В моей рок-опере были строчки: «Любви стесняемся, молодечествуя, и прячем даже любовь к Отечеству». Я говорю не о той показной любви

официальных патриотов, которые, колотя себя в грудь, ничего не дают своему народу.

— В Переделкине есть ли особенно любимые места, где стихи и поэтические образы сами просятся к тебе в блокнот?

— Я всегда хожу в дом Булата Окуджавы, в его музей, иду в дом Пастернака, в дом Чуковского, чтобы проверить свою совесть. Не забыть случая, когда я читал стихи в музее Булата. Была уже осень, веяло холодом. Я долго читал, потемнело, и я продрог. Ольга, его вдова и директор музея, принесла рабочий ватник Булата и набросила мне на плечи. Это был высший комплимент для меня.

— Кстати, ты пишешь пером или на компьютере?

— На компьютере пишу только статьи и прозу. А стихи только пером или обломком карандаша, пишу на всем, что подвернется под руку.

— У тебя в Переделкине совершенно великолепная пристройка к дому из светлых бревен — роскошная кухня, где сотворяется не еда, а, кажется, какой-то особенный образ жизнелюбия.

— Я сам очень редко готовлю, хотя все умею. Но жалко, мне не хватает времени, чтобы самому все состряпать. Я очень люблю стол. Еду, как и поэзию, люблю многоингредиентную, с приправами. Пускаю в ход все, что под рукой, все смешиваю. Вот так и стихи пишу. Может, поэтому я стал антологистом. Издаю антологии русской поэзии. Люблю совершенно разные стихи. Люблю Есенина, Пастернака, Маяковского, Мандельштама, Цветаеву, Ахматову.

— В наше время появляются интернетные кумиры. Но начинаешь читать их стихи и не обнаруживаешь поэзии. Одно словоговорение, пустые верлибры. Как ты к этому относишься?

— Дело в том, что верлибр, чтобы спастись, должен иметь большую смысловую насыщенность. В рифмованном стихе автор может спрятаться за звонкой речью, а в верлибре спрятаться не за что. В верлибре словарный состав еще плотнее, чем в рифмованном стихе. А нынче автор сам не может запомнить свои стихи.

— А там и помнить нечего. Можно только по бумажке прочитать. Скажи, юбиляр, ты посвящал стихи своим сыновьям?

— Конечно, посвящал Жене и Мите.

— А жене? Ну пожалуйста, прочти.

— «Я люблю тебя больше природы, ибо ты как природа сама. Я люблю тебя больше свободы. Без тебя и свобода — тюрьма».

— Ребята догнали отца по росту?

— Женя и Митя выше меня на голову. Оба пишут стихи, когда влюбляются.

— И правильно делают. Слушателей в Политехническом порадуешь новыми стихами?

— Много новых стихов. Ночью написал стихотворение «Топиловка» — о моем далеком детстве на станции Зима, когда я не умел плавать и мальчишки играли в «топиловку» — затаскивали меня в реку и держали под водой.

— Ты их потом наказал?

— Ходил я на Оку в одиночестве и почти неделю тренировался — учился плавать. И когда в следующий раз они схватили меня, чтобы со мной поиграть в «топиловку», я пошвырял их в воду. Они были разочарованы.

— С кем из старых друзей иногда встречаешься?

— У меня много друзей. К сожалению, многих уже нет, я их потерял — писателей, поэтов. Невосполнима потеря Булата, Роберта Рождественского, Владимира Соколова — они были очень близкими моими друзьями, мне сейчас их очень не хватает, а еще Юрия Казакова, автора блестящих рассказов. Мне вообще в сегодняшней стране не хватает писателей. Пишущих много, а великих писателей не хватает. Их искусственно не сконструируешь. Я был сам собой сотворенный пловец. А нынешние сразу хотят иметь все — и в звезды. Но это не получается. В юности я четыре года сидел над словарями Даля, я к каждому слову подыскивал рифму.

— Во времена Маяковского поэты устраивали состязания на поиск новой рифмы.

— Поиск единственного слова должен быть непрерывной работой. Жюль Ренар точно определил: «Литературу могут делать только волы. Слава — это непрерывное усилие». Послушаем Блока: «Настоящий поэт и писатель должны ставить перед собой великие задачи. Только в этом случае они добьются успехов». Наши современники робеют ставить перед собой великие задачи.

— Скажи, Женя, какой тайной обаяния владеет твоя жена Маша?

— Она совершенно самостоятельный человек. Я бы никогда не потерпел рядом с собой жены, которая стерла бы свою личность ради меня. Маша — хорошая мать. Хотя она на 30 лет меня моложе, для нее я просто как третий сын: заботится о других, но не забывает и про меня. Иногда и детям, и мне достается от нее.

— Сопротивляешься ее благому влиянию?

— Как сопротивляться? У нее прекрасное чувство русского языка. В Оклахоме она получила премию лучшего преподавателя русского языка в штате. Три недели над ее школой висело электрическое подсвеченное табло: «Мария Евтушенко — лучший

преподаватель русского языка штата Оклахома». У нее 150 учеников, изучающих русский.

— Какие твои привычки тебя сейчас раздражают?

— А-а-а… Я бы сказал так: мне не хватает собутыльников. Я, как Горький, алкоголиков жалею, пьяниц не уважаю, а вообще непьющих — опасаюсь. Я понял, какую страшную роль играет водка в русской поэзии, и давным-давно перестал пить. Зато я открыл для себя мир вина. Хорошее вино совершенно не мешает любой хорошей профессии. А я, Наташа, как ни странно, застенчивый человек. И рюмка вина помогает мне преодолевать эту застенчивость, особенно перед женщинами. Я люблю выпить рюмку вина за хорошей беседой. Такое застолье — это часть жизнелюбия. Я очень люблю слово «кутеж», еще понятие «пирушка». В пушкинском понимании это старинное искусство общения утрачено. Очень трудно найти таких прекрасных собутыльников. У нас сейчас в основном пьют с нужными людьми или по-черному. Ни того, ни другого я терпеть не могу.

— Есть ли у тебя увлечение для души?

— Собираю современную живопись. Много картин я получаю в подарок от друзей. У себя в Переделкине выстроил светлое помещение, где выставлю свою коллекцию живописи.

— Сам рисуешь?

— С молодости я увлечен художественной фотографией. Мои работы много раз выставлялись за рубежом, а теперь будут в моем музее.

— Женя у всех у нас есть ангелы — мы носим их имена. Есть ли в православии святой Евгений?

— Я не знаю такого святого. У меня есть святой, которому я поклоняюсь. Когда у меня родился сын Женя, то он умирал — совсем не сосал молоко. И замечательный врач Станислав Долецкий не знал, чем ему помочь. И вдруг доктор тихо сказал: «В церковь сходите». От отчаяния я пошел. Редко хожу в церковь. Душа каждого человека — это его часовня. Пришел я, поговорил с бабушками — сказал, что ребенок у меня умирает, и спросил, кто из святых может ему помочь. Они ответили: «Святой Пантелеймон. Он был врачом и многих спас». Я подошел к иконе святого Пантелеймона и поцеловал святого в отпечаток бабушкиных губ. Со мной это произошло впервые. На следующий день врач спросил меня: «Вы вправду сходили в церковь? Ваш мальчик стал сосать молоко». С тех пор святой Пантелеймон стал моим ангелом.

— А можете назвать своих душеприказчиков?

— Очень многие люди создали мою душу. Они в мире не

знаменитые, но моя душа знает им цену. Недавно я получал в Кремле орден «За заслуги перед Отечеством». Выступавшие благодарили президента, Родину… Я вспомнил историю из своего детства. На сибирском перроне я пел песни за кусок хлеба. Одна крестьянка достала платочек в горошек, развязала и разломила горбушку хлеба пополам и отдала мне. Я ел с жадностью, захлебываясь. И она поняла, что этот кусочек меня не насытил. Женщина снова развязала узелок и отдала мне половину своей половины. Вот эта женщина воплощает мою Россию. Для этой России я и работаю.

В каждом слушателе Евтушенко уважает собеседника, перед ним доверчиво выворачивает себя наизнанку. Ему хочется, ему очень важно услышать эхо, отзвук своего высказывания, собственной самоиронии, удостовериться, что публика все еще ждет от него новизны, очередного эпатажа.

Можно представить, когда Евтушенко пишет, он пребывает на воображаемом просцениуме и пробует, перебирает нужные интонации, определяет свой новый имидж. Зрелый лицедей, он отрепетировал и сыграл множество ролей. Высокий, упакованный в броские кофты, пиджаки невообразимых расцветок, подобно ярмарочному балагуру он выпаливал: «Меняю славу на бесславье, ну а в президиуме стул на место теплое в канаве, где хорошенько бы заснул… Вдали бы кто-то рвался к власти, держался кто-нибудь за власть, а мне-то что до той напасти — мне из канавы не упасть». Совершенно очевидно, что уничижение для поэта — предпочтительный шаг к славе: «И там в обнимку с псом лишайным, в такой приятельской пыли я все лежал бы и лежал бы на высшем уровне — земли». Видите, как бы ни унижал себя поэт, он в уме сохраняет этот «высший уровень» — для себя, для своих стихов, чтоб непременно в этой житейской канаве, хотя бы со спичечного коробка, на него обратил внимание сам Блок.

Маска грешного изгоя все еще дорога Евтушенко. Правда, это добровольное купание в пыли уже несколько поизносилось. Куда симпатичнее рыцарственность, возникающая в поэзии зрелого Евтушенко, его всегдашнее поклонение женщине. Так, он посвятил стихотворение супружеской паре Мэри и Джо, вспомнив коротенький миг, когда он, Женя, был ее героем: «две молодые головы на «ты» шептались в прошлом счастье». Ей, когда-то прыгнувшей к нему в объятия, он поет свой ноктюрн: «Вы — незаслуженный мной случай, благодарю вас навсегда».

Евтушенко часто обвиняют в нескромности. Но сам он в

стихах старается соблюдать иерархию на поэтическом Олимпе. Один из толпы, он пришел поклониться Ахматовой на смертном одре, отдать должное великой поэтессе и уходящей Руси. Он сопоставляет два дорогих имени: «И если Пушкин — солнце, то она в поэзии пребудет белой ночью».

Поздний Евтушенко по-прежнему любит публицистические темы: «Я не откажусь от той эпохи, на какую нечего пенять, от стихов, которые так плохи, что без них эпохи не понять». Этот укол в язычок своих критиков он смягчает лирическим козырем: «Я не откажусь от всех девчонок, тех, с какими грех мне был не в грех. Я их всех любил как нареченных, жаль, что не женился я на всех». Ну просто восточный паша! Одно отличие — всех своих жен Евгений Александрович любил.

Юбилей — время покаяния. И здесь Евтушенко неутомим. В стихотворении «Посмертная зависть» он, на мой взгляд, несколько грубовато выговаривает тем умершим, кто в своих интервью высказывался о нем нелестно. В свое оправдание Евтушенко приводит довод, который может сделать своим спасительным принципом каждый: «В людей хороших я не плюнул словом, и потому ни на кого не злой, из-под земли и на земле оплеван, я счастлив на земле и под землей».

Книга стихотворений Евгения Евтушенко «Я прорвусь в XXI век» открывается публицистической статьей, в которой он откровенно признается, что не любит сегодняшних проворовавшихся добытчиков — шакалов:

С таким оскалом вам по скалам
не доползти до облаков.
Между шакалом и Шагалом
есть пропасть в несколько веков.

Евтушенко цитирует строчки Альбера Камю: «Каждая стена — это дверь». И поэтому совершенно справедливо суждение Евтушенко: «Даже на глухой стене можно нарисовать форточку надежды». Любопытный сын поэта, его полный тезка, в 9 лет спросил отца, увидев роспись потолка в Сикстинской капелле Микеланджело: «Папа, а ты где окажешься — в аду или в раю?» Вопрос показался ему интересным, а эту философскую тему о жизни и смерти он афористично обобщил: «Выбросьте ад из головы». Этот пелевинский совет хорош, но смотря как его понимать. Может быть, все-таки лучше держать для самоконтроля ад в голове, чтобы его не было в жизни». *17 июля 2008 г.*

Шальной Казанова

Вячеслав Шалевич: «Стараюсь не ханжить, говорить правду, но тактично»

В детстве с арбатской ребятней он играл в руинах разбомбленного Театра Вахтангова, а потом всю жизнь на его сцене. Множество ролей он сыграл в кино. Любил красивых женщин, самозабвенно предавался страстям и за это платил очень дорогую цену: умерла любимая жена, сына пришлось спасать от увлечения наркотой. Сильный человек преодолел все. У Александра Блока он нашел пророческие строки:

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду…

Незадолго до своего семидесятилетия он вновь стал отцом.

— Вячеслав Анатольевич, подурачиться любите?

— Обожаю.

— В молодости повесничали?

— Н-е-ет! Никогда. Паясничать мог.

— Своевольничали?

— Еще не разучился.

— Случалось ли Шалевичу быть шальным?

— Меня даже в школе называли шалявой.

— Слышали фразу: «Тут ночью на Арбате пошаливают»?

— Сам довольно долго пошаливал.

— В юности лазили в чужой сад?

— Нет. Я городской. И природу просто не знал. Мои шалости были невинными. Во время войны был я с детдомом в деревне. Увидел на траве какашки козьи и спрашиваю: «Что это такое?» Меня разыграли: «Собери побольше и отнеси повару — он тебе конфетки сварит». Набрал я, в двух руках принес. Ну, он меня изрядно поколотил. Бегал за мной — еще поддать.

— Пострадал мальчишка за наивность… Все эти глаголы я отыскала в словаре Даля — они объясняют корень вашей фамилии. Так что вашим белорусским предкам дали фамилию за их повадки и привычки. Расскажите, пожалуйста, о своих родителях.

— Хотя я детство провел во дворе Вахтанговского театра, но родители мои — люди не театральные. Я воспитывался с мамой. Она разошлась с отцом до моего рождения. Даже карточки его

долго не показывала. Работала она секретарем-машинисткой в Министерстве обороны, была горячей активисткой. Про папу я мало чего знал. Потом, когда уже стал популярен, приехал я в Бийск для встречи со зрителями. И вдруг меня ошарашили: «Вас ищет отец». — «Какой еще отец?» — вздрогнул я и все-таки решил его повидать. Подошел к нему и спросил: «Вы кто?» — «Я Шалевич Анатолий Иванович». — «Вы мой отец, что ли?» Он ответил смущенно: «Я так подумал…» Мы долго с ним сидели, мирно разговаривали. Оказывается, отец был репрессирован и потом остался после лагерей в месте ссылки — в Бийске.

— Наверное, он был заметной фигурой до ареста?

— Крупным начальником НКВД. Когда я его спросил: «Почему же ты нам с мамой из ссылки не писал?» — он мне объяснил, что сам к этим общим репрессиям, к сожалению, причастен. Вот и нес свой крест. Он сбегал по случаю в магазин. И хотя я непьющий, на этот раз себе позволил… В зрительный зал я пришел веселый. И первый вопрос меня окрылил: «Как вам понравился Бийск?» Я признался чистосердечно: «Я его еще не видел, но он мне стал родным — я встретил здесь отца». Люди встали, что-то кричали, аплодировали…

Вернувшись в Москву, я поразил маму своим рассказом про отца, передал ей его новую фотографию. Она долго вглядывалась в его лицо, а потом тихо-тихо сказала: «Да, теперь была бы золотая свадьба». И встрепенулась: «Ну ты сказал ему, что замуж я больше не вышла, фамилию его сохранила, тебе высшее образование дала?» Сквозь эти слова лилась такая тоска и ревнивая гордость, что я прослезился. Через какое-то время отец написал, что хочет с нами повидаться. И моя добрая, жертвенная мама поглядела на свои иконы и предложила мне: «Перед приездом отца сними иконы». Тут я взорвался: «Это еще зачем?» Мама простодушно оправдалась: «Он их не любил…»

— Мама доверяла вашему выбору — учиться в Щукинском?

— Она этого очень не хотела! И ни разу в училище не появлялась.

— Почти сразу после школы вы женились. Хотя бы спросили у мамы разрешение?

— Спросил, конечно. А что было делать, если мы комнату нашу в коммуналке разделили занавеской? Но «зеленый» наш союз просуществовал всего 15 дней.

— А вторая любовь и второй брак вновь за занавеской?

— Нет, я жил у второй жены, тоже в коммуналке. Правда, потом нам дали квартиру… Из нее-то я через два года ушел.

Москва слухами полнится. О сумасшедшей любви

Шалевича к ленинградской актрисе Валентине Титовой театральная публика судачила и, пожалуй, завидовала: актер совершал во имя встречи с любимой невероятные поступки. После спектакля мчался на вокзал, садился в «Красную стрелу», чтобы утром быть у ее ног с розой в руке, а потом вновь в Москву, торопиться и опаздывать на репетицию в Вахтанговский. Совсем извелся женатый человек. Однажды, после гастролей театра в Венгрии, романтичный любовник вручил жене подарки и вновь безоглядно направился в Ленинград, к соблазнительной Валентине. И больше не вернулся. А ее потом увел режиссер и актер Владимир Басов…

— Говорят, вы, уйдя от жены, оставили ей квартиру?

— Так я воспитан, к сожалению…

— Прошу вас, расскажите про вашу третью, любимую жену Галину.

— Мы прожили с ней 31 год. Она была очень красивой, обаятельной женщиной. Ее все любили.

В **любился Шалевич в Галину с первого взгляда. Очень высокая, длинноногая, мастер спорта, художник-модельер, пришла с подругой в кафе выпить чашечку кофе — он увидел и погиб. И женился. Когда Вячеслав Анатольевич познакомил меня с их сыном Иваном, только тогда я представила облик его матери. При огромном росте в нем поражает античная лепка торса. У красивого парня взгляд чуть-чуть ироничный, смешливый и очень добрый… Сразу попадаешь под его обаяние.**

— Галя мучительно рожала Ваню. И слава Богу, он появился на свет. В юности Ваня был похож на девушку, а сейчас видите какой мужчина. У нас с Галей была большая жизнь… Она мучительно уходила — почти полтора года страдала *(говорит тихо-тихо)*. Было страшно тяжело и сложно. Врачи, клиники — неотложных забот было достаточно. А вот когда ее не стало, тут пришла боль… Галя до самого конца оставалась красивой.

— Как эту трагедию перенес Ваня?

— Трудно. Первые три с половиной года он буквально отрешился от всего. И тогда мне досталось еще больше.

— Арбатская канитель и опасность коснулись его?

— На него пагубно влиял Арбат еще при жизни мамы. Тогда здесь были лотошники, ребят соблазняли наркотиками. Ваню и «на счетчик» ставили. Я бегал за этими бандитами, разговаривал с ними. Вмешивались и мои товарищи. Очень много было перипетий. Этот Арбат — ловушка для детей. Их от себя нельзя

отпускать. А наша профессия этого не позволяет. Окружение нашего двора очень сильно влияло на Ваню. Но случилась беда: его друзья умерли от наркоты. Он остался один и — струсил. И выполз! Сейчас Иван работает звукорежиссером в нашем театре. Очень хорошо в этом разбирается и компьютером увлечен.

— У вас с ним возникли дружеские отношения?

— Да. Он женился на актрисе нашего театра. Сначала скрывал свое увлечение, а теперь все счастливо сложилось.

— Вячеслав Анатольевич, вы вновь женаты на очень красивой женщине. Как говаривал Цезарь, пришел, увидел, победил. Выбор у вас безупречен, глаз — алмаз. Посвятите, при каких обстоятельствах вы встретились с Татьяной?

— Было это на дне рождения моего друга. Посадил он Татьяну рядом со мной. Я повернулся и позволил себе привычную шутку: «Ой, какая красивая женщина! Я вдовец. Могу и жениться». Мы, артисты, на красивое смотрим с любопытством. У нее замечательные глаза. Вдруг мне кто-то говорит: «А у нее двое детей». Тут случился маленький испуг. И я сам себе запретил всякий соблазн. Татьяна — врач. Была разведена. Все случилось до меня… Невзначай мы все-таки встречались.

И тут друг предпринял роскошный выезд за грибами. Я не любитель ни грибов, ни рыбной ловли, ни шахмат — мне это кажется скучным. Татьяна пришла к машине со своей девочкой. Увидел я трехлетнюю прекрасную девочку — одно лицо с мамой! — и в нее влюбился. Все в лес, а мы с девочкой у костра. Она весело разговаривала, такая чаровница. Глядя на нее, я как бы почувствовал притяжение к ее маме. Татьянин мальчик был уже юношей.

— Грибная вылазка вас не сосватала?

— Мои друзья, видя мою медлительность, предприняли беспроигрышный ход. Наш театр поехал на фестиваль в Авиньон с «Балдой» по Пушкину. Я не играю в этом спектакле. Мои верные околотеатральные друзья, узнав, что я не еду в Авиньон, подарили мне возможность поехать во Францию с Татьяной — сделали визу, путевку, гостиницы, и я, как снег на голову, упал к нашим вахтанговцам. Вот был сюрприз! Мы ездили с ней в Париж, в Канны, в Ниццу. Замечательные дни. Там все у нас с Татьяной и слюбилось. После Авиньона мы поженились.

— Ваня одобрил ваш отважный шаг?

— Он принял все очень хорошо. Полюбил Татьяниных детей. Мамы моей уже не было. Из моих родных остался только Ваня и двоюродная сестра. А тут — столько родни! У меня уникальная теща — роскошная, обаятельная. Мы с Таней отважно умудрились родить девочку Аню.

— Сколько же вам тогда было лет?

— Шестьдесят восемь!

— Уникальный отец.

— Да нет — многие в моем возрасте сумели детей родить: Любимов, Гомельский, Белявский. Наша Аня — чудо. Совершенно замечательное существо. Ее крестная — гречанка. Летела из Греции, чтобы крестить мою дочь. Я познакомился с греками крымского происхождения давно, когда Театр Вахтангова был на гастролях в Греции. Прилетела моя гречанка в Москву и, представьте, влюбилась в мою тещу Веру Ивановну. Я всегда поднимаю первый тост за здоровье хозяйки огромного семейного клана.

— Великий Южин говорил: «Театр — это актер». С прошлого века эта мысль не устарела?

— Она справедлива всегда. Если есть великие артисты, значит, и театр велик. Был Товстоногов — у него были великие артисты, и Художественный, и Театр Вахтангова славны своими великими артистами. По Вахтангову, прежде всего на театре властвует его величество актер. Актерское обаяние и отдача — вещи алтарные. Мы на сцене в какой-то степени проповедники. Я застал в театре великих артистов. О них сложены легенды.

— Вы теперь возглавляете Театр имени Рубена Симонова. И, значит, точно в вас когда-то угадали «строителя».

— Я согласился принять театр во имя великого Рубена Николаевича. Из Театра Вахтангова я не ушел, но все время отдаю своему молодому детищу.

— В репертуаре у вас есть костюмные спектакли. Преодолевая бедность, где вы их берете?

— Я здесь и художественный руководитель, и директор, к сожалению. Мне пришлось в вопросах финансов пройти ликбез. Честно говоря, мне не нравится, когда спектакли ставятся «на досках». Мы делаем серьезные декорации. «Доходное место» оформлено блистательно. У нас классные костюмы. Главный художник театра — Александр Авербах. Для нас работает талантливая Светлана Синицына. Нам повезло, когда Михаил Александрович Ульянов снял «Три возраста Казановы»; я попросил отдать спектакль нам. Состоялась торжественная передача. Мы получили и декорации, и костюмы. И я вместе с нашими актерами сыграл Казанову. Борис Мессерер пришел и уложил в нашу маленькую сцену декорации вахтанговского спектакля.

— Какой он, ваш Казанова?

— Он уже постарел, одинок. Молодость оживает в его воспоминаниях. На закате жизни Казанове даруется

влюбленность в девочку. И он принимает трагическое, но необходимое решение — уйти. Потрясающая поэтическая форма! Замечательная поэзия Марины Цветаевой.

— Влюбленный, вы ведь тоже писали стихи?

— Мне очень близка поэзия. Мало кто знает, что Рубен Симонов писал стихи. Я почти все их знаю наизусть. Ценю в стихах концовки. Нынешние поэты почему-то не стремятся к сильному высказыванию в последней строфе. К большому сожалению, поэтический театр уходит. Мы играем «Сирано де Бержерака» — поэзию высочайшего класса. Но играем как бы в прозе. Нет былого театрального возвышенного невероятия.

— Сколько ролей вы сыграли в кино?

— Когда-то считал — было 79.

— Какие роли живут в вас?

— Те же, что помнят зрители. Когда-то за один день картина по стране окупала себя. У советских фильмов была совершенно феноменальная зрительская аудитория.

— Как же случилось, Вячеслав Анатольевич, что, играя в фильме «Хоккеисты», вы не катались на коньках?

— Я схулиганил. Меня спросили, когда пригласили на роль Дуганова: «Умеешь кататься?» Я ответил: «Да!» Мне принесли ботинки с коньками, и тут до меня дошло: свои коньки в детстве я привязывал к валенкам и гонял по переулкам. Во время съемок моей третьей опорой была клюшка. Немножко, правда, научился. Минуты на три меня хватало. Меня дублировал Старшинов в принципиальных матчах. На него надевали мой парик, мою «восьмерку». И снимали реальный матч. По радио на стадионе объявили: «Сегодня вместо “Спартака” и ЦСКА будут играть “Метеор” и “Ракета”». Хоккеисты играли в костюмах нашего фильма. На трибунах — реальные люди. Гагарин, например. Монтаж был убедительный. Сценарий фильма написал Юрий Трифонов — об этом мало помнят. Там играли Рыбников и Жженов!

— В «Трех тополях на Плющихе» ваш персонаж не вызывал зрительского сочувствия.

— Татьяна Михайловна Лиознова меня уговорила на эту роль. На первом же съемочном дне я понял ее удивительный замысел. Своим рассказом она создала обстановку, ощущение — и сразу: «Мотор!» И предложила нам жить в обстоятельствах. Настроила — и мы пошли. Мой герой — первый парень на деревне, полюбил самую красивую девушку. Но, видно, жизнь поставила перед ним столько проблем, что пришлось ему стать куркулем. И он забыл самые счастливые свои ощущения. Талантливейшая Лиознова придумала не просто треугольничек

Ефремов — Доронина — Шалевич… Это влюбленность, любовь, жажда нежности — и их полная несостоятельность. Даже бесправие на счастье.

— Вы счастливый актер?

— Буду блюсти скромность. Мне слали письма, предлагали руку и сердце, и фотографии на память…

— Совершенно необъяснима судьба фильма «Мастер и Маргарита» Юрия Кары. Что с ним?

— Говорят, над этой вещью висит какой-то рок. Но Кара снимал библейскую часть фильма в Израиле, на Святой земле. В фильме блистательно играет Иешуа Николай Бурляев, замечательный Ульянов — Пилата; там Настя Вертинская — Маргариту, Раков из Ленкома сыграл Мастера. Там Гафт. У меня роль первосвященника Каифы. Кара не стремился к трюкам. Он ставил режиссерскую треногу и спокойно снимал. И получилось талантливое, хрестоматийное прочтение романа Булгакова. Эту фантастическую историю режиссер прошел шаг за шагом.

Роковую роль в судьбе фильма сыграли финансы. Из-за отсутствия денег не получился «Бал Сатаны». Продюсер, затеявший съемку картины, поступил как равнодушный хозяин — взял коробки с лентой и ушел, не оставив копии даже Каре. Юрий с ним судился, но все осталось по-старому… Однажды я получил приглашение посетить ресторан, а заодно посмотреть «Мастера и Маргариту». Я так и ахнул. Приглашения, оказывается, были разосланы всем исполнителям. Но рискнули прийти только двое. Остальные не поверили в эту авантюру. И вот я впервые вижу фильм. Может быть, несколько устарела лента по киноязыку, но каждый эпизод с замечательными артистами превосходен.

Я разговаривал с хозяином фильма. Оказывается, он для рекламы показывает посетителям ресторана «Мастера». Любопытствовал, что с этим фильмом ему делать. Да расскажи на телевидении, как снимался этот фильм, покажи куски — и уже он будет жить.

— Вячеслав Анатольевич, один ваш друг сказал мне о вас — он резок, но справедлив.

— Убежден, что конфликтные ситуации мы обязаны, как я говорю, «переспать», остановиться, подумать. Моя теперешняя должность предполагает жесткость. Но я сначала «пересплю», а потом приму решение. Никогда не забуду, как обошелся со мной Рубен Николаевич, мой постоянный кумир. Был у меня период сумасшедшей влюбленности: я не явился в нужное время в театр, и меня автоматически должны были уволить. Уже и местком, и худсовет приняли суровый вердикт. Все требовали наказания, но Симонов поступил по высшей справедливости. Когда мы

вернулись из летнего отпуска и началось распределение ролей, Рубен Николаевич на художественном совете попросил для меня главную роль. «Почему Шалевич?» — допытывались наши идейные столпы, он им проницательно ответил: «Потому что у него очень плохое душевное состояние». Вот это была школа! Вот это класс! У меня действительно тогда было печальное состояние.

— Могли бы позволить себе выигрышный, но не безупречный поступок?

— В силу своего характера я очень стеснителен. Вряд ли я позволю себе столь крупно лукавить. Себя я не выпячиваю; появляется иногда похожее желание, но мой внутренний запрет сильнее.

— Рисковали чем-нибудь, чтобы проверить собственное уважение и к жизни, и к себе?

— Множество раз. Мой приход в Театр Симонова — огромный риск. В такой форме мне и было предложено: «Попробуйте». Слава Богу, сейчас кое-что складывается.

— Случалось ли наломать дров, а потом опомниться и повернуться лицом к судьбе?

— С молодости у меня появилась привычка возвращаться в одиночестве к тому, что я натворил. Тихонечко анализируя, понимаю: во многом виноват сам. Сыну всегда внушал — научись слушать, не руби сгоряча. В одно время я стал «невыездным». В чем дело? Я же не пью, не выхожу пьяным на спектакли. Мне популярно разъяснили: «Вы громко разговариваете за столом». Горкомовские уши в таком случае решали, что я пьян. В театрах случались неординарные пассажи. Так, народный и очень популярный артист Маковецкий запустил в нашего директора стулом и был полтора года дворником при театре. И чудно справился.

— Ваши друзья связаны с театром?

— Здесь у меня есть партнеры, друзья, например Миша Воронцов — мы с ним 40 лет вместе, сообща писали инсценировки. А вот близкие друзья — люди не театральные. Им я могу пожаловаться в горе, вместе с ними порадоваться счастью. Они всегда скажут правду прямо в глаза и по поводу игры моей, и моей режиссуры. И о семейных делах говорят со мной участливо. Это настоящее.

— Что вы не принимаете в сегодняшней жизни?

— Неискренность. Сам стараюсь не ханжить, говорить правду, но тактично, по-булгаковски, «удовлетворить отказом».

— Как вам удалось сохранить упругость походки, гордую выпрямленность, мужскую крепость?

— Я не делаю зарядку, иногда даже выпиваю. Правда, в

юности увлекался гребным спортом. На Москве-реке, где церетелевский памятник Петру возвышается, была стрелка. Там обычно соревновались, и мы своей четверкой занимали второе место в Москве. Я радуюсь людям. Если мне в компании кто-то не нравится, тихо ухожу.

— Что более всего не терпите в мужиках и цените в женщине?

— В мужчинах — неприлична тупость, такая, как в анекдоте: когда-то Бог решил помочь людям. Он пошел в больницу, надел белый халат и стал ждать больного. Еле втащился человек на костылях. «Сколько лет страдаете?» — спросил его Бог. «Да лет тридцать». — «Ну, встань и иди, сын мой», — сказал Бог. Больной встал и без костылей пошел. В коридоре встретил его родственник и спросил: «Ну как новый доктор?» — «Да такой, как все. Даже давление не померил».

В женщине ценю любовь, а она предполагает и терпимость, и юмор. Мне по сердцу слова Марины Цветаевой: «Чуть женский голос, и опять живу».

23 мая 2003 г.

Он любит и любим

Андрей Дементьев: «Мы будем молоды всегда, ведь нету возраста у счастья»

У Андрея Дмитриевича счастливая судьба. В свое время Дементьев сделал журнал «Юность» многомиллионным изданием, став его главным редактором. Там печатали произведения талантливых людей, чье творчество вызывало шипение и недовольство партаппаратчиков. «Юность» была местом встречи поэтов и художников. Книги стихов самого Дементьева на прилавках не залеживаются — искреннее, честное слово поэта находит короткий путь к человеческому сердцу. В январе в Нью-Йорке и Бостоне успешно прошли его творческие вечера.

— Андрей Дмитриевич, в свое время даже на вечерах Иосифа Бродского собиралось иногда человек двадцать — пятьдесят. Как прошли ваши вечера? В каких залах вы выступали?

— В Нью-Йорке я выступал в большом зале «Миллениум», он вмещает тысячи полторы. В основном это была русскоговорящая публика, наши бывшие соотечественники. Там продаются мои книги. Русские американцы следят за их выходом да и за всей сегодняшней русской литературой. Я постоянно чувствовал живую связь с залом. Когда я какую-нибудь строку забывал из своих старых стихов, мне тут же из зала подсказывали. Для поэта это самое дорогое. В Бостоне — зал человек на триста. В этом вечере принимали участие музыканты, певица Люда Фесенко. Она пела и свои песни, и мои. Мне было легко с этими людьми, как будто я их знаю давно.

— Вы зрителям представили свою жену?

— Да, со мной была Аня Пугач, красивая молодая женщина, моя любимая жена. Она работала в журнале «Юность», где я был главным редактором 12 лет. Пришла она туда девочкой. Затем Аня закончила МГУ и аспирантуру. В «Юности» она печатала интересные интервью с известнейшими современниками: с Василием Аксеновым, Фридрихом Горенштейном, Владимиром Максимовым…

— Все говорят о вашей разнице в возрасте. Насколько Аня моложе вас?

— (*Смущен.*) Она моложе меня на 30 лет. Я посвятил ей много благодарных стихов. Говорю ей: «Я молод, потому что рядом ты».

— Вас прекрасно издает «Эксмо», у книг большие тиражи, и они хорошо расходятся.

— «Виражи времени» выдержали 14 изданий. Книга «Нет женщин нелюбимых» — 9 изданий. Сборник лирики — 9 изданий. Как говорят книжные торговцы, я один из самых востребованных авторов. Общий тираж моих книг перевалил за 400 тысяч экземпляров.

— Вы, наверное, знаете, Андрей Дмитриевич, что иные женщины на ваших вечерах думают: стихи написаны именно о их судьбах, адресованы именно им?

— У меня действительно восторженное отношение к женщинам. Я посвящал стихи и своим бывшим «любовям», и женам, с которыми расстался. Я никогда не позволял себе говорить приземленно о них, а всегда благодарно за те мгновения, которые испытал рядом с ними. И не важно — расстался я, не расстался. Для меня женщина — это образ богини, простите за возвышенную лексику, потому что все хорошее и значительное начинается с нее.

— Вы благородный человек. Расскажите о вашей первой жене.

— С этой девчонкой Алисой я познакомился в восьмом классе, мы вместе учились. Невероятно красивая, блондинка, как и Аня, моя теперешняя жена. Мы с ней хорошо дружили. После школы, когда нам было по восемнадцати, у нее смертельно заболела мама. Помочь Алиса ей ничем не могла. Могла только чем-то успокоить бедную маму, в глазах которой читался ужас за ее судьбу. И мы пошли с ней в загс, расписались и пришли к ее маме в больницу незадолго до ее смерти. И она умерла успокоенная — мы были вместе — значит, не пропадем. Это была первая моя любовь. Много лет я ее не видел, знаю, что она жива, что у нее семья. Но это детское, наивное и чистое восприятие женщины с тех пор живет во мне.

— Расскажите о вашей второй жене, родившей вам дочку.

— Она была преподавателем немецкого языка. Мы с ней тоже разошлись. Но нашу дочь Марину она воспитала в уважении к отцу. Она никогда не настраивала ее против меня. И я за это ей благодарен. И мы сейчас с ней в хороших отношениях, как и должно быть между интеллигентными людьми. Марина работает научным сотрудником Музея Пушкина на Мойке в Петербурге. Я ею горжусь — умная, тонкая, просвещенная женщина. У нее хороший муж, он ученый. У них дочь Кити, моя внучка. У меня два внука Андрея. Младший — полный мой тезка — Андрей Дмитриевич. Старший сын моей дочери Наташи закончил институт, он специалист по дизайну.

— Когда вы разводились, у вас были какие-то конфликты по разделу собственности?

— Нет. У меня была четырехкомнатная квартира — я все

оставил своей третьей жене и сыну Дмитрию. Я продал свою недостроенную дачу и поделился со своими близкими. Никаких проблем не было. Моя третья жена была врачом. На нашу долю выпало неутешное горе — наш сын Дмитрий погиб. Много стихов я посвятил ему. До сих пор не могу прийти в себя.

— Жуткая трагедия… На что вы опирались в этом преодолении тоски и невосполнимости потери?

— Меня очень поддержала Аня. Она меня ни на минуту не оставляла одного. А душу мою лечили стихи о сыне. Я разговаривал с ним. Я тщетно вопрошал и просил у него прощения. И мне все казалось, что он меня слышит. Свою боль я делил с людьми, и они отозвались. Ко мне пришло много писем с выражением сочувствия, с поддержкой. Но самое главное лекарство я нашел на Святой земле — мы уехали в Израиль. Работали там несколько лет. Находясь ближе к Богу, я постепенно понял, как надо беречь жизнь и чувствовать Бога рядом. В себе. Конечно, моя боль о безвременно погибшем сыне будет во мне всегда.

— Дима являлся вам когда-нибудь во снах?

— Нет (*с тяжелым вздохом*). Он никогда не снится мне, но мысленно я чувствую — он все и всегда про меня знает.

— Сколько лет вы уже женаты на Ане?

— Двенадцать лет. Мы всюду с ней вместе.

— Какие места в Израиле для вас целебны?

— Я очень люблю Израиль, хотя во мне нет ни капельки еврейской крови. Эта земля стала моей третьей Родиной. Моя первая Родина — Тверь, где я родился и где стал почетным гражданином. А Россия — моя большая Родина. Я люблю не только Святую землю, мне близки и люди, с которыми я там общался и общаюсь до сих пор. Некоторые из них мои соотечественники. Они помнят журнал «Юность» той поры, когда я был главным редактором и публиковал произведения многих талантливых, мыслящих писателей и поэтов. У меня в Израиле были десятки поэтических вечеров. Вместе со мной выступали мои друзья — Иосиф Кобзон, Тамара Гвердцители, Аркадий Арканов…

Сейчас я работаю в Москве, но Израиль притягивает меня. Стараюсь побывать там хотя бы раз в два-три месяца. Я проехал его вдоль и поперек. В Иерусалиме мы с Аней проработали четыре с половиной года. Конечно, я посещаю все места, связанные с нашей историей: храм Гроба Господня и Стену Плача.

— Как себя чувствует православный человек в Израиле?

— У меня особое отношение к религии: православие, иудаизм, ислам, буддизм — это все, конечно, разное отношение к

божествам, но есть же ВЫСШЕЕ начало.

— Есть ли у вас там настоящие друзья?

— Друзей у нас в Израиле много. Назову Александра Поволоцкого. Он скрипач, ездит с симфоническим оркестром Израиля по миру. Там живет мой замечательный друг Анатолий Алексин, я печатал его повести в журнале. Мы с ним и видимся, и перезваниваемся.

— А как себя физически чувствует россиянин в израильском климате?

— Был бы счастлив, если б в России был такой климат. Зимой цветут розы, деревья зеленеют. Ты просыпаешься от солнца, от синего неба. Едешь на работу — вдоль дороги множество цветов. Круглый год то весна, то лето — радуйся! Я обожаю эту землю.

— Какие цветы вы больше всего любите в России и в Израиле?

— Люблю ромашки, васильки, да все полевые цветы. А в Израиле розы. Я даже иногда не знаю, как они называются, но мы останавливаем машину и стараемся запечатлеть на пленке эту красоту. У нас целые альбомы фотографий тех мест.

— Но среди этой красоты таится опасность. Я помню о дорожном происшествии, случившемся с Андреем Дементьевым и его Аней.

— Я там не раз попадал в передряги. Сломал три ребра. Слава Богу, когда Аня вела машину, она не очень сильно разбилась, но в больнице полежала. Опасно было приезжать в пограничные с Палестиной места. Правда, мы не боялись туда ездить, когда еще были открыты дороги. Не робели, когда проезд был запрещен. У меня на машине были дипломатические номера, и я мог проехать всюду. Но охрана нас предупреждала всегда: «Там опасно», — но я отвечал: «Ничего, Бог даст, мы выберемся». Мы объездили всю страну, везде бывали.

— Андрей Дмитриевич, извините, напомню вам пренеприятную кражу, которая произошла в Москве в вашей квартире — вы были в Израиле. И что тяжелее всего, грабеж произошел явно по заказу, совсем мелочно и гнусно: забрали ваши праздничные, концертные костюмы. Наверное, хотели сломать ваш несгибаемый оптимизм и энтузиазм.

— Было такое. Я очень благодарен «Московскому комсомольцу», который меня тогда очень поддержал. Мне хочется сказать добрые слова о вашей газете, о ее главном редакторе Павле Гусеве, о его заместителе Петре Спекторе. В любое время, когда у меня возникали сложности, ваши журналисты поддерживали меня. Должен признаться, самое недостойное, когда человек забывает добро. Я стараюсь жить вот в этой памяти добра. Я много получаю писем от своих читателей. Все это

помогает мне жить.

— Андрей Дмитриевич, я не случайно спросила про украденные костюмы. Смотрю постоянно передачи с вами и вижу: снова Дементьев элегантен…

— Моя жена занимается моим имиджем. Да, действительно, у меня были очень красивые костюмы. Кто-то попользовался, но я и сейчас стараюсь выходить к зрителям опрятно одетым, потому что встречи с читателями для меня большой праздник.

— Вы, один из ведущих телепередачи «Народ хочет знать», очевидно, почувствовали, что знание не спасает народ от бедности и незащищенности.

— Да, народ хочет знать правду о том, кто нарушает законы и мешает ему жить по-человечески. Больше всего меня огорчает в этой ситуации равнодушие чиновников. Мы говорим, но, кажется, никто не слышит. Наши слова, наши тревоги проходят словно сквозь вату — куда-то в бесконечность. Без отзвука. Меня не покидает тревога: услышит ли власть нас? Услышит ли свой народ? Что же она сделает, чтобы все менялось к лучшему? Не хочу сказать, что у нас все плохо, но, к сожалению, меняется многое к худшему.

— Андрей, народ хочет знать, почему вы не участвовали в последних передачах этого цикла.

— Передача «Народ хочет знать» задумывалась для двух ведущих. Сначала я вел с Матвеем Ганапольским, а последние два с половиной года — с Кирой Прошутинской. Президент авторского телевидения Анатолий Малкин, муж Киры, посчитал, что достаточно одного ведущего.

— Сэкономил!

— Пришлось мне уйти. Вероятно, есть и подспудные причины. Говорят, что я слишком непримирим в своих политических оценках.

— Я наблюдала ваше непримиримое сражение с Жириновским в передаче «К барьеру!». Вы стойко держались, и телезрители признали вашу победу.

— Я выступил против закона о монетизации льгот для ветеранов, инвалидов, пенсионеров. Народ вышел на улицы, и правительство вынуждено было считаться с мнением людей, протестующих против необдуманного и разорительного для них решения. Я счастлив, что этот протест был услышан и правительство изыскало средства для сохранения льгот.

— Андрей Дмитриевич, вы тоже у нас прославленный человек. Какие вы имеете награды?

— Я лауреат Государственной премии СССР, Всероссийской литературной премии имени Лермонтова, получил звание

Заслуженного деятеля искусств России. От старых времен у меня — ордена: Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «За заслуги перед Отечеством». За программу, которую я веду на «Радио России», я получил Гран-при от фестиваля «Вдохновение», которым руководит известный композитор Тихон Хренников. А еще получил премию имени Александра Невского, диплом лауреата «Лучшие перья России».

— Телевизионные передачи, полные напряженных эмоций, наверное, выматывают вас?

— Скажу одно: если я поменяю ритм жизни, то это меня измотает больше. Как я жил в молодости напряженно и в вечном замоте, так живу и сейчас. Я бесконечно любопытен к жизни. Если только писать и читать, лежа на диванчике, то просто можно умереть.

— Андрей Дмитриевич, однажды я была свидетелем вашей встречи с Андреем Вознесенским и Майей Плисецкой — они знакомились в журнале «Юность» с живописными работами студентов архитектурного института. А потом мы слушали ваши стихи. И когда вы прочли стихотворение «Сандаловый профиль Плисецкой», я заметила слезы на глазах великой балерины.

— Я счастлив, что эти стихи напечатаны в ее буклете. Майя мне говорила, что просила перевести эти стихи на итальянский. Их перевели. Я посвятил стихи и Родиону Щедрину, замечательному композитору, ее мужу. И мне было очень приятно, что к его семидесятилетию вышла книга, и она открывалась моими стихами. Майя и Родион — потрясающие люди. Они мои друзья. Я преклоняюсь перед ними. Я посвятил стихи и Андрею Вознесенскому, и Гале Вишневской, и Василию Лановому, и Иосифу Кобзону. Мои друзья живут не только в России, но и в разных странах мира.

Поэта Дементьева знают и любят повсюду. Он всегда открыт и доступен. Его стихи исполнены благожелательности и доброты. Он обращается к нам как к своим близким:

Мир вокруг меня в волненье замер.
Счастью моему вы улыбнитесь, люди.
Как прекрасно все, что было с нами.
Как прекрасно все, что с нами будет.

Поэт на крутом вираже

Андрей Дементьев: «Мы снова сегодня наивны и молоды…»

Андрей Дементьев отмечен замечательными премиями — Государственной, премией имени Лермонтова и Бунинской. Женщины — лучшие читательницы его стихов. Их любовь к искреннему слову поэта неизменна. Каждая прочитывает в стихах поэта собственную судьбу, вновь обретает утраченную радость встреч и ожоги разлук. Сегодня Андрею Дмитриевичу исполнилось 80 лет.

— Андрей Дмитриевич, дорогой, я знаю о твоей большой любви к Тверской губернии — ты воспел ее в своих стихах. А хочется, чтобы ты вспомнил о каких-то сокровенных днях на этой земле.

— Когда мне было всего года три, отец, присев ко мне на кроватку, читал стихи, сказки, читал Лермонтова, Пушкина, Жюль Верна. Приобщал меня к хорошей литературе. Жили мы, отец, я и мама, очень тесно, в одной малюсенькой комнатке, зато на улице нас ждал простор.

— Мы все находимся во власти природы, и понять невозможно, откуда к нам приходит поэтическое зрение…

— Это идет от предков, от язычества, когда все одухотворялись природой и возводили ее в божество. В детстве около нашего дома было все в цветах: полыхали сирень, жасмин, яблони. Красотища невероятная. А город был тихий, никакого асфальта, машин. Природа дышала, и мы жили в другом — чистом, незагрязненном мире. Я к цветам отношусь как к живым существам. Выращивал цветы, разговаривал с ними. Мне кажется, цветы меня понимают. И сейчас это сохранилось: поставленные мною в вазу цветы долго сохраняют красоту.

— Значит, цветы ищут общения с нами.

— Меня зажгла японская теория о том, что цветы — живые существа. И японцы каждый кусочек земли стараются облагородить цветами.

— Бескорыстная твоя любовь к цветам перешла потом в любовь к девочке, а потом к женам.

— (Смеется.) Мой один сборник стихов так и называется — «Все начинается с любви». Но ведь как разрушительна зависть! Во злобе и черноте мыслей можно погибнуть. У меня был друг, который ждал Государственную премию. Но не получил ее, и разочарование, какие-то мрачные мысли совсем подкосили его и он умер. Я не жду премий! Подумаешь — не дали! Ведь ничего не случилось.

— У тебя много премий. И наверное, самые дорогие для тебя —

имени Лермонтова и Бунинская.

— Да, Лермонтов — мой любимый поэт. У меня сейчас вышла книжка о нем: «Все полно здесь имени его». Лет двадцать я приезжаю на праздник Лермонтова в Тарханы. Там так красиво, множество прудов. И что меня поразило — это древний дуб. Он уже полулежит, но все еще живой. С Лермонтовым меня связывает какая-то мистика. Когда я бываю в Пятигорске, обязательно прихожу на место его гибели. Хожу в домик Лермонтова и всегда думаю о фантастическом совпадении: когда Лермонтов был убит на дуэли, разразилась страшная гроза.

А мой друг Олег Комов, совершенно замечательный скульптор, к сожалению, уже покинувший этот свет, создал памятник Лермонтову — классический, в духе XIX века: поэт сидит на скамье. И когда в Тарханах экскаватор поднял скульптуру, чтобы установить ее, вдруг ударил гром, началась гроза. Памятник раскачивало, и Олег боялся, что памятник сейчас рухнет и разобьется. Но как-то удалось установить памятник на пьедестал — дождь и ветер сразу прекратились. И скульптор увидел, как по щеке каменного изваяния скатилась струйка воды. И он воспринял ее как слезу. Все связанное с Лермонтовым — для меня загадка.

— И в ранних стихах Лермонтов начинал как гений.

— И роман его «Герой нашего времени» — великолепная проза поэта. Каждое слово здесь граненое, как драгоценный минерал. В этом смысле мне Бунин особенно близок. Он потрясающий стилист. Когда стало возможно, я достал пять томов Бунина и читал взахлеб, входил в его мир, постигал его жесткость и непримиримость, восхищался его любовью к природе, к слову.

— *Андрей, вспомни свое босоногое детство. В 13–14 лет мальчишки в деревне считались мужиками. Приходилось тебе делать мужскую работу?*

— Калинин во время войны был разрушен, и мы вернулись в эту разруху. Из мужиков были одни раненые, ослабленные. И нам, мальчишкам, вместе с нашими матерями приходилось делать всю черную работу. Я помню, как мы, худые, тщедушные, вытаскивали из воды разбухшие обломки бревен, чтобы высушить их и истопить печку. А в деревне я пас лошадей, водил их в ночное.

— *А косить ты умел?*

— Еще бы. Я и косил, и картошку окучивал. Убирали ее потом. Картошка — моя любимая еда. А потом мы еще лен расстилали, сушили.

— *А с тех пор тебе приходилось где-то махать косой?*

— *(Смеется.)* Нет. Мои силы уходили в слова. А вообще-то я, как и мой отец, наверное, мог бы печку сложить. Мой батька был

агроном, окончил с отличием сельскохозяйственную академию, успел книгу выпустить. И он сложил в нашем доме печку с лежаночкой и меня учил этому. А я все наблюдал за ним. И однажды с крыши свалился прямо лицом на полено. Было больно, лицо распухло. Два дня ничего не мог есть. Но я никогда не жалел о том, что случилась со мной неудача. Отец обычно сажал меня на мотоцикл, возил по тверскому бездорожью и говорил: «Хочу, чтобы ты воспринимал деревню не только через грибные места, а почувствовал дух земли, познал нашу жизнь крестьянскую не со стороны».

— *Твой переход от деревенской непосредственности к городской жизни как протекал?*

— Я сначала учился в Калинине в двух институтах, а потом поступил в Литературный институт в Москве. Столица была для меня другой страной, другим миром. Наверное, я был глубокий провинциал. После Литературного я опять вернулся в Калинин, в Тверь, но уже с книгой стихов. Признаюсь, для Москвы, возможно, я был слишком откровенен, распахнут в общении. И это часто воспринималось как ограниченность необразованного человека. Я был простодушен.

— *А простодушия в столицах не прощают.*

— Когда я рискнул вернуться в Москву, то пришел в «Юность», к главному редактору Борису Полевому, и рассказал о своих намерениях. Он меня предупредил: «Москва — жестокий город. Не боишься?» Когда он меня пригласил в журнал своим заместителем, я долго не мог привыкнуть к снобизму авторов, к лицемерию: в глаза тебе говорят одно, а за спиной с-о-о-всем другое. Я не стал от этого биться в падучей, но разочарование долго не оставляло меня.

— *Андрей, вместо слова «провинциал» гораздо точнее, по отношению к тебе, понятие «естественный человек».*

— Да, я согласен. Глубинная Россия, так называемая провинция, населена естественными людьми, естественна. Я много езжу, получаю письма и вижу, как обижен народ в провинции. Я очень много выступал на телевидении, на радио, клеймил сегодняшние недостатки, касался острых проблем. А потом убедился — ничего не меняется после наших выступлений. Я думаю постоянно: почему же ничего не меняется? Почему к нам не прислушиваются?

— *Ты думаешь, властные структуры хотят нас слышать? Ведь это два несоединимых мира.*

— Иногда я убеждаюсь: что-то слышат. Но думаю, людей меняют три вещи: власть, деньги и слава. Если ты пройдешь все это и не забуреешь, значит, ты нормальный мужик.

— Андрей, от каких деревенских привычек ты не хочешь отвыкать?

— От доброты прежде всего. Помню, в том мире, в котором я жил, доброта была главным объединяющим моментом для всех людей. Доброту ощущали на себе. У бабушки в деревне был большой сад — 30 яблонь и две груши. А мы с братом все-таки залезли в соседний сад, и хозяин надрал нам уши, и батя тоже. Они заботились о нас — кем мы вырастем. Была такая негласная порука ответственности за будущее поколение. Люди, свои и чужие, воспитывали нас в доброте. В нашей деревне жили нормальные люди. И в тяжелые времена никого не посадили. А потом в городе мы узнали это горе: посадили моего отца, его брата. Это уже был 37-й. Отец отсидел пять лет, был лишен прав, не мог работать по профессии и точил ножи, всякие ножницы для парикмахерских, для магазинов. И этим зарабатывал на жизнь. А один его брат погиб в тюрьме, и второй брат погиб. И в этой обстановке спастись было невозможно. И я всегда несу в себе уважение к старшим, к возрасту.

— Скажи, а бывают случаи эпистолярных признаний в любви к тебе? А ты им отвечаешь?

— *(Хохочет.)* Признания бывают, но отвечаю я только стихами. А люблю я Аню, свою жену, самого строгого моего критика и читателя.

— А какие чувства ты сохраняешь к своим первым женам?

— В любом случае надо быть благодарным им за тот свет, пусть даже мгновенный, который они мне подарили. Если рядом с тобой умная и чуткая женщина, сам становишься лучше. И даже не заметишь, как все хорошее в тебя войдет. Считаю: какая женщина, такие и мы, мужики. Если случались глубокие расхождения между нами, я считал, что виноват в этом мужчина. Женщина — не слабый пол.

— Ты ограничиваешь себя в еде?

— Нет, к сожалению *(хохочет)* . Люблю самую простую еду — картошку, капусту, грибы.

— С этого не распухнешь.

— Конечно, все эти привычки я вынес из деревни. Я привык к этой здоровой пище. Но, к сожалению, еда сейчас приезжает к нам из-за границы. И я пишу о России: «…или она уже не в силах себя по-русски накормить?»

— Есть ли у сильного мужчины Андрея Дмитриевича Дементьева какие-то недостатки и слабости?

— Конечно. Бываю несправедлив. Могу обидеть человека, но потом обязательно попрошу прощения, даже если человек намного младше меня. Бываю ленив — случается, хочется

побалдеть. Раньше занимался спортом — всем, кроме тяжелой атлетики. Занимался в охотку. Мой спорт был от случая к случаю, бессистемный. Все должно быть по настроению, как говорил Писарев, даже наслаждение мыслью.

— *Что доставляет тебе высшую радость, которая пересиливает недомогание и возвращает тебе молодые чувства?*

— Прежде всего любовь. И еще одна вещь — это открытие нового человека, чей-то личности, чей-то судьбы. В человеке мне все интересно.

— *Андрей Дмитриевич, где будешь справлять свой юбилей?*

— Мои земляки устраивают торжество на Волге 20 июля.

— *А в Твери остались родственники?*

— Там осталась крестница моего отца. Она старше меня. Но когда я приезжаю, обязательно прихожу к ней, и по рюмке водочки мы выпиваем за наш город и за ее здоровье.

16 июля 2008 г.

Сексуальный превращенец

Виктор Ерофеев: «Женщины ко мне всегда были благосклонны»

Он родился в год Свиньи. Испытывает удовольствие, что Набоков и Достоевский — тоже. «Кому свинья, а нам — семья», — улыбается Ерофеев и подбрасывает для увеселения читателей старинное поверье: «Есть мнение, что свинья — замаскированный черт». Было бы большим свинством, если бы известный беллетрист скрыл от нас что-нибудь из своих проделок за последние годы.

К нему я пришла на следующий день после пожара в подвале его дома. Из обгорелого окна тянуло вонючей смесью. Консьерж сказал мне, что он не раз сам гонял бомжей. «И сегодня утром они вновь полезли погреться!» — возмущался служитель подъезда. Слава Ерофееву, что он до четырех часов утра читал после победы над Никитой Михалковым на ринге у Соловьева. И успел вовремя вызвать МЧС.

Еще из подъезда я позвонила писателю, он извинился — принимает ванну. Меня встретила няня его дочки Тудорица, что в переводе означает «Богом благословенная». Вдруг ко мне приблизилось прелестное дитя, позволило взять ее на руки, и милым жестом кроха повела меня к коробочкам с пластилином. Оказывается, девочка любит рисовать в свои полтора года. Наконец счастливый и распаренный отец устроился в кресле. На низком стеклянном столе появился чай и чудная халва.

— Виктор, потряс тебя ночной пожарный переполох?

— Можно было в одно мгновение стать погорельцами. Когда, закутав спящую дочку с голыми пятками в теплое одеяло, я тащил ее вниз, к выходу, то растерянно думал: станем погорельцами — куда дальше деваться? Очень часто мы себя считаем хозяевами жизни, но наваливаются несчастье, катастрофа, семейная драма, и понимаешь, что ты действительно гость на этой планете, что все мы ходим под Богом. И потому не стоит нам зазнаваться, делать из себя полубогов. Жить надо скромнее.

— Года два назад мы с тобой говорили о роскоши — ты посвятил ей целую книгу. За последние годы в твоей жизни произошли ошеломительные перемены. Царственная роскошь — влюбиться и влюбить в себя молоденькую девчонку. Роскошь соблазна предосудительна в глазах пуритан. Но она естественна — по веянию времени. Какими чувствами ты обновился?

— Женя в моей жизни — подарок. Я не думаю, что ее можно

было бы соблазнить. Позволю себе думать, что наше с ней соединение — взаимный подарок. Нас соединили не какие-то любовные дела. Через шесть лет нашего романа стало понятно: нас роднит общность интересов. Мы совпадаем по существенным нравственным вопросам. У нас одинаковые представления о природе творчества. Мы, конечно, спорим, схватываемся по каким-то частностям. Для меня ее красота — в ее уме. Умная женщина красива сама по себе. А когда умная да еще привлекательная — это самое интересное.

— Тебе пришлось откорректировать стиль своего поведения? От чего-то отказаться, когда вы с Женей поженились?

— Очень тонкий вопрос. Действительно, Женя смоделировала наш новый стиль поведения. В моих поступках стало больше позитива. Стараюсь ценить в людях доброе начало, разглядеть в них прежде всего хорошее. Мне пришлось отказаться от своей внутренней достоевщины — от вечных сомнений и от тайных терзаний по отношению к жизни, по отношению к себе. Не скажу, что во мне этого внутреннего света не было, но он должен был пробиваться, как солнышко сквозь туман.

— Слышу трезвую философию человека, очень непохожую на голос автора книги «Бог Х». Там Ерофеев озорно, с изумлением и азартом рассказал о своей новой пассии по имени Женька, еще не жене: все в ней — сплошной вызов и эпатажная естественность. Создавалось впечатление полной околдованности автора.

— Наташа, когда я познакомился с Женей, ей было восемнадцать. Пора девичьей экстравагантности, когда юная особа утверждает себя своей внешностью. Это те самые щупальца, которыми они входят в контакт с миром.

— Но у твоей героини Женьки контакт с миром опробовался через гиперсексуальное познание. Сидя у тебя на коленях, она по пальцам пересчитала свои «победы».

— Конечно, секс, чувственность нашего времени далеко ушли от комплексов века XX. Они стали заурядным явлением жизни. Мне кажется, наш век становится веком искренности и прямоты. Если это игра, пусть и очень опасная, то она рассчитана на победу. Будешь допускать ложные, тягомотные ходы — только проиграешь.

— Твоя героиня откуда-то из южной провинции. И ты понял ее: «Женька взялась за «игровой» захват Москвы».

— Эти провинциальные девочки знают, чего хотят: она хочет жить лучше, ярче. Приветствую такой порыв. Это нормальное явление бытовой европейской культуры: жить достойно и комфортно, жить красиво.

— За чей счет? Кто им обеспечит вожделенный уровень?

— Да хотя бы за счет удачного замужества! Укрепиться в Москве, найти работу. Купить машину.

— Всепобеждающий прагматизм?

— Во многом — да. Мне далеко не симпатична вялая инерция тех девиц и женщин, у которых что-то есть в собственности от родителей или близких. Они скучно живут. Провинциалки иногда живут и поступают достойнее.

— Знаю множество молодых особ с иными идеалами. И живут они вовсе не скучно, и в своей неброской одежде полны жизненной энергии и собственного достоинства. Вряд ли они променяют свою гордую независимость на сомнительное сверхблагополучие подвернувшегося мужчины.

— Можно найти и состоятельного мужа и попасть с ним в золотую клетку. Но я думаю, что каждая девчонка мечтает найти мужа, который будет интересным и сильным человеком. Тут ничего плохого нет.

— Да так было во все времена! Чувства диктуют выбор. Умные девчонки прежде всего хотят сформировать себя, кем-то стать.

— В советское время, чтобы девушка сделала какую-то карьеру, пробилась, ей надо было идти на компромисс, стать комсомолкой…

— Комсомолок было сотни тысяч, и редко кто из них думал о карьере. Карьеристки шли в комсомольские секретари, или под руководителей. При любом строе девушки и женщины хотели бы выйти за того, кого любят беззаветно.

— Я-то думаю, что Советский Союз очень сильно поломал всю нашу нравственную жизнь.

— Не надо на этот Союз наговаривать лишнее. Да у тебя была прекрасная семья — и у твоих родителей, и ваша с Веславой и Олегом. Я очень любила видеть вас вместе. Разве власть вмешивалась в твою личную жизнь?

— Ничего себе! А «Метрополь»?

— Это литературные дела. А мы говорим об искренности любви.

— Советская власть не давала мне ездить к моей жене в Польшу после «Метрополя». Когда мы останавливались с ней в советских гостиницах, я платил за койку 2 рубля, а Веслава — 25. Иностранка! Все-таки тот советский яд распространялся на всех! Мне кажется, мы все сейчас переживаем крупный моральный кризис, из которого выходим по-разному. Тогда всё и все были заморожены.

— Не очень ты был заморожен. Писал с редким озорством и даже наглым психологическим откровением. Такое позволял себе в

своих книгах!

— Я был исключением.

— Не могу сказать, что только ты эпатировал власть и бросал вызов обществу.

— Но таких было не много…

— Все-таки не будем менять тему нашего разговора о современной женщине. В «Боге Х» ты пишешь о «Наташе Ростовой XXI века» — и видишь этот типаж в своей Женьке.

— Наташа Ростова была культовым образом XIX века. Сейчас другие образцы.

— О таких ты спокойно говоришь: «Новые бренды ей “до пизды”». Или: «Она не боится мата».

— Мат — факт языка. Пройдет время — и эти слова будут нормальным литературным языком. Интеллигенция и сейчас произносит матерные слова при стрессах или в каких-то особых обстоятельствах. Но есть слова потяжелее мата. Сказать человеку: «Ты козел», — куда оскорбительнее, чем покрыть его матом.

— Твоя книжка меня убеждает: к нам приближается, говоря твоими словами, «эротический рай отчаяния», и он порождает особую женскую породу, эдакую «самодельную, самоходную установку». И я чувствую в тексте книги авторскую радость от обладания вчерашней нимфеткой. Ты сам признаешь, что твоя героиня — преображенная русская Лолита, которая сейчас становится «чувственной осью истории».

— Надо признать этот факт.

Виктор Ерофеев — человек запредельной откровенности. В своих книжках он столько про себя наговорил, что можно разделить все его эротические мифы и приключения на шестерку молодых «ходоков» — и всем достанется.

— Виктор, сильнее всяких словесных аргументов убеждает меня в твоей победе ваша с Женей дочка Майя. Ты присутствовал на ее рождении?

— Присутствовал. Роды были короткие — всего 20 минут. Как только появилась головка, доктор сказала: «Вылитый отец». Майя — самостоятельная, очень наблюдательная, смышленая. И очень решительная. Хорошо знает, чего хочет. Только ничего не может пока сказать. Недавно мы семьей ездили к моей маме на ее восьмидесятилетие. Там были наши родственники из Петербурга. Мой сын Олег, вполне взрослый человек, посмотрел на Майю и сказал: «Очень смешная девчонка». Она уже знает, чего хочет.

— И это нежное существо день за днем будет вписываться в тот образ современной женщины нового века, который ты нарисовал в своей книге. Кем бы ты хотел ее видеть?

— Мне кажется, человек похож на скульптуру Микеланджело — из которой отсечено все лишнее. И тогда появилось идеальное.

— Но кто же в ней, подрастающей девчонке, будет убирать все лишнее?

— Самостоятельный умный человечек, она уберет все сама. У каждого есть свое назначение. Высшие силы присутствуют в этом выборе безусловно.

— Вы крестили Майю?

— Крестили, когда ей было 11 месяцев. Во время обряда она смотрела на всех с улыбкой.

— Когда выбирали имя, думали о Майе Плисецкой?

— У Жени бабушка — Майя. Мы думали и о греческой богине Майе, думали о Майе как великой иллюзии в мифах американских индейцев. Жена рожала ее в Париже — для младенца взята высокая планка… Мы полтора месяца жили в гостинице «Георг V» — лучшей гостинице в мире. Ее директор Дидье, мой друг, предоставил нам номер люкс.

— Ты популярен и легко сходишься с людьми. Тебе открывают даже королевские апартаменты за одно дружеское расположение.

— Директор гостиницы мсье Дидье был у меня в Москве, в этой же комнате. Увидел беременную мою жену и широким жестом пригласил: «Приезжай в Париж рожать». Мы и прилетели в Париж. Теперь, если Майя в 18 лет захочет получить гражданство во Франции, то у нее проблем не будет.

— Почти парижанка обнаруживает какие-то склонности?

— Очень любит музыку. В Италии мы были все вместе в очень красивом замке у известного издателя, только что выпустившего мою книжку. Шел концерт. Мы не рискнули с ребенком войти в зал, смотрели его на мониторе. И она не отрываясь несколько минут вглядывалась в экран и слушала скрипку. Даже чуть-чуть подалась вперед. Башмет отметил, что она необычная девочка, и полюбил ее. Имя Майя для него родное — так зовут и его мать. В конце февраля мы всей семьей сели в нашу машину «БМВ» и отправились в большое путешествие. С семимесячной девочкой ехали через города и веси: Киев, Львов, Будапешт, Мюнхен, — и наконец добрались до Флоренции, где жили месяц. Назад вернулись через Париж, Варшаву, Минск. Машину вел я сам. Приехали в Москву уже весеннюю.

— Путешествие дало материал для книжки?

— Сдаю в издательство книгу путешествий. Только что вышла книга «Русский Апокалипсис». И начинаю писать настоящий роман с сюжетом и с выдуманными героями.

— Начнутся мистические ситуации, герои поведут себя непредсказуемо. Там и бессонница у автора появится.

— Да и вообще творчество мешает обыденной жизни. То, что замечают люди вокруг, ты не замечаешь, одеяла жизни в этот момент не видишь. Становишься странным. Всеобщее праздничное веселье тебе вдруг покажется тошным, совсем ненужным.

— В деталях помню твою книжку «Бог Х».

— Она — одна из самых моих сокровенных. Эта книга о любви написана с присутствием непридуманной любви.

— Но автор там еще не устал ерничать, озорничать. Ты называешь маркиза де Сада своим другом. Очевидно, всегда чувствовал, что твоя собственная философия наслаждения, хотя и выраженная уличными забубенными словами, все-таки несколько сродни фантазиям сластолюбивого Донасьена.

— Меня привлекает в нем то, что он пронзительно определил слабости и пороки человека. Он видел: если человек творит зло безнаказанно, в нем прорастает садизм. Это мы видим и в характере власти, и в поведении бюрократии. Можно точно сформулировать: когда власть безнаказанна, в ней прорастает садизм. В русской культуре мы считаем, что изначально, в глубине своей человек добр, а зло как бы облипает его со стороны. И если человека поставить в такие условия, что он получает безграничную власть и непресекаемую возможность делать зло, он и начинает его делать. Значит, зло сидит в человеке. И эти порочные уголки человека гораздо мрачнее, чем об этом нам рассказывает русская культура.

— Но великий французский либертен был пожизненно жестоко наказан за свой садомазохизм. «Ладомир» выпустил потрясающую книгу Мориса Левера «Маркиз де Сад» в прекрасном переводе Е.В. Морозовой. Вот поистине Большая книга — прекрасная по языку, парадоксальная по наполнению биографическим материалом. Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (маркиз де Сад) предстал впервые на русском языке со всеми его причудами, страстями. В нем бушует ярость наслаждения, несмиренная даже в неволе. Его письма мадемуазель Коле из Итальянского театра полны лирического безумия. Это роскошный театр соблазна. Свои письма Донасьен вставлял в «Разрозненные сочинения». Ты хранишь свой любовный эпистолярий — к подружкам, к жене?

— Обязательно эту книжку отыщу и прочту. А письма я изначально не любил писать. Писал только маме с папой, когда они жили то в Африке, то в Париже.

— В молодости тебе приходилось прибегать к «искренней лжи», к обольстительным признаниям?

— В этом не было необходимости. Женщины ко мне всегда были благосклонны. Если мне женщина интересна, то в вихре

взаимного любопытства я не встречаю в женщине сопротивления. Чем глупее женщина, тем больше в ней сопротивления.

— Иосиф Бродский, раздаривая знакомым книжку со своими рождественскими стихами, подписывал: «От христианина-заочника». Испытываешь ли ты какие-то особенные чувства к Христу?

— У каждой религии — свои символы. Христос до сих пор остается нашей дверью в Божественный мир. Он связал вечную жизнь с нашей повседневностью, показал человеку его духовный путь.

— Испытываешь ли ты какое-либо внутреннее духовное беспокойство?

— Безусловно. Наверное, я весь состою из этого духовного беспокойства. Мне кажется, что и страна порой идет не туда, и жизнь всячески запутывается, и мне хочется понять причину почти неуправляемого общего кавардака. А если ты сам утратишь это беспокойство, то или останешься абсолютно равнодушным, или циником.

— К какой философии обращаешься, когда хочется разобраться в самом себе?

— К философии своих книг. Ведь когда пишешь, то не понимаешь, какая сила выводит тебя за рамки твоего «я». Ты смотришь на себя со стороны, винишь во всех слабостях и постепенно обретаешь силу. Я научился одному — терпению. Не пишу до тех пор, пока ко мне не приходит то, что принято называть вдохновением.

— Какая у вас с женой разница в возрасте?

— Тридцать четыре года.

— Как справляешься материально?

— Я бы не справился, не будь у Майи няни, а у семьи — домработницы. Женя работает на телевидении фотографом. Там приличные деньги. Я работаю на радио. По каналу «Культура» веду «Апокриф». Передаче уже пятый год. Эта программа о наших духовных ценностях, которые были разрушены.

— Твоя команда и ты сам собираете очень интересных людей, и они открывают зрителю совсем иные миры в человеке, в его психологии, в его вкусах и страстях.

— Мы же начинали вслепую, не знали, как делать эту передачу. Одна из ведущих корреспондентов Си-эн-эн сказала мне: «Я хотела бы такую программу делать в Америке».

— У тебя бывают иностранцы?

— Бывал Вайда, Тонино Гуэрра. Пытаюсь вести программу, чтобы она не была скучной. Слово «апокриф» — это сокровенное знание. И мы стараемся создать атмосферу, в которой

доверительно люди делятся своим сокровенным знанием. Мечтаю, чтобы через много лет «Апокриф» могли бы пересматривать студенты и по этим программам определять, о чем думали люди.

— *Желание перспективное. А как у нас в России со счастьем?*

— Как в Петербурге с погодой: пока выглянет солнце — полжизни пройдет.

20 апреля 2007 г.

На любви помешанный

Писатель Леонид Жуховицкий: «Чертовски хочется на тебя посмотреть. Сними то, что сочтешь возможным»

Он автор множества книг и киносценариев, издан на сорока языках. И удостоен журналистской премии «За честь и достоинство». Он профессор шведской Писательской школы и преподаватель Международного университета (Москва). Он знаменит не только своими книгами, но и любвеобильностью. Да, женщин он любит больше всего в жизни. Ему 75, а его четвертой жене — 30. Очевидно, он знает тайну эликсира долголетия.

— Скажи, господин профессор, в студенческой аудитории кем ты чувствуешь себя: многоопытным мэтром, певцом свободы и демократии?

— Я воспринимаю себя, увы, уже немолодым человеком, который для собственного удовольствия общается со студентами. Иногда это бывает смешно, иногда забавно. Если при этом студенты извлекают для себя какую-то пользу, бываю рад. Подозреваю, что ребят несколько смущает мой возраст. Но стараюсь не подчеркивать значительности своих лет. Мне эти ребята очень интересны. В чем-то они не такие, как мы. А приглядишься — и с ними случается то же, что и с нами когда-то: несчастная любовь или счастливые свидания, сомнения в себе. О многом они говорят со мной достаточно откровенно.

— И какая же у них заветная мечта?

— Я их как-то спросил, с кем из известных журналистов они хотели бы встретиться. И услышал: «С тем, кто зарабатывает по три тысячи долларов в месяц, только не с вашим ровесником».

— Бывали случаи, когда студенты вопросами загоняли тебя в угол?

— Такого, к сожалению, не было. Мечтаю, когда же они своими вопросами прижмут меня к стенке и я буду вынужден напряженно думать. Ведь именно в такие моменты рождается что-то новое для меня самого. Увы, сегодняшние студенты слишком миролюбивы. Часто пытаюсь даже их разозлить…

— А ошибаться приходилось в оценке новичков?

— Когда-то в Малеевке на семинаре драматургов меня знакомили с моей группой. Я увидел одного парня — в очках, мрачного, даже, мне показалось, затюканного. Я подумал: «Бог ты мой, кого же сюда набирали?» Очень робко очкарик показал мне свою коротенькую пьеску. Я был совершенно поражен блеском таланта. Ныне он один из королей афиши — Степан Лобозёров,

блестящий комедиограф. Его ставят по всей стране.

— Но, наверное, в достоинствах женщин Жуховицкий никогда не ошибался.

— Расскажу тебе еще про одну свою торопливую оплошность — с ходу оценить суть человека. Мы с Толей Приставкиным в качестве руководителей семинара приехали в Пицунду. Оглядел я зал — сразу заметил красивую девицу: сидит, треплется с соседями по столу. Я сердито говорю Приставкину: «Присылают черт-те кого». Эта девушка вскоре с нами познакомилась, мы подружились, и много лет шла под псевдонимом Чёртекто ныне знаменитая Дина Рубина. Радуюсь ее успеху.

— Твои журналистские и писательские успехи очевидны. В давно прошедшие времена, случалось, знаменитые люди больше гордились своими победами над женщинами. За тобой тоже тянулась слава красивого сердцееда. Не отрицаешь?

— Такие определения я не очень люблю. Но моя книжка «Молитва атеиста» заканчивается примерно такими словами: если бы в саду радостей земных мне предложили выбрать три вещи, я выбрал бы путешествия, литературу и женщин. Если бы две вещи, я выбрал бы литературу и женщин. Если бы одну — выбрал бы не литературу. Для меня женщины были самым главным в жизни. Я не гонялся за количеством. Просто их невероятно любил и люблю до сих пор. Долгое время это считалось моим пороком.

— Во сколько лет первый раз женился?

— Мне было 33, но я вообще не собирался жениться. Но моя двадцатиоднолетняя женщина Наташа была на седьмом месяце. И мне стало ее жалко. И мы зарегистрировались. Убежден: люди рождаются не для того, чтобы ходить в загс, а чтобы любить друг друга. Если любовь очень сильна, от нее должны рождаться дети.

— Но жалость — никак не свидетельство любви.

— Да нет — у нас с Наташей была очень сильная любовь, но многое подтачивало и разрушало эту любовь. Я жил с родителями и бабушкой в коммунальной комнате. Мне пришлось довольствоваться раскладушкой. Но причина, конечно, в другом — я остаюсь противником брака как социального института именно потому, что очень высоко ставлю любовь. Это лучшая форма человеческих отношений. А брак, по-моему, разрушает семью.

— Прежде чем родилась твоя безответственная философия брака, сколько лет после регистрации угасала твоя любовь с первой женой?

— Девять лет.

— И ваша девятилетняя дочь понимала, что ее папа уходит?

— Папа никуда не уходил. Но ситуация в семье стала такой, что жить вместе становилось невозможно.

— Надеюсь, спали уже не на раскладушке?

— К тому времени я купил кооперативную трехкомнатную квартиру, и в ней моя жена осталась с дочкой.

— Профессия Наташи обеспечивала ей сносное житье?

— Она работала бухгалтером. И я помогал как мог воспитывать дочь.

— Где же ты жил?

— Потом у меня появилась однокомнатная квартира. У меня было четыре жены. Со второй женой самые горячие и нежные отношения длились очень долго. В ней удивительно сочеталась яркая внешность с железным характером. Меня удивляла ее фантастическая практичность, чего мне позарез не хватало. Нас объединяла какая-то оголтелая страсть, сметавшая все на своем пути.

— И эта страсть сама себя сожгла дотла?

— Вдруг стало ясно — нам пора разбежаться. Но еще не пропало желание все повторить, сохранить близость — и мы решили расписаться. Но бумага не спасла то, что было обречено.

— И ты укрепился в своей неприязни к загсу?

— Да, брак — это ступень к разводу. У нас так и получилось. Детей мы не заимели. С третьей женой та же бездетная страсть. Только в четвертом браке родилась моя вторая дочь.

Когда Леониду Ароновичу было за 60, его вновь вознесла до небес влюбленность, отнимающая и разум, и ощущение возраста. Он испытал эмоциональное сумасшествие в общении с девочкой, младше его на 45 лет. Возможно ли такое? Наверное, покойный художник Пукирёв, создавший живописный шедевр «Неравный брак», воскликнул на небесах: «Поднимите мне веки. Хочу посмотреть на эту счастливую парочку».

— Где отыскал ты свою последнюю любовь?

— Катя была дочкой наших знакомых. Однажды под Новый год — 30-го числа — мне позвонила моя жена и сказала: «Мы с Таней хотим прислать к тебе Катю». Приехала ко мне эта девочка. А было ей 16. В ней каким-то пронзительным зрением я вдруг увидел молодую женщину, очаровательную и вовсе не наивную.

— И ты пропал?

— Отчаянно и навсегда.

— Твои молнии облучили и Катю?

— Сумасшествие стало общим. Катю доставали упреками близкие и знакомые. Она решительно отвечала: «Считается, что

выбирает мужчина. А на самом деле выбирает женщина». До этого я не подозревал, что Катя еще и умна. А мне всегда безумно нравились глупые, потому что в них больше жизни. Я не любил женщин, в глазах которых читается какой-то расчет. Совершенно неожиданно для меня у нас с Катей начался настоящий человеческий роман. Я боялся хоть как-то навредить Кате. Однажды у нас зашел разговор об абортах — сколько талантливых детей погибло, не родившись! И Катя призналась: «От вас я бы никогда аборт делать не стала».

— Тогда еще у вас близости не было?

— Уже была.

— Ты не проигрывал мысленный бросок в прошлое: сорокапятилетний мужик идет мимо коляски с двухмесячной девочкой, и она вдруг закричала: «У-а-а!» — а мама испугалась — этот мужик ее возьмет…

— Никогда такие вещи не проигрываю. Могу признаться, в каких-то случаях голова у меня работает неплохо. Но если дело касается женщин, моя голова напрочь отключается.

— Это называется «потерять рассудок».

— Живу одними эмоциями. У меня есть любимая поговорка: лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал. Я действительно редко жалел о сделанном: ведь делал что хотел. Я понял, что есть любовь, от которой должны родиться дети. Наша с Катей дочка — дитя любви.

— Вы с ней официально оформили свои отношения?

— Нет, мы в загсе не были. Дочка Алена носит мою фамилию. Когда мы пришли регистрировать рождение дочки, вышел скандал. Спросили меня: «Кто отец?» Я назвался, они записали мои данные. «А кто мать?» Я пошутил: «А мать неизвестна». Полный переполох. Но потом посмеялись и записали Катю.

— Леня, не очень удачно ты пошутил. Ну никакой солидности. Когда Катя стала матерью, что-то новое открылось в ней?

— Она одаренный человек. Я закрутил роман с молоденькой простушкой, а она оказалась мудрой матерью. Сейчас Катя — мой ангел-хранитель. В бытовых делах я полная беспомощность. Почти всю жизнь существовал вне быта. Мне ничего не было нужно, кроме литра холодного кофе, черствого черного хлеба и куска сыра. Мог днями писать, если мне это нравилось. Свое гнездо я никогда не выстраивал. До Кати я жил словно в бомжатнике. У меня свисали обои, потолок осыпался — меня это совсем не волновало. Катя сделала замечательный ремонт и в квартире, и на даче в Красновидове. Это трехкомнатная квартира в двадцатиквартирном доме. Мы пристроили еще одну комнату и к тому же углубились вниз, в землю. Подвальное помещение чуть

пониже, но мы его всячески облагородили, поставили джакузи и стиральную машину. В этом году жили там всю зиму. Дочка Аленка ходит в местную прекрасную новую школу.

Благодаря Кате живу теперь в приятном, очень уютном гнезде. Раньше я ходил в гости в такие счастливые ухоженные гнезда. В Москве у нас двухкомнатная квартира. Была возможность поменять на трехкомнатную, но я этого не захотел: мне нравится близость — в тесноте и любви. Все на глазах. Люблю наблюдать, как растет и меняется моя дочка. Мы все ловим величайший кайф. Помню, когда-то у моих друзей Аллы и Роберта Рождественских родилась старшая дочка Катя. Через несколько лет я спросил Аллу, какой период в развитии детей самый интересный. Она ответила: «Первые полгода». Мне тогда дети были интересны с 14 лет, я знал, как с ними разговаривать. Младшую дочь я вижу день за днем. Это фантастически любопытно. Ей предоставлена полная свобода выбора. Не хочу влиять на ее решения, пусть выберет по душе.

— Твоя жена Катя как-то реализовала свои природные возможности?

— Она экономист и психолог, поступила в аспирантуру. Иногда пишет журналистские статьи.

— Леонид, давно тебя знаю. Эмоционально ты совершенно не меняешься. У тебя просто молодые руки, изящные пальцы, словно ты часами музицируешь.

— Я не играю на пианино, зато играю в теннис два раза в неделю по два часа. Однажды с Катей мы побывали в Турции. Некие теннисисты спросили, трудно ли ей живется с таким возрастным мужем. Но потом мы с Катей за полтора часа разделались на корте с этими любопытствующими ребятами, они проиграли нам «под ноль» и вопросов больше не задавали.

Самый огромный успех имела книга Жуховицкого «О любви». В Швеции ее перевели и издали тиражом 185 тысяч экземпляров. Даже провели первую в этой стране читательскую конференцию.

— А как это случилось?

— Мой издатель Рольф Янсон вместе с моей переводчицей приехали в Москву. А у меня в большом зале Дома кино проходила читательская конференция. Они пришли и совершенно обалдели. И Янсон предложил мне провести такую же встречу с читателями у них. Меня пригласили в Швецию. В городе Кальмар, в большом концертном зале, состоялась эта встреча. Меня поразила сцена — это была огромная клумба цветов. Три часа длился мой разговор с читателями. На своем плохом английском

я хохмил, больше ничего не оставалось делать. Отвечал на вопросы, а зал хохотал.

— А переводчица помогала?

— Она очень хороший переводчик, даже получила премию как лучший переводчик Достоевского. Но синхронно не переводит. А тут с моего плохого английского кто-то переводил на хороший шведский. К тому же тамошняя публика английский знает неплохо.

— Шведские гонорары побогаче российских?

— Еще бы! Роман с Катей возник в наиболее тяжелый для меня период. Все мои хорошие деньги, как и у всех граждан России, мгновенно превратились в пыль. Мои родители, инвалиды первой группы, нуждались в лекарствах, а в начале 90-х здесь их было достать невозможно. Звонил друзьям в ту же Швецию, они присылали мне нужные лекарства или через «господские» поликлиники доставали другие лекарства. И всюду деньги, деньги.

— И где ты их брал?

— Из Швеции их перевезти было тогда нельзя — считалось преступлением. Мне приходилось зарабатывать опасным путем: по ночам на своем старом «жигуленке» я «бомбил» — возил воров, проституток, богатых пьянчуг из ресторанов. По ночам больше платили.

— Не боялся грабителей?

— Под правой рукой у меня был спрятан кухонный нож — на всякий случай. Но, к счастью, обошлось. Это был один из самых трудных и интересных периодов моей жизни: написал повесть «Жить, чтобы выжить».

Хотела спросить Жуховицкого, о чем он больше всего жалеет. Но в его книге «Исповедь атеиста» прочла ответ: «жалею… больше всего о девушках, с которыми могла быть любовь, да не сложилось». В этой книге он глазами эстета созерцает красоту: «Умненькая девочка сочла возможным снять все. На темно-красном покрывале постели тело медового загара смотрелось удивительно. Наверное, это и было фаустовское мгновение, которое хочется остановить».

Рыцарь с кедровым сундуком

Александр Сенкевич: «Женщина становится для меня притягательной планетой, и я ее осваиваю»

Он и сам обладает притягательной силой. Высокий, добрый, чрезвычайно общительный, он увлечет любого своими экзотическими рассказами о путешествиях в Индию и Непал. В одно из своих путешествий он брал друзей — Юрия Сенкевича, Святослава Бэлзу. Большим событием его жизни стал поэтический вечер в «Толстовском зале» Института славистики Парижа. На встречу с Сенкевичем собрались его поклонники — парижане: литераторы, художники и просто любители русской поэзии. В 2007 году Александр Сенкевич стал лауреатом Бунинской поэтической премии. Серебряная медаль. В связи с этим чрезвычайным событием книгу выпустили в изысканном подарочном издании.

— Саша, признайся принародно, родственник ли ты Юрия Сенкевича?

— Не родня мне был Юрий Александрович. Но мы дружили на протяжении многих лет. Он даже был свидетелем на моей первой свадьбе в 1964 году. Лучи его славы часто падали на меня, иногда просто обжигали. Самые курьезные случаи путаницы происходили со мной во время путешествий со Славой Бэлзой, который начал свою телевизионную карьеру в передаче Юрия Сенкевича. Скажем, когда Слава говорил администратору провинциальной гостиницы, что хороший и скромный номер нужен его другу Сенкевичу, сами понимаете, родственнику того самого, проблема мгновенно решалась. В конце концов я свыкся с ролью родственника Юрия Александровича. Получил от него устное добро называться двоюродным братом. Правда, во время одной встречи с Юрием Михайловичем Лужковым он снизил мой родственный статус до троюродного брата. Незадолго перед его смертью мы совершили путешествие в Индию, в штат Орисса. К счастью, он успел сделать передачу об этой поездке.

— Однажды в Индии я встречалась с поэтом Дивиком Рамешем, и он рассказал мне о твоей популярности в Индии и как поэта, и как ученого. Показывал твои книги на хинди и даже интервью с тобой, опубликованные в «Times of India» и «Hindustan Times». А в Москве о твоих поэтических книгах знают далеко не все.

— Когда в «Комсомолке» опубликовали четыре моих стихотворения с добрыми словами Арсения Александровича Тарковского, меня после этого печатали редко.

— Если писателя не печатают, он неминуемо вступает в конфликт с властью. Ты избежал этого?

— Я жил в оазисе Института мировой литературы, в легендарном ИМЛИ. Когда я туда попал, то сразу окунулся в интеллектуальную среду: Сергей Сергеевич Аверинцев, Михаил Леонович Гаспаров, Павел Александрович Гринцер… Все выдающиеся ученые и к тому же властители дум моего поколения. Моим другом стал Виль Мириманов. Африканист, историк культуры. Потрясающая личность. Он был даже принят во французский Коллеж патафизиков, куда входила вся европейская художественная элита, включая Пабло Пикассо, Макса Эрнста, Эжена Ионеско, Рене Клера и многих других. Из советских Виль Мириманов был чуть ли не единственным. Но он рано ушел из жизни. Виль был, могу в этом признаться, моим духовным гуру. Там же, в Институте мировой литературы, я встретил Александра Куделина, выдающегося арабиста и умного человека. Сейчас он академик РАН, директор ИМЛИ. На протяжении многих лет работы в одном отделе института я обсудил с ним множество важнейших тем. Словом, я попал в среду талантливых, свободно мыслящих и знающих людей и понял, что моя *дхарма* не наука, а поэзия. И все же в институте я проработал тридцать два года. В нем всегда царила интеллектуальная свобода. После суда над Андреем Синявским (он тоже у нас работал) и Юлием Даниэлем компетентные органы стали обращаться с нашими сотрудниками поделикатней. Не выбросили же они из института Виктора Ерофеева, после того как он издал свои рассказы в «Метрополе»!

— Твои стихи, выходит, почти не печатались.

— Не совсем так. Мои товарищи поэты отсылали свои сочинения на Запад, я же — в Индию. Первым моим нелегальным контактам я обязан Мириам Салганик, индологу. Она была референтом по Южной Азии в Иностранной комиссии Союза писателей СССР. Когда в Москву приезжали индийские поэты, я через них передавал в Индию на английском языке подстрочники моих стихотворений, которые великолепно и квалифицированно сделала М.Л. Салганик, и мои стихи вышли в крупнейших периодических изданиях на хинди в переводах самых известных поэтов. И ее же усилиями девять моих стихотворений были опубликованы в 1970 году в журнале «Простор». Ее прежнюю любовь к моим «стишатам» я берегу на донышке души, как светлое воспоминание о моей молодости. В конце семидесятых годов я написал книгу об интерпретаторе Омара Хайяма, поэте Хариванше Рае Баччане, о его «винных мотивах», о том, что есть свобода. Баччан был другом Неру, и о моей книге сказала добрые

слова Индира Ганди.

* * *

— Саша, ты изъездил Индию вдоль и поперек. Представляю, сколько у тебя было экстремальных случаев.

— Индия дает нечто такое, что нельзя почерпнуть больше нигде. Культурные традиции здесь не пресекались в течение тысячелетий. Другой подобной страны в мире нет, она единственная. Здесь живут те же образы, те же божества, что пять тысячелетий назад. Я стараюсь менять маршруты. Ставлю целью узнать места, в которых еще не был. Самым сногсшибательным путешествием стало посещение индуистских и буддийских монастырей в Индии и Непале, где мало что изменилось. Два месяца жил я в священном городе Айодхъя, в храме, посвященном древнеиндийскому эпосу «Рамаяна». На внутренних мраморных стенах этого храма высечен полный санскритский текст этого гениального произведения. На ночлег меня устроили в библиотеке при храме. Сначала на циновке, на полу. Но однажды проснулся и увидел крысиную семью. Я испугался, но, к счастью, в этих местах всегда много паломников, так что крысы не были обижены едой. И все-таки я перебрался на письменный стол, ножки которого погрузил в латунные миски с водой. Крысы ее смачно лакали на рассвете. А настоятель храма, тучный двухсоткилограммовый вегетарианец, во время трапезы сверху бросал мне, сидящему в позе лотоса и сложившему горсткой ладони, очередную порцию засахаренных орехов. Так называемый *прасад* , освященную еду. Он не должен был до меня дотрагиваться, иначе бы осквернился. Для индусов ведь я был чужаком, почти неприкасаемым.

Как европейца меня вкусно и обильно кормили сластями, бананами, орехами. Из всех угощений я предпочитал сласти. А вегетарианское варево приберегал для крысиной семьи. Так я стал ее основным кормильцем. Глядя сверху, как крысиная семья с аппетитом пожирает то, что я приносил три раза в день, я испытывал настоящее умиление.

— И что — вокруг тебя шуршала только одна семейка?

— Однажды на крысиную семью напали другие крысы. Естественно, я принял сторону своих крыс и запустил тяжелый, подкованный железом ботинок во вражью стаю. Словом, мы победили. С того момента я почувствовал себя чуть ли не крысиным богом.

— А среди гималайцев кем себя чувствовал?

— В гималайской пещере я медитировал вместе с членами буддийской секты. Экзотика! Сижу в бочке с водой и перемигиваюсь с юной тибеткой, которая устроилась в бочке напротив моей.

— А не устал наш Диоген от бочек и от позы лотоса?

— Признаться, немного затосковал. Захотелось сельских просторов, и тут мне помог переводчик моих книг на хинди Варьям Синх. Правда, совсем некстати начался сезон дождей. В деревенском доме однажды просыпаюсь, а рядом на кровати змеюшка лежит. Я закричал: «Наг!» То есть «кобра». С перепугу не разобрал, была ли это кобра. На мой крик как из-под земли вырос хозяин дома, что-то приговаривая шепотом, поплевывая, колдовски заманил змею в кувшин, отнес подальше от дома и выпустил в родную для нее стихию. У нас бы змею тут же забили…

— Нам бы мудрость индийцев… И долго ты задержался среди кобр?

— Постарался побыстрее распроститься. А вот Василий Михайлович Песков чувствовал себя в индийской деревне как рыба в воде. С какой лихостью он добывал материалы для очерков! Затемно, часов с шести утра, садился на мотороллер, за спину своего нового друга индийца, хорошо знавшего русский язык, и уезжал до глубокой ночи. И так каждый день. Крестьяне сразу признали в нем своего. До сих пор понять не могу, как они объяснялись, ведь деревенские английского не знают. На местной ярмарке Песков так понравился крестьянам, торговавшим коровами и буйволами, что, когда он, увлеченно жестикулируя и что-то говоря, отошел от своей сумки с фотоаппаратурой, они тут же выставили свой караул. Без языка душевно поняли друг друга. Я говорю на хинди, но такого расположения к себе в тех краях не заметил.

— Твоя любимая одежда в экзотических поездках?

— Джинсы и такая же рубаха. Еще безрукавки ношу.

Вулкан ожил

— Саша, в тебе бродила поэтическая лава, не востребованная тобой. Вспомни, как впервые произошло поэтическое извержение.

— Совсем недавно. Если пользоваться предложенным тобой сравнением, я не был засохшим вулканом. Какие-то тектонические процессы во мне происходили. Очень редко я прислушивался к лирическим толчкам. Но не торопился им подчиниться: все казалось — мне жить долго! Друзья подшучивали: «Ты хромофаг, пожиратель времени». Да нет, Наташа. Я просто жил. Влюблялся, читал хорошие книги, общался

с кем хотелось, ездил по родной стране. А внутри что-то булькало, тренькало, посвистывало…

— Ты все-таки писал стихи! Арсений Тарковский благословил твои стихи.

— Конечно, я тогда испытал счастье. Но стихов у меня было мало.

— А почему?

— Легко спрятаться за привычную отговорку — дескать, в неволе птицы не поют. Не люблю самооправданий! Ежели начинается извержение, тут не важно, какой вокруг социальный климат и политическая обстановка. Все становится вторичным. И не важно, какая власть, какие запреты и где ты живешь — во дворце или в крестьянской лачуге. Извержение начинается неостановимо и накрывает и тебя, и всех, кто рядом. Совсем недавно вдруг осознал — я смертен. И времени осталось мало. И как только я это осознал…

— Сдвинулись тектонические пласты сознания?

— Вот именно: крышка кратера была отброшена. Я стал убыстрять ритм жизни: вставал в шесть, сразу под душ. После легкого чая отправлялся в гонку за словом. И не за столом — в постоянном движении. Лучше сочиняется в ходьбе по саду, по лесу. Наверно, со стороны выгляжу и смешно, и странно. Как безумный гоняю слова, пока не отыщу самое точное.

— Мне иногда звонят пишущие женщины и радуются, что за день сочинили пять стихотворений.

— Тут, конечно, таится опасность — впасть в графоманию… Пока сочиняю, запоминаю наизусть. Варианты отбрасываю.

— Твои потомки папиными рукописями не поторгуют.

* * *

— Саша, ты пишешь еще и прозу, а это ведь другое ремесло.

— Когда пишешь прозу, ты словно вышиваешь по канве: знаешь, что намерен сказать. И типажей вокруг сколько хочешь, и сюжетами жизнь снабжает бесплатно. Ничего выдумывать не надо. Стараешься все это оживить в том стиле, какой избрал.

— Сколько же романист торчит у письменного стола?

— Я придумал уловку: делю день на две половинки. Наработаюсь и посплю часок, а потом, словно с утречка, еще страниц шесть напишу.

— Есть опасность отяжелеть…

— Знаешь, когда работал над любовным романом «Конопатая

Маша», похудел на пять кило.

— Твоя «Конопатая» еще не вышла, зато ты написал роман о великой путешественнице — «Семь тайн Елены Блаватской». На мой взгляд, ты не очень церемонился с конкретными фактами из жизни знаменитой теософки.

— Хочу тебе, Наташа, признаться как на духу: по темпераменту не ученый! И потому буквально ломал себя через коленку, когда писал свои научные статьи. Роман о Блаватской сложен. Там есть страницы совершенно эссеистские. Есть невозможные параллели: например, капитан Немо и Блаватская. Меня понесло! В романе я был свободен от всех условностей — у меня возникали свои правила игры.

— И как же ты не убоялся заглянуть в частную, неведомую тебе жизнь Елены Блаватской?

— Я же бывал на юге Индии, в Адьяре, в Мадрасе, где она жила, где находилась штаб-квартира Теософского общества. Эта обстановка произвела на меня угнетающее впечатление, и мне так ее стало жалко. Масса журналов и книг давних лет хранилась в подвалах, покрылась плесенью и никому не была нужна. Лишь один наш генеральный консул Черепов читал эту литературу в старину — я увидел там оставленную им запись. В резиновых перчатках я перебирал эти материалы, вчитывался. И вот там почувствовал всем существом мощь русской культуры XIX века.

— А эти далекие наши соотечественники как-то влияли на пересмотр ценностей?

— Представь монотонный звук дождя. Индийский муссон целый месяц изводит душу, и в одиночестве возникают какие-то видения. Ночь. Дождик льет, льет, и под этот шепот и шорох вдруг появляется сначала махатма — учитель. Потом она, Елена. Чую — немножко сдвигаюсь рассудком. Идет, слегка покачиваясь, в балахоне типа большого широкого дождевика.

— Ты, наверно, впадал в сон?

— Все всплывало в полусне. Но вдруг меня осенило — у нас с этой просторной женщиной завязываются какие-то отношения — ин-фер-нальные. Ее огромные синие глаза, безумно красивые, прямо надо мной. Смотрят на меня из ночи, как две сияющие звезды… Преодолев наваждение, я вдруг осознал — если начну писать о ней в дождливой Индии, меня просто увезут в тамошнюю психушку. И я отложил свой роман о великой женщине XIX века до Москвы…

— Были какие-то свидетели твоих «общений» с гостями из прошлого?

— Появился однажды жук и присел вблизи. Три часа я чирикал авторучкой, а он все сидел. Пять часов прошло, а он

застыл. Но стоило мне подумать: «Да куда же ему деться, если дождик не перестает?» — он вдруг пропал. Исчез. Испарился. Подумалось мне тогда: а чего же она, талантливейшая женщина с синими глазами, сидела в Индии? Ведь тогда не было никаких прививок, а вокруг всякие заразные болезни. Сколько там кладбищ с европейцами! Сидела бы себе в России или в Европе госпожа Блаватская. Нет! Не терпелось ей уехать в любимую Индию. Моя любовь к Индии соединилась с этой великой русской женщиной.

— Елена действительно возбуждала в мужчинах страсть?

— Убежден! Есть женщины, для которых возраст ничего не значит. Мне рассказывал Рене Герра про Одоевцеву. Она признавалась: «Любого мужика соблазню, если захочу». И когда она его однажды поцеловала, огненный француз понял: русская женщина это сделать может.

* * *

— Саша, ты часто бываешь в окружении тоненьких, изящных индианок. В их маслиновых глазах — сама нежность и тайна. Испытывал соблазн?

— Соблазна в Москве достаточно. Индианками могу только восхищаться. Индия для меня все же отдохновение от трудов моих. Но однажды что-то со мной произошло. Заброшенная деревня километрах в семидесяти от Наггара, где жили Рерихи. Еду я туда вместе с Наташей Великодной из программы «Среда» на НТВ снимать сюжет в деревне.

Приглашают нас в дом, на второй этаж, где пылает очаг. Сидим у огня, дым через трубу в потолке уходит наружу. Появляется молодая женщина с ребенком. Мадонна! Нас три мужика: режиссер, оператор и я. Мы рты разинули от изумления. Ей лет семнадцать. Она кормит грудью ребенка. И глаза у нее такие синие, как у Блаватской. Очевидно, сказалось влияние древних греков. И возник у меня тоже старинный и смешной порыв: надо ее украсть. И она словно поняла это мое озорство, и между нами, мне показалось, пробежал ток. Ее муж выглядел нескладным, каким-то корявым стариком.

И вот эта юная красавица по-крестьянски непосредственно показала мне окрестности, а потом еще и коровник, овчарню. Шла она босиком, ее ноги были изящны, словно она сошла на эту гористую местность из другого измерения. И мне показалось чушью увидеть себя в роли похитителя красавицы. Далеко бы я не ушел — сбросили бы меня в пропасть головой вниз. Горцы — это

все же горцы. Вот там, в горах, я понял: есть мир, куда нельзя входить. Им можно только наслаждаться, не сливаясь с ним. Иначе он тебя уничтожит, как в «Тамани» Лермонтова.

— Слава Всевышнему, в тебе в самый ответственный момент побеждает библейская заповедь — не преступи. В рассказе о гималайской юной матери я почувствовала бережную интонацию не только философа, но и поэта.

— Могу признаться, в моих чувствах к этой молодой особе не было никакой пошлости. Когда мы шли с ней по опасным тропинкам среди заснеженных гор, мне хотелось верить, что я тоже принадлежу этим горам. Такого ощущения у меня больше никогда не было.

— Саша, гималайские маршруты опасны, особенно зимой. Но ты вновь и вновь отправляешься в Гималаи.

— Настолько привык к Гималаям, что часто ловлю себя на мысли: если не приеду туда хоть раз в году, то истомлюсь. Словно я сел на наркотик, брежу горами. Хочется оказаться рядом с небом, тянет постоять на краю пропасти, пройти по тропинкам Рерихов в Наггаре. Там, вблизи их дома, почувствовал духовное родство с этой семьей.

— В Риге я видела фрагменты телефильма по твоему сценарию, снятого в Гималаях. Впечатляет. Чему ты поразился во время съемок?

— Солнечным днем снимали кусочек совершенно безлюдной гималайской земли. Начинает танцевать девочка Юлия, москвичка, в одежде индианки. Звучит мелодия этих мест. И вдруг откуда-то, словно из самой земли, появились люди, множество любопытных. Их собрала мелодия, танец. И в кадре у нас не массовка, а реальное бытие народа. Такой вот гиперреализм. Люди искренне испытывали интерес и удовольствие. А как только закончился танец, они тут же исчезли, растворились в горах. И установилось надолго безмолвие.

— Да, Сенкевич, Индия вливает в тебя и в твою поэзию омолаживающую кровь. В твоих стихах нет пейзажных зарисовок. Там своя страсть и философия.

— Образный замес моих стихов восходит непосредственно к Индии, к индусской традиции.

— Не тешишь себя надеждой стать махатмой, учителем?

— Искушение имеется, но я его преодолеваю. Любой поэт честолюбив. Ему дорого поклонение публики, но я стараюсь эту гордыню усмирить.

* * *

— Скажи, психоаналитик победил в тебе чувственника?

— Не люблю этого слова! Я живой человек, но в щелочки не заглядываю на голеньких девочек. Могу любоваться великой живописью с обнаженными. Но не терплю порнуху.

— Поэт ты влюбчивый. И все-таки тоже прошел через множество увлечений.

— Пощади, Наташа! Сейчас я больше эстетически воспринимаю новых спутниц. Знаешь почему? Начитался о судьбах шахов и султанов. Ничего хорошего!

— Но у тебя есть восторженное восклицание о том, что быть бы тебе ханом — «сидеть в шатре, брать женщин, пить кумыс…»

— Дальше-то у меня побеждает иное желание: «И медленно, как ветер над барханом, песок времен передвигала б мысль». Когда был молодым, несдержанным скакуном, мне нравились только восточные женщины. Белых просто не воспринимал. Первой моей женой стала кореянка. И моими возлюбленными были казашка, туркменка, узбечка, таджичка. Мною владел протест против национального снобизма. Меня захватила совершенно шизофреническая идея — иметь детей от всех наций. Один мой друг эту идея реализовал, и не скрывает этого.

— И кто же это?

— Юрий Борев — у него очень красивые «разноплеменные» дети. На его семидесятипятилетие они съехались. Девочки особенно красивы. Он и сам красив… Конечно, о детях надо заботиться, не уподобляться же племенному быку! Юрий Борисович, я знаю, о своих детях заботится. У меня от первого брака дочь Катя, от второго брака — сын Сергей. Они — самое ценное, самое дорогое в моей жизни.

— Мне очень нравится твоя дочь Катя. В ней красота сочетается со вкусом, изяществом, с восточной нежностью. Ее щедрость и доброта поразительны .

— Катя не любит, когда я рассказываю про нее. Она добра не только ко мне, ее отцу. Но и к друзьям. К сожалению, безоглядную доброту надо ограничивать. Часто доброта создает для нее проблемы. Добро должно быть осмысленным.

— Предложено осознать мудрость восклицания — «не спешите делать добро». Какие успехи у вашего с Зиной сына Сергея?

— Сережа окончил Московский архитектурный институт, работал, получал приличную зарплату. Но ему хотелось быстрой реализации своих проектов и он пошел на меньшие деньги, лишь бы увидеть все уже построенным.

— Сергей великолепен. Зато ты медлил со своими книгами стихов.

— Для моих друзей оказалось полной неожиданностью, что я

стал издавать серьезные книги. В их глазах я оставался светским, неглупым, но пустым человеком. Таким бонвиваном.

— Что тебя может свести с ума, когда ты видишь красивую женщину?

— Стараюсь разглядеть внутреннюю прелесть. К мраморно-прекрасным отношусь равнодушно. Странность моя мало кому понятна. Почему-то влюбляюсь в женщин, нуждающихся в моей помощи. Вижу страдания, духовные или физические, начинаю их уменьшать и — могу влюбиться!

— Обольщает процесс твоего перетекания в нее?

— Да, возникает некое родство. Если смог прекратить то, что мучает женщину, возникает внутреннее родство с ней. Размышляя над этой странностью, я сам над собой поиздевался: да ты альтруист-простак. А по-народному — наивный придурок.

— Ну, не каждый отважится на такой самоанализ .

— Да, Наташа, если все это измерить сегодняшним цинизмом, в этом вопросе я просто дурак полный.

— Дорогой Саша, никто из сотен моих знаменитых собеседников не предъявлял к себе такого безжалостного душевного счета.

— Это правда. Я по натуре не бабник. Бабники только и мечтают завладеть натурой. Знаю одного известного поэта, человека талантливого, мужественного, но он ни ростом, ни внешностью не Аполлон — кругл и невысок. Много лет назад, в мой двадцатидвухлетний расцвет, стояли мы с ним около писательского дома, что вблизи метро «Аэропорт». Мимо прошла красивая женщина. Они поздоровались. А потом известный поэт игриво похвастался: «Такая неприступная. А я взял ее, смял…» Меня это резануло. Правда, я все-таки подумал, что он, герой войны, просто сочиняет привычную байку про свой любовный успех. Завоевателем красавиц я никогда не был.

— Когда влюбляешься, что с тобой происходит?

— Женщина становится для меня притягательной планетой, и я ее осваиваю. Человека можно осваивать целую жизнь — он неисчерпаем.

— А что ты не можешь принять в женщине?

— Скупость.

— В чем? Что она не дает тебе большую отбивную?

— Сейчас во многих семьях все имеют по кошельку.

— В бедной российской семье кошелек у хозяйки: она заботится о выживании семьи.

— Правильно, но она все равно имеет свой потайной кошелек.

— А если мужик пьющий?

— Это разные вещи. Я-то не пьющий. Может быть, меня особенно раздражает скупость душевная. Не прощаю женщине недоброту. Суперэгоизм непременно связан с идиотизмом. Человек, не умеющий ценить прекрасные мгновения жизни, эти отдушины в нашем довольно жестоком существовании, не может оценить даже любовь. Любовь и есть та самая отдушина.

* * *

— Что такое Шамбала в твоем понимании?

— В восточной мифологии Шамбала — страна в окружении восьми гор. Для многих Шамбала — это поиск отдушины, освобождающей человека от страданий. Теперь предмет моих сценариев документальных фильмов — Шамбала. Одна серия называется «Тайна долины Кулу». Мы этот фильм делаем вместе с Алиной Редель. В тех гималайских высотах жил Рерих, он ведь тоже искал эту таинственную Шамбалу, мифический оазис счастья. В том мире идеально все: пространство, люди, отношения. В женщине я тоже пытаюсь открыть Шамбалу, но чаще разочаровываюсь.

— Они тебя предавали?

— Да что такое женское предательство? Если женщина влюбилась в другого человека — это не предательство. Если ты умираешь, а она тебе воды не подаст — это предательская жестокость. Если мужчина лишается источника дохода и она его бросает, это жуткое предательство. Мне везло на одухотворенных женщин. Мой приятель как-то меня назвал алхимиком женских душ: «Ты ищешь в женщинах дух, который в них отсутствует изначально».

— Вот гад. Твоему приятелю-краснобаю явно в жизни не повезло.

* * *

— Саша, сколько лет мы общаемся, а я ни разу не спросила тебя про твоих родителей.

— Для меня они были одним целым. В отличие от меня они не разводились, и, я думаю, отец был единственным мужчиной мамы. Мою маму звали Тамара Квинтиллиановна. Дед ее был священником и потому своего пятого ребенка назвал именем православного святого Квинтиллиана. Но этот Квинтиллиан, мамин отец, был человеком вольным, любил погулять, выпить. Он

развелся с женой и потом устал считать свои разводы и браки. Пил, буквально не просыхал. По профессии он землемер. Дожил до 84 лет и, человек с юмором, просил перед смертью положить ему в гроб чекушку, но его пьющая сестра извлекла четвертинку из гроба и потребила на помин души. Все дети его разных браков — мальчики, погибли во Второй мировой войне. Осталась только моя мама от его первого брака.

— *Ты видел деда?*

— Он приехал в Москву из-под Свердловска к маме со своей последней, может быть, шестой женой. Он чем-то походил на Шолохова — ростом, усами, даже манерой говорить. Ну двойник классика. Зато дед со стороны отца, Николай Иванович Сенкевич, был политическим деятелем, эсером, получил 10 лет царской каторги за организацию бунта на границе Литвы и Белоруссии. Был он, по-моему, литовцем. Упекли его на каторгу, а он сбежал и жил под другими документами. Но зато ни в какие партии уже не вступал и тем самым сохранил себе жизнь. Все его соратники эсеры были после революции арестованы как «враги народа». Выжили только немногие. А бабушка, в отличие от мужа, состояла в РКП(б), возглавляла пошивочный цех в Москве. Бабка моя перелицовывала одежду Сталина — шинель, мундир.

— *И ты веришь этому?*

— Говорят, что он любил свою старую одежду. В комнате у бабушки, в коммуналке где-то вблизи консерватории, я часто жил, до четвертого класса. Мои родители, геологи, все время находились в экспедициях. Когда подрос, они меня забирали с собой. Вместе с ними я побывал в Казахстане, в Саянах, на Алтае.

— *А отец был на фронте?*

— В начале войны отец попал в окружение и оказался в плену. Маме пришла бумага о пропавшем без вести. Отец находился сначала в Германии, а потом в норвежском лагере военнопленных. После войны в советском проверочном лагере пробыл полгода. Отпустили его из прагматических соображений — стране нужны были геологи.

— *Отец не был ранен?*

— Остались на нем следы лагерей — не только в душе. У него вся голова была в шрамах.

— *Он рассказывал что-то про лагеря?*

— Редко — все это он нес в себе. Но когда в 70-е годы приехал к нему с Алтая очень симпатичный человек, с которым он сидел в норвежском лагере, что-то я усвоил из их разговора. Оказывается, когда советских пленных солдат гнали в немецкий тыл, отец заболел и ослаб. И один конвоир сказал: «Надо его добить». Отец знал немецкий и понял, что сейчас ему придет

конец. Но второй конвоир почему-то не согласился: «Давай на телегу его кинем, а если потом не сможет идти, его другие добьют». Погрузили отца на телегу, отдохнул он и выжил.

— Геологи в Казахстане видели наши лагеря?

— Да я сам видел, в Джезказгане. Такое сочувствие к этим безвинным у меня родилось. Да и у моей первой жены Инессы Ким были расстреляны и дед, и отец, и сами они были в лагерях и ссылке.

— То и удивительно, что Инесса преодолела все, воспитала в себе личность, творческую и отзывчивую… Поговорим, Саша, о твоей квартире. Ты что-нибудь там сделал сам?

— В городскую квартиру привез предметы, вещицы тех земель, где побывал. Это тысяча скульптурок и мелкой пластики, множество фотографий людей, с кем я встречался. Они стоят в рамках. Ты будешь смеяться, у меня стоят сундуки заморские, из тибетских монастырей.

— Умыкал, что ли?

— Умельцам заказывал. Стоит это недорого. Сейчас эти сундуки мне дарят. Святослав Бэлза презентовал сундук, выполненный мастерами «Кедровой бочки». Теперь по моей квартире бродит запах кедровых орешков. Эти же умельцы из «Кедровой бочки» подарили премьер-министру Индии мини-сауну из кедрового дерева. Я занимался продвижением этого подарка государственному мужу Индии.

— Ты не почувствовал тягу к накоплению — страсть, подобную той, что владела Скупым рыцарем?

— Эти сундуки у меня другого назначения. На мой взгляд и нюх, они источают магический свет. Есть у меня сундук далай-ламы с запахом Сибири.

Недавно в Риге вышел диск его стихотворений «Жизнь моя темна и непонятна, как во мраке танец светляков» в авторском исполнении. Документальный фильм «Доктор Сенкевич» демонстрировался на 61-м Каннском фестивале во внеконкурсной программе. Продюсер фильма Наталья Иванова, режиссер Леся Манко, оператор Наталья Бенционова. Съемки проходили в штате Тамилнад (Индия) и в Монако.

7 мая 2005 г.

Одиночество со всеми вместе

Татьяна Назаренко: «Я безумно увлекающийся человек»

Легкая, изящная, в чем-то изумрудно-сияющем, на светском рауте она неотразима. И нельзя предположить, что эта маленькая волшебница — действительный член Российской академии художеств, профессор Суриковского института. Ее картины, полные трагизма и света, иронии и сарказма, теперь в Третьяковке, в Русском музее, в частных собраниях Германии, Франции, Испании, Италии, Англии…

На презентации книги «Опрокинутое небо» поэта Владимира Салимона и художника Татьяны Назаренко собралась московская интеллигенция — послушать стихи, вглядеться в рисунки, на которых живет-печалится бедная Россия. У этой маленькой женщины сильная рука и смелая кисть. На том празднике искусства она делала мгновенные надписи на книгах, набрасывала миниатюры «на память». Многие любовались ее жизнерадостным лицом, разглядывали украшения: огромный малахитовый перстень, серьги, отливающие волшебным светом зеленого хризолита. Потом, неделю спустя, у нее в мастерской я спросила о ее любимых камнях.

— Очень люблю аметисты. Слышала, будто бы они приносят несчастье. У меня были аметистовые украшения, я их очень любила, но они куда-то пропали. Теперь мечтаю их вернуть. Когда-то привезла я из Индии аметистовые щетки — кусочки породы с аметистовыми кристаллами. Фиолетовые, выразительные, самой природой отполированные кристаллы я видела прямо в горах и могла сама их выломать.

— Что-то позаимствовали для своей живописи у Востока?

— После Индии я ничего не написала. Но в ту поездку у нас был еще Цейлон — Шри-Ланка, и оттуда я привезла куклы-марионетки и маски. Несколько раз их писала. После посещения Маврикия я сделала выставку. Жила я там около двух недель. И вспомнилась мне Индия, потому что на этом ярком острове были замечательно украшенные индуистские храмы. Вот там я вырезала и расписала фигуру царя обезьян Ханумана. Признаюсь, воспоминания об Индии очень долго бродили во мне и своеобразно осуществились в моих маврикийских работах.

— Татьяна, слежу за вашим творчеством с давних пор, а встречаю вас редко, с перерывами в несколько лет, и радуюсь — вы не меняетесь внешне; более того, стали эффектнее одеваться. Быстротекущее время отражается в ваших полотнах, а вам лично

придает новый шарм и обновленную экспрессию. Есть ли у вас какая-то спасительная житейская философия?

— *(Смеется.)* Честно говоря, никогда не анализировала свое умение жить. Просто я безумно увлекающийся человек. Люблю все новое, люблю путешествовать. Людей люблю! Ищу острые ощущения. Люблю спорт, причем достаточно экстремальный. Недавно каталась на горных лыжах под Зальцбургом, в Австрии. Спускалась с довольно высокой горы и почти без остановок, чему удивлялись мои друзья.

В этот момент зазвонили сразу два телефона. Всем нужна Назаренко — галерейщикам, телевидению, друзьям. Я тем временем разглядывала огромную мастерскую. Она до предела заполнена полотнами, прислоненными друг к другу. На стенах — пейзажи, портреты, жанровые картины. В центре — новый сюжет с «обманками»: еще мокрые вырезанные из фанеры фигуры — две девушки и парень в современном прикиде. Все ярко, натурально, пахнет свежей краской. Это очередной памятник уличным персонажам. Уже в своем первом огромном полотне «Казнь народовольцев» Назаренко обнаружила незаурядный, даже опасный пламень — воспитанница Суриковского института в этой картине предстала живописцем с мощным темпераментом. Трубки замолчали, и я спросила Татьяну, как удалось ей так рано поджечь свой живописный огонь.

— Я, конечно, помню все чувства, которые испытывала тогда. Мои «Народовольцы» были попыткой обратить внимание сограждан на героизм людей. Меня всегда привлекали экстремальные поступки. Я не могла себе представить, как женщина может руководить террористическим актом, а потом стоять на эшафоте. Я думала: какие чувства должен испытывать человек, взявший на себя такую ответственность?

— *Таня, вокруг «Казни народовольцев» кипели страсти. И вдруг вы получили премию Ленинского комсомола. На мой взгляд, картина заслуживает и более высокой награды за дерзкий замысел и отменное мастерство.*

— *(Тяжелый вздох.)* Все было куда трагичнее. Друзья, близкие восприняли работу как официальную картину. Ее практически никто не прочел, не понял. Если бы «Народовольцев» прочли, как мне бы хотелось, то картину просто не повесили бы, она бы не путешествовала на трех выставках. А после них картину передали Третьяковке.

— *Без денежного вознаграждения?*

— Да она сразу принадлежала Академии художеств и

Министерству культуры. Сейчас картина в запаснике. Перевозки с выставки на выставку, накручивания на вал очень ей повредили.

— Будете ее реставрировать?

— Да нет — мне не дают. Если отреставрировать, значит, ее надо выставить, а в Третьяковке никогда не хватает места.

— Таня, вы начали с грандиозного успеха, но ваша суриковская профессура вела себя, мягко говоря, странно.

— Всю жизнь меня сопровождает двойственность: с одной стороны, мне дали премию, но отторгла академия. Выпускники мастерской Академии художеств, которую я тоже заканчивала, всегда были под опекой академии: с ними заключали договор и как-то поддерживали. Еще хорошо, что «Казнь народовольцев» ушла в Третьяковку, а не на помойку. Совершенно замечательно. Но никакого следующего договора со мной не заключалось. Я как бы перестала там числиться.

— Вас не защитил ваш руководитель Гелий Михайлович Коржев?

— Он повел себя довольно странно.

— Но он же мощный мужик и монументалист…

— И живописец, я к нему очень хорошо относилась. Он поддерживал меня, когда я писала эту картину. Но, парадоксально, он изменил ко мне отношение. Совсем недавно, когда меня принимали в академию, два человека проголосовали открыто против. Он и Виктор Иванович Иванов.

— Не потому ли, что живописец не захотел воздать должное другому монументалисту, женщине?

— Я тоже так думаю.

— Таня, зависть окружающих как-то действует на ваш внутренний огонь?

— Всю жизнь я себя считала независимым человеком. Да и завидовать чему-то или кому-то мне и в голову не приходило. Какой-то относительный успех у меня был. Материальное существование вполне устраивало. Я довольно рано поехала за границу. Впервые была в Италии, когда туда еще никто не мог попасть. Когда я закончила Суриковский, меня послала академия на целый месяц на свою дачу в Риме. Путешествовали по всей Италии. Все, что увидела, очень сильно повлияло на мою дальнейшую жизнь в искусстве.

Через 25 лет я попала на те же места, и у меня было впечатление, будто я видела все это только вчера. Перед фресками Джотто испытала такое же благоговение, было желание преклонить колени. Я рассматривала его с прежним чувством восторга и какого-то ученичества. Джотто я никогда не цитировала в своих работах, но ощущение счастливого открытия

не покинуло меня…

Удивительно: в теперешней Италии все осталось как в давние века — и здания, и памятники, и даже мальчики на улице носят такие же локоны до плеч, и у них такой же взгляд, такие же лица, словно сошедшие с полотен великих художников. У нас в России очень изменился облик людей, и уже почти не встретить похожих на тех, кого изображали художники XVIII или XIX веков. Не найти в Москве тот самый поленовский дворик…

— Ваше искусство многогранно. Что предпочитают коллекционеры покупать у вас?

— Их все-таки притягивают русский взгляд и все необычное у наших художников. У меня часто покупают пейзажи.

— Суриков очень любил писать снег. Как вы относитесь к зимней природе?

— Не люблю писать летний пейзаж. Зеленый цвет листвы живописцу неинтересен. Зеленый цвет приятен для глаз, люблю наслаждаться зеленью сама, а писать предпочитаю снег, ветку на снегу, былинки, птиц на снегу. Снег подчеркивает цвет домов и неба, абрис деревьев. Он очищает все. Ужасно люблю Москву заснеженную. Меня охватывает чувство гордости и радости, что я живу здесь, а не где-нибудь в Майами или в Сан-Франциско.

— Состоятельные господа заказывали вам свои портреты или портреты своих любимых?

— Сейчас я приняла заказ одного человека. Начну писать его портрет в мастерской — надеюсь, он сюда придет. У меня уже есть эскиз, заказала подрамник.

— Что стало с вашим великолепным огненным «Пугачевым»?

— Я долго не хотела с ним расставаться, надеясь, что его купит Третьяковка. Но там денег на моего «Пугачева» нет. И я продала картину человеку, чей портрет буду писать.

— Наверно, тут дело не только в деньгах?

— Все решило заманчивое предложение: у этого коллекционера будет первый в России частный музей искусства XX века. И когда мне этот человек предложил купить «Пугачева», я согласилась. Все не вечно. Поговаривают, что дом наш на Масловке, где мастерские художников, отберут. Могут отобрать под видом капитального ремонта. И потом мы сюда не вернемся… «Пугачев» был мне очень дорог, считаю эту работу одной из моих самых лучших. Мне просто было страшно за судьбу этой картины, и я отдала ее.

— Вы уже видели, с кем рядом он повесил ваши полотна?

— Мне было очень приятно, что мои работы развешаны рядом с Виктором Попковым, с прекрасными работами этого замечательного художника. Мои работы он сам отбирал —

пришел, увидел и сказал: «Я это беру». Собственно, так поступают и другие. У меня в мастерской многие бывали. Например, замечательный художник Петер Людвиг. Он покупал для своей коллекции, которую потом предлагал Москве для музея современного искусства, которого здесь нет. Но, увы, у Москвы тогда не было желания. И Людвиг часть своего собрания предложил Петербургу, и там открылся Музей современного искусства в Мраморном дворце. В коллекции много работ крупных иностранных художников и нескольких наших, которые он покупал и передавал в этот музей.

— Ваши работы тоже передал?

— Он их передал в другие музеи. Меня в Мраморном дворце нет.

— Таня, чувствую, вы не стремитесь принимать заказы на парадные портреты…

— Честно говоря, все мои попытки писать на заказ чрезвычайно тяжелы. Как правило, заказчик диктует свои пожелания. Даже самые умные, просвещенные и замечательные хотят в портрете побольше волос и реснички подлиннее. *(Смеется.)* Художнику хочется попробовать новое. Я зажигаюсь — мне предстоит написать большой портрет.

— Любого талантливого, независимого художника всегда подстерегает конфликт с окружением, со всеми, от кого зависит его путь к зрителю. Ваша потрясающая «Циркачка» балансирует на канате. У тех, над кем она парит, лица узнаваемы?

— Я написала ее под впечатлением совершенно трагической ситуации: в 82-м году я должен была поехать в Гамбург на выставку «Русское искусство сегодня». Уже висел плакат с моей работой, издан каталог, где на первой странице напечатана репродукция моей картины. И даже на пригласительном билете засветилась Назаренко. Я имела приглашение на гамбургский вернисаж. Журнал «Штерн» вышел с моей фотографией на развороте. Но накануне отъезда узнаю: меня не пускают. Почему? Отчего? До сих пор не знаю. Работы мои уехали, а я терзалась в Москве. Но когда меня не пустили за границу несколько раз, я пришла в отчаяние. И никто не объяснял ничего! Иногда нагло говорили: «Ваш паспорт не готов».

Однажды в Доме дружбы меня назначили руководителем зарубежной поездки, а потом чиновники с выпученными глазами упрекали меня: «Мы вас руководителем выбрали, а вы, оказывается, невыездная». Слово наконец-то было произнесено. Один молодой человек сказал мне страшную вещь: «Еще лет 20 вам не удастся поехать за границу». И вот тогда я написала «Циркачку». Я — на проволоке, над головами этих чиновников.

Их лица вполне конкретные: с усиками — вице-президент Академии художеств Кеменов, стоят чиновники из ССОДа, секретари Союза художников — групповой портрет людей, которые в лицо мне говорили: «Какая вы замечательная», — но при этом сделали меня невыездной.

Новое поколение не понимает, что такое «невыездной». Мой младший сын тоже этого не понимает. У знаменитого французского мима Марселя Марсо была замечательная пантомима «Клетка». Он выходил на сцену и руками как бы ощупывал значительное пространство. Потом пространство сжималось, сжималось, и, наконец, он уже был бессилен отодвинуть эту клетку от груди. Она буквально въедалась в него — и он замирал, засыхал в ней. Я тоже тогда себя чувствовала в клетке. А моя циркачка на проволоке свободна! Свободное искусство сковано жизнью. Об этом говорили многие художники мира.

Моя «Циркачка» не была показана. Это был 84-й год. Она стояла у меня в мастерской. И только в 86-м у меня была первая выставка в Германии — и она туда поехала.

Картина Татьяны Назаренко «Трапеза» своеобразно и остро обыгрывает античный сюжет о Юдифи с головой Олоферна. Живописец нового времени Назаренко положила на поднос собственную голову на гордой шее. Отчаянная и бесстрашная женщина в «Трапезе» бросила вызов самому Провидению. Она расположила вокруг прекрасной жертвы сонм чудовищ, приготовившихся к пирушке. В картине метафорически осмыслено трагическое ощущение художника после поездки в Америку, куда ее пригласили, пообещав выставку. Татьяна вывезла туда много работ. Заокеанские галерейщики принимали ее подчеркнуто гостеприимно: водили в рестораны, совершили вместе с ней самолетные вояжи в Сан-Франциско, Лос-Анджелес, а потом предъявили русской женщине счет на 25 тысяч долларов. Ее картины стали заложниками.

— Мне стало страшно. Сижу в чужой комнате и представляю, как эти люди откроют дверь и сделают со мной что хотят. Это воспаленное воображение довело меня до крайности. Меня там надули, как облапошивают и многих художников. Не избежать экстремальных столкновений всем, не знающим правил игры. Нет у нас защищенности. Нет денег, а потому нет той визы, которая позволит художнику самому вести свои дела. Вот и нарываешься на мафию манипуляторов. В Америке я потеряла всякие права на свои картины. Мои попытки искать помощи у доброжелателей, у

каких-то адвокатов, кончались тем же самым: все хотели откусить от меня какой-то кусочек: дескать, нет проблем — расплачивайтесь картинами. Картина — это же часть меня. Расплачиваться я должна была собой.

— Действительно, хищную трапезу затеяли галерейщики.

— В принципе эта история все-таки благополучно завершилась, могло быть гораздо хуже. Приходилось часто ощущать, как будто меня расклевывают на части. Люди тобой пользуются. Случалось, мне приносили какие-то работы и говорили — это Назаренко. Ощущение беспомощности неизбывно перед обстоятельствами и перед предательством.

Когда в России нас попытались перебросить в другой строй, то большинство граждан оказались чрезвычайно неподготовленными к этой пересадке, к иным общественным отношениям. Вся наша мораль, вся наша идейная установка рассыпалась — она не пригодна к новой жизни. Ты еще прежняя, а тебя окружают уже совсем другие люди. Наша доверчивость оборачивается страшной бедой.

— Великие художники писали свою мастерскую, где автор был счастлив в окружении друзей…

— Я всю жизнь писала портреты своих друзей. Но не могу сказать, что нас объединяло духовное единство. И никогда этого единства не изображала. Может быть, я накликала на себя свои ощущения, я ведь всегда говорила: пишу одиночество. Мне кажется, человек чрезвычайно одинок. Даже когда я была весела, счастлива и взглядом художника окидывала нашу компанию, то проносилась мысль — как бы все это нарисовать? Анализируя, ты не можешь так же беспечно выпивать, участвовать в веселье. Ты хватаешь бумагу, карандаш и начинаешь делать какие-то почеркушки, чтобы запомнить, оставить замечательный момент, — и выключаешься из общей атмосферы, из момента праздника. И голова твоя крутится по другой орбите, чем у остальных.

Сопереживая всему, о чем рассказывала Татьяна, я даже не заметила, что закончилась кассета, а мы еще долго говорили. Она не любит посвящать посторонних в свои семейные дела. От первого раннего брака у нее взрослый и вполне успешный сын Николай. Он отец счастливого семейства. Второму браку Татьяны, с Сашей Жигулиным, уже 23 года. И сыну, тоже Саше Жигулину, 17. Были у семьи захватывающие приятные годы. Они купили в тульском селе Дворянинове кусок земли с крестьянской избой, постепенно построили свой дом с печкой и камином, с мастерской для

Тани. К старым яблоням подсадили новые. И каждое лето испытывали восторг и любовь ко всему, что вокруг: к безграничному небу, к дыханию земли, к невероятным восходам и закатам.

Выросли дети, им ездить в деревню надоело. Татьяне потребовались силы, чтобы оградить семнадцатилетнего сына от житейских соблазнов и бед. И оказалось, преодолеть этот трудный подъем ее муж был не в состоянии или не захотел. Татьяна старается не вспоминать печальные обстоятельства, которые могли закончиться для ее сына драматичнее, чем это случилось. Сейчас Саша — студент полиграфического института.

У Татьяны совсем нет времени предаваться тоске и горевать в одиночестве. Когда устает рука выпиливать «обманки» — фигуры персонажей «Перехода», когда утомляется ее мыслящая кисть, она пойдет бродить по талому снегу и припомнит стихи Володи Салимона: «Внезапная потеря зренья / в смятение приводит нас. / Надежда лишь на Провиденье. / На дар прозренья. / Третий глаз». Все будет удаваться, пока ведет нас и светит этот божественный Третий глаз.

11 июня 2004 г.

«Золотой Эльф» — символ «Триумфа», премии поощрения высших достижений творческой личности. Награждение лауреатов состоялось в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Академик живописи Татьяна Назаренко — одна из пяти «триумфаторов» 3008 года. Татьянин день — ее любимый праздник. Она свято чтит свою небесную покровительницу, ее несгибаемую веру, непокорность и сопротивление насилию. В характере нашей современницы ощутима стальная пружина. В состоянии безысходности, когда многие хотели откусить от ее живописного дара, Назаренко в своем полотне «Трапеза» положила на блюдо голову не Олоферна, а собственную: ешь, хищная толпа, мне не жалко!

— Татьяна, что вы испытали, когда услышали о вашем награждении?

— Сначала раздались смущающие мое сознание звонки людей, мне не очень близких. В эту награду я не поверила, думала — розыгрыш. Но тут позвонила Ирина Александровна Антонова. И только тогда я поняла, что это не шутка. Позвонила и сказала хорошие слова Зоя Борисовна Богуславская.

— Вы оказались рядом с корифеями нашего искусства.

— Фантастическая компания! Я совершенно потрясена. Боготворю Бориса Александровича Покровского. Бывала на многих его просто фантастических спектаклях. Посчастливилось присутствовать и на юбилейном вечере великого мастера музыкальных шедевров. Я все люблю, что делает его театр. Борис Александрович — уникальный музыкальный режиссер.

Наконец-то стал лауреатом «Триумфа» боготворимый мною актер Олег Янковский! Очень рада за актера и режиссера Константина Райкина — в его театре я бывала неоднократно. Посчастливилось мне слушать на «Декабрьских вечерах» пианиста Александра Мельникова. Его ценил сам Рихтер!

Я познакомилась с наградным альбомом «Триумфа». Его лауреаты за все годы — истинные мастера. Творческая элита. Каждое имя — звездное. Оказаться среди них — большая для меня честь.

— И не только честь. Это еще и 50 тысяч долларов! Во времена разрушительных кризисов непросто выживать и художникам. За последние годы вы изменили отношение к продаже своих картин?

— Раньше я чрезвычайно болезненно относилась к расставанию со своими работами, особенно с программными вещами. Долго держала «Пугачева», и все-таки решилась продать, потому что очень боялась за его сохранность в мастерской. У нас на Масловке случаются всякие происшествия и беды — например, иногда заливает водой.

— Умеете себя уговаривать, лишь бы не расставаться с работами.

— Мой довод прост: деньги исчезают, а картины остаются.

— Ценитель живописи, купивший вашего «Пугачева», собирался открыть частную галерею или музей. Почему же не открыл?

— Этот частный музей никуда не делся — стоит, но закрытый. Я была в нем. Удивительное зрелище! Старинный особняк сам по себе уникален. Но судьба человека, задумавшего частный музей, печальна. Грустна и судьба коллекции, поскольку ее никто не видит, хотя на отдельных выставках картины оттуда вдруг появляются. Недавно на выставке Салахова я увидела несколько его работ из коллекции музея. Хочется надеяться, что этот музей будет общедоступным.

* * *

— Татьяна Григорьевна, вы профессор своего родного

Суриковского института. Какие раздумья вызывают у вас студенты?

— Уже 10 лет руковожу мастерской в альма-матер. Вначале мне было интересно понаблюдать за процессом и поучаствовать в нем. Но, к сожалению, сейчас интерес угасает. Замечено: престиж профессии живописца падает. Кому сейчас в принципе нужно изобразительное искусство? И эта «ненужность» ощутима по контингенту: в Суриковский идут в основном девочки. Ребят мало. И это все сказывается на профессии.

— *На ее уровне?*

— Именно. Кто будет перетаскивать большие холсты с подрамниками?

— *Вспоминаю ваше гигантское полотно «Народовольцы». А нынче подобное возможно?*

— Не имеет большой перспективы. Кажется, нам в студенческие годы было легче.

— *Профессор, не испытываете ли вы духовное одиночество среди своих воспитанников?*

— В общем-то да. Приходишь воодушевленная, рассказываешь про выставки и чувствуешь — интерес к художественной жизни не хочет пробуждаться в студенческом сознании. Это очень огорчает. Но не бросаю работу в институте по простой причине: всегда находится один, ну два человека, с которыми хочется работать. Они меня радуют! Их вещи появляются на выставках — там-сям и даже за границей. Они делают интересные проекты. Некоторые из них уже члены Союза художников. Не могу отрицать, что есть успех. Но всегда мы сравниваем со своим студенчеством. Нынешние нам проигрывают.

* * *

— *Таня, когда-то вы мне говорили: «Я пишу свое одиночество». Жива ли ваша прежняя потребность в пристальном разглядывании и живописании затворничества и одинокого глубокомыслия?*

— Нет, нет… Свою последнюю — веселую, жизнерадостную — выставку я назвала «Праздники». С прежним одиночеством временно покончено *(смеется)*.

— *Значит, изменилась ваша жизнь?*

— Все просто: другие потребности, новые ощущения и настроения заставляют писать другое. У меня появились более жизнерадостные работы. Всегда была окружена людьми, которых я люблю. А теперь рядом и те, кто любит меня. У нас

замечательная горнолыжная компания. Мы несколько раз ездили кататься в Австрию, Италию, в Андорру. В Италии я была на всяких карнавалах, и, естественно, теперь они в моих работах. В Италии, в деревушке Канацея, откуда начинается подъемник в горы, устраиваются карнавалы. Я даже книжку выпустила со своими итальянскими работами — праздниками, маскарадами и карнавалами.

* * *

— Таня, ювелирная статуэтка «Золотой эльф», обладателем которой вы станете, выполнена по эскизу Эрнста Неизвестного. Связывают ли вас с ним какие-нибудь воспоминания?

— Естественно. Я бывала в его мастерской, сиживала вместе с ним в «Русском самоваре» на Манхэттене, где обычно собираются наши соотечественники — писатели, художники, поэты… Последний раз это было года три назад. Выглядел Эрнст замечательно.

— В облике и в аксессуарах «Эльфа» использовано не только золото, но и самоцветы. Ваши явно штучные перстни привлекают внимание красивыми камнями. Какой из них самый любимый?

— Люблю камни, которые мне идут или с которыми меня связывает что-то лирическое. Многие годы любила перстень с хризолитом, пока не рассыпалась его оправа.

— А как вы относитесь к бриллиантам?

— Ношу бриллиантовое кольцо. Но когда работаю — грунтую ли холст, пишу ли красками, — то забываю его снять. И тускнеет мой бриллиантик, становится «грязным».

— Верите ли вы в волшебную силу камня?

— В магических свойствах минералов я еще не убедилась.

— Вы всегда прекрасно одеты. Кто определяет ваш выбор?

— Только собственный вкус и денежные возможности.

— В заграничный вояж везете с собой вечерние платья?

— На курортах, куда я езжу, в них нет необходимости. Но вечерние платья у меня есть.

— Чем себя нужно баловать и тешить, чтобы оставаться такой же молодой и обворожительной, как и вы?

— Ни в чем себе не отказывать! Если хочется выпить шампанского — выпью. Если хочу посмотреть замечательный фильм в два-три часа ночи, отказываюсь от сна и смотрю.

— А что нельзя себе позволить?

— О-о! Нельзя обманывать людей. Если что-то обещаю, то стараюсь непременно выполнить.

— Какими качествами должен обладать мужчина, чтобы вы приняли его руку и сердце?

— Должен быть умным… Сейчас соображу… Быть внимательным ко мне. Пусть любит меня!

24 января 2009 г.

Адвокат мушкетеров

Юрий Ряшенцев: «Милосердие — враг справедливости»

Его зонги и песни стали украшением спектаклей, например «История лошади», и фильмов «Три мушкетера», «Гардемарины, вперед!». Свое душевное настроение он отдает стихам. Имели успех его книги лирических стихотворений — он лауреат нескольких премий, в том числе самой дорогой ему, премии Булата Окуджавы. Ее год назад вручил ему президент. В Петербурге будет поставлена опера «Екатерина Великая» Давида Тухманова, либретто Ряшенцев написал вместе с Галиной Полиди. К тому же он автор либретто опер «Преступление и наказание» Эдуарда Артемьева и «Жизель» Александра Журбина.

— Ты сам себе можешь объяснить, Юра, за что получил из рук президента премию Окуджавы?

— Ты будешь смеяться, но я не знаю, за что. Да и не было объяснено, за какие заслуги мне ее дали. Выдвигалась на премию книжка лирических стихотворений «Прощание с империей». Писать лирические стихи и работать для театра или кино — это две разные профессии. Подозреваю, что дали мне эту премию за мои зонги.

— Эта премия дается поэтам. Среди ее лауреатов — Юлий Ким и Белла Ахмадулина. Это серьезный класс. И ты вправе думать, что твой поэтический опыт оценен по достоинству.

— Я очень рад этой премии. Имя Булата для меня святое. Очень люблю его. Не могу сказать, что был его другом. Но всегда, когда мы с ним где-то встречались, я замечал на его лице приветливую улыбку. Булатова улыбка для меня очень много значила… Однажды мы жили с ним в одном номере в Кутаиси. Как-то сидели за бутылкой вина, и я почувствовал в нем какое-то смущение. Но вот Булат заговорил: «Юра, мне одну вещь тебе надо сказать…» Я ожидал услышать что-то неприятное — видел, что он мнется. И наконец признался: «Ты знаешь, у меня твоей Оле девять стихотворений посвящено». Он имел в виду мою тогдашнюю жену Олю Батракову. И я спокойно ему сказал: «Булат, неужели ты думаешь, что найдется хоть одна женщина, которая не похвастается стихами Окуджавы, посвященными ей?» Он рассмеялся.

— Твоя Ольга об этом посвящении знала?

— Еще бы! Она очень гордится посвящением Булата.

— Этот лирический эпизод в жизни Ольги произошел еще до встречи с тобой?

— Значительно раньше. Но позже, когда наши с ней встречи и семейный союз состоялись, тут-то все и выплыло.

— Но ведь и ты ему что-то посвящал?

— Всего одно стихотворение: «Когда во всех концах державы, магнитной лентой шелестя, возникли песни Окуджавы, страна влюбилась в них. Хотя…» Вот это «хотя» относилось к разносным статьям о его стихах.

— А я помню дискуссию в «Литгазете» об Окуджаве. Итог подводил литературный критик, ныне профессор, Геннадий Красухин: Булат поет не просто песни. Каждая из них — законченная лирическая миниатюра.

— Могу признаться, я еще раньше в своей школе среди переростков проводил нечто подобное: поставил здоровенный магнитофон, собрал школьников, поставил ленты с Окуджавой. Пришли и преподаватели, сели по углам. Одни — из любопытства, другие — чтобы «настучать» начальству на Ряшенцева. Ребята слушали: до того их кумирами были исполнители блатных песен, — и, представь, разобрались, что Окуджава — это хорошо.

* * *

— Друг мой, наши с тобой биографии начинались в МГПИ имени Ленина, на Пироговке, в прекрасном старинном здании, где когда-то были Бестужевские женские курсы. Мы чувствовали себя там крылатыми птицами. Лишь иногда всевидящий ворон, директор Поликарпов, близкий друг Жданова, внезапно вырастал перед нами — и падала душа куда-то в бездну.

— Дмитрий Алексеевич Поликарпов был не просто другом Жданова, а еще и первым советчиком. Дмитрий Алексеевич очень не любил писателей и постоянно жаловался на них Сталину, а тот будто бы ему говорил: «Ну нет у меня для тебя, Поликарпов, других писателей».

— Мы же были свободолюбивы до чертиков. И Поликарпов про наши дискуссии, про горячие обсуждения новых книг все знал. А когда пришло время распределения, облеченный властью директор сослал весь наш курс подальше от столицы — кого на Сахалин, кого на Камчатку; меня направили в глушь, в Амурскую область, на станцию Завитая. А там меня не ждали, но домой не отпустили.

— У меня странные были с ним отношения. Звал он меня Черным рыцарем литфака. Я часто появлялся в черном

тренировочном костюме, прибегал в нем из дома с опозданием. У раздевалки Поликарпов вырастал как из-под земли: «Ну, Ряшенцев, опять опоздал!» Я свой светлый взор устремлял к его глазам и врал: «Транспорт плохо ходит…» И тут наступал момент выволочки: «Да какой транспорт? Да ты же живешь в двух шагах отсюда…» После нашего острого капустника директор отчитывал меня в своем кабинете и впадал в благородный гнев, орал: «Во-он!» Это его «вон!» до сих пор слышу. Меня направили во Владивосток. Приехал, а там первенство края по волейболу. Меня, перворазрядника, заставили играть. После этого первенства, простуженный, осипший, пришел я к начальнице, а она мне: «Какой ты преподаватель — у тебя и голоса нет». Я с ходу: «Голос никуда не годится. Дайте мне открепительный талон». Она мне с ходу: «На!» Взял я эту бумагу и два месяца поболтался по красивому Владивостоку, попытался закрепиться в газете. Не вышло. Вернулся в Москву и нашел работу лишь в школе переростков, где чувствовал себя укротителем.

Когда я потом ушел работать в журнал «Юность», то долго не мог сообразить, что это за работа — сидеть без дела? Захочешь — выйдешь. Никакого напряжения. И обязательства в общем-то смутные по сравнению с тем, что у меня были в школе. Ведь какой-то кретин придумал собрать переростков в одну школу. Мы там с моим другом Максимом Кусургашевым придумали свои приемы усмирения — взяли спортом. Сыграли с их командой и по всем статьям обыграли.

— Вам они, наверное, стали подражать?

— Старались по бедности так же одеваться, как и мы.

— Я своих ребят увлекла стихами и театром. И сама увлеклась больше их.

— Поэт Юлий Ким тем же приемом брал своих учеников… Мы сейчас с ним видимся все чаще и чаще. Бросаемся друг к другу на помощь.

* * *

— Юра, ты стал знаменит после фильма «Три мушкетера». Люди пели песни Максима Дунаевского с твоими стихами. А потом они захватили улицу.

— Если песня нравится человеку и он запевает ее сам, он меньше всего интересуется, кто ее написал. Композитора он, может быть, потом узнает, авторов песен — не всегда. Я вообще несерьезно отношусь к этой своей песенной ипостаси.

— Ну что уж тут, поработал на славу, вот и расскажи: с чего

все начиналось?

— Честно говоря, я люблю больше спектакль Московского театра юного зрителя.

Мюзикл «Три мушкетера» Максима Дунаевского, Марка Розовского и Юрия Ряшенцева был поставлен в 1974 году.

— Замечательный получился спектакль с уникальным д \'Артаньяном. Его исполнял Володя Качан. Мы с Марком Розовским сочинили пьесу. Поставил ее Сандро Товстоногов, сын великого отца. Сандро, увы, недавно умер. Спектакль имел невиданный успех. Билеты спрашивали от метро «Маяковская». Но почему-то новый главный режиссер Жигульский снял этот спектакль из репертуара. Потом родилась идея сделать фильм для объединения «Экран». Пригласили кинорежиссера Юнгвальд-Хилькевича. Съемки шли на Одесской киностудии. Кинорежиссер взял всю нашу команду. Мы с Розовским написали сценарий — песни-то уже были готовы. Фильм был снят. В фильме мне очень нравились актеры. Чего стоит один Михаил Боярский! Но мне казалось, что фильм должен быть более тонким, более смешным, ироничным.

— У тебя слишком взрослое отношение к героям Дюма. Ты видишь их пороки недостатки насквозь.

— Если трезво смотреть, Атос пьет запойно, колотит верного слугу. Читатель не хочет замечать того, что Портос — типичный альфонс, использует госпожу Кокнар. Д\'Артаньян пользуется любовью служанки, стремясь попасть в постель ее хозяйки Миледи.

— Ты явно поджигаешь меня, вызываешь на спор.

— Конечно, я все это утрирую. Но эти люди со всеми недостатками своего времени имеют общую святыню — дружбу. Здесь они безукоризненны. В фильме мне не хватало русского озорного представления о французах. Как могла бы сыграть Маргарита Терехова с ее редким ироничным взглядом и прекрасными эксцентричными возможностями! Но у режиссера был свой взгляд на графиню де ла Фер, и комически зловещая песенка Миледи, написанная мной, режиссеру только мешала. И они сами сочинили ей песню — на мой взгляд, ужасную. Я возражал против того, чтобы эта песня вошла в фильм под моим именем. Они же настаивали на своем варианте, и мне пришлось подать на них в суд. И суд обязал авторов фильма снять эту песню — остался от нее один куплет. Мы расстались плохо.

Несмотря на этот неизбежный конфликт с режиссером, автор стихов к фильму признается: «Работа с Маргаритой Тереховой и Алисой Фрейндлих, сыгравшей королеву, —

большая честь и счастье». Вслед за «Мушкетерами» мы повторяем слова поэта Ряшенцева: «На волоске судьба твоя — враги полны отваги. Но, слава Богу, есть друзья, но, слава Богу есть друзья. И, слава Богу, у друзей есть шпаги».

— К тебе «мушкетеры» не изменили своего отношения после судебного процесса?

— Ребята так полюбили фильм, что говорили мне: «Напиши историю смерти мушкетеров».

— Когда ты видел в последний раз Боярского?

— Мы выиграли с ним в передаче Швыдкого «Песни века». Лучшей песней признали «Пора-пора-порадуемся на своем веку…» Я ее уже терпеть не могу! Она в зубах навязла.

— Я видела Боярского весной на вручении премии Солженицына режиссеру Владимиру Бортко и актеру Евгению Миронову за «Идиота». Он все так же великолепен в черном сюртуке и черной шляпе. Какое у него сдержанное достоинство! Как истинный талант, он держится очень просто.

— Кстати, он у меня поет еще одну очень популярную песню. Я за нее все время получаю деньги. Это стилизация французской песни из фильма «Гардемарины, вперед!» — «В мой старый сад, ланфрен-ланфра, лети, моя голубка…» Боярский мне говорил когда-то: «Я хочу быть уходящим д\'Артаньяном. Но уходящим с последней любовью!» Он приходил ко мне домой. И вот по его просьбе мы с Галей Полиди написали сценарий о последних сражениях и гибели мушкетеров. Мы имели дело с продюсерами. Они выслушали и одобрили. А потом все ушло в песок.

— Костюмный фильм нынче стоит дорого.

— Задуман роскошный фильм. Боюсь, что «мушкетеры» настолько состарятся, что не смогут сыграть. Жаль.

— Будем надеяться, что их неотразимый имидж и талант воздействуют на дерзкого кинорежиссера и он отважится!

— Надеюсь только на молодых. В задуманном фильме есть замечательный эпизод. Лувр готовится праздновать присуждение д\'Артаньяну маршальского жезла. В зале висят портреты маршалов. Одно место пусто. Завтра повесят портрет славного мушкетера. Мы в доме маршала д\'Артаньяна. Художник пишет его портрет. Но это придворный художник — на полотне мы видим прежнего д'Артаньяна, с горящими дерзкими глазами. Вдруг камера выхватывает лицо старого маршала: он сидит усталый, веки набухли, где-то блуждает его сознание. Завтра он пойдет смотреть представление о себе — на сцене будут играть его подвиги. Он в ложе театра. И вдруг туда входит человек, что-то шепчет ему и передает письмо от старого де Тревиля: ему грозит гибель. Д\'Артаньян встает и на глазах становится моложе.

Он спускается вниз, где уже гремит баталия, где старый Портос сражается один за всех… Эти сцены будут началом картины. И вновь масса подвигов… И потом они погибают… Жалко, что не осуществился замысел.

* * *

— Ряшенцев, почему бы тебе не рассказать о своей любви. Ольга была не первой твоей женой?

— Не первой. Но это не увлекательная история. Я к Ольге очень хорошо отношусь. У нас с ней общий сын, мы всегда советовались, как его воспитывать. Теперь это взрослый парень, женатый.

— Автор лирических стихов, певец любви, был ли счастлив в любви сам?

— Да! Жаловаться не буду.

— Ты еще не старый мушкетер — в глазах еще бесы бродят.

— У меня есть все, что должно быть у человека моего возраста.

— Меня интересует твоя Галя.

— Нашему роману с Галей 14 лет. Счастье заключается в том, что мы с ней все делаем вместе: вместе играем в теннис, вместе работаем. Она закончила архитектурный институт, но в архитектуре себя не реализует. Она оказалась литературно одаренным человеком. Писатель Юрий Коваль, который дружил с ней, говаривал: «После меня лучше всех в стране пишет Полиди». Коваль, конечно же, шутил. Но и правда Галя Полиди очень хорошо придумывает. Просто здорово — не надо расставаться с любимой, чтобы пойти работать. У нас все это счастливо совпало. Мы можем ругаться по поводу того или иного драматургического решения.

Мы вместе с ней сделали мюзикл «Метро». Продюсер «Нотр-Дам де Пари» Катя фон Гечмен-Вальдек, в девичестве Урманчеева, в замужестве ставшая баронессой, увлекла нас идеей. Мы написали «Метро» для талантливых исполнителей, отобранных из трех тысяч соискателей. Это был первый опыт создания мюзикла на пустом месте. Все было очень хорошо организовано. Композитор — Януш Стоклосса, режиссер — Януш Юзефович. Они из Польши. Работа сделана азартно, с выдумкой и вкусом. Когда пришли посмотреть на нее Дима Певцов, Гоша Куценко, они увлеклись и стали работать вместе с нами. Во время спектакля Киркоров пришел за кулисы и сказал: «Я петь не буду,

ребята, возьмите меня поиграть». И бесплатно ходил и играл. Получился настоящий мюзикл с русскими реалиями, с русскими проблемами и типажами. Я был на всех репетициях — от начала до конца.

— Вмешивался в действо?

— Это необходимо. Подходит режиссер и говорит: «Мне в этой мизансцене нужна какая-то подпевка. Там вращают девочку по кругу. Нужен текст в ритме рэпа, который бы оправдал это вращение». Я придумал: «Чужие бабки прокрутишь — прибыль будет твоя». Получился счастливый спектакль. Его очень любили; мы все горюем, что его нет.

— А возобновить «Метро» трудно?

— Если бы у нас был свой театр мюзикла…

* * *

— Не представляю, чтобы ты, Ряшенцев, жизнелюбивый и крепко натренированный, вдруг стоял без дела.

— Я закончил несколько крупных работ. Для нового фильма «Бегущая по волнам» режиссера Валерия Пендраковского я написал текст. Эта работа вдруг творчески свела меня с композитором, музыку которого я очень люблю, — с Тихоном Хренниковым. Он обычно берет две-три строки из текста и пишет свою вещь, и к ней потом делают подтекстовку. А здесь он сделал песню полностью на мои стихи.

— Слышала, ты теперь работаешь и над большой оперой.

— Двадцать пять лет мы писали с композитором Эдуардом Артемьевым оперу «Раскольников».

— Опасная работа — проникнуть в психическую аномалию героя Достоевского.

— Я должен был понять, что он хочет и какие мотивы заставили его совершить преступление. Это в двух строках не расскажешь. У меня позиция традиционна: для меня безбожие — это тупик. Выхода из него никто еще не нашел. И не надо искать! Музыку Артемьева могут назвать эклектичной, потому что там может быть и рок, и классическая ария, а в сценах с Порфирием Петровичем есть замечательные моменты в стиле гротеска.

— Надеюсь, тебя не покинула мысль о новом мюзикле?

— Мы закончили с Артемьевым «Рабу любви» для Михалкова.

— Все помнят этот замечательный, пластически виртуозный фильм с неподражаемой Еленой Соловей.

— Мы попытались на эту тему создать мюзикл. Музыка там замечательная. Только что сдали все Никите Михалкову. Но где

найти такую актрису, да еще поющую? Не знаю, поет ли Женя Крюкова, но в стильных нарядах она очень выразительна.

— *Ты можешь о себе сказать: «Я работаю в шоу-бизнесе»?*

— Ну, наверное. Если рок-оперу считать шоу-бизнесом, то да. Но работа над лирическими стихами для меня главное.

— *Помнишь свои стихи наизусть?*

— *(Читает.)* «День был полон прелестной сонливости, / загорелась звезда над тропой. / Милосердие — враг справедливости. / Бог опять пощадил нас с тобой».

— *Лаконично мудрствуешь. Скажи, какое событие дало тебе однажды острое ощущение счастья?*

— В молодости мы попали в Крыму у Золотых Ворот в неожиданно налетевшую бурю. Шли вдоль берега по пояс в воде, скалы там обрывались карнизом. Поднялись волны, и нас начало бить об эту скалу. Было нас семеро. А плавали хорошо только я и мой друг. Мы все почти потеряли надежду выбраться. Какая смерть, когда солнце вокруг! И когда мы все-таки выползли в безопасное место, то сидящие на берегу водолазы с масками в руках просто ахнули. И вот тогда нас охватило ощущение полного счастья. Мы осознали, что смерть была рядом, но никто не струсил.

— *Самая большая твоя удача?*

— Встреча с Галей. Мы с ней были друзья театра Марка Розовского. Нас сблизила личная беда, и у нее и у меня.

— *Чего ты больше всего опасаешься?*

— Потери друзей.

— *Легко прощаешь себе свои прегрешения?*

— Нет, тяжело.

— *Откуда в тебе такая упругая энергия и неугомонность?*

— Это мама, видимо, передала мне свой генетический аппарат. Мы очень дружили с мамой. Я любил ее, и мне ее сейчас так не хватает.

Красивая линия жизни

Рустам Ибрагимбеков: «Любовь может явиться в очень опасном варианте»

Все давно любят фильмы по его сценариям: «Белое солнце пустыни» (вместе с В. Ежовым), «Храни меня, мой талисман», «Урга. Территория любви», «Утомленные солнцем» и «Сибирский цирюльник» (вместе с Н. Михалковым)… Четырежды лауреат Государственной премии, член киноакадемий — Европейской и Американской «Оскар», командор Ордена Искусств и литературы Франции, он по-настоящему счастливый человек.

Отбросьте скепсис — и к экрану! Фильм «Кочевник» поражает глубиной проникновения в национальный мир кочевников Казахстана XVIII века. Огромный простор земли словно создан Богом для несуетной жизни, для размышлений. И вдруг тишина взорвана бешеным стуком копыт налетевших вражеских полчищ. Визг стрел, человеческий ужас перед неизбежным. Все происходящее на экране производит впечатление естества. «Кочевник» захватывает! Не терпелось сказать об этом Рустаму. Через день он принял меня в своей студии «Ибрус».

— Как вы, Рустам, отважились на этот шаг? Что вас, чистокровного азербайджанца роднит с казахским народом?

— Азербайджанцы — одна из ветвей древних тюрков, кочевавших от Алтайских гор до европейской части Земли. К моему стыду, я не очень хорошо знал историю тюркских народов. И когда волей судьбы Назарбаев пригласил меня написать сценарий фильма о кочевниках-казахах, я не сразу на это решился. К тому же после длительного разговора было принято решение возложить на меня всю ответственность за фильм, «чтобы было с кого спросить». И президент Казахстана был так убедителен, что я согласился на это предложение.

— Некоторые считают, что в картине мало казахского быта.

— Да, об этом говорили некоторые историки. Можно было сделать и этнографически более подробный фильм, но при этом увеличивался риск, что он понравится только внутри страны. Нас же просили сделать фильм о Казахстане, интересный зрителям всего мира. Что мы и попытались сделать. Пригласили несколько американских актеров и известного чешского режиссера Ивана Пассера, уже 25 лет живущего в Америке и имеющего голливудский опыт. А поскольку он друг Милоша Формана, я уговорил того стать исполнительным продюсером нашего

фильма. Художник-постановщик югослав Крека Клякович делал фильмы с Кустурицей и много снимал в Америке; операторы фильма снимали «Годзиллу» и «Патриота». Художники по костюмам одевали героев «Гарри Поттера». У нас заняты были 140 специалистов из 19 стран. Композитор, итальянец Карло Силиотто, использовал в своей оригинальной музыке казахский национальный мелос и был номинирован в Америке на «Золотой глобус». Конечно, на картине работало и много казахов. Приятно было видеть, что казахские актеры ни в чем не уступали американским звездам. Даже казахи с трудом отличают, кто американец, а кто нет. У Марка Дакаскоса и Джейсона Скотта Ли лица вполне скуластые, да и Джей Эрнандес вполне казах.

— Казахам фильм понравился?

— Сразу после выхода на экраны на него ходили, как когда-то на «Чапаева».

— В романе «Абай» классика Мухтара Ауэзова звучит ключевая мысль: «Честь выше смерти».

— Это понятие сидит в сознании казаха. И в нашем фильме мудрый наставник внушает воспитанникам мысль о человеческом предназначении: кто-то рожден властвовать, а другой — чтоб помочь ему исполнить веление судьбы, Божеского промысла. И это дело их чести.

— Что было самым трудным во время съемок?

— Труднее всего — соединить органично Восток и Запад в работе съемочной группы. Мы снимали в горах. Пару раз шофер-казах вечером напивался, а утром приезжал на съемки на два часа позже, и вода на съемочной площадке подавалась с опозданием. Американцы в таких случаях устраивали забастовку.

— А где все жили?

— По-разному. В гостиницах, квартирах. Но когда мы снимали по 14 часов в сутки на выезде, то отдохнуть можно было в палатках, в шатрах-юртах. И еще одна трудность — климатическая. Надвигалась зима, наступили холода… И тут пришло письмо из Американской гильдии режиссеров с тревогой о здоровье американцев. Мне пришлось взывать к сознанию наших американских коллег: «Смотрите, как переносят трудности казахи: им тоже холодно и трудно, и получают они намного меньше за тот же труд. Но никто не отказывается работать». Удалось убедить, пока не пришел запрет на работу из страховой компании.

— Иван Пассер доволен соединением снятой им половины фильма с материалом Сергея Бодрова?

— Очень! В силу объективных обстоятельств из-за годового перерыва в съемках мы должны были экономить деньги. И Пассер

честно признался: «В этих обстоятельствах, когда мало денег, съемочная группа намного сокращена и количество съемочных дней убавлено на две недели, я не могу продолжать съемку». Мы пригласили Сергея Бодрова. Отсмотрев материал, он уловил его тональность, особенности изобразительного ряда, тонкости актерской игры и доснял фильм в срок и очень качественно.

— В итоге какое настроение возобладало в ваших иностранцах?

— Они с удовольствием прилетали на премьеру. Клянутся, что потрясены вошедшей в их жизнь экзотикой казахской земли. Их знают в Алматы, обнимают, целуют при встречах.

— Во что это все обошлось Назарбаеву?

— В 35 миллионов долларов. Однако пять миллионов из них мы сразу же отдали на модернизацию студии. Американцы считают, что в Америке такая картина обошлась бы тысяч в сто.

— Вы там такое настроили! Целый город, роскошные юрты, ханские покои… В главной роли девушки-воина снялась талантливая юная Аянат Есмагамбекова: в ней — нежная грация, детская непосредственность и отвага.

— Она была школьницей, когда мы ее взяли. До этого сыграла в одной картине казахского режиссера. Я ее увидел и пригласил в нашу работу. Но казахи были недовольны моим выбором и долго не соглашались.

— Она хрупкая, а им хотелось увидеть крепкое тело.

— Да. Им хотелось увидеть казахскую амазонку.

— Аянат хочет стать актрисой?

— К сожалению, девочка проявляет склонность к точным наукам. И избрала себе другую карьеру.

— Рустам, уже давно существует огромное любопытство к вашей семье, в которой выросли два брата и оба стали писателями.

— Родители не проявляли склонности к литературе и искусству. Но в доме существовал культ книги — к слову написанному относились с почтением. Сколько помню отца дома — он лежал на диване и что-то читал. Максуд начал писать очень рано, сочинял очень смешные спортивные рассказы, пробовал себя в фантастике. И все-таки закончил политехнический институт, а я — индустриальный. Максуд, поработав на стройке, поступил на Высшие сценарные курсы, в мастерскую Виктора Сергеевича Розова, знаменитого драматурга. А когда я забросил защиту кандидатской и тоже поступил на курсы, мастером моим оказался Сергей Аполлинарьевич Герасимов.

— Повезло же вам, братья Ибрагимбековы!

— Да, это правда. Мы часто говорили друг другу: «Какое

везение — занимаемся любимым делом, а нам еще деньги за это платят!»

— Родители успели увидеть ваш с Максудом успех?

— Когда мы с ним решили поменять свои профессии, они отнеслись к этому неодобрительно. Но через несколько лет изменили свою точку зрения. Хотя и опасались за нас, считая, что мы пишем слишком остро. Они откровенно говорили, и мы слышали от них много критического о советской власти. Но при этом никогда не навязывали нам своих взглядов и мы прошли нормальный путь: были пионерами и комсомольцами вместе со своими друзьями и одноклассниками. Правда, в партию я не вступил. К счастью, не было необходимости — обстоятельства не принуждали.

— Рустам, когда отправились в Москву в аспирантуру, вы уже были женаты?

— Женился зимой 63-го. Увидел Шехрет на улице и, найдя общих знакомых, познакомился. Она мне очень понравилась. После двух лет близких отношений решили пожениться и уехали в аспирантуру в Москву. Я — в Академию наук, Шехрет — в МГУ.

— В Москве вы жили в общежитии?

— Кстати, в Баку у нас не было жилья, я вступил там в кооператив, но ждать надо было три-четыре года. Вот мы и решили провести их в Москве. Это был один из лучших периодов моей жизни. Я поселился в МГУ, в женской зоне общежития. Там тогда были странные нравы — мужьям было разрешено ночевать у своих жен два раза в неделю. Кто-то решил, что ночевать по средам и субботам для полноценной семейной жизни вполне достаточно. В связи с этим часто устраивались облавы на нарушителей порядка. Поскольку я через некоторое время начал вести семинар на биофаке, мне дали особый пропуск с правом прохода на женскую половину. Неженатым студентам и аспирантам проникнуть на женскую половину вообще было сложно. Но в конце мая — начале июня некоторых студенток почти одновременно отвезли в роддом. Несложный подсчет показывает: то, с чем так активно боролась университетская администрация, происходило в первые же ночи учебного года, в начале сентября. Причем большая часть родивших не были замужем.

— Соседки не мешали влюбленным?

— В аспирантском общежитии на Ленинских горах каждые две комнаты имели общий туалет и умывальник. Рядом с нашей комнатой жила аспирантка Надя с сиамским котом. Днем это красивое животное вело себя хорошо, но по ночам сильно возбуждалось при виде голого человеческого тела. В связи с этим

я держал в нашей комнате веник и с его помощью отбивался от кота. Стоило пойти в туалет, он бросался на мои голые ноги. Вдруг однажды вечером мы услышали нечеловеческие крики из комнаты Нади. Оказывается, кот, которому она откуда-то принесла маленькую кошечку в надежде доставить ему удовольствие, настолько возбудился, что принялся рвать на части хозяйку. И тут я ему отомстил по полной — набросил на него одеяло и сел сверху. Истекающая кровью Надя, прикрывая сильно поцарапанные грудь и живот, обозвала меня садистом и потребовала, чтобы я слез с ее любимого кота. Я вынужден был подчиниться. Позвонили в «Скорую помощь». Первое, что сказал врач, войдя в комнату и оценив обстановку, это: «Что вы собираетесь делать с котом? Подарите его мне». Но Надя отказала ему и подарила *бешеного зверя* своему свекру. И лишь когда этот злодей исцарапал и свекра, семья решила с ним расстаться. И я понял, что самая сильная любовь на свете — это любовь к кошкам. Сам же я люблю собак.

— Давно заметила: у азербайджанцев очень крепкие семьи. Бакинцы — верные мужья. Может, у вас какие-то особые флюиды носятся в небесах и окропляют счастьем?

— (Смеется.) Не знаю, чем это объяснить. Но институт брака и семьи у нас очень сильный. Иронисты шутят: по вечерам не бывает света, поэтому рождается огромное количество детей. Удивительная вещь: мы же полукочевники. У кочевников особое мышление. Мужчина — добытчик, охотник. Он не должен торчать дома. Его раздолье — поле, скот, охота. Он должен возвращаться домой с едой. А появляющуюся энергию и страсть сливают в женское лоно. Говорят, что на Востоке женщина — раба. Это бред сивой кобылы. У нас в доме хозяйка — жена. Если мужчина лезет в домашние дела, ему она не позволит. Даже если всего две комнаты, то в одной живут, а другая — гостевая, куда никто не заходит. Там наготове постель с чистым бельем для гостя. Культ гостя у нас священен. И вот, крепко поужинав, глава семьи — в единственной постели со своей женой. И естественно, каждый год по ребенку.

В новых условиях современный секс смещается в виртуальную сферу. Практика очень ограниченна. И каждая девушка знает: если она хочет чего-то добиться, надо выйти замуж. Женатые братья невольно вытесняют ее из дома: «Заведешь свою семью, там и хозяйничай». Девочки почти не имеют возможности выбора. И в этих условиях любовь может явиться в очень опасном варианте.

— Рустам, вы терпели жилищные неудобства в самом начале пути. А вот великий Эйзенштейн вынужден был стать

многолетним гостем у Штрауха, жившего в одной комнате. А когда артист женился, то автор «Броненосца» оказался в сложном положении. Только после ошеломляющей премьеры фильма «Броненосец “ Потемкин”» домовый комитет Чистых прудов выделил великому кинорежиссеру комнату, переселив оттуда других граждан. А как вы решили свою жилищную проблему?

— Долгие годы я жил квартирантом в самых разных местах Москвы. Но в Баку со временем удалось построить кооператив с видом на море. А теперь живу на Патриарших прудах, из окна — отличный вид на пруды.

— Булгаковские персонажи не беспокоят ваши ночные сны?

— Нет, сплю я крепко. Но днем, проходя мимо кафе «Маргарита», вспоминаю историю с Берлиозом и стараюсь не попасть под машину, поскольку трамвай мимо Прудов не ходит. Жители нашего района в длительной борьбе с московскими властями отстояли Пруды, не дав водрузить над ними примус Бегемота. И все живущие вокруг с удовольствием прогуливаются здесь. В последнее время я все чаще и чаще делаю это вместе со своим соседом, замечательным поэтом Игорем Шкляревским.

— Как вы перенесли развал Советского Союза?

— Не знаю, чем это вызвано: вероятно, инерцией мышления, — но я продолжаю жить в Советском Союзе. Может быть, это связано с моей деятельностью в Конфедерации Союзов кинематографистов, задача которой поддерживать связи кинематографистов Евразии. Наверно, хорошо, что страны добились независимости, если, конечно, смогут достойно распорядиться. Но, честно говоря, я не сторонник полной независимости друг от друга — если мы дружим с кем-то, то мы уже зависимы. Если увлечены кем-то, то зависимость от этого человека даже доставляет удовольствие.

В Советском Союзе слишком тесны были объятия дружбы, чрезмерно прижимавшие нас друг к другу. В то время как природа придумала замечательную модель взаимоотношений, примером служит строение атома: в середине его — ядро, вокруг которого вращаются электроны. Если у электрона достаточно энергии, он отлетает от ядра подальше. Если мало — он к нему ближе. Территория Российской империи — это своеобразный регион мира, в котором произошло поразительное: Восток и Запад слились, образовав континент, жители которого органично сочетают в себе качества европейцев и азиатов. И обидно будет это утратить со временем.

— Возможно, в более разумные времена удастся соединить то, что глупо утрачено. Ваш сын Фуад Ибрагимбеков тоже пошел по

вашему пути?

— Да, к моему удивлению. После окончания школы он не попал на факультет журналистики МГУ. А поскольку он нуждался в наблюдении врачей, я отвез его в Лос-Анджелес к друзьям. Там он поступил в колледж, усовершенствовал свой английский и через два года оказался студентом киношколы Университета Южной Калифорнии. Поступил на сценарное отделение, а закончил постановочный факультет. И сразу же вернулся в Москву. Фуад — отец двоих детей. У него сложился круг друзей, почти все дети кинематографистов. А сейчас с одним из друзей уже снимает фильм по их общему сценарию. Со мной сотрудничать не хочет, но я не теряю надежды. Моей дочке Фатиме — 32 года. Она вышла замуж за русского парня и уже мама трех сыновей. Ее дети — Ползиковы, а она сохранила отцовскую фамилию. Надеюсь кого-нибудь из внуков уговорить взять себе двойную фамилию: Ползиков-Ибрагимбеков. По-моему, красиво.

— *Слышала, что вы начинаете работу над фильмом об Александре Невском. Чем объясняется любопытство к эпическому жанру у давнего приверженца психологической драмы?*

— Между «Кочевником» и «Александром Невским», продюсером которого я являюсь по предложению одного из самых интересных российских продюсеров Игоря Каленова, я написал сценарий и выступил продюсером российско-азербайджанского фильма «Прощай, южный город». Эта картина — типичный образец камерной психологической драмы с очень скромным бюджетом. Работа над фильмом еще не закончена. Но уже сейчас фильм отобран в официальную программу Берлинского фестиваля «Панорама». Что касается «Александра Невского», то я очень благодарен питерской компании «Никола фильм», работавшей с Сокуровым, Кирой Муратовой, за предложение объединить свои усилия с моим московским «Ибрусом». Может быть, это тщеславие неуместно в моем возрасте, но я расценил это предложение как признание зрительского успеха «Кочевника».

Александр Невский, великий полководец, политик, заслуги которого признаны Церковью, с моей точки зрения, сделал в свое время правильный выбор: он заключил мирный договор с монголами, не посягавшими на веру россиян, и дал отпор Западу, навязывающему России католицизм.

— *У вас богатая биография, и, уверена, вы напишете книгу о своей жизни. Какой девиз вы могли бы взять эпиграфом к своим воспоминаниям?*

— Убежден: линия жизни каждого человека образует собой рисунок. И мне кажется важным, чтобы рисунок моей жизни был

красивым. Иногда ловлю себя на том, что в той или иной ситуации думаю: а как это отразится на рисунке моей жизни, который останется в памяти у близких? И это помогает выбрать правильное решение из многих других, на первый взгляд более привлекательных.

Он предсказывает катастрофу

Михаил Веллер: «Мы стоим на плечах гигантов, но не все при этом карлики»

Он назвал свою книгу вызывающе: «Б. Вавилонская». Его герой обрушивает на сознание простосердечного читателя залп откровений. Одно из них особенно задело: «Ни один поступок, ни одна мысль сами по себе не могут быть греховны». Ну прямо Раскольников до убийства старушки! Захотелось поспорить с автором, поговорить «за жизнь», не забывая о любимом им философском коньке.

Знаю Веллера лет десять. Тогда, приехав в Москву, он заглянул в «МК». Теперь он окреп и развернулся, так и сыплет откровениями пророка: «Землетрясение происходит не от того, что мяукает кошка. Она просто улавливает возникающее колебание. Писатель — кошка, озвучивающая еще не слышный другим рокот грядущих перемен. А что скоро грянет черт-те что и мало никому не будет, в этом не сомневайтесь». Почему-то я, читатель, спокойно перенесла энергетический выброс автора — его апокалиптическое предчувствие слепящей и расплавляющей жары, которая превращает Москву в белый саркофаг, или наступление смертоносных морозов, или все сметающий потоп, а потом извержение. Автор сулит Москве и, вероятно, всей России судьбу Атлантиды.

Автор избрал гиперболу в роли козырного туза. Таковы законы жанра романа катастроф — его гиперболы способны вызвать шок, ужас.

— Что скрывает буква «Б» в названии романа? Циники могут предположить известное ругательство.

— Не надо ругаться, не надо искать везде жареную клубничку! Откройте любую карту: «Б.» означает «большая». А еще «Б.» как сокращение обозначает «бывшая», а еще это — ну прямая же цитата из Библии: «Блудница Вавилонская». Она же «Блудница на семи холмах». И о том же: «Горе тебе, Вавилон, город крепкий». Это говорили христиане о погрязшем в несправедливости и разврате Риме, обреченном на гибель.

— До меня доходило, что писатель Михаил Веллер настаивает на собственной законченной концепции мира.

— Ваш покорный слуга — единственный человек в русской традиции и в русской культуре, создавший свою законченную философскую систему. И мне уже надоело умирать от скромности, дожидаясь, пока идиоты меня похоронят и потом

скажут: «Так и есть!» Никогда в России философов не было. Были люди, изрекавшие философские мысли. Была философская эстетика. Но в России никогда не было философа, который создал бы собственную, единственную, всеобъемлющую, непротиворечивую философскую концепцию мира.

— На ваш взгляд, кто на Западе создал собственную концепцию мира — Гегель, Шопенгауэр?

— Да! Философские системы были или на Западе, или на Востоке: Индия, Китай или Германия, Франция в новые времена. А в России их не было. Мы читаем рассуждения в русле христианства, пришедшего из Палестины и Рима.

— Нигилисты тоже были всегда. Шопенгауэр разносил в щепки Гегеля.

— Он не просто отрицал Гегеля — он смеялся над ним.

— Гегель не стал от этого хуже. Но знают все-таки Гегеля больше, чем Шопенгауэра. Правда, сейчас «Центрполиграф» выпустил хорошую книгу «Артур Шопенгауэр» Патрика Гардинера. Вы читали эту книгу?

— Я читаю самого философа и скажу, что Шопенгауэр не переносил сложности Гегеля, его витиеватости и запутанности. Шопенгауэр, по сравнению с прочими, гениально прост. И много десятилетий он терпел поношения и непризнания, в то время как Гегель купался в славе. Но и Шопенгауэр под конец жизни хлебнул своей славы и оказал колоссальное влияние на мировую мысль, в том числе и на Толстого.

— А что же русские философы, которых Ленин в 22-м году выдворил из России: Иван Ильин, Федор Степун, — ничего философского не создали?

— Уточним понятия. Это, безусловно, были образованные люди, оригинально мыслящие. Иногда они формулировали интересные, глубокие, интеллектуально богатые вещи. Но никто из них не создал концепции мироздания.

— И вот за нее взялся Михаил Веллер? Назовите ваши философски завершенные произведения.

— Это изложено в книгах «Все о жизни» и «Кассандра». Философия может считаться таковой, если она увязывает в неразрывное целое психологию человека и законы макрокосмоса.

— Ваш герой Кирилл, претендуя на единственность открытых им истин, выражает свои философские обобщения языком нервного эгоцентрика: «Никто не говорил, что человек выделился из прочих живых, когда овладел огнем». Да в начальных классах рассказывают о том же такими же словами! Я предпочитаю суждения Ивана Ильина: «Человек есть по существу своему живой, личный дух… Дух можно было бы описать как способность к

бескорыстной любви и к самоотверженному служению». Он определяет дух как жилище совести. Михаил, у вас есть специальное образование, чтобы с правом судить о макрокосмосе?

— Прав был герой Воннегута, который сказал: «Все мы в этой жизни самоучки». Я кончил филологический факультет. Что касается моей системы, то ее, однако, гораздо лучше понимают физики, чем гуманитарии. Моя философия и публицистика изложены нормальным, человеческим языком.

— Вы с кем-то из работающих философов, хорошо знающих достижения мировых светил, обсуждали вашу систему воззрений?

— Ее нашел убедительной философ, академик Добреньков. Академик Раушенбах незадолго до смерти дал высокую оценку моей книге «Все о жизни». Я все это провозглашал с телевизионной трибуны в течение полугода по НТВ. Тиражи моих философских книг сейчас составляют тысяч двести. Издаются книги в Петербурге, а распространяются издательством «АСТ».

— Слушатель и читатель с вами не общаются. Возможно, им ваши философские высказывания до фонаря. Мне интересно другое: философ вашего уровня имеет какой-то особенный взгляд на семейные отношения?

— Нет, я абсолютный традиционалист.

— То есть как поется в озорной песенке: «Теперь жена, она от Бога мне дана, и с ней одной мне счастье и покой»?

— Считаю, нормальный человек должен жениться один раз и не заниматься ерундой. Попытка разломать и переиначить быт, веками проверенный, может быть оправдана только в период разлома и гибели цивилизации. Вероятно, наша цивилизация гибнет, но я не собираюсь разделять многие ее заблуждения. Моя жена Анна — для меня все.

— Хранительница вашего таллинского очага — прибалтка?

— Анна — продукт советского интернационализма: немножко эстонка, чуть-чуть гречанка и немножко русская. У меня дочь Валентина. Ей 17. По-моему, она от нас унаследовала все и собирается прихватить кое-что еще. У нее много всяких способностей.

— Как философ относится к быту?

— Что касается быта писателя, то ему ближе тот эпизод известного футболиста Диего Марадоны, когда он, встретив журналистов, из окна второго этажа стал стрелять им под ноги, чтобы они оставили в покое его частную жизнь.

— Обозреватель «МК» вовсе не папарацци, а ваша популярность еще не сравнилась с Марадоной. Любопытно, как писатель, приехавший из Таллина, устроился в Москве, не имея квартиры?

— Приезжал к друзьям на три дня и зависал на месяц, пока гонорары не позволили купить свое жилье. Половину времени я все-таки живу в Таллине. Пишу. Здесь я делаю все остальное. Внешне таллинская жизнь скучна. В Таллине, в своей семье, работаю, читаю книжки и смотрю телевизор. Хожу иногда на взморье. Если честно признаться, Таллин мне давно надоел. Рад бы с ним расстаться, но там очень спокойно работается.

— Философу проще пережить разлуку. А семье?

— Поскольку семья еще живая, значит, и она это легко может пережить. Конечно, вместе лучше. А как живут моряки? А вахтовики?

— Куда более одиноки схимники.

— Есть удовольствия и у пчелок с бабочками.

— Жену и дочь тоже иногда поучаете, приобщаете к своей философии?

— Я этого не делаю. Знаете, чтобы последовать учению философа и пророка, его должны распять. А после его смерти подумать и закричать: «Черт возьми! Какие мерзавцы распяли! Там что-то было…» Так создаются великие репутации.

— Вам, Веллер, не хватает только пострадать, чтоб вызвать поклонение.

— Я всегда не любил пострадателей и сострадателей. Мне всегда были ближе те, кто из любого положения улыбались и говорили: «Фигня, все нормально». Это по старому анекдоту: «И не дождетесь!» Философ на самом деле не должен учить людей, как надо жить. Для этого есть моралисты, наставники. Философ всего лишь объясняет, как устроен мир. А люди могут понимать или не понимать. Это их дело.

— Вы только что побывали в Таллине. Ваша жена обнаружила в вас какие-то новые московские привычки?

— Нет. Моя жена по профессии журналистка — кончала московский журфак. Все московские привычки ей вполне близки. В ней и во мне одна и та же московская бацилла. За последние 10 лет оказалось, что все наши друзья живут в Москве, и мы в Таллине чувствуем себя как на дальней даче.

— Успели научиться в Москве коммерческим правилам игры?

— Я учился этому в Петербурге. В Москву вернулся уже готовым: очень быстро увидел, что издатель норовит отстричь у тебя абсолютно все. Бывало, говорили: «Книжка вышла вчера». Но она не выходила никогда. Теперь такие фокусы со мной не проходят.

— Вас пытались приручить в Москве богатые дамы? Живет, дескать, вне семьи, популярен, хорош собой… Притягательный объект для супружества!

— Вы мне льстите. Я старый стоптанный козел. Никто не пытался меня приручить.

— А если бы попытались, приключение увлекло бы вас?

— Н-и-к-о-г-д-а! Орлы в неволе не размножаются.

— Из напитков вы выбираете чай. Неужели плодовитый и успешный писатель Веллер не находит в вине или в шампанском вдохновляющий смысл?

— Я нахожу в этом вкус, иногда замечательный вкус. Но вдохновение все-таки — в природе, в разговоре, в собственном состоянии. Все это действует лучше спиртных напитков. Хорошая русская водка не для того пьется, чтобы думать, а для того, чтобы обрести веселье, прийти в дружеское расположение в хорошей компании.

— Вы обрели в Москве хлебосольные компании?

— Кроме Москвы, их почти нигде нет.

— В ком из современных писателей вы видите талантливого продолжателя русской классической традиции?

— Отношения между писателями притягательны тем, что стирается разница между розарием и серпентарием. Лучше всего не выступать судьей своим коллегам. Не суди, да не судим будешь. Здесь я вдруг делаюсь маоистом — пусть цветут десять тысяч цветов.

— Три года назад вы возглавляли жюри премии «Дебют». Как там с талантами?

— Вы знаете, было удивительно много талантливых ребят. Десять — пятнадцать человек писали замечательно неплохо. Из многих могут получиться действительно хорошие писатели.

— Когда видите красивую женщину, что с вами происходит?

— Досадую, что в 30 лет выглядел лучше. Радует, что жизнь продолжается.

— У вашей жены хорошие ноги?

— По-моему, да. Две. Устойчивые. Отлично двигаются.

— При первой встрече вы обратили на это внимание?

— Нет. Она была в брюках.

— Вы по природе гурман?

— Когда-то доктор филологии, критик Владимир Гусев, обозвал меня протеистом. Я полез в словарь и узнал, что это от Протея, древнегреческого бога, который может принимать любое обличье. Это означает, что можно в нищете прокрасться на кухню, отсыпать немножко соседской муки, отлить чуть-чуть чужого масла, испечь лепешку и утащить в нору. И это будет вкусно. Но если, предположим, в Париже ночью выдается поехать на бульвар Капуцинов и съесть там луковый суп, то это тоже совершенно замечательно. Человек, который прошел настоящую бедность и

все-таки не превратился в урода, должен уметь получать удовольствие от всего.

— Попадали в экстравагантные ситуации?

— Регулярно. В Нью-Йорке. Я давал интервью журналисту «Интересной газеты». Был такой эмигрантский горчичник на Брайтоне. Приехал туда вечером для встречи с главным редактором — он меня вызвонил. Увидев, что он собирается меня поить каким-то вонючим растворимым кофе, я зашел в соседнюю дверь, купил две бутылки вина: «Посидим по-человечески». После первой бутылки рассказывать стал он. Оказалось, мы земляки — я кончал школу в Белоруссии, а он минчанин. С особым шиком он сообщил, что кончил Литературный институт, работал в республиканской газете «Знамя юности». И, глядя ему в глаза, я сказал: «Это ты, сука, сто лет назад чуть не зарубил юный талант, когда я, семнадцатилетний десятиклассник, на дрожащих ногах принес тебе свои первые стихи в “Знамя юности”?» Сделал вид, что собираюсь треснуть его бутылкой. Он слегка испугался: от этих эмигрантов всего можно ожидать, — но через минуту мы с ним весело посмеялись. Должно было пройти сорок лет после того, как он объяснял мне, что литература — дело трудное, и мне надо поискать что-то попроще. Прошли годы — и он просит у меня интервью и пьет за мой счет.

* * *

— Вы написали мрачный роман-катастрофу «Б. Вавилонская». Это же почти садизм, и юмор там черный. Вас так настроила сегодняшняя Москва или сегодняшняя власть?

— Москву я люблю, и любовь заставляет предостеречь от грядущей катастрофы. Сейчас тревожные ожидания разлиты в воздухе. Россия проходит опасную, шаткую стадию. Вся наша цивилизация на краю гибели. Долг писателя — указать на пропасть, помешать свалиться в нее. Москва загазована. В Москве мало детей и много воров. Много денег и мало справедливости. Еще не поздно опомниться, найти в себе волю и принять меры. А не то пойдет такая реальность, что будет страшнее любого вымысла.

— Одна из частей книги — своего рода новое Евангелие. Вы тоже пришли к христианству?

— Думаю, что с точки зрения Церкви я закоренелый еретик. Полагаю, что Бог един и вездесущ и пребывает везде в мире и в душе каждого. И для общения с ним не нужны никакие

посредники и никакие обряды. Любовь — в твоем сердце, добро — в твоих руках, и никто за тебя не выполнит твое предназначение в мире. За утверждение этой вечной истины и принимает крестную муку мой герой в сегодняшней Москве.

— Писатель в России всегда оставался человеколюбцем. Вы по взглядам государственник, или ваша душа верна гуманистическим идеалам?

— Русские либералы допустили основополагающую ошибку — они сопрягли в неразрывное целое свободу слова, совести, печати, частной собственности со свободой грабить, убивать, обирать людей, не платить зарплату, раскрадывать казну, присваивать созданные народом ценности и тэ дэ. То есть они утверждают: демократические свободы и бандитские свободы могут существовать только в одном флаконе. А вот такой салат народу не нужен!

Истина всегда проста. Место вора — в тюрьме, место убийцы — на виселице. Закон, идущий на пользу ворам и во вред труженикам, — преступный закон, его надо менять. Иначе в истории происходят социалистические революции и фашистские путчи.

Если либерал защищает олигарха в противовес нищему наемному работнику, он скорее наймит крупного капитала. Русский писатель не может рыдать по миллиардеру, когда голодают старики, трудом которых создано все, чем завладел этот миллиардер.

Но сегодня, когда государственники победили, когда власть консолидировалась, долг писателя оставаться в душе либералом и не забывать о горе и счастье отдельного человека, которого всегда давила российская государственная машина.

Голос Михаила Веллера обретает страсть, когда он говорит о том, что чрезмерные либералисты мостят дорогу фашизму. Опасность эта не придумана писателем — она реальна и чрезвычайно опасна. Кто услышит предостережение пророка?

20 апреля 2005 г.

Писатель с «маузером»

Дерзкий Веллер вновь создал бестселлер

Не пробуйте поколебать его позиции! Фантастическая информированность, мощный напор контраргументов, абсолютная перпендикулярность мнений создают писателю подъемную, взлетную силу. И его критик-антипод или дуэльный противник бывают отброшены, снесены, как щепки под крылом самолета, когда вовсю крутится пропеллер. И ныне Веллер выпустил бестселлер, эпатажный, ироничный, спорный, озорной, даже провокационный «Перпендикуляр».

А тут как-то вдруг грянул его юбилей: Михаилу Иосифовичу исполнилось 60. Писатель отмечен самой природой даром провидения, аналитическим умом философа. Его философский трактат «Все о жизни» имел фантастический тираж 250 тысяч экземпляров. Веллер переведен на английский, немецкий, французский, шведский, даже китайский… А в Голландии не только перевели рассказ «Колечко», но и сняли фильм и показали его на Амстердамском кинофестивале. На днях по дружбе Веллер посетил «МК».

— Веллер, друг мой старинный, твой «Перпендикуляр» имеет начальный тираж аж 40 тысяч. Чем угождаешь издательству?

— Да ни одно издательство не будет печатать весь большой тираж сразу, если знает, что он будет продаваться целый год. А мои 40 тысяч разошлись в три недели, за ними последовали еще 40 тысяч. Зачем же измеряться на уровне плинтуса? Все, кто по тиражам передо мной, — детективщики: или это дамский детектив, или иронический, или еще какой-то. Но когда сорокатысячным тиражом выходят мои лекции по литературе — в общем, это беспрецедентно.

— Твой «Перпендикуляр», конечно же, не написан пером — он наговорен тобой на электронную ленту. Угадываю это по вольностям устной речи молодежной тусовки от которой ты все-таки принял вирус. Ты беспощадно строг к великим классикам.

— У меня речь идет о том, что мы вместо истории имеем мифологию. Это относится и к русской литературе. Десятилетия эта мифология покрывается слоем лака. А нужно иногда многое опрокидывать, чтобы отряхнуть пыль, стереть этот лак, чтобы писатели были нормальными людьми, чтобы люди вместо ходульных фигур, заслюнявленных плохими учебниками, видели в писателях и поэтах нормальных людей.

— Надеюсь, большинство нормальных читателей

воспринимают поэзию и прозу Лермонтова, чей характер вызывает в тебе раздраженную реакцию, не по учебникам, не по литературоведческим статьям, а по любви и личному интересу к поэту. Но я прекращаю свои наскоки на дорогого юбиляра. Читатель увлеченно читает твой «Перпендикуляр». Дадим людям прочесть кое-что и о твоей жизни. Идет?

— Попробуем.

— *Миша, перед юбилеем ты рванул в оставленный тобой несколько лет назад Таллин. Что тебя туда привело?*

— Ездил получать второй паспорт и ставить в него вторую визу, потому что де-юре я являюсь гражданином Эстонии, хотя в моем письменном столе уже много лет лежит мой родной советский паспорт, который я никак не соберусь обменять на нормальный российский. Со вступлением Эстонии в Европейский Союз и в Шенгенскую зону Россия приняла зеркальные, то бишь симметричные визовые меры: пребывание в России для иностранцев не более 90 суток… Я получил второй паспорт на следующие 90.

— *Как тебя встретили таллинские друзья. Они ведь никуда не делись?*

— Как родные. Мой друг подарил мне дорогой «маузер» выпуска 1920 года. Классический «К-96». Стосорокамиллиметровый ствол!

— *А разрешение на оружие имеется?*

— Все есть.

— *Собираешься применять его против критиков?*

— Ну, это провокационный вопрос. Если отвечу утвердительно, то попадаю под закон о борьбе с экстремизмом. А отрицательный ответ уменьшит интерес ко мне. У каждого ведь есть свое маленькое хобби. В Таллине у меня есть стволы, совершенно официально зарегистрированные. Вместе с клубом любителей стрелкового оружия я немножко играю с ними в эти игры.

— *Свое драгоценное оружие держишь в Таллине?*

— А что же, я их с собой повезу? В Таллине им полагается лежать в секретном месте.

— *Когда на ТВ Веллер сражается на дуэльном пространстве, то напор его энергии так силен и непобедим, словно писатель подключен к источнику высокого напряжения.*

— Такова магия цветного экрана. Если ты раз в месяц тратишь три или четыре часа вместе с дорогой туда и обратно на участие в телевизионной передаче, это видит гигантская аудитория и видит, что ты вовсе еще не вялый овощ. А вот если ты тратишь два года на написание книги, которая потом хорошо

продается, никому не приходит в голову, что на работу над этой книгой нужно было потратить в тысячи раз больше энергии, чем на какое-то участие в паршивой передаче. Это все иллюзии.

— Да и теледуэли — это тоже отдаленные разряды твоей мощной энергетики. Не она ли наделяет тебя пронзительным предчувствием тяжелых катаклизмов? Даже расспрашивать тебя об этом боюсь.

— Лучше бы мне быть очень плохим предсказателем или же хорошим, но зато предсказывать только радостные грядущие события. Ситуация сейчас в мире неустойчивая. На медицинском языке это называется «клинический прогноз неблагоприятный». Поэтому я полагаю: каждому следует у себя в огороде вкопать мачту и поднять на ней флажный сигнал адмирала Нельсона: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг». А то мало не покажется.

— Ну а если от исторических метафор перейти поближе к нашим баранам…

— Мне думается, что в течение ближайшего года мы станем свидетелями интереснейших явлений — политического и экономического характера. Несмотря на нефтяные цены, наша экономическая перспектива продолжает ухудшаться. Наши расходы все растут, а доходы все более уходят в трубу. К сожалению, в ту трубу, куда улетает дым.

— Можно ли ждать нам сюрпризов от Медведева?

— Наш нынешний президент производит на меня впечатление вполне серьезного и внутренне глубокого человека, который не захочет быть зиц-директором Фуксом в конторе «Рога и копыта». Полагаю, что определенные изменения на политической доске мы еще увидим. Кроме того: когда Запад начинает все-таки какие-то переговоры насчет признания Абхазии и Осетии, это говорит о том, что начали разменивать судьбы маленьких государств в интересах больших — с обеих сторон. Мы подошли к очередному переделу мира.

Мы стоим на грани социальных недовольств, так как монопольный рост цен совершенно беспрецедентный. И всю жизнь лицемерно называть его инфляцией, видимо, не удастся. Рубль с каждым годом укрепляется и укрупняется относительно доллара, евро и всех валют. На рубль с каждым годом на Западе можно купить товара все больше, обменяв на любую валюту. А на любую валюту в России товаров все меньше. Это никакая не инфляция, а элементарный рост цен. Думаю, гражданам не удастся всю дорогу компостировать мозги. Вот если сложить все это воедино и прибавить возможное, пусть временное, падение цен на нефть, то, я думаю, интересного мы еще насмотримся.

— Ну а в личной судьбе Веллера, филолога с университетским образованием, поработавшего и учителем, и бетонщиком, и лесоповальщиком, в какое время наступил кризис и все перевернул?

— Это было в 78-м году в Ленинграде. В течение двух лет мне возвращали абсолютно все, что я написал, из всех редакций. И однажды, когда я гулял ночью в мелкий ноябрьский дождик по городу с бутылкой недорогого портвейна в кармане, ко мне пришло ощущение, что ничего страшного в смерти под забором нет. Какая, в сущности, разница, где умирать? Но если ты будешь делать свое дело потихоньку, минутка за минуткой, час за часом, то у тебя есть все шансы доползти до конца.

Лет в 37 я почувствовал на уровне чисто внутреннего состояния, что не вписываюсь в вираж — меня буквально выносит…

— Да, твой порог был тяжел. Но как поменял ты свои привычки?

— За пару лет до этого ночного дождя я все бросил и уехал гнать скот. Из внутренней Монголии на Бийский мясокомбинат. На Алтае.

— И сколько времени заняла эта метаморфоза?

— Полгода. Монголия — моя заграница. В 20 лет я занимался комсомольской работой на ленинградском филфаке. Там в основном учились «западники», им нужна была комсомольская работа для хороших анкет и заграничных командировок. А я был русист и еврей. Они откровенно смеялись: «А ты, Веллер, за каким хреном полез в комсомольскую работу? Для тебя все равно заграница — Монголия». И в результате они осели в своих Парижах, а я в 28 увидел Монголию, которая ничем не отличалась от Алтая, — просто посредине были две контрольно-следовые полосы.

— И какой же скот доверили вам перегонять?

— Овец и монгольских яков. Трудность была не физическая — мокро, холодно. Скот наша бригада принимала под полную материальную ответственность. Если у тебя что-то сбежит, пропадет, то за это будет выплачивать вся бригада. Если конкретно ты это допустил, то тебе выплачивать уже не придется…

— Тебя посадят?

— Какое там! Тебя стопчут ножками и сбросят в озеро. Километры там немерены, милицию никто в глаза не видел.

— Ну тебе повезло — уцелел.

— Работали мы нормально, да и скот монгольский дрессированный: монголы хорошие гурты выхаживают.

— Но погода непредсказуема.

— Да, была одна ночь, когда скот у меня сдувало с горы — стоянка была на высокогорной поляне, а руки у меня настолько замерзли, что пальцы не сходились. Если б я тогда мог бросить это все и в этот миг вернуться обратно, я бы это сделал, заплатив любую цену. Но возможности не было никакой. Это называется — куда ты денешься с подводной лодки?

И вот когда наконец дождь перестал и ветер стих, все тучи разнесло, и луна взошла, мне удалось согреть руки и закурить. А там, на востоке, уже и отбеливать стало. И ко мне пришло замечательное чувство: кажется, я не сбежал, кажется, я дошел до Бийска. Кажется, это было самое чудовищное состояние в моей жизни. Стоянка была на высоте 2700 метров, с озерцом. Видимо, тогда я понял, что теперь смогу сделать то, что мне сильно захочется.

— Ну, Веллер, раз ты справился с монгольскими яками, то без труда свалишь любого противника на словесном поединке.

— О нет! Есть чудесная шутка. Пастуха спрашивают, как он дожил до столь преклонных 120 лет. Он говорит, разумеется, про молодое баранье мясо, про вино, про размеренный образ жизни. «Но главное, — говорит он, — каждый день, как чуть что, я орал на своих овец не сдерживаясь, и ни разу они мне не ответили». Если скот не отвечает, это очень вдохновляет.

— Блестящая новелла у тебя сейчас получилась! Теперь, Михаил Иосифович, как относятся жена и дочь к твоему шестидесятилетию? Хотя, по-моему, ты все-таки не столь уж повзрослел.

— Дело в том, что мы взрослыми становимся для других. Для себя мы остаемся теми же самыми. Все чаще ловлю себя на том, что с возрастом вокруг становится все больше молодых и очень молодых людей, хотя ты сам вроде бы не изменился.

— Вот не встречались мы с тобой года полтора или два, и мне кажется, что ты даже помолодел.

— Однажды мне задали веселенький вопрос: «Как чувствует себя гений?» Подозреваю, под гением спрашивающий мыслил меня. И стал я раздумывать над такой постановкой: если хоть один человек, пусть неумный, меня таковым считает, то почему бы не попытаться вжиться в роль гения?

— Но и гении тоже думают о своем возрасте.

— Ты остаешься тем же самым, что был, и чувствуешь себя точно так же. Но с каждым годом вокруг все больше неучей и идиотов, которые не понимают элементарных вещей.

— Вот твой «Перпендикуляр» содержит именно эту мысль: «Какие же идиоты пишут книжки о великих людях?»

— Отчасти ты права. Такая мысль неизбежно должна

присутствовать. Но я подчеркиваю: в книжке моей — мое личное мнение, и оно ничего не изменяет. Но я категорически на этом настаиваю.

— *Миша, ты сегодня выглядишь спортивно: плечи широкие, грудь колесом. На тренажерах накачиваешься?*

— Прекрати издеваться. Со мной ничего не произошло. Значит, в твоем воображении я был мельче и худее. Большое спасибо.

— *Где ты будешь справлять свой юбилей?*

— 29 мая в ЦДЛ.

— *На всякие телешоу с твоим участием жена и дочь приходят?*

— У каждого из нас своя работа. А к этим развлечениям они относятся так же, как и я, хотя, может быть, более серьезно. Для них главное: если папа ничего не делает, значит, идет мыслительный процесс. Эту восхитительную мысль мне удалось внушить моим домочадцам. Вот когда у меня раз в год бывает концерт в Петербурге, то на него едем мы с женой.

— *Ты приглашаешь музыкантов выступить на юбилее?*

— Упаси Господь! Выступать буду я. Ненавижу юбилейные вечера. Ненавижу капустники, самодеятельность. Я ненавижу поздравительные речи. На вечере в ЦДЛ, раз это мой день рождения, своих гостей я развлеку сам. И поставлю выпить-закусить.

20 мая 2008 г.

В амплуа Шерлока Холмса

Стартовый тираж бестселлера Веллера — 100 тысяч

Веллер улыбается, смеется, испытывает удовольствие от возможности, пусть только литературного, общения с де Голлем, с юным партизаном времен войны, что переиграл самого Рудольфа Абеля. Автор издевается, вспоминая давние знаковые истории, от которых мы все так или иначе пострадали.

Вы не узнаете его на обложке новой книги «Легенды Арбата»: черная шляпа, упругая сигара и внушительное ухо вызывают и почтение, и невольный трепет перед несгибаемым господином с беспощадным взглядом. Ну Шерлок Холмс! Мое замечание о беспощадности взгляда Миша Веллер тут же отбил ироническим ударом:

— Спасибо за комплимент. Ничто не льстит интеллигенту так, как обвинение в бандитизме и половом распутстве. Хороший профессиональный фотохудожник при помощи хорошей профессиональной аппаратуры сделает вам любой взгляд по своему хотению. И все-таки приятно, что я не совсем похож на тигра.

— Из шахматных черных клеток вырастают четыре значимых головы — короля, слонов и Познера. Неужели и этот довольно пресный господин легендарен?

— Да о нем давным-давно в журналистских и киношных кругах рассказывали поистине фантасмагорическую балладу о том, как молодой красавец, журналист-международник и полиглот Володька Познер на Ташкентском кинофестивале социалистических стран был посажен переводить монгольский фильм, поскольку переводчик куда-то девался. А Познер был поблизости. Перед этим он немного попил местного вина с местными девушками, которые не давали ему прохода. В результате его перевода производственный фильм о борьбе за повышение удоев и шерстистости овец превратился в трагикомедию о гомосексуальной любви двух пастухов — старого и молодого. А зал лежал! Обаятельный образованный Вова Познер лудил текст фильма из головы! Ему показалось забавным сочинить про двух пастухов в малахаях на коротконогих лошадках, будто они разговаривали о любви друг к другу.

— Для тех жутких лет это просто невероятный случай, похожий на анекдот.

— Но Познера вызвали сначала в ЦК Узбекистана, а потом в идеологический отдел ЦК, уже Всесоюзного, и вставили ему

фитиль от земли до неба. Познер держался мужественно, клялся, что переводил с листа, а точнее, читал то, что ему клали на пульт. Знал бы кто?.. Но внешности не видно! Он был такой обаятельный и преданный… Плюнули и спустили на тормозах.

— Миша, некоторые истории из этой книжки уже читают вслух близким, а если прочтут это со сцены, хотя бы «День рождения Гайдара», где носом к носу сведены исторические персоны — Ельцин, Березовский, Немцов, Потанин, — в зале публика будет валяться от хохота… Как ты сам оцениваешь жанр «Легенд Арбата»?

— И моя книга пятнадцатилетней давности «Легенды Невского проспекта», и «Легенды Арбата» — это литература хорошего настроения. О. Генри, Зощенко, Ильф и Петров создавали литературу хорошего настроения. Искушенный читатель может найти там много смысла, аллюзий, аллегорий. А неискушенный пусть постигнет первый пласт, но и ему тоже должно быть приятно и весело.

Октябрь 2009 г .

Соотечественники и друзья в Европе

Оскар не по-голливудски

Оскар Рабин: «В женщинах меня почти ничто не раздражает»

Имя этого отважного художника слилось с сенсационной «Бульдозерной выставкой» в Москве. Это он ее придумал и организовал. На художников свалилась суровая кара властей — «бульдозеристов» лишили Родины. 26 лет длится парижское изгнание Оскара Рабина, а в его сердце — все еще Россия.

Круто приходилось молодым нонконформистам СССР: на выставки не попасть, если твои работы заставляли вспоминать модернистов начала XX века — кубофутуристов, экспрессионистов и т. д. А им, полуголодным и дерзким, несмотря на запреты, было весело общаться друг с другом, спорить об искусстве, показывать работы у кого-нибудь в квартире. Они влюблялись и заводили семьи. Оскар Рабин женился на Валентине Кропивницкой, дочери знаменитого художника и поэта Евгения Кропивницкого, в чьем доме он, сирота, нашел приют и вдохновение, обрел мастерство. Она тоже была смелым художником-новатором, как и ее отец, вдохновитель «лианозовской группы», как и ее брат, художник Лев, 4 года воевавший на фронте, контуженный, но не сломленный. В 1946 году он получил 10 лет «за принадлежность к террористической антисоветской организации». Только в 56-м Лев Кропивницкий был реабилитирован.

И Оскар и Валентина из породы несгибаемых и смелых. К выставке на траве в районе Беляева московские художники отобрали работы без всякой антисоветчины и 15 сентября 1974 года разложили на пустыре свои пейзажи, натюрморты, портреты, рисунки. Весть о свободной экспозиции носилась в воздухе. На пустыре собралось человек 500 поклонников молодого искусства. Власть поступила самым дурацким образом: три бульдозера, несмотря на крик и протест толпы, пошли давить и кромсать работы смельчаков. Ничего не смогли спасти живописцы. Остатки, обломки картин сжигались на костре. И в один день художники-нонконформисты стали всемирно знамениты — их имена слились с шоковым названием «Бульдозерная выставка».

Накануне отлета из Парижа в Москву мы с поэтом Александром Сенкевичем были приглашены домой к Оскару Яковлевичу. Ему 78, но стариком его не назовешь: высок, крепок в плечах, любопытен к жизни, еще не потерял любви к

странствиям. Раз в 2 года прилетают они с Валентиной Евгеньевной в Нью-Йорк, где живет их дочь Катя с детьми.

Его мастерская — в престижном районе Парижа, близ Центра Помпиду. Вошел под высокие своды мастерской, увидел добрые лица хозяев, и стало тебе по-домашнему уютно. Мы поставили на стол бутылку французского вина. Оскар Яковлевич достал свою. Валентина Евгеньевна открыла коробочку шоколадных бутылочек с ликером. Опрокинув по рюмашке, мы поднялись на второй этаж, где ждут вернисажей множество его картин.

Над кроватью — портрет Саши. Очень красивый ребенок. Александр Рабин-Кропивницкий стал интересным художником. Но, к великому горю родителей, погиб. С неутешной трагедией семья живет уже 10 лет. Об этой боли я не рискнула их расспрашивать.

— Оскар Яковлевич, кто вам предоставил эти просторные апартаменты?

— Городская власть Парижа и Министерство культуры Франции. Правда, мы стояли в очереди 6 лет. Нам предлагали какие-то помещения, но мы не соглашались. Мы здесь и живем. В России я всегда писал там, где жил. А жилье в Москве у нас было убогонькое, крошечное. А тут все чудесно: северная сторона, солнце не мешает работать. Окна во всю стену — света достаточно.

— Где вы научились французскому?

— Три года на курсы ходил. Валентина учила французский дома. Слишком поздно мы сюда приехали, чтоб хорошо усвоить чужую речь. Тут, думаю, дело не только в возрасте. В любой деятельности важен талант. А мы в этом смысле бездари. Конечно, если бы нас бросить во французскую среду, мы заговорили бы свободнее. Я больше общаюсь с телевизором. Вроде бы все понимаю. В почтовый ящик заглянешь — там бывает столько бумаг! Из них 20 можно без ущерба выкинуть, но вот одну — ни в коем случае, иначе пропустишь какое-то официальное предписание. И будешь наказан. Я научился в официозе разбираться.

— Оскар Яковлевич французы обедают и ужинают с вином. Вот и вы нас вином встретили. Что вы с Валентиной Евгеньевной предпочитаете каждый день?

— Все больше чай. Вообще-то я люблю французское вино, особенно красное. Признаюсь, больше-то люблю русскую водку. Раньше я очень много пил. Всякое бывало. Но, видно, уже все свое выпил.

— В России?

— И здесь тоже. Но как-то в один прекрасный день мне больше не захотелось. Конечно, не без того, чтобы по случаю рюмочку принять, особенно если кто-то придет — например, моя соседка Кира Сапгир. Мы с ней по паре рюмок можем махнуть.

— В вашей многострадальной душе чего больше — русского или французского?

— Там Россия! Я родился и прожил в России полвека, а во Франции всего 26 лет. И главное — во мне живет язык русский, русская культура — живопись, литература, музыка. И, конечно, российская природа. Но и Францию, особенно Париж, из своей жизни не вычеркнешь.

— Когда вы вынуждены были покинуть Советский Союз, вас мучили какие-нибудь сомнения?

— Мы с женой и сыном ехали как туристы. Предполагали, что нас могут не пустить обратно. Так и случилось. Мы оказались в Париже в 78-м. Через полгода меня лишили советского гражданства. Трудно было расставаться с близкими людьми, но я наивно надеялся, что все еще обойдется и я смогу вернуться. Спасало теплое чувство — со мной мои любимые, жена и сын Саша.

— Что вы больше всего любите в Париже?

— Сам Париж. С детства помню фразу Маяковского: «Я хотел бы жить и умереть в Париже…» А вот видите — я здесь живу.

— В России Рабин знаменит. А в Париже?

— Это слово ко мне не подходит. Знаменитые — Шагал, Пикассо, актеры и спортсмены. Я не могу посмотреть на свое искусство со стороны. В России я думал о жизни на Западе, пользуясь только диаметральными понятиями — черное или белое. Для уехавших на Запад русских художников мы оставляли два варианта: или ночуют под мостом, или покупают виллу. На самом деле все обыкновеннее. Мы жили не под мостом — у всех обыкновенная жизнь профессионалов, о которых знают только в тех кругах, где интересуются русской живописью 60 — 70-х годов.

— Есть ли сейчас спрос на русскую живопись во Франции?

— Сегодня уже появились русские коллекционеры. Откровенно говоря, западным собирателям искусства теперь приходится труднее. Богатых людей везде много. А в России богачи какие-то чрезмерные. То пусто, то густо. Недавно случилось два аукциона работ художника Добужинского. Таких цен никто никогда не видел! Отдельные работы были проданы в 50 раз дороже первоначальной цены. На последнем аукционе выставили уже 400 картин Добужинского — они хранились у его сына и родственников.

— И кто же их скупал?

— Основными покупателями стали русские. У них здесь не было конкурентов. Первоначальная цена назначалась скромная — в 1,5–2 тысячи евро. А проданы были за 50 и 100 тысяч!

— У вас есть постоянный галерейщик?

— Никогда не было. Мои работы покупаются на случайных выставках. Да и выставки были не часто. Но тем не менее последние 27 лет я живу только на свои картины. Иных доходов у меня нет. Если бы не они, то хоть иди с протянутой рукой. А вообще-то во Франции лучше иметь дело с государством. Оно заинтересовано, чтобы ты платил городу аккуратно. Люди, работающие на государство, до конца трудовой жизни будут обеспечены работой: профсоюзы тебя отстоят — устроят демонстрацию, забастовку, если что не так. Забастовки у нас — это нормально. Но не все могут ее себе позволить. Художник не может. Перед кем ему бастовать? Здесь масса галерей, салонов, масса возможностей реализовать себя. Но можешь оставаться сам по себе. Все равно в музеях современного искусства не выставишься — туда не попасть.

— А кто содержит Музей Помпиду?

— Государство. Оно, конечно, не диктует, как нам диктовала советская власть, не навязывает некий помп-реализм. Но музеями руководят госчиновники, и попасть на международные биеннале трудно, если ты не соответствуешь каким-то критериям, которые приняты в данном музее.

— Кто из русских выставлен в Помпиду?

— Там нет постоянной экспозиции русских художников. Иногда могут выставить Малевича, Гончарову. Обо мне речи быть не может. Моя живопись, ее тенденция, направление не соответствуют критериям официальных лиц. Все наши художники — шестидесятники и семидесятники — автоматически не соответствуют принципам отбора на всякие популярные биеннале.

— Но ваша картина попала на выставку в Нью-Йорке…

— Я видел эту выставку: весь Музей современного искусства отдан был русским мастерам. Экспозицию формировали американцы и специалисты из Русского музея и Третьяковки. Удивительно, но там в нескольких залах выставлены полотна, которые собирали русские цари: Петр Первый, Екатерина Вторая, Николай Первый — и русские купцы. Рубенс, Ван Дейк, Мурильо, Пикассо… Чем богаты — тем и рады. Там есть одна моя картина. Когда-то в России я написал «Паспорт». *(В большом каталоге есть репродукция этого «Паспорта». Все натурально, с легким перцем: фотография Рабина, год рождения 1928-й, в графе «национальность» читаем: «латыш». От себя автор добавил:*

«еврей»). Ну попал я туда. Берет досада, что Зверев не попал! Не попал Целков! Радует что выставили одну картину Михаила Шварцмана.

— *Оскар Яковлевич, с кем из русских художников вы встречаетесь в Париже?*

— В старый Новый год Олег Целков зовет к себе всю нашу старую гвардию. Человек десять собирается: Булатовы, Штейнберги, Заборов бывает…

— *Оскар Яковлевич вы человек не публичный. Но, вероятно, в молодости не избежали участия в каких-то общественных праздниках?*

— Вспоминается Москва 58-го года. Международный фестиваль молодежи. На большой выставке картин и скульптур молодых художников из разных стран мне выдали почетный диплом за букетик полевых цветов. Этот натюрморт я рисовал с натуры. И как лауреат фестиваля смог потом получить работу художника-оформителя. Раньше-то меня допускали лишь к работе десятника на разгрузке вагонов. Тот фестиваль памятен и первым знакомством с Олегом Целковым, Олегом Прокофьевым. Там же, на фестивале, я впервые услышал об Анатолии Звереве. Прекрасная пора — я тогда много рисовал с натуры: портреты своих маленьких детей Кати и Саши, писал портреты знакомых, даже артистов, ходил по окрестностям рисовать пейзажи. Это теперь пишу по воображению. И даже парижские темы у меня — это не реальный город, а мое представление о нем.

Рабин показал нам свою картину «Бессрочная виза». Кладбищенский уголок. На газете кошка в пришибленном настроении. Стоит телефон.

— *Вы, Оскар Яковлевич неунывающий шутник.*

— Это не шутка, а скорее воля Божия. Христос-то воскрес, а мы — неизвестно.

— *А над вашей кладбищенской визой солнце все-таки пробивается.*

— Естественно. Куда же ему деться?

На его картине селедки на первый план стремятся, а в уличном современном пейзаже вдруг возникает керосиновая лампа со стеклом.

— *Вы и лампу рисовали по воображению?*

— Лампу брал с натуры — в Париже покупал.

— *А почему не рисовали парижские дома?*

— Они настолько красивы, что их в картину взять невозможно.

— Вы совершаете путешествия по Франции?

— Хотя нам это сложно психологически — все-таки года. Но мы выезжаем в деревни подышать. Стараемся до конца жизни повидать как можно больше.

— Предпочитаете пейзанскую благодать?

— Нам милее коровы и поля. Весной нас тянет на юг Франции, а летом выбираем попрохладнее — едем в сторону Эльзаса. Там поля, леса. Берем с собой еду и питье. Только коровы и мы. Увидев нас, уставятся с любопытством, даже жевать перестают: наконец-то человеки пожаловали. Нам нравится такое запустение. Осенью, конечно, лучше к морю, потеплее, но не в Бретань и Нормандию. Нам давай Корсику, озера.

— Коровы во Франции — что королевы. А какое впечатление производят на вас французские чаровницы?

— Мне показалось, что француженки похожи на чаровниц всех остальных наций.

— Вы успели заметить, в чем шарм и коварство французских женщин?

— Должен вам сказать, что у тех француженок, которых я знал, никакого особенного шарма не заметил. Впрочем, вряд ли мое мнение может быть компетентным. Да и по части коварства француженок я не специалист.

— Что вы цените в женщинах?

— Я отношусь к тому сорту мужчин, которые идеализируют женщин. Я всех считал существами более чистыми, благородными и возвышенными, чем мы, мужчины. Очень хорошо сказал об этом Булат Окуджава: «Ваше величество, Женщина…»

— Что вас в женщинах раздражает?

— Теперь, когда мне скоро 80, в женщинах меня почти ничто не раздражает.

— Тициан прожил 100 лет. И, как говорят искусствоведы, лучшие полотна написал в 90. Какие свои работы вы считаете лучшими?

— Хотел бы дожить до срока Тициана. Может быть, и я в 90 написал бы свои шедевры. А пока каждую картину стараюсь написать как лучшую.

— С каким настроением вы бродите по Парижу?

— Когда я ухожу из своей мастерской, где всегда со мной родные и близкие люди, даже те, что далеко, и оказываюсь на улице, то становлюсь зрителем в огромном театре. На сцене — актеры: полицейские, клошары, гарсоны в кафе, музыканты в метро, уличные импровизаторы — все они представляются мне участниками представления в роскошных городских декорациях. И, поверьте, меня этот театр очень занимает и бодрит. И на

отдыхе, на Корсике, — свой театр. Я смотрю, как жена спасает выброшенных волной медуз. А в деревне вместо парижских декораций природа дарит другие: лес, горы, поля с гуляющими коровами.

— Тамошние овечки и коровки закаленные: спят на воле даже зимой. А как вам, Оскар Яковлевич, удается держать себя в спортивной форме?

— Утром, чтоб не болело ничего, делаю получасовую зарядку. Потом контрастный душ. Ну и дальше другие процедуры со льдом: две большие чашки со льдом выпиваю ежедневно. С них начинается мое омоложение. Вычитал где-то, что лед заставляет организм сопротивляться всяким недугам. Потом ем два яблока, да потверже! Ну и так далее. Еще таблетки принимаю — или французские аптечные, а чаще домашнее ягодное подспорье.

— Россию вспоминаете?

— Не то слово! Это наша жизнь.

— Какой представляется вам издалека сегодняшняя Россия?

— Мне кажется, судя по общению с людьми, по прессе и телевидению, в России все по-прежнему чересчур. Она измучила себя крайностями. В 17-м году началось все с невероятной революции — с ее фантастичными идеями и жуткой практикой. А потом перестройка, необдуманная свобода и демократия с разрушительными последствиями. И вот теперь российский капитализм, так непохожий на относительно умеренный капитализм европейских стран, где все эти процессы проходили не так бурно и результаты их значительно лучше.

— Есть ли у вас замысел, который бы вы откладывали, но он вас постоянно зовет?

— На потом ничего не откладываю. Возникает потребность — беру кисть. Никакого иного хобби, увлечения у меня никогда не было. Я любил только рисовать.

Париж — Москва, апрель 2006 г .

Голгофа русского живописца

Сергей Чепик: «Иду, куда хочу. Например, на корриду. Я великий ее любитель»

Знатоки искусства считают его гениальным рисовальщиком и платят за его полотна бешеные деньги. В Лондоне, в соборе Святого Павла, два года будет висеть живописная композиция Чепика «Путь Христа. От рождения до Воскресения». Чепику позировала баронесса Маргарет Тэтчер и была в его парижской мастерской.

К русскому парижанину привез меня поэт Александр Сенкевич. Живет Чепик в старинном доме на Монмартре. К нему, под крышу, ведет винтовая лестница, узкая и очень утомительная. И вот мы в мастерской. Сергей обнимает Сашу Сенкевича, по-дружески приветствует меня. Затворник поражает каким-то беззащитным светом серых глаз. Он показывает портреты прадеда, деда, родителей, жены… И я начинаю свои расспросы.

— Сергей, неужели к вам действительно приходила позировать Тэтчер? Это легенда?

— Ничуть. Маргарет тогда уже не была премьер-министром. Но я с ней был знаком: на моей первой лондонской выставке Тэтчер купила одну мою картину — пейзаж старой Ладоги с видом на храм Святого Георгия. Маргарет внимательно всмотрелась в пейзаж и сказала: «Господи, какая прелесть! Жалко, что я не могу ее держать у себя — мне придется сдать картину в музей: премьер-министр не имеет права покупать что-нибудь дорогое для себя». Прошло два года. Как-то меня спросили, хочу ли я написать портрет Маргарет. Я ответил: «Конечно. С удовольствием». Назначили встречу. Она мне потрясающе позировала в черном официальном костюме — ведь я писал женщину, которая повелевает.

— У нее были какие-то особые пожелания?

— Очень милые. «Можно, чтобы была брошка, которую мне подарил муж?» Она захотела видеть на своем портрете воспроизведение маленькой картины, на которой любитель изобразил ее отца и мужа: они оба были на одном крейсере в 1944 году и высадились на берегу Ла-Манша, откуда началось освобождение Франции. Я исполнил обе ее просьбы, но вынужден был уехать в Париж, не закончив картины. И Маргарет Тэтчер на последний сеанс приехала в Париж, поднялась в мастерскую без охраны. Вот это женщина!

— Сергей, как чувствуют себя в соборе Святого Павла ваши

полотна?

— Такие работы случаются раз в жизни. Сначала у меня была картина «Голгофа». Написал ее по велению сердца. Она не столь большая — всего метр шестьдесят на метр тридцать. Ее купил известный коллекционер и выставил публично со всеми эскизами. На выставку пришел каноник церкви Святого Николая и попросил эту работу в свой храм на Страстную неделю. Я попытался защититься: работа, дескать, продана, а если ее куда-то перевозить, возникает необходимость страхования. Симпатичный каноник все взял на себя. «Голгофа» была выставлена в церкви, и произошло необъяснимое: люди ставили к ней свечи, молились, иные плакали. Народ толпился.

Один священник попросил мою «Голгофу» выставить в соборе Святого Павла 9 мая, в День Победы, поскольку советских людей на войне погибло больше, чем других народов. Моя «Голгофа» висела там целый год. У священнослужителей храма возникла идея — обновить внутреннее убранство собора. Они отвергли мысль о конкурсе: «Зачем проводить конкурс, русский Чепик все равно его выиграет». Начались переговоры со мной. Сложилась концепция — «Путь Христа. От рождения до воскресения». Исполнение заняло около двух лет работы.

— Писали картину в Лондоне?

— Нет-нет, вот в этой мастерской. Тут не развернуться было.

— А как же вы их отсюда выносили?

— Через окно. Это целый спектакль. В Лондоне они не влезали в собор. Открыли королевские ворота. Работяги мне сказали, что эти ворота открываются только для королевской семьи.

— Вы присутствовали на «восхождении» картин на стену собора?

— Я их вешал. Ой, как было страшно. Боялся, вдруг в размер не попаду. Но, слава Богу, все соединилось благодаря объединяющему лучу сверху до пола.

— Вы наблюдали за соборной публикой?

— Приходят, ставят свечи. Экзальтированные верующие плачут.

— И долго ваши картины будут находиться в соборе?

— Договор на два года. Все зависит от реакции прихожан. Собирают мнения — и положительные, и отрицательные. Но эти картины уже намолены — снять их трудно. Одна рама, как ни странно, уже мироточит. Однажды мне сказал служитель: «Посмотри, там что-то с рамой». Подошел и вижу — течет от руки Христа. Ну, Господи, как же это? Я к рабочим: «Ребята, там грязь не стерли». Они протерли воском, продраили. Утром еще больше

потекло. Об этом прошел слух среди прихожан…

— Сергей, что вы пережили, войдя в сложную, трагическую и светлую тему?

— Ответственность — невероятная. Первый эскиз мой выглядел спорным. Он не совсем устроил священнослужителей. Они меня спросили: «Почему у вас такой Христос?» Я защищался: «Есть традиция…» И услышал от них благословение: «Рисуй своего Христа». О своих картинах теперь могу сказать: «Это мой Христос». Не раз я повторял: «Помоги, Господи. Пожалей меня, Господи».

— Иконописцы постятся, очищают душу, прежде чем приступить к написанию иконы. А вы?

— Я не соблюдал этих правил. Курил очень много. И слушал музыку: Баха, Вивальди, церковную, православную музыку. Шаляпин очень помогал. У него есть потрясающее «Верую». Я жил аскетом в мастерской, никуда не ходил. Не хотелось никого видеть. Один раз упал, хорошо, что не с самой большой высоты, но ребра поломал. После этого верхолазы сделали мне крепления. Работал в поясах. Срывался, но веревки меня удерживали. Ничего, кроме этих полотен, в ту пору я делать не хотел. Технику я делал сам, растирал краски. Слава Богу, мне удалось найти холсты огромных размеров — четыре тридцать на два шестьдесят метра.

— Что-то мистическое связывало художника с полотнами?

— В момент создания они были моими детьми. Я отдавал им себя. А сейчас вижу в них что-то всеобщее и сам ставлю свечки. Не своим творениям, а Богу. И совершенно искренне молюсь перед ними.

— Где вы писали великого танцовщика Нуриева?

— У него в квартире. Он был уже болен. Я увидел пальцы его ног и ужаснулся. Кровавые, почти черные. Он мне позировал с большим страданием, и однажды я услышал от него: «Все! Я уеду в Америку, а после этого, наверное, сдохну». Я, конечно, пытался его успокоить, повторял: «Ну что вы, что вы? Зачем вы так?» Я всегда говорил ему «вы», хотя мы дружили…

— Где теперь портрет Нуриева?

— В Сингапуре. Портрет был выставлен в Лондоне. Директор Сингапурского музея был там и купил портрет вместе со всеми рисунками к нему. У меня дома остался один рисунок с парижским телефоном Нуриева.

* * *

— Вы воспитанник Института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина, а на самом деле — старой академии, где учились большие художники. Что заставило вас уехать из СССР?

— Я много писал. Антресоли, углы были заполнены работами. Писать становилось бессмысленным делом. Зачем? Для кого? Меня никто там не угнетал, я не был членом Союза художников. Можно было в те времена зарабатывать неплохие деньги. Мой отец был художником, и он за меня сделал всю *поденную* работу. Ну сделал бы я еще одну-две картины. Опять для кого?

— Кто первый купил вашу картину?

— Юра Трубников, бизнесмен. Сейчас он ушел на пенсию. Мы дружили. Он купил мои работы за много и тем самым очень поддержал меня. Эти деньги помогли мне продержаться до Лондона.

— Помните ваши первые лондонские впечатления?

— Появился я там тридцатилетним наивным мальчиком — и сейчас еще сохранил эту наивность. Все галереи обошел, предлагая свои картины. Но слышал «нет». А кушать-то надо! Деньги быстро кончаются. Моя будущая жена мне посоветовала написать одному из самых блистательных галерейщиков мира. Что он вытворял на рынке искусства! Я не верил в результат. Но чем черт не шутит! Написал. Через 2 дня пришел ответ. Он к нам приехал и сразу купил несколько моих работ. Потом сделал персональную выставку. Жизнь повернулась круто. Он мог приехать на мой день рождения и подарить такой букет, который некуда было поставить. В нем букетов 40 поместилось.

В этот момент к отцу в мастерскую заскочил сын Сергей — молодой человек двухметрового роста. Он уже вполне самостоятелен и профессионально судит об искусстве. Мать Сергея-младшего — вторая жена Чепика, Наташа. Есть у него еще один сын — Даниил, от третьей жены. Это Елена Калашникова, художница, выставлялась в Нормандии, живет в Москве вместе с Даней. Мальчик заканчивает художественную школу. Отец очень хочет, чтобы он получил серьезное художественное образование в Москве.

— Я очень люблю Даню. Братья нежно относятся друг к другу. Они красивые, очень высокие. Иду с ними и чувствую себя под их защитой.

* * *

— Париж — город соблазнов. Вы в своей мастерской отшельничаете. И все-таки вас, как Тулуз-Лотрека, увлек «Мулен Руж»…

— Да, я люблю Тулуз-Лотрека. И я второй после него художник, который пошел рисовать «Мулен Руж». Но, конечно, теперешний «Мулен Руж» совсем другой.

— Что же вас туда завлекло?

— Я нарисовал целую эпопею «Россия распятая». Заканчивался век. Картина вышла очень страшная. Самая пессимистическая. Она выставлялась в русском посольстве в Лондоне, затем на Осеннем салоне Парижа, у Пьера Кардена, на фестивале русского кино. Эта картина прожила напряженную жизнь. Сейчас я ее разобрал — места в мастерской почти не осталось. Она состоит из нескольких частей. Это крест неправильной формы, какой бывает на братских могилах. Он собирается из разных картин, и у каждой свой сюжет. Работа над картиной меня здорово вымотала. Пришлось принять на себя много отрицательной энергии. Мне необходимо было в этот момент что-то абсолютно противоположное, легкое — девочки, сисечки-писечки… И я пришел в «Мулен Руж». Тогда русских танцующих ребят была там много — наверно, треть. Хорошо выученные в России, они имели грандиозный успех.

— Танцовщики проявляли любопытство к зарисовкам художника?

— Конечно. «Мулен Руж» как раз менял программу — это делается раз примерно в 10 лет. Я видел, как рождается спектакль. Занятное шоу! Но репетиции были безумно интересные. Ставил какой-то американец, ставил еще итальянский балетмейстер и французская дама. Вот это я рисовал.

— Вы советовали им что-то поменять в костюмах?

— Нет-нет. Костюмы там вообще безобразные.

— Ваши муленружские работы выставлялись?

— И выставлялись, и уже проданы, и проедены. Осталось несколько работ. В Лондоне муленружские дивы ходили в канкановских одеждах, очень фривольных. Иногда даже в таком наряде появлялись в центре города. Это происходило почти сразу после катастрофы в Нью-Йорке 11 сентября. Боялись, что народ на их шоу не придет. Но как-то все получилось. «Мулен Руж» он и есть «Мулен Руж».

— Вы продолжаете там бывать?

— Нет. Все пересмотрел 39 раз.

— Бывает, что вы «за волосы» себя вытаскиваете из мастерской. И куда направляетесь?

— Да куда хочу. Например, на корриду. Я великий ее любитель.

— Мчитесь в Испанию?

— Не угадали. Еду на юг Франции, в Арль.

— Туда, где солнце сводило с ума Ван Гога?

— Да. Это Прованс. Каждую Пасху еду туда.

— Они на Пасху устраивают эту травлю быков?

— Потрясающее зрелище! Зову своих друзей, но все боятся: быков жалко. А жалеть их нечего. Такие страшилища выскакивают! Дикие быки. И мальчики, мальчишки один на один с ними. Они же до пенсии не доживают. Быки их убивают. Тореро умирают на арене. Особенно звезды. Они всегда переходят грань между жизнью и смертью, эти два сантиметра между собой и быком. Я видел такой финал три раза. Страшно говорить об этом. Но адреналин потрясающий. Корриду или надо любить, как балет, или не ходить.

— Явно вы человек страстей. Что еще себе позволяете?

— Участвовать в венецианских карнавалах. Я их обожаю.

— Михаил Шемякин тоже ими увлечен. Не встречались там?

— Один раз встречались. Меня привел к нему друг-итальянец. Но предварительно не сговорился, а уверял меня: «Ты не волнуйся. Он нас ждет». Хотелось посидеть с ним, поговорить, но Шемякин спешил — уходил на карнавал, именно на это время у него была назначена встреча.

— У вас есть карнавальные маски?

— В моей библиотеке я их развешиваю. Каждый год — разные. И костюм для себя делаю на месте.

— Какие слабости вы в себе ощущаете, но не хотите с ними расстаться?

— Много курю. Это беда. Ничего не могу поделать.

— У вас синие глаза от матери?

— У отца и матери — синие глаза.

— Вы физически очень крепки. Случалось с кем-нибудь на кулаках сразиться?

— Нет. Драться не люблю. Но очень люблю бокс рисовать.

— Друзьями богаты?

— У меня много настоящих друзей. До гробовой доски. Друзья даются Богом. У меня — киевские, где я родился. Мы не меняемся, не стареем.

Мне 52. Своего друга я не видел 30 лет. Я в Париже. Он в Чикаго. И очень волновался, что при встрече его не узнаю. Увидел — ну конечно, Сашка. Правда, седой, но такой же абсолютно. Да и сам я не изменился. Только волос поменьше да пузо побольше. И мы вместе становимся снова детьми. Даже в ресторане его сын

сказал: «Идите-ка, ребята, гулять — с вами в полицию загремишь» *(хохочет)* . Сын его благообразный, а мы — озорники. Он с нами больше не ходок.

— Почему же между женами и мужьями не сохраняется подобная связь до гроба?

— Не знаю. Тут не бывает ни правых, ни виноватых. Любили — потом разлюбили. Особенно в теперешней России. Все вроде было хорошо, а муж начал купаться в деньгах огромных, а жена уже какая-то не та. И надо бы помоложе, поэффектней, погрудастей, поблондинистей. Чтоб была манекенщицей или вообще звездой. Глядишь, и эта новая летит!

— У вас ведь тоже были и любви, и расставания…

— Мой первый брак детский: мне 20, ей — 18. И все порвалось. Но я к ней очень нежно отношусь — это моя первая романтическая любовь. Оба мы были единственными детьми в семьях. В мозгах — ветер. А поженились бы лет в 30, может быть, все сложилось.

— Сейчас вы себя чувствуете женатым?

— Да-да-да. Конечно. Мари-Од (Marie-Aude Albert) — мне и жена, и друг, и настоящий помощник. Она, профессор русской литературы, написала все книжки обо мне, все каталоги. Ее первая книжка была о Волошине. Она француженка и, естественно, пишет на французском.

— На ваших картинах Мари-Од не просто красавица, а чертовка.

— Чертовка!

— Какое вы любите вино?

— Смотря с чем. Сейчас я угощу вас фазанами.

…Сергей тащит кастрюлю, где в ароматном маринаде с клюквой и пряностями томятся куски некогда прелестной птицы. Раскладывает на решетку мясо, потом нарезает круги баклажанов, прижимает решеткой, кладет на огонь, а на вторую часть — диски яблок. Во время нашего дальнейшего разговора иногда переворачивает благоухающее сооружение.

— С этим мясом мы будем пить красное вино.

— Вы что, ходили на охоту?

— Зачем? Охотники делают это лучше. На рынке закупаю фазанов ощипанными. Устриц тоже люблю. Их у нас в мешках выращивают в океане.

— Сергей, что делают у вас березовые веники под потолком?

— В баню люблю ходить.

— Где же вы паритесь?

— Рядом, в спортивной сауне. На мои венички там смотрят с любопытством, а иногда настороженно: очень боятся, что я

всякую заразу на них перенесу. А раньше вообще смотрели с ужасом, как на что-то инфернальное. Нынче некоторые интересуются, где же их купить можно. Иногда я дарю из своего запаса. Пусть почувствуют русский дух.

Париж — Москва 11 апреля 2006 г.

Русский в пустыне Швейцарии

Михаил Шишкин: «Если любишь женщину, то не частями, а целиком»

Он победил в престижных премиях «Букер», «Национальный бестселлер». Его роман «Венерин волос» отмечен Национальной литературной премией «Большая книга». Природная скромность и благородная сдержанность не позволяют писателю мелькать на страницах газет. Ему важно быть, а не казаться.

Накануне отъезда в Швейцарию Михаил Шишкин заглянул в «МК»:

— Родные места. Я жил когда-то на улице Костикова. На месте здания вашей редакции в те годы был парк и каток, где я безуспешно пытался научиться кататься на коньках. Поблизости находился мой детский сад.

— Перемены на улице вашего детства не испортили вам настроение?

— Я уже давно смирился с переменами. Все исчезает, но одновременно остается. Чем больше ты живешь, тем четче замечаешь некие дырки в толщине времени. Сколько людей ты знал, скольких ты любил и сколько близких потерял. И все-таки остаешься тем же мальчиком.

— В романе «Взятие Измаила» ваш лирический герой учится в 59-й школе. Вы тоже там учились?

— Эта школа моя и моей мамы. Она преподавала русский язык и литературу. Здесь учился и мой брат Саша.

— Ваши книги дышат подробностями жизни самого автора.

— А зачем что-то придумывать? Жизнь столько сотворила, что с ней никакой роман не сравнится. Жизнь намного гениальнее романа, потому что в ней все правда и все происходит с тобой. Мы жили в Староконюшенном. В подвальной коммуналке маме дали комнату. Я еще был в полусознанке, но помню бесконечное мелькание ног в окне. А еще свой трехколесный велосипед и соседок, очень одиноких. По праздникам за бутылкой водки они отводили душу.

— Судя по роману, ваш отец был моряком.

— Отец в 17 лет пошел на фронт мстить за своего брата — тот в 41-м пропал без вести. При заполнении всяких анкет отцу приходилось всегда врать, что его отец погиб. А на самом деле моего деда в 30-м году при коллективизации арестовали и сослали на БАМ. Бабушка получила всего два письма от него. Мой отец всю жизнь прожил в страхе, что его обман раскроется.

Он ходил в 44 — 45-м на подводной лодке шифровальщиком. Я с гордостью рассматривал его военные фотографии. На подлодке они торпедировали немецкие корабли.

— И разрушали потом себя.

— Да, это поколение было шокировано многим. Все встречи ветеранов-моряков заканчивались пьянкой. Жуткое было зрелище. Ими владело одно желание — упиться.

— Когда у отца появилась другая семья, вы поддерживали с ним связь?

— Сложно было поддерживать с ним контакт. Книги он перестал читать. Свою первую публикацию я показал бабушке, но ее радость была своеобразной: «Ну хорошо. Все лучше, чем в подворотне с гитарой». Отец тоже не понимал, что я делаю. Не вникал, не радовался за меня. Вообще-то родители мои разводились давно, еще до моего рождения.

— Как это?

— Мама была парторгом в школе в 60-е годы. В ее классе учился Владимир Буковский, будущий диссидент. Смельчак выпустил в школе рукописный журнал. Естественно, все стали обсуждать содержание — и пошли доносы. Но надвигалось либеральное время. И решили устроить по этому поводу дискуссию в двух старших классах. И тут-то все учителя навалились на мальчика — Володю Буковского. Слух о вольности, процветающей в нашей школе, дошел до самых верхов. Нависла угроза, что из школы погонят и парторга, и директора. Маме посоветовали подруги забеременеть и уйти в декрет. С папой они почти не жили — у него складывалась новая семья, но мысль о спасении объединила родителей. Директора действительно изгнали. А мама ушла в декрет и уцелела. В 61-м я родился.

— Вы, швейцарец, когда были в своей школе последний раз?

— Невероятная удача: именно в ноябрьские дни случилась встреча выпускников. Я пошел в школу и увидел своих однокашников выпуска 77-го года. Удивительное чувство новизны! Когда-то мы особенно не интересовались друг другом. Жили одним желанием — вон, вон из школы, да поскорей. Теперь же приходим на редкие встречи без жен и мужей. Я поймал себя на мысли: жены и мужья уходят, а одноклассники остаются. Они же когда-то не были мне близки. А тут понял — все родные!

Но на самом деле встреча была наполнена грустью. Стоит старичок. Но вдруг взглянет на тебя да улыбнется — и узнаешь в нем мальчишку. Потом начались разговоры о тех, кого уже нет. Вспомнили Митю Гайдука. Он пришел к нам в шестом или седьмом. Увлеченный музыкант, Митя и в футбол играл лучше всех. Потом он учился в ЦМШ, закончил консерваторию, стал

прекрасным пианистом. На конкурсе Чайковского получил вторую премию.

— А что с ним случилось?

— Он играл концерт в Германии по приглашению. Возвращался домой через Восточный Берлин. В Бресте его стали трясти таможенники. Наверное, были с ним грубы. И, очевидно, Митя возмутился. Расплата была жестока. Его, крупного музыканта, сняли с поезда и поместили в психушку. Что с ним там сделали и чем кололи, можно только догадываться. Когда Митина мама с великим трудом привезла сына в Москву, он умер через четыре дня. Отпевали Митю в храме Всех Святых в Красном селе — там священником был его родной брат, отец Артемий.

— Ужасная трагедия…

— Мы говорили и о других ушедших. И было ощущение, что и сама смерть присутствовала на нашей школьной встрече. Нам стало не по себе. И мы выпили за то, что мы живы, что мы есть.

— Своим лирическим героям вы раздариваете собственные встречи и расставания с прекрасными женщинами. Можно узнать из первых уст что-нибудь о ваших женах?

— Мой ранний брак был совершенно русский. Мне было 22, когда мы поженились с Ириной. Второй брак — швейцарский, с Франческой. Оба брака продолжались ровно по 7 лет. Ире достался самый сложный период — быть женой пишущего человека, когда еще не ясно, что из его сочинений получится. Она как-то рассердилась: «Какого черта я первая жена писателя? Хорошо быть последней женой, а еще лучше — вдовой писателя».

— Вы улыбаетесь, коварный! А ведь Ирина попала в точку: писателю нужна жена, умеющая говорить комплименты — «талантливый, самый лучший».

— Мы с Ириной пережили наиболее трудное время. После окончания факультета романо-германской филологии пошел я в журнал «Ровесник».

— Хороший журнал был. Денежный. ЦК комсомола о нем щедро заботился.

— И вот я, еще мальчишка, сопляк, вдруг поднялся на завидную социальную лестницу: зарплата приличная, гонорары еще лучше, поездки за границу. Со мной вроде бы все было в порядке — я не врал, был честен по отношению к себе: ни слова о партии не писал.

— Писали об искусстве?

— И про это тоже, про молодежные театры, или давали переводить статьи из журнала «Штерн». В моих статьях не было лжи. И все-таки во мне сидело убеждение — ты же крошечное колесико этой машины, которая в больших масштабах

производила говно. И потихоньку ты начинал себя не уважать. А если ты презираешь себя, ты ничего *своего* написать не можешь. Три года я поработал в журнале и понял: больше не могу участвовать во всем этом. И спустился с уютной социальной лестницы в самый низ — в школу. К сожалению, у нас учителя всегда были внизу. Все мои житейские колебания, переходы моя жена Ирина выдержала. Жена преуспевающего журналиста вдруг стала женой начинающего народника. На несколько лет я «ушел в народ». Она поддерживала меня, когда я писал свой первый роман.

— И кто кому изменил?

— Дело совершенно не в измене. Жизнь человеческая — длинная. А отношения между мужчиной и женщиной — короткие. Все-все склоняло их к расколу.

— Особенно если муж самоотверженно решил сеять разумное, доброе, вечное.

— Московские дети на первом же моем уроке с ходу прижали вопросом: «Михаил Павлович, а вы в коммунизм верите?» Расстрельный вопрос! Естественно, на него надо отвечать правду. Хотя перестройка уже делала первые шаги, приди я на полгода раньше, меня за эту правду просто могли бы уволить. Руководители школы, мудрые женщины, все повидали и знали, что главное в их деле — отчет. И они мудро сформулировали про меня: «Михаилу Павловичу мы все-все разрешаем — он отвечает за перестройку». И я обрел полную свободу делать все, что хочу. В уходившем времени я чувствовал себя каким-то беглецом, шпионом, которого легко разоблачить — дома у меня лежали запрещенные книжки. Но вдруг я осознал ранее невозможное: эта противостоящая тебе страна — твоя страна. Ты берешь на себя ответственность за нее, чтобы она изменилась. И ты для этого что-то должен сделать.

Мне захотелось что-то поменять хотя бы в своем классе, изменить закон, по которому живет и влачится эта жизнь. Веками здесь жили по принципу: сильный отнимает у слабого пайку, занимает лучшие нары, а слабого оттесняет к параше. Хотелось, чтобы в этой стране жили по закону человеческого достоинства. Пять лет я проработал в школе. Совершенно искренне и честно делал все, что мог. У меня ничего не получилось.

— Что не получилось? Ребята вам не поверили?

— Я не смог изменить страну.

— Даже титану с такой величественной целью не справиться.

— Считаю, что в этом виновата не страна, виноват я, потому что был плохим учителем. Если бы я был хороший учитель, я бы и сейчас остался в этой школе, сделал бы свое дело, несмотря ни на

что.

— Не убивайтесь понапрасну, Михаил Павлович. Природа умнее ваших намерений: она подарила вам дар слова и потребовала отдачи. Признайтесь, в глубине вы осознаете, что ваши успешные книги несут страсть и убеждения автора куда надежнее, чем общение с десятком юных голов. Но мы еще не договорили про вашу первую счастливую семью.

— Не устаю благодарить Ирину за все, что нас роднило. Но жизнь сложнее, чем наше представление о ней. Мы расстались, я тогда заверил Ирину: никогда больше не женюсь.

— И сколько вы продержались?

— Год.

— Роман «Взятие Измаила» вы посвятили Франческе, своей второй жене. Где вы познакомились?

— Объяснюсь. Я живу в Швейцарии, но я не эмигрант. Я приехал туда с женой. Россия теперь, слава Богу, свободная страна. Государство не смотрит, где ты живешь, ему наплевать. Мой отъезд в Швейцарию был семейной необходимостью. Швейцарка Франческа Штёклин по профессии славистка. Она жила в России, работала переводчицей.

— Пришла любовь, явилась муза?

— Все так и случилось. Мы поженились, на ее родину отправлялись только на каникулы. Как каникулярная страна Швейцария чудесна. Но жить там, мне представляется, совершенно невозможно. Это русская культурная пустыня. Что там делать? И когда Франческа забеременела, мы хотели остаться в России. Но для нее все осложнилось. Женщине с ребенком нужна определенная родная инфраструктура — бабушки, дедушки, родные. Да и деньги большие нужны. Когда Франческа была вот с таким *(выразительный жест)* животом, она сказала решительно: уеду в Швейцарию. И потом уехала. Сейчас нашему сыну Константину 11 лет.

Ты любишь и искренне веришь, что проживешь с этим человеком до самой смерти и умрешь с ним в один день. Такого со мной не случилось. А потом жизнь превращает все в банальность. Семь лет мой брак продлевался во времени и угасал. Свою роль сыграл и роман. Ныряешь в него на несколько лет, потом выныриваешь — а семьи уже нет.

— Миша, после расставания с Францеской дружеские отношения с ней сохраняются?

— Конечно. Она перевела две мои книги.

— Роман «Венерин волос» кто-то уже перевел?

— Он переведен на французский, итальянский, польский, сербский и болгарский. Книга вышла на китайском в главном

издательстве Китая «Народная литература» и получила премию «Лучшая иностранная книга года XXI века». Я был на книжной ярмарке в Китае. Мой переводчик — умнейший человек с потрясающим знанием русского языка, преподаватель русского языка и литературы Пекинского государственного университета иностранных языков. Он мне сказал замечательную фразу: «Я прочитал «Венерин волос» и ничего не понял. Но он меня так потряс!»

— Вы щедро растворяетесь в своих героях, наделяете их и собственной радостью, и ужасом, и сомнениями.

— Книга — такая же интимная вещь, как и женщина. Читатель остается с книгой наедине, тут и писатель лишний. Они вдвоем, как мужчина с женщиной под простыней: ты не должен понимать ее — должен чувствовать. Если состоялось — этого достаточно.

— Сверхдостаточно — дети.

— Ира родила Мишу, Франческа — Костю. Ребята дружны. Старший все время приезжал ко мне на каникулы. Летом я привез Костю в Россию. Стараюсь, чтобы сын знал русский, хотя все это сложно. Этим летом мы с Костей три недели провели в России — катались на корабле из Москвы в Петербург и обратно. Жили на даче в Загорянке. Когда завершили наши путешествия, я спросил сына с замиранием сердца: «Скажи, пожалуйста, Костя, какое у тебя самое сильное впечатление от России?» Очень боялся, что он скажет о каком-то развлечении, на которое они ходили с братом. И вдруг он, подумав, сказал: «Кижи». Меня это так поразило! Есть такие намоленные места, которые пробивают все!

— В свое время Марсель Пруст проинтервьюировал сам себя. Задам вам несколько вопросов из его анкеты. Качество, которое вы предпочитаете в мужчине?

— Главные качества человека я не делю по принципу пола. Для меня главное качество человека — чувство собственного достоинства. Оно не позволяет унижать других. Высоко ценю смирение собственной гордыни.

— У вас есть друзья?

— Когда уезжаешь из страны надолго, ты, конечно, много приобретаешь. Но, к сожалению, новых друзей ты уже приобрести не сможешь. Знакомых — сколько угодно. А друзья у тебя — только из детства и юности. Очень рад, что в мои приезды в Москву встречаюсь с друзьями. Земля становится с годами все меньше и меньше. И на ней есть теплые островки, где тебе рады, где тебя ждут. Без этого жить невозможно.

— Что больше всего вы не любите в людях?

— Хамство.

— Живет ли в вас мечта о счастье? Вопрос запоздалый. Наверное, вы тысячу раз бывали счастливы?

— Счастье — это когда ставишь цели и их достигаешь. Но важно — не ставить сразу перед собой большие цели. Поставишь цель — написать роман, и годами идешь к этой цели. Достиг цели, поставил точку, и будешь счастлив ровно полтора дня. В ночь второго дня вся твоя эйфория провалится в такую бочку без дна! Маленькие и средние цели легче достигать. Но если нет большой цели, то как же тогда жить?

— Ваши любимые писатели?

— Русскую литературу люблю всю. Это такая пирамида, из которой если выдернешь один камушек, например не любимого многими Чернышевского, то эта литературная пирамида обвалится. Люблю русскую литературу, как женщину: если любишь женщину, то не частями, а целиком.

— Какой еще талант вы хотели бы иметь?

— Музыкальность. Обожаю музыку, стремлюсь ходить на концерты классической музыки. Я не получил музыкального образования, и это меня всю жизнь мучает. Очень рад, что мой младший сын играет на саксофоне, а старший — на гитаре.

— Не хочу спрашивать, пишете ли вы стихи, но в самом стиле повествования, в слоге, в метафорическом обнажении слова угадываю вашу поэтическую настроенность.

— Для меня нет принципиальной разницы между прозой и поэзией. Писатель, если не ставит перед собой коммерческие цели, всегда пытается написать ту самую первую молитву, с которой обратился к Богу первый человек. Он обращался с главными словами благодарности Богу за то, что он создал этот мир, любовь, смерть и бессмертие. Но слова перестают означать то, что когда-то значили, и умирают. Чтобы Бог услышал, нужно найти новые, особые, настоящие слова.

— Миша, вы видели премьеру по вашему роману «Венерин волос»?

— Я очень боялся этой премьеры. Еще когда зимой Евгений Каменькович мне позвонил — не против ли я этой постановки, я, конечно, взорвался: «Против, против! Зачем?» Боялся, что произойдет то же, что происходит при экранизациях прозы. Это же смерть текста! В августе Евгений Каменькович представил мне актеров. «Вот, — говорит, — Гальпетра», — и показывает на рыженькую красивую девочку. От премьеры я ничего хорошего не ожидал. В спектакле я увидел Гальпетру и в нее поверил. Очень понравился мне спектакль. Какую-то энергию я вложил в текст, и они эту энергию взяли. И на сцене произошло чудо театра: родилось новое живое существо — спектакль. И он излучал

энергию. Уже не мою — а собственную.

23 января 2009 г .

Усмешка Джоконды

Князь Никита Лобанов-Ростовский: «Как биологические существа мужчины и женщины не приспособлены для семейного житья»

Родословная князя восходит к Ярославу Мудрому, Владимиру Мономаху и Юрию Долгорукому. Но в его американском паспорте отсутствует княжеский титул. Нет титула и на лондонской визитке Лобанова. В тех странах ценят личное человеческое достоинство превыше всяких титулов. Он заставил мир понять и оценить русское изобразительное искусство.

Николай Бенуа называл Никиту Дмитриевича одним из тех людей, которые создают культуру: «Ведь культура основана на этих людях, а не на той шантрапе, которая много болтает и прославляет всякие шарлатанские проявления нашего времени».

На открытие нового здания Дома русского зарубежья из разных стран приехали потомки эмигрантов первой волны. Список гостей из 40 человек открывал он, приехавший из Лондона. Когда высокий энергичный господин приблизился к парадному входу, оркестр юных военных музыкантов наяривал старинные марши. «Это по-русски», — подумал князь и тут же попал в окружение жаждущих встречи с ним, великолепным знатоком, самым крупным и знаменитым коллекционером русского искусства Серебряного века за рубежом.

Родился Никита Дмитриевич в Софии 70 лет назад. Отцовская семья Лобановых-Ростовских и материнская Вырубовых испытали на себе все, что обрушила на русское дворянство революция. После войны, когда в Болгарии к власти пришли коммунисты, семья русских эмигрантов оказалась в тюрьме. Его отец, Дмитрий Лобанов-Ростовский, был расстрелян в 1948 году в концентрационном лагере. Спасением для Никиты стала Франция. В Париже семья поселилась у деда и жила за счет его щедрости.

Русский мальчик в мучительных переездах из одной страны в другую отшлифовал свой характер, не позволял душе лениться, подготовил себя к поступлению в Оксфордский университет на геологический факультет. Он получил стипендию для беженцев из Восточной Европы, а в итоге — диплом бакалавра. В 1958 году оксфордский бакалавр переехал в США и поступил на геологический

факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке. Факультет экономической геологии, степень магистра дали ему возможность заниматься разработкой рудных месторождений. Ему повезло получить место в частном банке, а вскоре его назначили младшим геологоразведчиком в Патагонии, в Аргентине. Патагонский трудный опыт помог Никите Дмитриевичу избрать карьеру банкира, и вновь в Нью-Йоркском университете князь принялся изучать банковское дело.

— Я владел английским языком с оксфордским произношением, французским, русским, болгарским, испанским и в какой-то мере немецким. Был энергичным, чертовски работоспособным, и с 1961 по 1967 год был помощником заведующего международным отделом Che mical Bank. Ныне это Morgan Chase Bank. В течение 9 лет был вице-президентом Wells Fargo Bank в Сан-Франциско — заведовал европейским, африканским и ближневосточным отделами.

— *Никита Дмитриевич, вы сами себе даете откровенные характеристики. Очень любопытна анкета, которую в 19 лет заполнял Марсель Пруст.*

— Когда я ее прочел у Пруста, мне захотелось посмотреть на себя со стороны. Я задал себе прустовские вопросы и постарался ответить на них лапидарно и с откровенностью Пруста.

— *Что ж, сейчас убедимся. Качество, которое вы предпочитаете у мужчин?*

— Надежность и откровенность в дружбе.

— *А у женщин?*

— Доброта и ясный разум.

— *Что вас удовлетворяет в ваших друзьях?*

— Преданность и возможность разделить радость.

— *Что вы больше всего не любите?*

— Ложь и подлость.

— *Ваша мечта о счастье?*

— Уравновешенное состояние и по возможности здоровая старость.

— *Что для вас было самым большим несчастьем?*

— Смерть матери. Мне был 21 год.

— *Ваши любимые писатели?*

— Шекспир и Гоголь.

— *Ваши любимые поэты?*

— Пушкин, Шелли, Гете.

— *Какой талант вы хотели бы иметь?*

— Аналитические способности Джорджа Сороса.

— *Как бы вы хотели умереть?*

— Во сне.

— *Ваш девиз?*

— Древнеримский: через тернии к звездам.

— *Состояние вашего духа?*

— Боевое.

Никита Дмитриевич — отважный полемист. Он сражает противника прекрасным знанием предмета и разящей иронией. Его боевой дух только крепчает в принципиальных сражениях.

— *Скажите, князь, что вас раздражает в современных женщинах?*

— Не хочу обижать женщин своим раздражением. Лучше скажу, что меня покоряет в моей жене Джун. Это большая доброта, неиссякаемая теплота и тихая сдержанность, не способная вызвать негативные эмоции. Джун не делает замечаний, когда их можно избежать, — это очень упрощает ежедневье. И даже снимает подсознательный стресс. Как найти такого человека, я не знаю. Мне просто страшно повезло. Видимо, некоторые женщины после одного или двух браков, как воин на фронте, приобретают жизненный опыт и понимают, как легче жить с человеком, характер которого труден и непокладист. Они умеют упрощать сложности и снижают число столкновений.

— *А разве мужчины и женщины по природе антагонисты?*

— Как биологические существа они не приспособлены для семейного житья. Мы психологически абсолютно разные. Прибегу к статистике. В Соединенных Штатах 50 % браков распадаются после двух лет. Из оставшихся полета процентов половина расходится 7 лет спустя.

— *Вы принадлежите к оставшимся 25 %. Вы много лет были счастливы с первой женой, Ниной Жорж-Пикко.*

— Наш брак продолжался 30 лет. Нина была идеалом женщины — в ней я нашел и супругу, и партнера. Я начинал свою жизнь в очень трудных обстоятельствах. Когда я, геолог, добывал нефть в Патагонии, то сидел на вышке, курил и создавал в воображении образ партнера — женщины.

— *Что-то холодом повеяло с вашей вышки. Наверное, думали о женщине, которую полюбите?*

— Конечно. Но эмоциональное увлечение приходит и уходит. А вот соратника найти очень трудно! Я долго искал. Дал себе задание искать… К сожалению, я был под влиянием французского социалиста, написавшего книгу «Насчет свадьбы», убежденного в том, что мужчины и женщины полигамны по крайней мере до 40 лет. Браки до этого возраста обречены на провал. Петр Великий

это понял и издал указ, запрещающий в России девушкам до 40 лет принимать монашество. Они могли жить в монастыре, носить монашеское облачение, но не постригаться, не давать обета.

— Как же случилось, что вы нарушили почти биологический принцип французского социалиста? Где вы повстречали Нину?

— Мы были на ужине у гениального скрипача Мильштейна, покинувшего Россию. После ужина я обсуждал с английским археологом Иоанном Грэмом особенности почвы в Индии. Землю там покрывает силикат алюминия. И вдруг к нам подсела незнакомая девочка и стала зачарованно слушать наш разговор. Нас это удивило. Когда мы расходились, я предложил проводить ее. Она согласилась. Мы перешли улицу, и там вблизи была резиденция французского посла. Ее отец Жорж-Пико был не только послом, но еще и заместителем Генерального секретаря ООН.

— Повезло же потенциальному жениху.

— Все случайно. После этого мы встречались с Ниной, и я изложил ей свой взгляд на брак. Но мой принцип не жениться до 40 не совпал с ее представлением о замужестве. Нина не согласилась ждать. Я уехал в Патагонию, работал, читал, размышлял. Вдруг получил от Нины письмо с известием, что она обручена с известным бельгийским банкиром, хозяином заводов и прочего. Это уже было серьезно. Что делать? Я предложил Нине встретиться на полпути. Она прилетела из Парижа в Нью-Йорк, я 18 часов летел из Патагонии. Поговорили, я надеялся, что наш с ней брак можно отложить или заключить заочно — есть такая возможность с помощью адвокатов. Ее родители отвергли мою дипломатию.

— Еще бы. В вашем проекте никакой романтики, один расчет.

— Да я просто хотел спасти свои 2 тысячи долларов на перелет из Патагонии… Через полтора года мы с Ниной поженились.

— Я так понимаю, ваш крепкий семейный союз все-таки распался.

— Да, это случилось 10 лет назад. Я все оставил ей. Капитал ей приносит доход больший, чем я ей давал на наши расходы.

— А дети?

— Детей не было. Потому расставание прошло менее болезненно.

— А у Джун есть дети?

— У нее двое, но не мои. Дети живут от нас отдельно.

— С Ниной вы были партнерами в собирании коллекций. Что нового дает вам союз с Джун?

— Наши интересы совпадают не только в изобразительном

искусстве, но еще и в музыке. Джун была супругой моего лучшего университетского друга. Его характер тяжелее, чем мой. Он очень крепкий, воинственный, умный, привлекательный человек. Когда венгерский народ в 1956 году восстал против советской оккупации, он поехал из Оксфорда сражаться вместе с повстанцами.

— Ну просто Байрон! Джун — музыкант?

— Нет, но у нее феноменальный талант: она может писать, как Леонардо, — зеркальным образом, даже одновременно обеими руками.

— Фокусница!

— Джун по профессии графолог — по почерку может составить характеристику человека. Во Франции и Голландии по законам нельзя уволить сотрудника, это создает сложность при приеме на работу. Там не примут без графического анализа. По почерку можно определить, скажем, что человек лжец. В бухгалтеры такого не возьмут, а в дипломаты — непременно.

— Какая у вас с Джун разница в возрасте?

— Шесть лет.

— У вас в Лондоне большой дом?

— Был большой, пятиэтажный. Продали. Сейчас живем, кажется, в четырехэтажном.

— Вы начали собирать русское театральное искусство Серебряного века. Почему?

— Большинство русских художников эмигрировали из СССР. И десятилетия никто из них не был известен за рубежом, а в России о них даже не упоминали. Лишь Илья Зильберштейн посмел написать некролог на смерть Бенуа. Это уже потом вышла объемная монография о нем Эткинда.

— Вы много сделали для спасения наследия Бенуа.

— Слава Богу, в Питере открылся Музей Бенуа. Устроители торжества меня даже не пригласили, хотя музей открылся благодаря вашему покорному слуге. Николай Александрович Бенуа просил меня помочь создать этот музей. Он сам старался и не смог. Еще во времена Брежнева по моей просьбе художник Глазунов говорил об этом с министром культуры. Помогало также общество «Родина» и Советский фонд культуры.

— Знаю, вы спасли архив Бенуа. Где он?

— Он остался у Нины, и я получить его не могу, хотя наши отношения с ней вполне дипломатические.

— Никита Дмитриевич, удивителен ваш портрет, написанный Николаем Александровичем Бенуа. Вы там держите в руках рисунок художника-эмигранта Калмакова — с чертиком. Бенуа нашел в вашем лице что-то демоническое, как у Джоконды: улыбка

— не улыбка. Он написал: «В этом лице есть какая-то тайна». У Николая Александровича явно был божий дар к слову.

— Я часто просил его писать воспоминания. Он проявлял желание, но бесконечные контракты с разными театрами, полеты по миру, где ставили спектакли в его сценографии или по эскизам отца, — все это поддерживало Бенуа, но и безумно утомляло. Николай Александрович любил хорошую жизнь, любил хорошо покушать. У него в доме подавались обеды из пяти блюд: салаты, рыба, жаркое… Страшно вкусно.

— Вы позволяли себе там объедаться?

— Брал от всего понемножку. Но он, к сожалению, любил попировать и выпить. У него был чудный дом. Николай Александрович сделал несколько моих портретов, они мне очень дороги.

— Так вы согласны, что у вас в лице некая дьявольщина заключена?

— Кто его знает? Наверное, есть. Я в школе по росту должен был сидеть на последней парте. Но поскольку я старался все выучить прямо на уроке, то садился на первую парту и буквально глазами вбирал в себя все, что слышал. Однажды учительница пришла к нам на дом и сказала матери: «Ваш сын очень внимательно слушает, но когда я встречаюсь с его взглядом, мне кажется, он надо мной посмеивается».

— Никита Дмитриевич, меня заинтересовало, что вы разыскали картины Павла Челищева, — этого интересного художника у нас, к сожалению, мало знают. Вы интересовались происхождением его фамилии?

— Наверное, его фамилия происходит от турецкого слова…

— Нет, это чисто славянская фамилия. Поэт и доктор философских наук Константин Кедров, 2 года назад номинированный на Нобеля, изучил родословную своего родственника Челищева Павла Федоровича. Древний предок Челищевых был в бою разрублен в чело.

— Удивлен и страшно заинтересован этим фактом.

— Ваши генеалогические линии, как и родословная Челищева, уходят к Рюриковичам.

— Хотел бы познакомиться с «раскопками» Кедрова.

— На вопрос, что вы больше всего не любите, вы ответили: ложь и подлость…

— Я — зэк, и для меня моральные качества превыше всего. Уважаю воров в законе — эти люди имеют очень строгий код между собой.

— Чем закончилась ваша переписка с Минкультом и

московским правительством относительно покупки вашей коллекции бесценного русского искусства?

— Была долгая переписка, встречи, обещания. Кончилось все бессмыслицей. (В 2008 году часть этой коллекции была куплена и находится в Санкт-Петербурге. — *Н.Д.*) Семь лет я занимаюсь идеей создания в столице Галереи национального портрета. Такие галереи есть и в Нью-Йорке, и в Лондоне. В России — нет. А именно сейчас совершенно необходимо это осуществить! Прошло сто лет с того события, когда Дягилев в 1905 году сделал свою знаменитую выставку русского портрета. Две тысячи портретов он набрал со всей Российской империи. Небывалая вещь! Год он ездил по усадьбам, имениям российской глуши и уговаривал людей расстаться с семейными реликвиями, привезти их в Петербург на выставку. И выставка состоялась и всех потрясла. Она отразилась в пяти огромных томах «Русского портрета». И стала эта вещь уникальной.

Сейчас отмечается столетие выставки Дягилева. Через пять месяцев Путин будет председателем восьмерки, в Питер съедутся главы великих стран. Они не раз бывали в Петербурге и в России. Поразить их нечем. Но если набрать сто живописных шедевров, отражающих развитие истории России, то было бы чем удивить гостей. В России мало чем похвастаться можно. Россия перестала быть интересной. Путин публично знакомил граждан со своей программой. Один из ее пунктов — программа по соотечественникам. В правительстве назначен человек, который должен заниматься этой проблемой. Но он ничего не делает! Мы должны были встретиться с ним в мэрии три дня назад, так он даже не приехал. Ему абсолютно начхать.

— *А если бы вас попросили помочь в организации такой выставки русского национального портрета, согласились бы?*

— Мало времени, но если будет распоряжение президента, то все запрыгают. Для этого нужна директива сверху.

— *А позиция Министерства культуры?*

— Их это тоже не интересует. Два министра публично судятся и остаются на своих постах! Абсолютная чушь. Я видел коллекцию портретов деятелей России от Николая Второго до Лужкова в кабинете главного редактора «МК» Павла Гусева. Ведь это же готовый зал для национальной галереи портрета! Россия богата своим прошлым. Эту грандиозную выставку национального портрета можно сделать, используя богатые запасники провинциальных музеев. Я ездил по России: в запасниках, в подвалах лежат портреты никому не нужных дворян, купцов — интереснейших людей России. Музеи могли бы эти портреты одолжить для выставки. В портретной галерее

Англии большинство вещей из провинциальных музеев. Конечно, на создание портретной галереи нужны средства, но относительные, настолько маленькие, что это не может служить препятствием.

— *Как вы себя чувствуете в Доме-музее Лобановых-Ростовских в Филях?*

— Прекрасно. Придете — увидите. В музейной части — наши реликвии, портреты правителей, царей, родных. В жилой части — то, чем я живу, то есть театральная живопись. В этом доме жить страшно приятно — вокруг лес. Виден Кремль…

— *Джун там бывает?*

— Бывает. Нам очень хорошо, потому что в ста пятидесяти метрах от нашего крыльца — лыжная площадка. Рядом Москва-река. Так что мы с Джун ездим час-полтора на велосипедах. Прекрасные прогулки.

— *Когда вы гоняете на велосипеде?*

— По утрам. Мы живем, можно сказать, как новые русские. Место наше просто феерическое, такое можно видеть только в России.

— *Кто заботится о вашем питании?*

— Забочусь, к сожалению, сам. Гостиница на этом пространстве еще не готова — мы должны были есть там.

— *Что вы себе готовите?*

— К счастью, ем очень мало, главным образом сырые овощи, огурчики малосольные и свежие, кашу овсяную с орешками.

— *Поэтому вы такой молодой.*

— Не думаю, что я молодой, но пока отбрыкиваюсь от старости. Кроме того, что я — 34-е поколение без всякой примеси другой национальности, порода явно истощается, вот и приходится овсянкой как-то компенсировать. А на ночь — яблочко. Так что мне не трудно выживать.

1 ноября 2005 г .

Отшельник и его женщины

Художник Вильям Бруй: «Я постиг один секрет: любовь больше нужна женщинам»

Он бросается навстречу, широко распахнув руки, словно готовится обнять весь мир. На нем экзотичный халат с неоторванной биркой. Говорит он быстро, восторженно. Ну просто мальчишка. А ему шестьдесят. Отец четверых детей, он умудрился еще сотворить сынишку для молодой особы, желающей воспитывать ребенка в одиночестве. Его взрослые дети с радостью прибегают посмотреть на новорожденного брата. Они знают — Бруй неутомим.

Меня с ним познакомили лет десять назад в Париже, в его огромной мастерской вблизи Центра Помпиду. Вновь мы встретились с ним в Москве, на выставке его живописи в Центре современного искусства, и мы разговорились как старые знакомые.

— Вильям, в ту давнюю пору на твоих щеках еще не было таких зарослей, что-то вроде бороды…

— Да не борода это, а мои бакенбарды. *(Художник руками закручивает баки в длинные жгуты, каждый в 30 см!)*

— Ты сейчас похож на старика Хоттабыча.

— Вот-вот. Но на улице ко мне часто подходят дети и просят исполнить их желание.

— Знаю, что ты сначала уехал в Израиль к деду. Но почему-то не прижился на Святой земле.

— Меня все там привлекало, как, впрочем, и везде — всюду я делаю то, что умею и что хочу.

— Ты голову прикрыл какой-то ермолкой. Подчеркиваешь, что ты еврей?

— Какому народу я принадлежу и так далее, для меня это просто бред. Мне все равно, где жить. В Москве обо мне говорят, что я французский художник, и произносят мое имя на французский манер: Бруи. А я Бруй! Во Франции меня упорно называют русским художником. Действительно, куда ты ни попрешься, о тебе скажут «русский художник». Только в Нью-Йорке меня с моей фамилией считали американским художником.

— Давно я заметила некий наступательный артистизм в твоем общении: широкий жест, острота эпатажных оценок, в особенности женщин и явлений искусства.

— Ты в точку попала. Играть люблю. Случается, вхожу в вагон метро, и там на мгновение возникает некая пауза — общая

тишина. Одни опускают глаза, молодежь хихикает в ладошку.

— Знали бы они, что ты известный художник, живущий во Франции десятилетия. Кстати, кто тебе тогда дал мастерскую вблизи Центра Помпиду?

— Ширак! Правда, потом наступили для меня тяжелые времена — я не справился с финансовыми трудностями, и мне пришлось уехать к океану, в Нормандию, в Дьеп, в дом, который я купил еще в 73-м году.

— Но, видать, не только безденежье тебя погнало на берега Ла-Манша?

— Душа хотела уединения. Дьеп основали еще римляне. Но главное для меня — Ла-Манш. Не могу жить без моря! Раз в неделю обязательно еду смотреть на воду. Это же вечный спектакль! От воды идет все изобразительное искусство. У Ла-Манша умопомрачительный цвет. Им упивались все импрессионисты. Они ощутили восторг от цветовых нюансов воды.

— Там осенью и зимой пустынно, людей почти не встретишь на берегу. Не страдаешь там от одиночества?

— О! Самое потрясающее в жизни человека именно одиночество. Люди не понимают, какой это подарок. Им кажется счастьем видеть себя в отражении другого. Это совершенно замечательно! На какой-то период это необходимо человеку. Но время идет и все меняет. И только одиночество поможет человеку обрести свою истину. Прийти к самому себе.

— Но мужчине холодно и голодно без женщины. Кто кормит тебя в приморском Дьепе?

— Никогда об этом не думаю. Мне надо не много.

— Зато надо печку топить.

— У меня два огромных старинных камина. В жилых домах здесь постоянно горит огонь. На подставках на огне стоит чан, и в нем постоянно что-то булькает. Каждый со своей миской подходит к нему и берет сколько хочет. На огонь я всегда могу поставить какую-нибудь картошку, колбасу… До чего же радостно общаться с природой! Живу мгновением солнечного восхода или заката. Я не одинок, когда ветер на мне проверяет свою силу. Это все мой мир. Я не ищу никаких польз для себя в своем отшельничестве. Оно для меня как воздух. Чтобы быть по-настоящему свободным, надо отсоединить себя от всяких связей.

— Но вечером, когда вымыты кисти, на мольберте новый сюжет дышит новой краской, неплохо бы у камина пообщаться с кем-то и поделиться впечатлениями дня. Кто с тобой рядом?

— У меня две собаки: один гончий дог и волосатый керн. Разговариваю с ними, как днем разговариваю с облаками, с

травой. У меня завелись сова и дикий барсучок, когда в доме появилась от влажности куча улиток. И всех их слопал барсук. Он вездесущ — потаскивает у меня хлеб. А недавно спер килограмм грецких орехов и припрятал. А я их разыскал, и он рассердился.

— *Что тебя потрясло на просторах Ла-Манша?*

— Знаешь, Наташа, я ощутил, что не солнце восходит, а Земля несется, крутится, 1800 км в час! Я и по солнцу, и по звездам вижу, что мы несемся!

— *Ты философ.*

— Я не философствую — живу этим.

— *Раньше ты с озорством говорил о женщинах. Они еще вьются вокруг восторженного женолюба?*

— Женщины появляются сами по себе. Я постиг один секрет: любовь больше нужна женщинам. И они ее создают и распространяют. Без этого они не могут поймать тот «ген», который нужен в этот момент. Его не постигнуть никакими мужскими мозгами. Он, этот таинственный «ген», так необходим, чтобы наш мир был в постоянном действии, движении. Женщины охраняют сотворенный Господом мир. Мужики к концу жизни немножко понимают секреты, которыми владеют женщины. Ведь мужчин легко обмануть. И вы, женщины, очень хорошо умеете это делать. И слава Богу! Иначе не появились бы на белый свет мы, мужчины.

— *Ты совершенно лишаешь мужчин присущей им агрессии?*

— Необходимо, чтобы мужик был всегда немножко подогретый. Все эти девушки и, конечно, женщины выставляют свои достоинства на улице ли, на танцплощадке ли… Для чего? Чтобы чуть подогреть себя, но главное — подогреть мужчин или мальчиков.

— *Но многие просто стараются преодолеть свои комплексы.*

— Действительно. Правда жизни и правда физиологии часто в конфликте. И чтобы это благополучно совпало, нужны какие-то чары.

— *Уж не с небес ли идет этот горячительный сигнал преображения?*

— Это идет оттуда, откуда мы появляемся на свет.

— *Чувственный Бруй в 23 года впервые стал отцом. Как поживает твой первенец?*

— Моему сыну Яше уже 37. Он музыкант, играет на гитаре и этим зарабатывает деньги. У меня три дочери. Лее 36, она родилась в Иерусалиме. Когда ей было два месяца, мы уехали в Париж. Все у нее прекрасно. Лея — музыковед, вышла замуж за француза, молодого преуспевающего композитора. Он написал занятную музыку для компьютерных игр. Дочка Рафаэль (ей 26)

работает с «Лицедеями», но не с Полуниным, а с Борисом Петрушанским, питерским интеллигентом. 25 лет назад они с Полуниным приезжали в Париж, и мы вместе тусовались. Сначала Рафаэль работала с ними как переводчица. Российской группе тяжело ориентироваться во Франции. Моя дочь оказалась для них «божком» — хорошо выручает во всяких сложных ситуациях.

— Рафаэль похожа на тебя?

— Она лучше меня. Ее рождение — одно из чудес моей биографии. С женой Сильвией мы были уже 9 лет в разводе. Но иногда, по настроению, она продолжала приходить ко мне в постель. И это было прекрасно. Она признавалась, как девочка: «Все равно тебя люблю». Я съязвил: «Почему же ты развелась?» Она меня поразила: «Потому что очень сильно люблю». От этой любви и родилась наша Рафаэль.

— И Бруй не остановился на этом?

— Да-а, у меня появилась другая девушка, английская красавица с огромной рыжей шевелюрой, переводчица и модель. Признаюсь тебе, все мои любови — по инициативе девушек. Грациозная и очень тоненькая Алиса увидела меня, когда я своим фотоаппаратом ловил прекрасных девушек на подиуме. В ту пору я жил на свои фотографии, и Алиса стала моей фотомоделью. А потом и женой. Наша дочка появилась не сразу, а через три года нашей совместной жизни. К тому времени Алиса от меня уже ушла — вышла замуж за другого парня. А через три месяца возвращается. «Знаешь, Бруй, муж мой весь такой аккуратненький, замечательный, чудный. Когда он ел утонченно, бонтонно, я просто не знала, куда себя деть. Меня тошнило. Я закрывала глаза и вспоминала, как небрежно и смешно ты ел макароны, и они срывались с губ и сползали на твои колени. Я это увидела, и мне стало вновь хорошо».

— И ты ей все простил?

— Конечно, она вновь оказалась рядом со мной. Это был ее выбор, ее желание — и родилась наша дочка Фиона. Это означает «Белоснежная, Белоснежка, Снегурочка».

— Дочка с мамой приезжают к тебе?

— Ко мне все мои дети приезжают. Они меня обожают. Правда, сначала они думают, что я немножко сумасшедший, а потом убеждаются, что совершенно замечательный папа, из которого они могут веревки вить. *(Обеими руками закручивает длиннющие баки, придавая им форму устремленных вверх крыл.)* Они давно поняли: меня обмануть можно. Но когда они попадают в западню, построенную ими без раздумья, у них возникает потребность в советах отца. И наше общение потом идет как по маслу.

— Дьеп не Париж. Кто из русских знаменитостей у тебя бывал?

— Многие приезжали. Лимонов любил приезжать. Иногда жил там один и даже написал роман «Укрощение тигра в Париже». У нас с ним до сих пор дружеские отношения. Не придаю значения его взглядам и политическим идеям. Нас роднит другое: мы с ним вместе познали вживление в новый для нас капиталистический мир и поняли, что и там живут такие же люди и творят такие же глупости. В своих романах Лимонов говорил правду, но ее опровергала старая и новая российская власть давно испытанными средствами.

— Какое у тебя впечатление от сегодняшней Москвы?

— Она словно захлебнулась в собственных разнообразных талантах. На улицах люди бодрые, вероятно, удачливые, а с другой стороны, словно не знают, в какую сторону жизни направиться. Меня удивило, что машины стоят в пробках, а их владельцы не кричат, не скандалят, а мирно ждут.

— А у тебя есть машина?

— Никогда не было. Я не люблю скорость. Когда-то жена запретила мне садиться за руль, боялась, что я на дороге буду что-то вытворять. Меня везут, а я смотрю по сторонам. Очень комфортно.

— Твои картины покупали и для музеев, и для личных коллекций. Тебе все равно, кто купит твои работы?

— Мне важно, чтобы этот человек оценил работу моего интеллекта. Ведь художник — передатчик восприятий и настроений, идущих невесть откуда. Ему природой дано опережать время. Полотно может пролежать в рулоне несколько лет, и вдруг однажды оказывается, что время, предсказанное тобой, пришло. В Москве на выставке имеют успех мои картины, написанные 30 лет назад. Что это значит? Художник глазом и кистью залез чуть дальше.

10 января 2007 г .

Сербский романтик

Живописец Слободан Юрич: «Страсть дает мне воодушевление»

Знакомство с Юричем в Афинах считаю большой удачей в своей жизни. Прекрасный художник, сильная личность, он стал певцом своей родины — Сербии. Картины его выставлялись в Германии, Австрии, Будапеште, Париже. Сюжеты огромных полотен он черпал всюду, где бывал и куда залетала его мысль и чем в данный момент болела его душа.

В Париже, на Монмартре, его быстрый карандаш: делал наброски среди толп странников, туристов, что стекаются на этот холм соблазна, чтобы полюбоваться с высоты на яркую панораму города.

Трагическая тема

— Слободан, вы не предлагали праздной публике, странствующим красавицам нарисовать портретик за деньги?

— Нет, никогда. На моих выставках ко мне обращались с просьбой запечатлеть, и мы назначали день и час первого сеанса.

— На вашей выставке в Афинах почти не было картин трагического звучания. Зато в вашем раннем каталоге почти в каждой работе ощущается тревога, опасность и сама смерть.

— Каталог, который вы держите в руках, — отражение восьми моих антивоенных выставок. Война страшна не только тем, что физически уничтожает человека, дома, мосты и все живое. Война разрушает, отравляет душу человека. Я писал картины и делал выставки и до бомбардировки Сербии, и после. Стремился передать символику стремительно летящей смерти.

— На вашей картине — обнаженное женское тело без головы. Но явно вас в ней занимала не эротика.

— Я назвал ее «Югославия». Она символична. В ней — моя боль о разрушенной Югославии. Это наше государство без головы. Я хотел в этом полотне сказать о свободе. Сербия со всех сторон окружена другими народами иных вероисповеданий. В моей картине меня ведет мотив враждебного убийства нашей веры, нашей духовности. Но эти враждебные силы не смогут уничтожить нашу сущность, нашу веру. Она глубока и неистребима. Во Второй мировой войне Сербия была одна, а все государства вокруг были на стороне гитлеровской Германии.

Семья

— Ваша живопись воспевает гордую самостоятельность, независимость, охваченную огнем пожарищ. Несмотря на присутствие трагической темы, полотна жизнерадостны. В них чувствуется, что солнечность духа — в крови самого художника.

Расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

— Мой отец — очень известный архитектор; по его проектам построены самые крупные и значимые здания на территории Сербии.

— Не он ли был вашим первым учителем рисования?

— Да. Господь указал мне путь, а отец разглядел мой талант, дал мне первые уроки и направил учиться этому искусству.

— Что в характере отца особенно вас поразило и сблизило с ним?

— Его достоинство. Он не искал легких путей в жизни. Его талант рано обнаружил себя, поэтому институт предложил ему прийти учиться без экзаменов. А он отказался — хотел пройти свою дорогу, как и все нормальные абитуриенты.

— Слышала, будто в вашем роду есть и русские корни. Это легенда?

— Прабабушка моей мамы вышла замуж за русского. Так что моя кровь на четвертинку русского достоинства. Моя мама русский не знала в совершенстве, но бытовую русскую речь легко понимала. Когда ездила в Москву и наполняла себя множеством дорогих ее сердцу впечатлений, наш дом обогащался множеством фотографий, слайдов с русскими сюжетами.

— А вы были когда-нибудь в Москве?

— О! Я тогда был так мал, что ничего не усвоил. Хотел бы, очень хотел побывать в Москве. Но пока не получается.

— Где вы учились?

— Сначала я учился искусству дизайна в 30 километрах от Белграда, а потом закончил Академию искусства. Но там нас учили еще многим вещам — социологии, политике… А на последних курсах пошла специализация — можно было выбрать увлечение на всю жизнь. В моем дипломе написано: «Академический художник, педагог».

Прекрасные женщины

— Вы блистательно пишете обнаженное женское тело. В академии студенты работали с натурщиками?

— Постоянно! Нам говорили: «В первый день сделаешь наброски и оставишь». И на другой день, и на третий — то же самое. Пока не завершишь, чтоб тобой остались довольны учителя. Нашими натурщиками были и старики, и молодые.

— Здесь, в Афинах, на вашей выставке все любуются обнаженной женщиной, античным великолепием ее торса.

— В этой картине я люблю не ту особу, чье тело столь совершенно, а люблю саму идею красоты и не испытываю при этом никаких эротических чувств.

— Вы долго работали над этим полотном?

— Если работать долго, вещь получится тяжеловатой. Стремлюсь создать прекрасное, но не долго раздумываю над этим — пытаюсь сделать легко и красиво.

— Поэт сказал: «Чем случайнее, тем вернее слагаются стихи навзрыд». А в живописи?

— Эти случайности я люблю собирать заранее. Вспышки наблюдений очень важны при работе над картиной. Но, начав полотно, не приходится ждать каких-то случайностей. В твоей картине ты не должен оставлять никаких следов случайности. Без гармонии частей и целого не будет искусства. В живописи, как и в литературе, прежде чем начать писать, надо прибегнуть к мысли. Я видел много живописных штуковин, где в каждом мазке выпирает намерение — все на продажу! Я не рисую для денег.

— Но ведь вам приходится продавать свои картины. Как вы определяете их цену?

— По затратам моего труда: одну рисую шесть месяцев, другая возникает с легкостью импровизации. Я уже три тысячи картин продал. Они есть в Латинской Америке, в Японии, в Новой Зеландии, в Колумбии, в Венесуэле и в других странах — по всему миру. Мне важно, чтобы каждый человек нашел в моих работах частичку своей души. А купит ли он или не сможет купить, это в мой авторский расчет не входит.

Личное

— Слободан, это правда, будто вы женились на гречанке? Так мне о вас говорили в Афинах.

— Нет, моя жена сербка. Моему сыну Ивану уже 19 лет. И мой отец, и дед были Иванами. Один я Слободан. Что ж, я люблю свободу!

— А где учится сын?

— Он будет крупным биологом. Чувствую, у Ивана тоже есть своя внутренняя свобода.

— Но бывают обстоятельства, которые заставляют пренебречь абсолютной свободой.

— Да, такое бывает. Моему отцу, знаменитому архитектору, пришлось работать послом в Будапеште. Это именно он, последний посол, закрыл посольство под флагом Югославии. Простившись с дипломатией, он стал увлеченно заниматься компьютерным дизайном — он первый в моей стране опробовал эту форму.

— Наблюдаю за вами два дня, и меня поджигает ваше радостное восприятие незнакомых вам людей, возможно, и не увлеченных искусством. Что подогревает вашу душу, делает ее расположенной к добру?

— На жизнь смотрю глазами романтика, маленького

сперматозоида *(смеется)* , выросшего в реального человека. Я еще в утробе мамы был вполне счастливым сперматозоидом. А теперь мое светлое, солнечное настроение увеличилось, заполнило меня всего. Ведь жизнь дает мне единственную возможность быть на земле. И я постараюсь быть достойным этого дара — буду проживать с удовольствием и в радости.

— *Какое удовольствие вы цените больше всего — вино? женщин?*

— *(Хохочет.)* Хорошо бы это соединить вместе, одно другому не мешает. Красное вино, в моем понимании, символизирует любовь. Красный цвет для меня не просто цвет интенсивной яркости. Это цвет любви.

— *Страсти?*

— Именно страсти. Страсть дает мне воодушевление, подъем. Иные нападают на красный цвет, хулят его. Я не боюсь красного цвета!

На мой взгляд, Юрич обладает силой воздействия на окружающих. Он завораживает молодым темпераментом, своим активным присутствием среди людей.

— Я запрещаю своим мыслям погружаться в дурное. Одно их появление заставляет меня инстинктивно поворачиваться к чему-то доброму, солнечному.

— *Что вы больше всего цените в женщинах?*

— Искренность. Это она позволяет видеть существо человека. Если я начинаю знакомство с человеком, которого буду писать, я должен знать об этом существе все.

— *Вы бываете критичны к своему образу жизни?*

— Ну конечно. Но знаю одно — ни от чего прекрасного никогда не откажусь.

Он и Микис Теодоракис

— *Я очень удивилась, когда узнала о вашем возрасте. Число 50 никак с вами не рифмуется.*

— Мне сложно судить о том, какое я произвожу впечатление на женщин. Но радуюсь, что в ваших глазах я еще молод.

— *Что поддерживает вашу долгую и веселую молодость?*

— Она моя подруга в творчестве. Чем энергичнее я встряхиваю себя, тем вероятнее, что меня не будут воспринимать как закостенелого художника. Вспоминаю свою первую юношескую выставку «Радиация» в Сербии. До Чернобыльской катастрофы оставался еще год. Мою экспозицию открывали в галерее военного института. Офицеры, даже генералы ходили, смотрели, общались между собой. Некоторых даже пугало

изображенное на картинах. И вот они у меня спрашивают: «Где же художник? Когда придет твой отец, чтобы сказать нам пару слов о своих картинах?» Узнав, что художник перед ними, они вместе со всеми повеселились. Так что я весь из своей молодости.

— Есть ли у вас завистники — в жизни, в живописи?

— Каждый раз я это чувствую. Но пытаюсь как-то снивелировать это впечатление, не придать ему значения.

— Вы ревнивы?

— Маленькая ревность в творчестве — это хорошо, чтобы поддержать себя в нужном тонусе.

— А вы ревнивый муж?

— Нет. Нет.

— Что для вас вино?

— Вино — это не напиток, это своего рода насыщение. И процесс его изготовления — тоже искусство. Для меня вино — целая философия.

— Согласна, вино нас насыщает радостью.

— В компании женщин пью красное вино, а с друзьями — белое.

— Было ли у вас веселое прозвище?

— Юки! И для мамы, и для отца я всегда был Юки. Школьные учителя тоже предпочитали мне говорить «Юки». А вот почему-то мама, когда я был очень маленький, любила называть меня Миша.

— У вас есть портрет Микиса Теодоракиса. Вы дружны с ним?

— Я очень его люблю. Он хороший и умный человек. Никогда я не испытывал таких чувств, как поклонение, восторг, но Микис вызвал во мне целую волну этих чувств. Он мудрец. Однажды мы проговорили с ним два часа, и у меня осталось впечатление, что я общался с живой историей. Микис рассказывал мне о своей судьбе: он был коммунистом и за свою убежденность столько выстрадал, что вспоминать об этом страшно. Я услышал от него потрясающее признание: «Я всего лишь капля своего народа. Все, что я сделал, сотворил, — я сделал вместе с ним».

Эта мысль Микиса приводит меня в восторг. Быть каплей своего народ — это и моя мечта.

Афины Апрель 2008 г.

Гений смеха и… мат

Юз Алешковский: «Поистине, дорогие мои, мы молодеем, как только следуем судьбе»

В день Пресвятой Богородицы в 200 километрах от Нью-Йорка, в своем лесном доме, известный писатель и поэт Юз Алешковский отпраздновал свое 75-летие. Его песня «Товарищ Сталин, вы большой ученый…» вылетела из тюрьмы и стала народной, без имени автора. Рукописные книги Алешковского читали подпольно, а роман «Николай Николаевич» вышел в Америке в 1970 году, еще до приезда туда автора. Восемь его книг опубликованы в разных странах. Талант Алешковского заслужил международную Пушкинскую премию в 30 тысяч немецких марок, учрежденную меценатом Альфредом Тёпфером. В наградном листе записано: «За творчество, которое сделало его одной из ведущих личностей в литературе XX века».

Озорному, хулиганскому, искрометному языку Алешковского тщетно пытаются подражать — унавоживают свои сочинения матом. Но язык этих авторов все-таки остается мертворожденным. Книги «Кенгуру», «Николай Николаевич», «Карусель», «Синенький скромный платочек», да и другие вещи мастера доводят читателя до гомерического хохота. Звуковой иронический ряд Юза разоблачительно точен. Так, бывший солдат Отечественной войны пишет письмо «генсеку маршалу брезиденту Прежневу Юрию Андроповичу», а пьесу автор называет «Борис Бодунов».

Юз Алешковский слывет в читающем мире озорником и гением языка. В его рассказы и романы хлынул расхристанный, убойный народный говор. Для героев Юза ядреный мат так естествен и крепко прибит к месту — его от характера рассказчика не оторвать: это единственно возможный словарь в данной ситуации. Лучше не скажешь! Без терпкого хулиганского словца фраза потеряет свой стержень, свою убойную силу. Обстоятельства гнут и ломают русского мужика, а он эту «жистянку» хлестнет матерном, рубанет могучим глаголом — глядишь, и спасется.

Фазиль Искандер по этому поводу сказал: «Алешковский — единственный русский писатель, у которого непристойные выражения так же естественны, как сама природа». А у подражателей, навтыкавших в текст мат без нужды и разбора, эти словеса вызывают только ощущение непотребной мерзости.

Откройте маленький роман «Николай Николаевич», написанный в 1965 году. Начальная фраза сперва оглушает, а потом затягивает — не расстаться. «Вот послушайте. Я уж знаю — скучно не будет. А заскучаешь, значит, полный ты мудила и ни х… не петришь в биологии материальной, а заодно и в истории моей жизни. Вот я перед тобой мужик-красюк, прибарахлен, усами сладко пошевеливаю». Этот красавец, породистый вор, принят в НИИ для сдачи спермы. Анекдот. Но как разыгран! Речь рассказчика с потрясающим размахом комизма. В этом памфлете многое на уровне народной философии: «Жена, надо сказать, — загадка. Высшей неразгаданности и тайны глубин. Этот самый сфинкс, который у арабов — я короткометражку видел, — говно по сравнению с нею».

Народная цветистость речи, острота наблюдений и оценок вызывают к герою симпатию: «Ты помногу не наливай, половинь. Так забирает интеллигентней и фары не разбегаются. И закусывай, а то окосеешь и не поймешь ни х…».

Юз юбилейного возраста, когда донимают вопросами о его мате, не оправдывается — спокойно объясняет: «Временами меня смущает мое сквернословие. Но это вжито с детства, это язык улицы, я его не выбирал, он мне навязан судьбой, жизнью».

Герои Алешковского тоже выросли не в литературной колбе. Автор не позволил себе превратить их говор в дистиллированную воду. Юз брезгливо относится к языковой фальши. У него руки не поднимутся олитературивать текст. Естественность, натуральность жеста, реплики, гнев против рабской зажатости — вот что покорило читателя первого романа «Николай Николаевич». Михаил Рощин считает эту сатирическую, «даже хулиганскую» вещь книгой «прежде всего о любви, я бы даже сказал, одной из лучших современных книг о любви».

Лагерная песня Юза «Окурочек» — это сладкая и горькая тоска о женщине, о невозможности любви. В ней — и биография автора, и страдания миллионов заключенных: «Из колымского белого ада шли мы в зону в морозном дыму. Я заметил окурочек с красной помадой и рванулся из строя к нему. «Стой, стреляю!» — воскликнул конвойный. Злобный пес разорвал мой бушлат…» Эту лирическую балладу автор посвятил хорошему поэту Владимиру Соколову, умевшему любить и страдавшему от неразделенности чувства. Лирическое дыхание песни рвется от ударов тюремщиков:

«Шел я в карцер босыми ногами, как Христос, и спокоен, и тих, десять суток кровавыми красил губами я концы самокруток своих».

Иные, не зная биографии Юза, называют его диссидентом, отсидевшим срок за политику. Писатель откровенно говорит: «Я попал в лагерь в 1949 году за хулиганство. Служил тогда на флоте, и мы, матросы, находясь крепко «под балдой», увели служебную машину, потом была драчка, полундра, выяснение отношений с патрулем, мое выступление в зале вокзального ресторана, где под соло барабана я пел свои песенки, разборка в милиции… Короче, я получил четыре года, но ухитрился отсидеть на год меньше, так как дал дуба Гуталин (так зэки называли Сталина)».

Поразительно, на каком смелом, издевательском уровне обращался молодой зэк в своей песне к вождю: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознанье знаете вы толк. А я простой советский заключенный, и мой товарищ — серый брянский волк». Нынешняя публика не знает, какое жуткое смятение вызвала в интеллигенции эта неграмотная книжечка Сталина о языкознании, уничтожившая наследие великого академика Марра. Например, наш преподаватель Березин не вынес глумления над ним и повесился. Нам не разрешили не только пойти на похороны, но даже выразить соболезнования.

Смех Юза, и молодого, и уже прославленного, поистине раблезианский.

Иосиф БРОДСКИЙ: «Сентиментальная насыщенность доведена в нем до пределов издевательских, вымысел — до фантасмагорических, которые он с восторгом переступает… Голос, который мы слышим, — голос русского языка, который есть главный герой произведений Алешковского… Этот человек, слышащий русский язык, как Моцарт… Он пишет не «о» и не «про», ибо он пишет музыку языка, содержащую в себе все существующие «о», «про», «за», «против» и «во имя». Иосиф Бродский находит корни стилевого родства Алешковского с Гоголем, Андреем Платоновым и Михаилом Зощенко. И дает потрясающее определение своеобразия таланта Юза: «Перед вами, бабы и господа, подлинный орфик: поэт, полностью подчинивший себя языку и получивший от его щедрот в награду дар откровений и гомерического хохота, освобождающего человеческое сознание для независимости, на которую оно природой и историей обречено и которую воспринимает как

одиночество».

Андрей БИТОВ: «Радость жизни — основная моральная ценность, по Алешковскому. Извращается жизнь — извращается и ценность. В этом природа его гротеска и метафоры… Все это шокирует, кричит. За криком можно и не расслышать, под шоком — не разглядеть. Между тем Алешковский говорит очевидные вещи. Что же делать, если мы настолько принюхались и прижились, что не видим, не слышим и не обоняем?.. Вот вам под нос — чего воротите? — ваше же…»

Алексей АЛЕШКОВСКИЙ, сын Юза. Ему 36 лет, он закончил Литинститут, стал журналистом, его мама — первая жена Юза Ирина — филолог, африканист.

— Мы с отцом перезваниваемся. Он изредка бывает в Москве. Иногда останавливался у меня, теперь — у своих новых друзей: Леонида Ярмольника и Андрея Макаревича. С «Машиной времени» он записал свой новый диск. Пала с малых лет воспитывал меня в духе поклонения правде. Он насаждал во мне эту правду, как Екатерина картофель: «Алеша, говори правду. Всегда говори правду». С тех пор я так и говорю. Он сам пострадал от этой моей «правды». Много лет назад позвонил мне и спросил: «Алеша, ты по мне скучаешь?» Я покопался в себе и сморозил: «Нет такого чувства». Он до сих пор этого забыть не может. Когда мне было семь лет, он спросил: «Ты знаешь, Алеша, как дети делаются?» Тут я соврал, ответил ему: «Нет». Я, конечно, уже знал. Папа помолчал, потом одобрил мою непосвященность: «Ну и не хера тебе знать». (Смеется.) Еще папа посоветовал мне не любить женщин с карими глазами. Но со мной все-таки это случилось. Моя бывшая жена была кареглазой… Я развелся с ней.

— Предостережение отца оказалось пророческим?

— Возможно. Кстати, у отца и моей мамы глаза карие. Я унаследовал свои от ее отца, моего деда-латыша, глаза стального цвета.

— Что вы позаимствовали от Юза?

— Дух противоречия и любовь к правде остались во мне навсегда. Вероятно, от отца во мне упертость и бытовое занудство. Я не очень силен в метафизике занудства. Но надо пожить с ним или со мной, повариться в нашем общении, чтобы это почувствовать. Если газетная стилистика позволяет, замечу: мужики делятся на мудаков и зануд. И зануды, на мой взгляд, предпочтительнее. Есть исключения — некоторые умудряются сочетать в себе оба эти качества.

— Что еще у отца переняли?

— Я очень хорошо готовлю. Это наследство отца. Он изумительно стряпает. И первая его жена, и вторая — обе они Ирины — любят вкусно накормить. Но как они там, в Штатах, готовят, нам и не снилось! Ира «сочиняет» и колдует по журналу «Гурме», делает фантастические вещи. Однажды в мой приезд она приготовила невообразимый китайский суп с грибами, лососем, с разными овощами, пряностями. На столе были креветки по-китайски, даже торт она испекла по китайскому рецепту. Отец готовит мясо и овощи. Гениально делает плов. Мясо ест полусырое. У него замечательные зубы — все свои и без единой пломбы. Мне передалась его любовь к приготовлению мяса, и ем я его тоже полусырым.

— У Юза с Ириной есть дети?

— У Иры от первого брака сын Даня. Считаю его своим братом. Общих детей у них нет.

— Какие книги Юза вы больше всего любите?

— «Николая Николаевича» и «Кенгуру», конечно.

— Что вы подарили отцу к юбилею?

— Сайт yuz.ru.

Зайдите на этот сайт Юза — он набит интереснейшим материалом, вы узнаете нового Алешковского, автора цикла ЮЗ-ФУ «Чаинки», и подивитесь поистине восточной образности и краткости, изяществу слога:

Столько б юаней ЮЗ-ФУ,
Сколько блох у бездомной собаки,
Он бы, ядрена вошь, тогда не чесался.

И еще:

Пусть династия Вынь сменяет династию Сунь,
Пусть династия Сунь сменяет династию Вынь —
Любовь не проходит.

В декабре 2000 года, накануне года Змеи, «МК» решил подготовить несколько блиц-интервью со знаменитостями из нашего серпентария, где соседствовали Юрий Любимов, Валерий Золотухин, Фазиль Искандер, Александра Пахмутова с Алешковским. Мой первый звонок Юзу рассмешил его, но он не отказался участвовать в игре.

— Дорогой Юз, знаете ли вы, что рождены в год Змеи?

— Год Змеи — это существенная мифология моей биографии.

— Что-то проглядывает в вашем характере от ужасающей красавицы змеи?

— Я должен был бы находить в себе мудрость, изворотливость и грациозность движений. Но в себе этого не

замечаю, потому что считаю себя человеком скромным и много о себе не думающим. Если эти качества во мне замечают любимая жена и хороший друг, мне это приятно.

— Приходилось ли вам столкнуться нос к носу с ползучими существами?

— Личные встречи не случались. Признаюсь, у меня некоторая неприязнь к змеям, особенно к мелким. К удавам — совершенно другое у меня отношение. Почему — я уж не знаю. Наверное, разгадка кроется в подсознании. Я не питон и ни с какой другой змеей себя не ассоциирую. Я не худой. Но, думаю, вы несколько упрощаете психологическое отношение человека к самому себе, втискивая его в рамки астролого-мифологических понятий. Если отнестись к вашему змеиному опросу шутливо, то внесу ясность в свои взаимоотношения со змеями: наверное, я потому недолюбливаю змей, что бессознательно недолюбливаю и себя.

— Приходилось ли вам по-змеиному сбрасывать кожу?

— Конечно, приходилось что-то сбрасывать, но не так часто, один-два раза в жизни. Это происходило не мучительно для меня. Наоборот, с замечательной легкостью, с зудом кожи и души, с шелушением отвратительных, всяких отживших мыслей, исчерпавших себя понятий и отношений.

— Россию собираетесь посетить?

— Возможно. Но мне неохота ехать в такую паршивую погоду, даже из дому выходить лень. Весной, в тепле, по делам и просто так, для кайфа, в Москву наведаюсь. Теперь и вас спрошу. А вы в каком году родились?

— Я из вашего серпентария: почти по Лермонтову — и Змея с Змеею говорит.

— Неплохо, неплохо придумано. Ну что ж, всем хорошего Нового года и так далее и так далее.

Накануне его 75-летия я вновь позвонила Юзу.

— Юз, здравствуйте, вам звонит Наталья Дардыкина, обозреватель «МК». Через реки, горы, и долины, и океан примите наши объятия и сердечные поздравления с вашим юбилеем. Как вы себя чувствуете?

— Ничего. Слава Богу. Не было бы хуже.

— Мы вам желаем большого здоровья.

— Спасибо. Очень рад.

— С каким новым произведением вы пришли к юбилею?

— Сочиняю сейчас один роман. Тяжелое для меня занятие. Но если серьезно — есть у меня кое-что в работе.

— Вы переехали сейчас в лесной дом. Наверное, была причина?

В Москве ахают, когда Макаревич рассказывает про ваше новое житье-бытье. Хочется от вас услышать, что это за дом, что это за места.

— Этот дом действительно в лесу. Но это не значит, что мы в дикарстве проживаем. Это в 10 километрах от университета, где преподает моя жена, профессор филологии. А вообще-то я не готов сейчас давать интервью. Вы так по-газетному… наскочили.

— *А как же иначе, мы же далеко от вас, и поймать вас непросто. Скажите, в вашем пруду рыба водится?*

— В пруду рыба есть, но мы ее не ловим. Этим занимаются коршуны. Пруд не настолько велик, чтобы там водились щуки.

— *Вы купаетесь в пруду?*

— Нет, тут рядом озеро ох…енное.

— *Охотиться собираетесь?*

— Ни в коем случае не стану охотиться — убивать не хочу. Вот вчера к нам прилетали на участок индейки… восемь штук. А позже услышали выстрелы — сейчас сезон такой, убивать индеек разрешено. Я не хочу иметь оружие. Одним словом, охота не мое дело.

— *Раньше вы дружили с Бродским. Что вас сближало?*

— Сближали какие-то общие интересы. Мы вообще были как-то расположены друг к другу. Слава Богу, он меня осчастливил своей дружбой. Уж не говорю о поэзии.

— *А теперь с кем из русского зарубежья знаетесь?*

— Есть несколько близких мне друзей. Есть друзья, которые отпали. По глупости своей, как я считаю. Я не позволил себе по отношению к ним никакой подлянки. Отпали, возможно, по идеологическим мотивам. Кое с кем дружу. Мы привыкли с женой жить в таком прелестном одиночестве, изредка облагораживаемом нашими дружками.

— *Вы с женой Ириной жили в Китае полгода.*

— Не полгода, а три месяца. Она преподавала там в университете английский. В очень хорошем доме у нас была квартирка. Разъезжали по интересным местам Китая и испытали настоящее очарование от того, как все у них делается, как они строят, как проводят реформы. От всего того, что они достигли за последние годы. Они построили новую цивилизацию на той разрухе, которую устроил Мао. Там возникают голубые города, о которых мечтали наши романтики 20-х годов. Я счастлив, что побывал в Китае.

— *Вы дружны с Ярмольником и Макаревичем. Чем вам дорог этот дружеский союз?*

— Я с ними познакомился с началом перестройки и гласности. Они милые мои друзья, нас многое связывает: и

хулиганское в хорошем смысле слова, и интеллектуальное.

— *Много народу будет на праздничном обеде?*

— Да человек 20. Постараюсь всех угостить от брюха. Собственными заквашенными помидорами и маринованными грибами.

— *Вы сами мариновали?*

— А кто же?

— *Водочки выпьете?*

— Русской водочки выпью, американскую, немецкую и голландскую не пью. А когда не привозили из Москвы водку, я пил виски и коньяки. Напиваться, как раньше, я уже не могу, да и не охота. Придут друзья Иры по университету и мои друзья, в том числе и приехавший из Москвы Саша Горелик. Макаревич приехать не мог. У него в Нью-Йорке в октябре открывается выставка рисунков. Вот тогда мы с ним и встретимся. А вообще-то у меня нет никакого юбилейного настроения. Я рад, что дожил до этих лет, можно было 30 раз сделать дуба. Причем не только от хвори, а так, разные случаи бывали в жизни. Благодарен родителям, что я дожил до этих лет.

— *Не перестали влюбляться в женщин?*

— Перестал вот уже 30 лет, после того как влюбился раз и навсегда в мою жену Ирину.

— *Примите нашу любовь и благодарность.*

— Очень тронут. Передайте привет моим близким друзьям Макаревичу и Ярмольнику и их семьям. И пришлите мне вашу статейку.

21 сентября 2004 г .

Во власти страсти

Аллюр на резвых лошадках

Дмитрий Липскеров: «В женщине лежит все чувственное начало мира»

Первая же пьеса молодого драматурга ставилась в «Табакерке». Спектакль Марка Захарова по его «Школе для эмигрантов» в свое время был знаковым — публика рвалась его посмотреть. По-настоящему его прославили романы: «Пальцы для Кэролайн», «Сорок лет Чанчжоэ» (в 1997 году он входил в шорт-лист Букера), «Пространство Готлиба», «Последний сон разума», «Русское стокатто — британской матери», «Леонид обязательно умрет».

Жизнь без иллюзий

— Дмитрий, вы человек успешный и, вероятно, вызываете зависть у тех людей искусства, кто не успел, не сумел, остался на нищем довольствии. А сами кому-то завидовали, когда еще не были известны?

— Никогда и никому.

— Какое качество характера вас всегда выручает?

— Сила воли.

После Щукинского училища актер Липскеров работал в театре «Люди и куклы». Наверное, природная взыскательность заставила Дмитрия оставить театральные подмостки и взяться за перо.

— Свою первую пьесу вы принесли в «Ленком»?

— Нет. Сначала я пришел в театр Табакова. Он принял мою первую пьесу. «Река на асфальте» шла и в «Табакерке», и потом ее поставили более 80 театров.

— Удивительно, но в революционный 91-й год вы вдруг махнули в США. И не туристом, а политическим эмигрантом. Может быть, вы сочувствовали ГКЧП?

— Ну почему? Да все три дня смуты я отстоял с москвичами у Белого дома! Но вскоре после этого решил уехать. Из-за бесперспективицы. Не лично моей — а страны в целом. И у меня было ощущение, что я уезжаю навсегда. Политикой я вообще не интересовался, даже не думал об этом. В 27 лет я занят был только своими ощущениями. Я думал о надобности или ненадобности, о своей причастности или непричастности к ситуации в России. Внутренне я не хотел быть причастным ни к чему. Если бы сейчас произошло то, что произошло тогда, я не пришел бы к Белому дому. Ни за что! Ни при каких ситуациях не стану защищать каких-то политических деятелей. Почему я

должен своей жизнью чьи-то интересы подкармливать? Считаю, защищать можно только Родину.

— В США вы получили вид на жительство?

— Я был как нормальный нелегальный эмигрант.

— Кто вас там поддерживал? На что вы жили?

— Никто меня не поддерживал. Я сам пробивался: мыл полы, посуду в ресторанах. Жизнь у нас там была тяжелая.

— Вы большой и сильный. Вас это не унизило. Очевидно, к тому времени вы внутренне чем-то были защищены?

— На Родине я уже был достаточно известным человеком. И обеспеченным. У меня шли пьесы. Тогда хорошо платили за пьесы. К тому же я писал сценарии.

— А в Лос-Анджелесе вы разносили пиццу. И как к этому скучному занятию отнесся рафинированный московский интеллектуал?

— С удовольствием. Из князя в грязи — полезно…

— Чему вас научила Америка?

— Зарабатывать деньги.

— Вы все-таки через год вернулись в Россию… Произошла переоценка ценностей?

— Мне страшно захотелось домой: я заболел ностальгией.

— Вы делаете с профессиональной ответственностью свои книги, любите живописать женскую чувственность и красоту. Очевидно, вы воспитаны в уважении к женщине. От кого к вам перешло это поклонение?

— Скорее всего от отца. Все мужчины в нашем роду представлялись мне идеальными. Мне нравилось, как они обходятся с женщинами. Мой дедушка общался с бабушкой целых 60 лет и с таким подчеркнутым проявлением внимания, нежности, как будто они только познакомились. Лишь однажды, поссорившись с бабушкой, сказал одно бранное слово, перейдя на «вы»: «Вы, голубушка, дура». Не могу сказать, что я в этикете стал последователем дедушки. К сожалению, во мне нет тех достойных качеств, которые были сущностью деда. Скорее они перешли к героям книг, но не стали моими.

Признаюсь, в романах Дмитрия Липскерова меня больше всего увлекают не мистика, не абсурд, хотя он пугающе-занятен, не тектонические изменения в людях и вокруг. Тут он большой выдумщик и мастер. Поразил меня язык, стремление автора к пластическому совершенству фразы, высказываний. И я спросила Дмитрия Михайловича:

— Такую свободную и выразительную речь нельзя приобрести даже в Литинституте. Откуда в вас это?

— Действительно, литературному языку научиться нельзя. Он вырастает вместе с тобой. Посредством всяческих сюжетных линий и трюковых ухищрений вещь не сделать. Чаще всего нас окружают писатели без языка. Я знаю всего несколько прозаиков, кто отлично работает со словом.

— Я слышала, что у вас сейчас нечто вроде семьи.

— Да. Один брак у меня был еще до отъезда в США. Женился я по любви. Влюбился по-настоящему в 18 лет. Очень долго ухаживал — по-моему, года четыре. Даже по тем временам это колоссально. Все добивался ее расположенности только ко мне. И, несмотря на любовь, прожили мы с женой всего 11 месяцев.

— Детей не успели завести?

— Нет. Не было детей и во втором браке… Теперь у меня двухлетний сын Константин и дочка Софья трех месяцев.

— Думаю, что вы, коль это теперь позволено, присутствовали при родах?

— Я принимал детей в роддоме — перевязал обоим пуповину. И ловил их первый взгляд! Они совершенно разные. У мальчика взгляд показался философским, взгляд всезнающего младенца. У Софьи был взгляд девочки. Она родилась сразу счастливой и улыбнулась. Сейчас у них два разных характера.

Девочка проснется — и улыбается. А мальчик, наоборот, словно спрашивает: «Зачем я здесь, в этой жизни?»

— Мама ваших детей — артистка?

— Маша по профессии танцовщица и певица. Она в абсолютной форме.

— Вместе ходите в тренажерный зал?

— Сейчас хожу один. Маша кормит грудью Софью. Все как должно быть.

— Она вас покорила своим искусством?

— Я увидел ее на сцене. Маша занималась народным танцем профессионально. Она была не артисткой кордебалета, а танцовщицей высокого класса. Работала она в модной группе, и, возможно, по этой причине в отношениях наших все было зыбко и ненадежно.

— Надо бы освятить связь венчанием…

— Это глубоко личное.

— Вы почти многодетный отец, успешный писатель и состоятельный бизнесмен — весь в «Дровах».

— В жизни все трудно успеть. Ведь бизнес, который я делаю, исключительно ради того, чтобы иметь независимость как от издательства, так и от критиков. В крайнем случае я себе сам могу создать издательство. К бизнесу я любви не имею. И радости от материальных дивидендов не получаю. Мы даже деньги

тратить толком не умеем. Все сложно. У человека два полушария. Одно может заниматься искусством, другое — выбирает шабу-шабу в кунжутовом соусе с овощами. Я не знаю много примеров в стране, чтобы человек успешно занимался искусством и бизнесом — на одинаковом уровне. Действительно трудно. Дело из тебя все высасывает.

— Знаете, что вас, Водолея по гороскопу, снабжает энергией планета Уран?

— Про Уран не знаю, но энергию чувствую.

— Знаменитый американский астролог Донна Миклер утверждает, что для Водолея знать — значит достичь просветления. Ключевая фраза Водолея «я знаю». Ключевое слово — «воображение». Ну прямо про вас.

— Признаюсь, мои первые слова были — «я знаю». Но это были слова гадкого, упрямого ребенка, который всегда торопился твердить «я знаю, знаю, знаю», чтобы от него отстали.

— Поищите на небе маленькую планету Уран. Говорят, от нее человек получает высшее сознание, соединяющее человечество с Богом.

— Честно говоря, в астрологию я верю слабо. Я верующий православный, и мне достаточно верить в то, во что я верую.

— Вы прихожанин какого храма?

— Я не прихожанин. Хожу в разные храмы. Мой духовник не в Москве. Он находится в монастыре на одном из полуостровов Ладожского озера.

— Знаю, что вы журналистов дома у себя не принимаете. Но друзья-то допущены?

— У меня очень мало друзей. Но именно они-то и бывают у нас. Считаю, дома я могу общаться только с людьми, духовно мне близкими: в душе они ничего гадкого не принесут с собой. У нашего поколения — почти у всех — практически мало друзей. Поколение моей бабушки было в этом смысле более счастливым. У нас в маленькой двухкомнатной квартире собиралось до 60 человек. Устраивались кто где: за столом, на каких-то табуретках, подставках. Бабушка умела печь такие вкусные пироги с капустой!

— А какой из ваших бабушек Евгений Евтушенко посвятил «Бабий Яр»?

— Моей двоюродной бабушке — Марии Моргуновой, завлиту Центрального детского театра. У нее дома был настоящий салон. Там бывали и Евтушенко, и Окуджава, и более молодые. Она сама писала замечательные стихи.

— Скажите, вы можете обольститься целью — повлиять романом на общество?

— Нет, не терплю нравоучений. Пишу исключительно для себя. После, когда книжка уже вышла, меня начинает интересовать читатель.

— *Вы обидчивый?*

— Я помню обиды. Но в моих воспоминаниях о них нет зла. Никогда никому не мстил. Это не сходится с моими убеждениями. Если мне кто-то скажет, что он забыл о той подлости, которую против него совершил какой-то человек, я этому никогда не поверю.

В наше время редки случаи добрых общественных деяний. Поступков не хватает. Потрепаться о народе любят все. А вот Дмитрий Липскеров вместе с депутатом Госдумы Андреем Скочем, президентом Международного фонда «Поколение», осуществили замечательный проект — создали литературный конкурс «Дебют» для молодых авторов не старше двадцати пяти. Осуществляется ежегодная издательская программа для произведений самых талантливых.

— *Дмитрий, что вас подвигло на этот шаг — помогать литературной молодежи, растить будущих соперников?*

— Я никогда не боялся заводить себе конкурентов. Это поколение, идущее за мной. Они все равно от меня отличаются всем своим существом. Эти молодые авторы не будут похожими на меня, а я — на них.

— *А кто же дает деньги фонду «Поколение»? Есть ли личные, частные подношения?*

— Дают какие-то российские и зарубежные частные структуры. Фонд занимается благотворительностью — финансирует сложные операции на сердце больных детей, участвует в восстановлении памятников архитектуры, реставрирует старые и строит новые церкви.

Когда истек условленный и, кажется, мгновенный час встречи с писателем и Дмитрий Михайлович откланялся, я наконец могла отдать должное застывшему в ожидании торту «Императорский» и горячему кофе. И пожалела, что не спросила у Дмитрия Михайловича, что он думает о вечном и недостижимом счастье. А вот симпатичный автору герой романа «Сорок лет Чанчжоэ» полковник Шаллер выразился достаточно точно по этому поводу: «Счастье — это умиротворение. Жизнь без потрясений, размеренная. Все любовные потрясения и переживания должны происходить в юности, в ней же и остаться… Старость должна иметь плод

любви, который принесет ей умиротворение». У Липскерова два прекрасных плода любви. И в запасе — целая жизнь. Ему всего 38.

Вновь, как и шесть лет назад, Липскеров назначил мне встречу в том же ресторане, откуда притягательно сверкает кремлевское позолоченное величие. В романе «Демоны в раю» герой, помощник президента, вдруг обнаруживает некие трещины закоулков Кремля. Глядя на Кремль со стороны Малого каменного моста, все ждешь, не пронесется ли квадратный языкастый черт, дьявол или некое космическое нечто по имени Карл, ударится ли башкой прямо в Лобное место, да так, чтоб все содрогнулось.

В бестселлере реальная повседневность в каком-то полубезумии погружается в порок, хотя почти все мечтают о любви, красоте, о семье. Но слаб человек. Ему хочется все иметь здесь и сейчас. И проваливается все как в бездну.

— Дмитрий, вы интересовались происхождением вашей фамилии? Что такое «липскер»?

— Пытался дорваться до своих корней и кое-что отыскал: старинное название Лейпцига — Липск. Вероятно, мои пращуры по отцовской линии вышли оттуда, из Европы.

— Значит, предки были сильными личностями, уверенно шли за счастьем. И в потомке чувствуется изрядная подъемная сила.

— Моя русская ветвь посильнее будет. Я наполовину еврей, наполовину русский, и моя мать — урожденная сибирячка. Ближе к сорока я вдруг осознал, что во мне очень многое от матери и от бабушки. Обе они — крупные женщины, рослые, энергичные, сильные духом. В отцовой родне тоже бабки и прабабки были мощнейшие женщины. Моя прапрабабка жила в Одессе. Будучи акушеркой, принимала роды ребенка, ставшего Леонидом Утесовым. Великий артист долго покровительствовал моему деду, известному эстрадному конферансье.

Женщины в нашем роду — это самое сильное, основательное, что держало семью. Но, к неудовольствию бабушек, последние полвека, к сожалению, девочки по отцовской линии не рождались — мальчики, мальчики, мальчики. Одни сыновья! Мои прабабки и бабушки очень переживали. И рождение моего первенца слегка расстроило их. И наконец, родилась моя дочка Софья, но мою бабушку уже не застала.

— А как бабушки относились к внукам?

— Да у них была к ним просто жертвенная, беззаветная любовь.

— Вы многим обязаны своей маме?

— Мама рано умерла. Она была просто великолепным музыкальным редактором в Доме радиозаписи, что на Качалова. Делала записи с концертов. Она была очень красивой, общительной. Многие музыкальные звезды объяснялись ей в любви. Остались замечательные фотографии знаменитостей с любовными признаниями — она их хранила. Но как-то у нее не очень сложилось…

— Это мама посеяла в юном сердце сына соблазн поступить в театральное училище?

— Мама сама оставалась независимой и мне ничего не навязывала. В нашей семье все занимались своими делами.

— Чем занимался ваш отец?

— Он известный мультипликатор. У него много фильмов. Мы с ним очень редко видимся, потому что я живу за городом.

— Вы дитя любви?

— На эту тему я с мамой не общался. И потому не знаю, рожден ли я случайно или по любви. Но поскольку воспитывался в детских садах на пятидневке и в интернатах — тоже на пятидневке, то делаю логическое заключение: я случайный, не запланированный на счастье ребенок, которым родители с удовольствием поделились с общественными заведениями призрения. Довольно долго я в них воспитывался, пока мои сердобольные бабушка и дедушка не пожалели меня и не забрали к себе жить.

— Вы росли спортивным парнем?

— Конечно, хотелось стать сильным и красивым. Но я всегда был достаточно трезвым и понимал: красавец я никакой. Особенно в молодости. Я был абсолютным гадким утенком: узкие плечи, длинные худенькие ноги, огромный нос, кудряшки. Кто-то из родственников-мужчин ободрил меня: «Не переживай! Мы как вино. К старости становимся лучше, красивее, умнее, мудрее. Наша порода такая». Но вот я и заметил: сейчас, в 44, я нравлюсь себе больше, чем в молодости.

— На фотографии видела вас с двухлетним сыном. Он удивительно вас повторил.

— Да, сын очень похож на меня. И характером мерзким похож. И я этим счастлив!

— Он вам противоречит?

— Мне — нет. А вот своей маме — да. Противоречит во всем.

— А как восьмилетний Костя соседствует с шестилетней Соней?

— Как кошка с собакой. И притом невероятно дети любят друг друга. Могут драться. Если Костя говорит: «Соня пойдет

туда…» — в ответ услышит: «Никогда! Ни за что!» А от внешнего мира они будут защищать друг друга отчаянно. Соня, как истинная женщина, любит своего брата больше всех. Опекает его. И она же его раздражает, дергает, задирает — свои женские штучки пробует на нем. А Костя, дурак, вместо того чтобы оттачивать на ней свое мужское мастерство общения, попадает в нехитрые женские сети.

— Вы так строги к сыну, но вопреки собственной логике, наверное, не идеально выстраивали свои отношения с их матерью, поскольку давно не вместе?

— Аксиома проста. Когда мужчина поймет женщину, а женщина — мужчину, все будет хорошо. Но это никогда не происходит. Это и невозможно. В этом и есть радость жизни.

— Радость — в преодолении различий или в несовпадении?

— Конечно, в несовпадении. В этом есть радость страданий — сердца закон непреложный. Отсюда и творчество проистекает. А если ты будешь всем ублаготворен и спокойно лежать, может быть, и станешь более здоровым, но все будет тускло! Пока мы, женщины и мужчины, как кремни, высекаем друг из друга искры, мы живы!

— У вас бывают и с новой любимой женщиной схватки?

— Конечно, я отношу себя к мужчинам. Ведь тут дело не в противоречиях — идет столкновение разных миров. Я же не требую — делай так, как я хочу. Упаси Господь! Давно перестал быть тираном.

— А тиранствовал?

— Каждому мужчине свойственна тирания. А тиранов либо иногда убивают, либо мужчина после тирании приходит к спокойной мудрости, когда понимаешь: чему суждено быть, то и случится. Если женщине суждено тебя разлюбить и уйти от тебя, разлюбит и все-таки уйдет. Если будешь запрещать ей что-то, она все равно сделает по-своему, и негатив от запретов перерастет в критическую массу, и случится ядерный взрыв. Финал очевиден. Каждый должен жить своей жизнью. Не мешать другому жить по-своему.

Так философски завуалировал писатель разрыв с матерью Кости и Сони. Он сидел в угловом стыке огромных окон. Купались в ярком свете дня пурпурная майка и куртка, подчеркивая триумфальную успешность писателя и общественного деятеля, его спокойное достоинство. Он смахивал на римлянина, выигравшего битву. Деревянными японскими палочками ловко подхватывал кусочки помидоров и огурцов, разрушая салатный натюрморт. И у меня почему-то вырвалось:

— Вы как Понтий Пилат. Понимаете человека, не мешаете ему оставаться самим собой, но не станете переживать, если женщина потерявшая вас, будет мучиться, как на Голгофе. Ведь, по Библии, Голгофа — это Лобное место. А вы, Понтий Пилат, с новой женщиной сохраняете мудрость и вальяжность? — Ну-у во-от! Пра-а-вильно — Понтий Пилат! Не верю, что он был, как я, вальяжный. Он же был военный. А мы сибариты.

Спасительная самоирония Дмитрия Михайловича заставила меня переключиться на «Демонов в раю», где густо перемешались, крепко спаялись фантазия и реальность, плотская гиперболическая страсть и дьявольские козни. Там вездесущий, мистически кошмарный тип, сексуальный гипергигант пользуется своим шлангом как орудием сладострастной мести.

— А все-таки Липскеров любит чертовщину! С вами когда-нибудь играли черные силы? Случалось ли что-то экстраординарное, что подстегнуло ваше воображение?

— Не Липскеров любит чертовщину. Может быть, чертовщина любит Липскерова. А он только отбивается от нее. Какой-то тихой сапой она все-таки проникает — приходится отплевываться. Крестные знамения помогают иногда. А все-таки было несколько знаковых вещей. Когда я закончил книгу «Последний сон разума» (она еще лежала на столе в рукописи), недели через две, часов в пять утра, раздался международный звонок. Женский голос просил Ильясова. Я сердито ответил, что никакого Ильясова нет. Она еще раза два звонила, требуя Ильясова. И когда я разгневанно бросил трубку, меня осенило: моего героя в романе зовут Ильясов! Заинтересованный, я стал ждать звонка незнакомки, чтобы узнать, какой номер она набирает, и что-то услышать о тезке моего героя. Но она больше не позвонила.

— В книге нашла современное воплощение чертова сила: ваш Карл вездесущ, фантастически информирован, коварен и, как любое зло, неуязвим. Кем вдохновлялись? Случалось ли с вами нечто, что содрогнуло сознание?

— Вряд ли что-то особенное случалось. Я видел только оттенки, какие-то детали. Когда-то, на заре бандитского капитализма, меня забрали в милицию. Сидел я в обезьяннике один и вдруг увидел вблизи себя кучку дымящихся мозгов. Милиция решила на меня давить таким способом. Что это было, не знаю. Может, они кому-то выбили мозги. Я не поддавался на их провокации. А потом пришел какой-то человек ростом в полтора метра, в кожаном плаще до цементного пола. Посмотрел на меня из-под густых бровей маленькими глазками под скошенным черепом и обратился к старшине раздавленным

голосом: «Можно, я заберу его к себе?»

— Это пострашнее!

— Тут я и подумал и чуть не взмолился: «Ни в коем случае не отдавайте меня…»

— В описаниях вы обошлись без пошлостей. И все-таки хочется знать: чрезмерность плотских сцен чем-то объяснима?

— Грехи наши человеческие зиждутся всего на нескольких пороках. Иногда и не отличишь, как непорочное действо вдруг обнаруживает свою порочность. Сексуальный гигантизм персонажа — это и есть тот пример большого разврата, не только сексуального, а разврата в умах, в душе, что несет с собой этот персонаж. Причем нет никакой мотивации, зачем он это делает. Ведь зло редко бывает мотивировано. Зло всегда находится в каком-то мировом подсознании. К сожалению, поэтому оно всегда с нами. Добро генетически заложено в людях. Оно может сопротивляться злу, но часто проигрывает.

— Носители добра чаще становятся жертвами. К тому же человек сталкивается не с космическим носителем зла, а с реальным, что ужаснее, потому что оно сиюминутно.

— Случается, зло и добро меняются полюсами. То, что 25 лет назад мы воспринимали как добро, сейчас многие оценивают как зло.

— В романе много сцен плотской чрезмерности. Вам хотелось понравиться читателю? Или все-таки писателя вела более философская и психологическая мысль?

— Все мои сочинения изобилуют сексуальными проявлениями любящих людей. Я не ханжа. Умею это делать, не вызывая читательского отвращения. О плотских удовольствиях пишу с любовью к женщине. Считаю: в женщине лежит все чувственное начало мира, оно ярче выражено в ней, чем в мужчине. Практически все мои книги написаны о непостижимости женского начала. Мужчина лишь пыжится к такому же чувственному восприятию мира. Женщина любит заниматься собой — пусть это будет спорт, косметика, поход в магазин. Но главное, чтобы не было пустых глаз. Она это делает не для себя — для мужчины.

— Помню откровения вашего героя, монаха-схимника, из романа «Русское стаккато — британской матери»: «Бог создал человека для жизни и любви. Соитие — это венец любви человеческой, самой богатый подарок Господа».

— (Засмеялся.) Остается только соитие. Господних подарков все меньше и меньше. Или мы их просто не замечаем. Господь нам дает, а мы морщимся и отбрыкиваемся: «Зачем это нам? Это же так сложно». Притерлись к обстоятельствам давно. Жизнь

спокойна, и никуда не надо бежать. Растут дети… Мы ленивы, поэтому мало живем. Детей надо рожать в том возрасте, чтобы успеть их вырастить.

— Вы вовремя с Машей родили детей. Но почему-то не рассказываете ничего про маму Кости и Сони.

— Маша старается воспитывать наших общих детей. Но видимся с ней крайне редко.

— Значит, некогда яркая любовь ушла?

— Для меня главное — дети. Ни о чем я так не волнуюсь, не испытываю сильных эмоций, как о детях. В силу определенных обстоятельств я не мог создать собственную модель отношений между мужчиной и женщиной. Пытаюсь создать ее в отношениях между сыном и дочерью. Они наблюдают, набираются опыта, глядя на нас. Субботу и воскресенье, каникулы дети проводят со мной — ездим на лыжах, куда-то на море. Им совершенно необходимо мужское участие.

— Вы все уходите в моралите и не говорите о новой своей чувственной привязанности.

— Я не так часто был влюблен. Раз-два и обчелся. Когда человек к сорока четырем влюблен в третий раз, это не так много. Чем старше становишься, тем труднее раскрутить себя на чувства. Сейчас они есть, и это хорошо.

— Что вас подожгло в вашей сегодняшней любимой?

— Не ответить. Любят не за что-то. У нас сейчас тяжелый век. Женщины — особенно в Москве — любят за определенные качества в мужчине, чаще любят за деньги. А когда женщина любит беззаветно, без оглядки, когда она из-за этого может даже сильно пострадать, это меня в ней подкупает. Редкое качество, когда женщина искренне сострадает мужчине.

— Вы молоды и красивы, успешны и, кажется, в сострадании не нуждаетесь.

— В глазах молодых женщина я как некий монстр. Многие считают, что на мне надета маска серьезного, делового человека и писателя. Это есть. Я пытаюсь создать некую границу между собой и другим миром, чтобы ко мне не многие приближались.

— Значит, маска надета сознательно?

— Мы все носим маски, доспехи, чтобы не пробили, не достали, за живое не задели. Вот так и выглядим: мы все такие сильные, мощные. А когда ты перед молодой женщиной приоткрываешь доспехи, снимаешь, что называется, щит и обнажаешь сердце, то ведь тебе могут копье вогнать в него. Либо вложить свое сердце! Ты об этом заранее не знаешь.

— Насколько была моложе вас Маша?

— Лет на пятнадцать.

— А новая любовь?

— На двадцать.

— Анна Григорьевна была моложе Достоевского тоже на двадцать лет.

— Очень хорошая разница. Но там определенно был случай жертвенности. Это мне очень претит, когда женщина кладет свою жизнь пусть и на алтарь великих талантов. Жизнь женщины сводится к нулю, к обслуживанию гения.

— К сожалению, множество женщин тратят жизнь на обслуживание ничтожеств.

— А я думаю о другом — сколько великих идей потеряно в постели, при занятии любовью! Сколько ненаписанных романов!

— Поменьше будет серости в литературе. Любопытно, как относится ваша любимая женщина к молодым распущенным моделькам, к эдаким резвым лошадкам из романа?

— Она еще не успела прочитать. Екатерина Вилкова — актриса. Летом актеры очень много работают. Я ее не так уж часто вижу, чтобы подсовывать ей свои книги. Мне приятнее ее обнимать при встрече, чем созерцать, как она упивается моей книгой. В отношениях с женщиной я не писатель.

— Вы наградили двухсотдвенадцатикилограммового начальника тюрьмы способностью любить. Этот Чмок, памфлетно-сладострастный маньяк, получает жену-красавицу. А то, что их дочь недалеко ушла от папиных инстинктов, вовсе не наказание: семейка счастлива в меру своего понимания. Где вы откопали такой тип?

— Все ситуации с ним мной смоделированы, за исключением сцены с подглядыванием за моющейся женщиной. О таком эпизоде мне рассказывал великий Илья Рутберг — это случай из его студенческого быта. Чмок — мощный русский характер со всеми его идиотскими прибамбасами. Но любовь преображает всех. Если человек не любит, то остается в глазах других черно-белой фотографией.

— В ваших книгах чувствуется энергия автора. Вы человек страстный?

— Страстный в том, что я делаю. Что хочу делать.

— Живопись или что-то другое коллекционируете?

— Коллекционирую современную живопись. Всю жизнь увлекаюсь фотографией. Когда-то в молодости даже зарабатывал этим.

— Ощущаете ли вы в себе потребность покаяния?

— Я все время испытываю чрезмерное чувство вины за что-то. Особенно в то время, когда выпивал. Чувство вины было безгранично. Но поскольку уже много лет не пью, чувство вины

немного уменьшилось.

— *Ваш духовник по-прежнему в монастыре на Ладожском озере?*

— Нет, он ныне возглавляет христианскую миссию в Болгарии. Он один из самых просвещенных наших деятелей в православной церкви.

— *Своим гармоничным состоянием духа вы в известной степени обязаны ему?*

— Безусловно. Человек больше всего обязан Богу и своей воле.

30 шюня 2008 г .

Мистификатор

Владислав Отрошенко: «Это чудо, что меня подняли на ноги»

Дитя южнороссийского солнца и простора, он высок и добродушен, неожиданны и парадоксальны точки приложения его писательских интересов. Давно известные факты русской и мировой истории по какой-то догадке он рассматривает в ином ракурсе, и фантастически преображаются обветшалые сюжеты. Его полюбили в Италии, где он жил, изучал язык, где написал и опубликовал новые вещи, за что был удостоен престижной премии Гринцане Кавур.

— Скажите, лауреат, на что вы тратите свои премиальные?

— Обычно стараюсь потратить на свою семью, на детей и на жену. Знаете почему? Моя жена совершает большой подвиг, живя с писателем *(смеется)*.

— Прижилась в России такая формулировочка — писательская жена должна отказаться от всего и только ублажать любимого, даже содержать его.

— Вполне объяснимая ситуация. Писатель не имеет регулярных доходов, а к тому же он существо достаточно капризное, даже в частной жизни. И я неожиданной премией или случившимся большим гонораром стараюсь возместить тот ущерб, который я постоянно наношу семье своей профессией.

— Владислав, когда звоню вам, мне отвечает ваш сын. У вас он один?

— У меня два сына — Максим и Матвей. Старшему — 23. Я очень рано завел Максима. Мне было двадцать. А через три года появился Матвей. Оба учатся на факультете журналистики. Старший — на заочном, младший — на вечернем. Оба уже зарабатывают.

— Где вас покорила Ирина настолько сильно, что вы сразу повели ее в загс?

— Познакомились с ней в Новочеркасске, в том городе, который стал главным персонажем моих повестей. Именно там происходят все действия. 1979 год. Ирина приехала на каникулы к своей подружке. И так судьбе было угодно, что ее подружка, по счастью, была моей одноклассницей. На встречу с одноклассницей я появился в обществе моей тогдашней подружки: я же не знал, что увижу свою будущую жену! Увидел Ирину и влюбился с первого взгляда. Что-то со мной произошло, и я через 15 минут куда-то свою спутницу отослал. Запомнились нам навсегда эти каникулы на Дону. Мы их провели вместе с

Ириной.

— В шалаше, что ли?

— Нет, мы там сняли домик. В 19 лет чувствовал себя независимым от родителей. Выглядел я тогда значительно старше своих лет. Когда знакомился с девушками, то прибавлял года три-четыре. И это проходило! Ирина — москвичка, я часто приезжал к ней из своего Новочеркасска. Жить в Москве мне вовсе не хотелось. Когда дело у нас дошло до свадьбы, я уговаривал ее переехать к нам. Учился я тогда в Ростовском университете, жил у бабушки. В Ростове у меня родни очень много — большая южная семья. Да мне просто не хотелось расставаться с южным климатом.

— Подождите про климат. Вы еще с Ириной нас не познакомили.

— Она хрупкая, тоненькая, рядом со мной кажется совсем маленькой. У нее необыкновенно красивые глаза. В ту пору она училась в институте легкой промышленности на модельера обуви и стала прекрасным модельером.

— Ваши ботинки ее сочинения?

— Нет. Она мне советует, какие покупать. Но, между прочим, Ира работала в Италии, делала коллекцию для знаменитой фирмы «Труссарди». Это не я, а она первой начала ездить в Италию, потому что в Москве работала на совместной русско-итальянской фирме. Покидала нас с сыновьями то на месяц, то на два. Очень я ее ревновал к Италии! Прошла она хорошую итальянскую школу моделирования. В 2002 году мы жили с ней целый год на итальянской фирме, где Ирина выполняла ответственный заказ.

— Для каких-то русских знаменитостей она делала обувь?

— Для некоторых популярных певиц, но не стану их называть. В конце 80-х она делала сапоги для Аллы Пугачевой — белые, концертные. Искусство! Сейчас она сочиняет модельную обувь на итальянских колодках самых новейших линий.

— Где Ирина училась итальянскому?

— В первый приезд ей пришлось плыть в море неизвестных слов. Сначала овладела профессиональной лексикой, потом усвоила бытовой язык общения. Я-то учил язык более вальяжно. В 97-м году у меня там вышла книга, и я готовился к ее презентации. Учился языку по неаполитанским песням. У меня дома масса дисков великих итальянцев. Они мне помогли войти в стихию классического языка. Уже замечаю ошибки в произношении, когда наши певцы поют репертуар Карузо. У меня свой опыт усвоения текста: ставлю пластинку, держу перед собой текст и словарь. Так въезжаю в язык. Грамматика пришла

попозже. Главное, я усвоил мелодию итальянского языка. Итальянцы очень общительны. Стоит им услышать произнесенные тобой два-три слова, и они начинают общаться с тобой, говорят очень быстро. Но, обнаружив, что ты не понимаешь, начнут учить тебя, прибегая к выразительным жестам.

— Вы не считаете, что мы с ними совпадаем темпераментом?

— Это заметно. В Европе нет другой страны, где бы русский чувствовал себя столь же комфортно, как в Италии. Я был во Франции, Германии, Финляндии, но нигде, даже в Болгарии, не чувствовал себя так же уютно. Они во многом похожи на нас. В них в такой же пропорции сочетаются порядок с беспорядком. У них нет никакой регламентированности. Все открыто для публики. Итальянцы — очень общинный народ. Не зря у них административные единицы называются коммунами. Мы поселились в трехэтажном домике и через три дня перезнакомились со всеми. Летом весь Рим гуляет по ночам, и кажется, что все они знают друг друга — столько дружелюбия в их общении.

— Вы и сыновей брали с собой?

— Мы ездили вдвоем, а ребят оставили одних. Это для них было как обрезание пуповины. Как и все современные дети, они были немножечко инфантильны. Слишком привязаны к родителям. Папа всегда дома, готовит обеды, ужины. Мама стирает-гладит. Мы оставили им определенную сумму и сказали: как хотите. Потратите деньги в начале месяца, останетесь ни с чем. В Италию не звоните.

Они решили разделить деньги пополам, ведь у каждого свои интересы. Ребята обрадовались своей независимости. Но первое время им было трудно — еще не научились экономно вести хозяйство. Сначала у них были проблемы. Но справились! Когда мы вернулись домой через год, нас встретили совсем другие ребята — два вполне самостоятельных парня. Они сумели устроиться на работу. Старший сначала поступил на фирму, торгующую «мерседесами», поскольку очень хорошо разбирался в машинах, прошел тестирование. И к нашему приезду имел приличную зарплату. Младший пошел в рекламное агентство.

У обоих наших сыновей появились в наше отсутствие девушки. Не какие-то случайно-переменные. Они и сейчас с ними вместе. У старшего фактически уже своя семья — гражданский брак. У ребят появился вкус к самостоятельности, к ответственности за свою судьбу. Метафорическую пуповину между родителями и детьми мы перерезали вовремя.

— Владислав, надеюсь, ваши самостоятельные дети вполне адекватно воспринимают ваши сочинения. Они ведь не так просты

для осознания. Итальянская критика называет ваш метод «мистическим реализмом». А в жизни вас посещала притягательная и пугающая мистика?

— Со мной происходили совершенно фантастические вещи. Я писал повесть «Тайны жиолнерского искусства». Главного героя, мошенника, доктора Станислава Казина, мне очень хотелось сделать бильярдным шулером, превращающимся в шулера научного. Но я никак не мог понять, в чем может состоять шулерство в бильярде. Хотя на бильярде худо-бедно играю, но терминов специальных не знал, тонкостей игры не понимал. По пьесе Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» знал о существовании бильярдного шулерства. Бросился искать специальные книги. Объездил магазины, рынки — ничего! Отчаялся. Случайно заглянул в магазин на Кузнецком мосту. Увидел книжку «Поэма о бильярде». В голове пронеслось: «Написал же козел стихи про бильярд». Открываю и вижу — там есть все то, что я так долго искал: в подробностях изложено бильярдное шулерство, тонкости игры дореволюционных мастеров, и все виды и стили игры. Принес домой эту реликвию, проверил в Ленинке по каталогу, не значится ли такая книжка там. Но ничего не обнаружил. И решил: эта книжка — мистическая реализация всего, что я так желал узнать.

— Ну а в жизни писателя Отрошенко случались события из ряда вон?

— Я очень внимателен к своим сновидениям. Ни одной ночи не провожу без сновидений и почти всегда помню даже не одно, а несколько сновидений, приснившихся за ночь. На собственном опыте изучил, какие ночные видения могут что-то предсказать. Однажды мне приснились горящие автомобили. Я силился разгадать этот опасный сигнал, понимал буквально: вот поедем на дачу, загорится автомобиль… А случилось все у дома. Шофер, который привез нас на дачу, решил помочь нам сжечь гору хвороста, валежника, плеснул в огонь бензин прямо из канистры. Огромный взрыв качнулся в мою сторону… Я получил 27 % ожога кожи. Четверо суток был в реанимации, в Склифе. Обгорелое лицо, руки. Мой родной дядя, зайдя потом в палату, у меня же спрашивал, где лежит Отрошенко. Лицо мое было распухшим, как у утопленника. В Склифе я пролежал полтора месяца. Это чудо, что меня подняли на ноги, — была большая вероятность, что я не выживу. С тех пор я боюсь сновидений — лучше бы они мне вообще не снились.

— Дача у вас благоустроенная?

— У меня на даче есть все, даже камин. Моя теща заботится о саде. Как не вспомнить о народной шутке: бесконечное

удовольствие смотреть на огонь, воду и на то, как другие работают. Я там в основном работаю. Строили нашу дачу явные весельчаки: поставили коробку дома и запили. И мне пришлось в течение нескольких лет обустраивать дом. Очень люблю столярную работу — пилить, строгать, подгонять. Потолки, полы, двери — все сделал сам.

— Не тяп-ляп?

— Нет. Все делаю по книжке, с точными расчетами, с хорошим инструментом. Материал выбираю очень качественный. Мои гости не верят, что я сам довожу дом до совершенства. Каждые выходные к нам обязательно кто-то приезжает — то мои друзья, то приятели сыновей. Приезжала однажды итальянка Бьянка — она переводит для издательства «Воланд» мои рассказы. Ее поразило, что моя теща превратила участок в ботанический сад — там невообразимые розы, клематисы. Ахнула Бьянка: «Я-то думала, что в России только елки и березы растут. А у вас же просто юг…»

— У вас есть машина?

— Вождение автомобиля для меня — удовольствие. Чтоб успокоиться, мне надо или выпить таблетку феназепама с валерьянкой, или проехать километров 100 на машине. За рулем успокаиваюсь. Особое удовольствие — коллекционировать вождение разных машин. Водил почти все европейские иномарки.

— Свои?

— Зачем? Машины знакомых или взятых напрокат. В Италии мы много ездили — 300 000 километров накатали. За рулем, под ритм быстрой музыки, в тебе самом включается какое-то строгое устройство — все выполнять по правилам вождения. Эта подчиненность строгим правилам дает мне покой.

— Какие машины были у итальянского лауреата?

— У меня чередуются русские машины с иномарками. Сейчас у меня русская. До этого мой «Сааб-900» меня достал своей дороговизной. Очень дорого его обслуживать. Эта дороговизна не компенсируется его красотой. Но скажу — лучше этой машины у меня не было. Но я вынужден был этот «сааб» продать — слишком разорителен ремонт. Купил русскую двенадцатую модель. Она лучшая из «Жигулей».

— Писатель «мистического реализма» как-то реагирует на русскую чернуху — в политике и в экономике?

— Всегда и при всех правительствах я был аполитичным. На злободневные политические и скандальные конфликты смотрю слегка отстраненно.

— Кто ваши друзья?

— Не верю в дружбу в литературном мире. Люди искусства

почти все эгоцентричны. У меня есть друг со школьных времен, Василий-психолог, работает сейчас в Академии наук. Убежден, самая крепкая дружба — это университетская, институтская.

— Владислав, вы носите явно католический медальон Божией Матери.

— В Падуе, в соборе Святого Антония, я купил этот католический медальон. Я православный христианин. В Италии ходил молиться в католические соборы. В России хожу в православные церкви. Какие-то расхождения между ними меня лично не занимают. Нужно верить и обращаться прямо к Богу. В религиозном отношении я, наверное, космополит, экуменист.

— Как вы рискнули создать свою Гоголиану, когда изданы блестящие книги Игоря Золотусского и Юрия Манна? На ваш взгляд, бессмертная душа Гоголя как-то среагировала на ваши фантазии?

— Сначала все шло достаточно радужно. Желание писать о Гоголе возникло у меня в Италии. И когда в Москве я уже написал большую часть своих эссе, мы вновь поехали с женой в Рим. Я не раз бывал у дверей дома, где жил Гоголь. А тут мы с женой рискнули позвонить в любую квартиру этого дома. Подходим почти вплотную, и я внезапно ощутил приступ дурноты, обморочности. Состояние, похожее на то, что бывало у самого Гоголя, что он называл обмиранием. Как следствие вегетососудистой дистонии у него бывали приступы «панической атаки». Гоголь не был сумасшедшим, как ни пытались причислить его к таковым иные мемуаристы, в частности дореволюционный психиатр Чижов в своей книжке «Болезнь Гоголя», приписавший гению шизофрению. У дверей писателя со мной и произошла эта паническая атака — мандраж по всему телу, чувство страха, состояние какого-то удушья, ужаса.

— Жена заметила?

— Естественно. Она непримиримо сказала: «Заканчивай со своей Гоголианой, пока цел!» И я в Москве дописал свой последний опасный сюжет — и все! Хотя намеревался прикоснуться к теме «Гоголь и болезнь». И теперь считаю: Гоголь запретил мне касаться этой проблемы, а ведь у меня уже написались рядом с его именем слова «…и воздух», «…и ад», «…и рай». И даже «Гоголь и призрак точки».

Исследовательское чутье и прозорливая догадка Владислава Отрошенко отправляют его перо к судьбам замечательных людей. Десять лет назад он издал повесть «Веди меня, слепец» о драматурге Сухово-Кобылине, богатом русском дворянине, обвиненном в убийстве. Вещь,

основанная на документах судебного дела об убийстве француженки, любовницы барина, Луизы Симон-Деманш, сочетает в себе разные жанры: это и детектив, и психологическая повесть, и поэтическая песнь во славу любви. Есть у Отрошенко свой парадоксальный взгляд на древнего Овидия.

— Еще с университетских лет я полюбил Овидия. О нем нам читал Михаил Леонович Гаспаров, не только исследователь, но и переводчик «Метаморфоз» Овидия. Гаспаров — большой знаток античной поэзии. Таких блистательных ученых почти не осталось. Сюжет моего эссе родился моментально после чтения стихов Овидия. Он описывает городок Томы в Румынии, сейчас он называется Констанца. Это черноморский порт с очень мягким климатом, где Овидий якобы пребывал в ссылке. Овидий рисует в стихах совершенно иной — холодный, даже мерзлый — мир, людей с сосульками в бородах. Там морозы такие, что вино замерзает в кувшинах. Если бы Август сослал Овидия куда-нибудь в Подмосковье, все написанное поэтом можно было бы принять как факт его пребывания на чужбине.

— *Значит, Овидия кто-то ввел в заблуждение?*

— В его время вышла «География» Страбона. И, по-видимому, Овидий описание своей ссылки заимствовал у Страбона. Отсюда моя уверенность: на этом Черноморском побережье Овидий никогда не был. Но я защищаю его «Письма с Понта», несправедливо обруганные советскими исследователями в шеститомной «Истории мировой литературы», названные «порождением старческого пессимизма». Я считаю, что эти сочинения Овидия гениальны. Это первая мистификация в мировой литературе.

— *Как отнесся Гаспаров к вашей фантасмагории?*

— Я позвонил Михаилу Леоновичу, изложил основные положения своего эссе. Он ведь и сам обнаружил, что никаких исторических фактов пребывания Овидия в ссылке на Черном море нет, кроме собственных его писем и стихов. Если бы такая ссылка поэта была реально, то о ней обязательно упомянул бы Светоний. Гаспаров признал мои фантазии достаточно убедительными.

16 мая 2006 г.

Певец Стамбула и Шампани

Глеб Шульпяков: «После цунами в Таиланде меня считали пропавшим»

Повезло же парню! Выпустил первую книжку стихов — и попал в двадцатку молодых дарований, отмеченных в 2001 году поощрительной молодежной премией «Триумф — Новый век». Его заметил и благословил Андрей Битов.

— Глеб, какие вы — тридцатилетние: самопогруженные, самодостаточные мужи или равнодушные рационалисты?

— Мы лояльны и уступчивы до безобразия, но где-то внутри у каждого сидит совершенно непрошибаемая личная правда.

— Во сколько лет вы почувствовали себя мужчиной?

— На пятидневке, когда меня няня уложила на ночь с девочкой. Мужчине было года три. Странное ощущение…

— А вообще, что такое быть мужчиной?

— Время от времени быть тем человеком, на ком демократия заканчивается.

— Часто меняли подружек до женитьбы?

— Был влюблен пять раз в жизни. Случайные романы не в счет.

— Вы ревнивы?

— Все пять раз грыз от ревности ножку стула.

— Сами жертвой ревности бывали?

— Пару оплеух получил. Но они были настолько беспомощны, что отвечать на них посовестился.

— За обиду станете мстить, давать сдачу?

— Мстить никогда не буду, но запомню. Если за дело, то какая сдача? А если из подлости, то лучший рецепт — встать на место обидчика, и сразу увидишь, какой он жалкий. И обиду как рукой снимет.

— Своих недоброжелателей знаете в лицо?

— Да. По именам и по партийным кликухам. Они, как правило, все партийные.

— В «Новой Юности» от вас часто зависит, кого напечатать. Даете ли кому-нибудь поблажку?

— В «Новой Юности» печатаем талантливых, не глядя на имена и паспортные данные.

— К себе, любимому, бываете снисходительны?

— Постоянно. Однако лень и халтуру себе не прощаю.

Когда турецкий писатель Орхан Памук получил Нобелевскую премию, наше телевидение показало сюжет о

лауреате, побывавшем в Москве в 2003 году. Комментировал событие и сопровождал будущего лауреата по столице Глеб Шульпяков. Возник невольный вопрос: как же молодой журналист познакомился с великим турком? Этой зимой вместо снега посыпались книги Глеба: «Желудь» (стихи), «Дядюшкин сон» (эссе), «Книга Синана» (роман). На обложке романа мелким бисером сияют похвальные слова Орхана Памука.

— Глеб, что привело вас в Турцию?

— Мой интерес к Турции возник после того, как я прочитал роман Памука «Черная книга». Невероятное описание Стамбула! И я загорелся желанием там побывать. В тот год я мог позволить себе такое путешествие: молодежный «Триумф» наградил каждого премированного двумя с половиной тысячами долларов. Благотворительные деньги я благополучно потратил на это путешествие. Я в ту пору работал редактором «Экслибриса». Но поездка в Стамбул была моей личной блажью. С трудом добыл телефон-факс Памука… В отеле с наглой надеждой написал ему текст: мол, прочитал роман, в восторге, прошу дать мне интервью. Указал отель и номер телефона. Потом спустился с листом в холл и попросил помочь мне отправить факс Орхану Памуку. Шокированные служители посмотрели на меня насмешливо, как на чокнутого. Памук в Турции очень известен, настоящая звезда. А тут какой-то русский парень запросто посылает ему свое письмо! Тем не менее мой факс они отправили.

И Памук позвонил! Часа через два я встречал его в холле. На лицах консьержа изумление переросло в подобострастие. И я стал для них VIP-персоной, хотя мой вид не внушал им никакого уважения: джинсы, кеды. Еще утром в их глазах читалось: «Какой же ты гость, если не ходишь в начищенных ботинках!» Мы отправились ужинать, поговорили, записали беседу. Орхан — по-европейски общительный человек, очень открытый. Его английский прекрасен. Я тоже спокойно могу общаться на английском.

— Где вам удалось так его усвоить?

— Спасибо моим родителям. В 80-е годы не поскупились нанять мне репетитора. Он помуштровал меня, а дальше я пошел сам: читал книги, ездил по странам, общался.

— Вы школу заканчивали в Москве?

— В подмосковном городке. Мои родители были научными сотрудниками Международного научного центра. Отец всеми силами прививал мне любовь к физике. Но почему-то я внутренне сопротивлялся. Потом отец умер, мама одна не могла совладать

со мной, и я самотеком подался на факультет журналистики МГУ.

— За вами уже виден шлейф популярности. Не появилось желание встать на ходули сноба?

— Просто у меня другая натура. Чувствую себя дискомфортно, когда проявляют излишнее внимание ко мне. В быту я держусь не на виду. Чем меньше на меня обращают внимания, тем мне уютнее.

— Вам случалось защищать человека или отстаивать дерзкую идею с риском лишиться каких-то благ?

— Я никогда не бросался на амбразуру. Но моя любопытствующая натура попадала в сложные ситуации. Наше время вообще толкает не на отважные поступки, а на НЕучастие. Это и есть поступок! Соблазнительных возможностей ведь слишком много. Но нужно чутье, чтобы не вляпаться в то, за что потом будет стыдно.

— В жизни полно непредсказуемых поворотов. С вами случались эпизоды шокирующие?

— Вся надежда на неожиданности. Ими и питаюсь. Один пример. В 2004 году я находился в Таиланде. 24 декабря там случилось цунами. Мы жили недалеко от эпицентра и нисколько не пострадали, но свидетелями довольно страшных вещей были.

— Рассказывали, что вас, не подающего ни слуху ни духу, тогда зачислили в списки пропавших.

— Так и случилось. Я пережил жуткий момент: ты живой и невредимый, а в Интернете, в крупных информационных сайтах, обнаруживаешь собственную фотографию в почти траурной рамке рядом с сообщением: «Пропавшие без вести россияне нашлись, только один не подает сигнала». Потом сайт завел тебя на какие-то сетевые форумы, где о тебе говорят в прошедшем времени и друзья, и незнакомые люди. Все оценивают твою жизнь по-разному. Кто-то призывает молиться о спасении, кто-то презрительно бросает: «Так ему и надо!»

— Что вы испытали при этом?

— Сначала вся эта нелепица обескуражила, а затем воодушевила.

— Вы очень скупо отдаете своим стихам внутреннюю энергию. Не хотите полно проявить свои психологические запасы?

— Это склад моего характера. Не хочу его как-то форсировать в эмоциональном плане. В русской поэзии достаточно было надрыва, разрывания рубах и прочего. Почему я должен вступать в ту же колею? Это мой язык, и он сдержан.

— Глеб, вы любите присочинить, нафантазировать про себя самого даже в очерковых эссе!

— Да, люблю почувствовать и применить к себе ситуацию,

которая со мной не случалась. В обыденной жизни всегда присутствует некий идеальный замысел, но масса помех мешает ему развернуться.

— В романе вы явно нафантазировали эротическую сцену в отеле с турчанкой Бурджу. В это грехопадение я не поверила. Молодой русский в исламской стране мог бы элементарно схлопотать секир-башку!

— Да нет. Турция — вполне европейская страна. И во-вторых, это все-таки не я, а герой романа.

— Даже в книжке-эссе вы говорите о собственном эротическом любопытстве, ищете встречу с проститутками-кореянками. У вашего рассказчика ваше имя, произнесенное с акцентом: «Галип», то есть «Глеб». Здесь не отговоришься, что не про вас все это.

— (Завелся.) Если я приезжаю в город, то хочу познакомиться не только с памятниками, но и с его мифами. В Ташкенте одним из таких мифов были корейские проститутки. Вероятно, их никто никогда не видел. А миф о них довольно устойчив — он о невероятных усладах, которые они могут доставить. Очеркисту все это интересно, хотя тут возникает другой барьер: до какого момента я пойду в этом эксперименте. Это мое личное дело. Литература остается литературой, но я не хочу ввязываться в совсем уж паскудные истории. А вот попробовать впутаться в реальные истоки мифа — пожалуй. Без этого не получится литература.

— Глеб, а по натуре вы влюбчивый?

— Влюбляюсь по нескольку раз на дню. Но на 3–5 минут. Эта влюбленность абсолютно ничего не значит в моей биографии. Влюбленность — это какой-то эмоциональный допинг. И все. В принципе это живое любопытство.

— Наверное, еще не утоленное. Не потому ли вы не женились до тридцати пяти? Искали прекрасную женщину, достойную большого чувства?

— Скорее это издержки производства. Писатель — существо эгоистичное. Он все время выкладывается то на бумаге, то за компьютером — идет на поводу у своих сочинений. В бытовой жизни — это вампир, который может лишь потреблять, высасывать энергию из дорогих ему людей. Свою собственную энергию он вогнал в компьютерный текст. Жить с таким человеком довольно сложно. Я не особенно стремлюсь превращать кого-то в жертву.

— У вас есть собственная философия семейной жизни?

— Я только ее вырабатываю. Для семейной жизни очень подходят два абсолютно свободных человека — вполне

сложившихся, состоявшихся. Никто из них не станет обретать свою свободу за счет другого. Только изначально, изнутри освободившиеся от иллюзий, романтизма и эгоцентризма люди способны создать хорошую семью и жить без придирок, претензий и прочей чепухи. Я по крайней мере постараюсь освободиться от холостяцких привычек…

— Простите меня, Глеб. Но от этой правильной философии тянет холодом. Вы думаете, что ваша обаятельная жена Катя это внутреннее освобождение и самодостаточность ставит выше любви, выше нежности?

— Мы были знакомы десять лет. Издалека. На расстоянии. А потом оказались рядом, и я понял, что это близкий мне человек и что я влюблен в нее все эти годы. Масса эмоций, конечно. Но такие вещи я могу рассказать только в книге.

— Заметила, вы прекрасно себя чувствуете в кратовском доме Кати. Во дворе гигантские сосны. Их подвижные кроны вас умиротворяют?

— Я рос в окружении сосен в подмосковном городке, но у нашей семьи никогда не было дачи. Завтракать или пировать с друзьями на веранде мне не приходилось. Надеюсь, в Катином доме мне будет хорошо и созерцать, и кашеварить, и писать.

— Там есть мангал и прочие приспособления для кулинарных затей. Вы сумеете угостить своих гостей экзотической едой?

— После Ташкента пристрастился готовить плов на открытом огне. Соорудил на участке очаг из кирпичей, привез свой ташкентский казан и приготовил для жены и тещи. Они убедились: восточный плов не миф. Тут все непредсказуемо. Ты общаешься с огнем, регулируешь его интенсивность. На глазок кидаешь приправу, прежде всего — зиру. Плов получается таким, с каким настроением ты его готовишь. Он отразит в себе твои эмоции, твое состояние, как и твое стихотворение. Поскольку я сейчас чувствую себя счастливым, мой плов, приготовленный под соснами, удался.

— Ну что ж, Глеб! Пловом вы меня уже соблазнили. Поговорим о коньяке. С увлечением прочитала ваш очерк об искусстве возделывания винограда и о тайнах коньяка. Что привело вас в этот пьянящий город — Коньяк?

— От меня требовалось сочное, вкусное эссе. И я сначала бросился изучать литературу, а потом совершил путешествие в этот город. Побывал в коньячных подвалах «Готье», «Хайн», «Фрапэн» и «Полиньяк». Даже на фабрике, где делают бочки. Это настоящий карнавал и предбанник адской кухни!

— Вы, певец коньяка, домой в Москву привезли бутылочку?

— Привез восемь бутылок коньяку. Уж не знаю, как только

дотащил. Самую невероятную бутылку мне подарили в одном из коньячных домов. Узнав про год моего рождения — 71-й, — мастер-купажист, составляющий коньяки, спустился вниз, нашел бочку 1971 года, а в ней — дорогие великолепные коньячные спирты из Гранд-Шампани. Нацедил он мне целую бутыль и сказал: «Наливай в каждый твой день рождения по чуть-чуть. В этом коньяке живет твой год».

— Уже осушили эту священную бутыль?

— Полбутылки еще осталось. До особого случая.

Год спустя у Глеба Шульпякова и Кати Сенкевич родился сын Петя. Сейчас малыш делает первые шаги. Мне показалось, что наш писатель и путешественник стал мягче и озорнее.

— Вам нравится роль отца? Стали ли вы мудрее?

— Мудрее — нет. Скорее слабее.

— Ловите на желании обязательно стоять на своем?

— Ловлю себя на том, что нужно настаивать. И что мне этого делать абсолютно не хочется, а надо.

— Когда наблюдала вашу игру с Петей, заметила, как вы вдруг стали дурачиться. Приятно иногда впадать в детство?

— Приятно обнаружить под панцирем, который нас всех покрывает, какие-то живые движения, на которые казался себе неспособным.

— Какие отцовские качества вам хотелось бы передать сыну?

— Чувствовать нутром свою линию, свой путь — и следовать ему, быть ему верным. Не изменять ему. Ну и быть человеком мира, открытым миру человеком.

— Возникает у молодого отца тревога за будущее сына и его одногодков?

— Страна, в которой мы живем, славится своей непредсказуемостью. Причем «сюрпризы», которые нам подкидывает власть, редко бывают положительного свойства. Так вот, я бы не хотел, чтобы мой ребенок тратил время и эмоции на преодоление этих «сюрпризов». Поверьте, ни жизни, ни творчеству эти вещи абсолютно ничего не способны дать, только отнять.

Но это уже другой, отдельный разговор.

2007 г.

Жизнь опасней волкодава

Александр Иличевский: «Я умирал от страсти, как муха на клейкой полоске сладкого яда»

Преодолевать опасности — его природный дар. Рюкзак, палатка, лодка — проверенное снаряжение. Очень высокий и сильный, по-мужски закрытый, он позволяет себе неожиданный лирический вскрик внутри романного сюжета, если в этой точке кипения событий подступило к горлу запоздалое объяснение в любви. Персонажи романов многое позаимствовали от личности автора: талант прозрения, интуицию, чувственность и муки сердца.

Повернуть разговор с Александром Иличевским в сторону личных страстей — напрасная затея. Он не станет выносить на общий суд свою интимную, да и просто семейную жизнь. Ищите все это в его романах между строк. В самой атмосфере «Матисса» и «Ай-Петри» кроется растворенная ярость горячего темперамента романиста.

Он пришел в литературу не из филологии. Точные науки приучили любопытного «физтеха» к поиску скрытых закономерностей, объединяющих все живое, земное и поднебесное. В долгих и длинных пешеходных и прочих путешествиях в прикаспийских ли просторах, в таежной ли глуши он развил в себе медленное, «параболическое» зрение, и все увиденное и понятое сотворило с ним невероятное преображение: откуда-то вплывали в сознание редкие слова. К солнечному сплетению подступали «огромные кольца счастья». Эти видения разрешались стихами. А потом изменили его судьбу.

На меня сильное впечатление произвел его «Матисс», и я написала о нем в «МК». Была рада, что он принес Иличевскому лауреатскую премию «Русский Букер». Роман «Ай-Петри» покоряет лиризмом и психологическими тонкостями чувственных взаимоотношений. Я напросилась к Александру Викторовичу в гости.

— Позвольте, господин Иличевский, называть вас по-дружески, Саша. Почему вы отказались от судьбы ученого? Многие «физтехи» из моих знакомых без шума и крика покинули разграбленную Россию и прижились за рубежом. Легко ли было вам бросить науку?

— С наукой, конечно, расставаться было довольно трудно. Хочешь — не хочешь, но обстоятельства понуждали. Если спортсмен в течение длительных тренировок формирует,

наращивает мышечную массу, а потом вдруг резко бросает тренировки, то в нем происходят какие-то гормональные и прочие сдвиги. То же самое с наукой происходило. Определенные участки мозга в течение десятка лет развивались совершенно в ином направлении, чем филология.

— Вы рвали по живому?

— Да, сначала я ставил себе некие блокировки: запрещал читать научную литературу. Тут такая закономерность: чтение научной литературы меня увлекало слишком сильно. Если бы я вновь стал вчитываться в эти труды, то у меня зажегся бы прежний азарт. Я это про себя знал. Сейчас, уйдя из науки, я сумел достигнуть ровного состояния; научный азарт во мне несколько потух, и я снова возвращаюсь с удовольствием к науке, расширяю свой кругозор. Приятно, что во мне крепко проросло физико-техническое образование.

— Вы работали в Израиле и в Америке. Как там оказались?

— Профессией физика я зарабатывал деньги. В 90-е годы, когда погасло противостояние стран, возникшее в период «холодной войны», фундаментальные науки перестали финансироваться. Они угасали как в России, так и в Америке. У нас это произошло как следствие общей разрухи, а там переходили к новым технологиям. Когда в 91-м году я заканчивал пятый курс Физтеха, в Институте теоретической физики имени Ландау в городе Черноголовке оставалось только семь действующих сотрудников! Остальные 70 уже были за границей. А мне хотелось заниматься наукой, и потому я решил примкнуть к дорогому мне научному сообществу. Сначала я учился в аспирантуре в Израиле, а потом вернулся в Москву, чтобы вместе с родителями уехать в Америку. Теперь они живут в Калифорнии, в Сан-Франциско.

— И как же вы расстались с ними?

— А мы не расстаемся. Постоянно звоню им. Они приезжают сюда и живут в Москве по полгода. Отец с мамой уже на пенсии.

— Теперь я знаю, что это не вы, а ваш герой в «Ай-Петри» пробрался через персидскую границу в медвежьих лапах. Вы заимствовали этот эпизод в сказке?

— Сюжет не сказочный, а скорее житейский. Я был хорошо знаком с замечательным пограничником. Он провел на опасном рубеже с Персией 25 лет. От него я услышал много совершенно замечательных историй. В романе использовал один невероятный случай, когда шпион перешел границу, приспособив к ногам лапы от чучела медведя. Олени, изюбры, медведи спокойно и беспрепятственно пересекают границы. И наш шпион перехитрил пограничников.

— Но вы сами добровольно перешли границу из надежной теории в литературную неопределенность. Ученый не тешил себя иллюзиями, что там все проще и солнечнее?

— Я отдавал себе отчет в том, что пишу нечто, чем явно не заинтересуются издатели, поскольку видел, *что* нынче читают. Я мог представить свои вещи опубликованными в Европе.

— А предлагают издать?

— Сделано достаточно много предложений, но ведь никто не знает, когда это произойдет. Пройдет и год, и полтора… Там увидим.

— В литературе не существует абсолютной истины. Все оценки успеха относительны. Читатели и критики часто не совпадают со вкусами авторов, а иногда просто не умеют внимательно вчитываться в текст. В частности, в «Матиссе» многих ослепляет или утомляет блеск вашей длинной фразы, раздражают зигзаги сюжета. Получив «Букера», вы сразу стали мишенью для хищно стреляющих «гигантов мысли», сетевых ерников, желчных завистников и просто дураков. Все это выбивает вас из колеи?

— Нельзя сказать, что все это прошло для меня безболезненно — темперамент у меня такой…

— Взрывной?

— Точнее — спортивный, азартный. Когда меня особенно обижают, мне хочется дать сдачи или взять рапиру. Но в конечном итоге понял, что все эти упреки никакого отношения к литературе не имеют. Я не видел в этих наскоках никакого теоретического рассуждения, на которое можно было бы реагировать. Но главная причина моего неудовольствия в другом: у нас в принципе нет экспертного сообщества. Оно есть на Западе. У нас нет таких мощнейших критических изданий, как в Нью-Йорке. В Америке существуют даже рецензионные институты, а в их изданиях невозможно встретить голословные высказывания малообразованных крикунов. Там даже есть уникальная рубрика — «Рецензия на рецензию».

— В любви к доказательности и обоснованности критических суждений слышится голос фундаменталиста.

— Да, человеку, пришедшему в литературу из науки, кажутся облегченными такие оценки. Если ты решил какую-то задачу, то молодец, а если нет — слабак. Мне даже кажется, что наши критики вообще не читают вещи, о которых пишут с легкостью необыкновенной. Многим критикам книга представляется нелюбимой женой, с которой, хочешь — не хочешь, приходится вместе жить и мириться, а иногда просто хочется отравить.

— Иличевский с хорошими бицепсами, его запросто не

повалишь.

— Да я перестал реагировать на всякие наскоки. Чувствуешь: пишущий рецензии до того замылен бесконечным чтивом, что для него другая литература не существует. Что от него ждать?

— Добавлю каплю дегтя: милым женщинам «не в кайф», что в «Матиссе» ваш Королев общается с бомжами.

— Мои герои не вполне классические бомжи. Ведь в одной Москве бездомных огромное количество. Это и странники, идущие через Москву, и люди, временно потерявшиеся, и те, что застряли на вокзале, потому что их обобрали.

— Где вы познакомились с будущими героями?

— В Москве, на Малой Грузинской, возле Музея Тимирязева. Ведь это знаменитый щукинский особняк, куда коллекционер привез своего Матисса.

— Люблю и Щукина, и Матисса, и Музей Тимирязева любила: там по весне раньше выставлялись личные коллекции «Удивительное в камне». Я же «каменщица».

— Ух ты!

— Поделюсь с вами своими самоцветами. Честно признайтесь: не ваш герой, а вы лично пробрались в метро № 2, в тайную московскую подземку!

— В 91-м году охрана этих мест схлынула — платить перестали. Охранникам надо было идти деньги зарабатывать. Диггеры и любители таинств вошли в святая святых наших органов.

— В каком же месте вы вошли?

— Любой мало-мальски любопытный человек в ту пору мог войти туда везде. Мы вошли под ЦДСА. Мы даже не считали нашу вылазку приключением.

— И вы ночевали под землей?

— А как же! Мы шатались там четыре дня, нас было пятеро. До сих пор мы не можем осознать, где же мы тогда были — шли-шли и, наконец, вышли в Медведкове.

— Не вздумайте сейчас туда вновь сунуться — есть в метро и крепкая охрана, и дан приказ стрелять на поражение, если какой-нибудь любопытный туда полезет. Но давайте, Саша, из подземелья поднимем глаза к небу. У вас в «Матиссе» фантастически ярко нарисован дождь с грозой и шаровой молнией. Неужели вы нечто подобное наблюдали?

— В детстве увидел я шаровую молнию во время дождя. Он слегка моросил. И вдруг издалека стало надвигаться нечто. Я даже не представлял, что это такое: полутораметровый шар оранжевого цвета с огромным хвостом шел вдоль высоковольтной линии. Сумасшедшее видение! Я знал, что шаровые молнии

бывают белые или синеватые и маленького размера. Но потом, когда я вчитался в классическую работу Петра Леонидовича Капицы о шаровых молниях, то был поражен их разнообразием: они бывают размером от орешка до полутора метров. И разного цвета: белые, синие, зеленые, оранжевые… До сих пор во мне живет могучее впечатление от встречи с этим чудом.

Лирический герой Иличевского, оказавшись в горском селении, влюбился так самозабвенно, что не находил слов, чтобы выразить свое состояние: «Мои мысли… были скорее музыкой, чистым смыслом высшего желания, а не событиями фантазии. Теперь я понимаю, что это влюбленное размышление было способом, каким Бог являл мне о Себе». Высоко и торжественно звучат строки о первой любви. Но роман не «Песнь песней». И в финале герой Иличевского испытал прилив плотской страсти к одинокой замкнутой особе с обезображенной щекой. Обычно она выгуливала огромного белого волкодава. Любопытство и некая тайна вокруг загадочной незнакомки разжигают в герое чувственное влечение. Известие о гибели хозяина пса убило женщину — в нем была ее тайна, надежда — вся жизнь. В ее сознании уже поселилась мысль о самоубийстве. Волкодав Иран чувствует смерть и безумствует. Наш герой в чистом порыве нежности целует закаменевшую от горя женщину. И она ответила: «Губы впитывали ее учащенное дыхание… Чтобы не сгореть, я отстранился». А пес, прервав свое рысканье по кустам, помчался на запах смерти: «Дервиш несся, вскидывая парно лапы, нижняя губа трепалась от напора, верхняя открывала оскал, черные зенки были потушены… Прыжок был точен, но я успел…»

— Иличевский, эту схватку с волкодавом чувствуешь своей спиной. Вы сами наблюдали что-то подобное?

— В детстве у меня был именно такой пес — туркменский алабай. Его приютила моя бабушка. Она была врачом и участливо привечала разных больных животных. Однажды на улице заметила раненого пса, взяла его в дом и назвала Ираном. Этот чудесный пес безумной красоты и мощи жил с нами долгое время. Я с гордостью ходил с Ираном на море, и мне казалось, что я владелец такого огромного пса. На самом деле он мною владел. Наши особые отношения с Ираном нашли отражение в «Ай-Петри».

— Больше всего в романе меня потрясла ваша мистическая догадка о неодолимой связи плотской любви и смерти. А вот философское рассуждение на эту тему я встретила у француза

Жоржа Батая: «Эротика — это утверждение жизни в самой смерти». Вам знакомо это умирание даже после поцелуя, когда земля уходит из-под ног?

— *(Улыбается)* Знакомо, разумеется. Да, именно Батай вывел связь эротики со смертью в европейскую цивилизацию. Я знаком с его работами, но, признаюсь, в последнюю очередь думал о Батае, когда писал «Ай-Петри».

— *Поразительно, что физик знает философа Батая!*

— Я много чего знаю.

— *Но книгу Батая «Проклятая часть» выпустил «Ладомир» на русском, когда ваш роман уже был написан.*

— Я читал на английском. *(Вздыхает.)* Знали бы вы, сколько толстых книг я прочел.

— *Радуюсь: не ошиблась в оценке ваших сочинений. В «Ай-Петри» угадывается ваш идеал любимой женщины: в ней светится чистота, закрытость и внутренняя цельность. Этот идеал вы осознали к тридцати. А кто была девушка, которой вы сказали впервые «люблю»?*

— *(Смущенно и хитровато.)* Не по-о-мню… Ну правда не помню. Я слишком редко произношу это признание… Да, наверное, вообще не говорил об этом толком.

— *Ну, вы совсем не Лев Толстой! Тот в разговоре с Горьким о страстях признался: «В молодости я был неутомим». Когда у вас отрастет толстовская седая борода, думаю, вы вспомните о своих ранних увлечениях. В молодости с вашим лирическим героем случился «жестокий любовный припадок». Не свою ли душевную горячку вы подарили герою?*

— В жизни каждого человека бывают любовные припадки той или иной силы. Наверное, и в моем случае не обошлось без этого…

— *Да-а! Вы просто идеал мужчины — умеете держать на замке сердечные тайны. Но в грядущем романе вы все равно отпустите свои чувства на волю!*

— *(Смеется.)* Именно это я и хотел сказать. О таких вещах не говорят — о них пишут.

— *Когда вы женились? Расскажите, пожалуйста, о своей жене.*

— Женат уже десять лет, и это замечательное событие до сих пор греет меня. Мы вместе учились в МФТИ. Но Илина — на факультете управления прикладной математики. Потом она получила второе образование — закончила полиграфический институт и занимается художественно-техническим оформлением печатной продукции корпоративного издательства. Нашему мальчику Давиду два года и семь месяцев.

На «букеровском» торжестве Илина была рядом с Сашей — высокая, красивая, стройная. И никакой косметики!

— Наверное, вы с женой иронично относитесь к макияжу?

— Каждое женское лицо индивидуально. Одним идет некоторое подчеркивание достоинств. Но бывают такие тонкие лица, которым косметика только вредит. Если внимательно посмотреть на современное искусство макияжа, то обнаружишь определенный набор масок женщин в той или иной ситуации. Красавица, выходящая из косметического салона, внушает мысль: «Стоп, а где я ее уже видел? На сцене, на экране?» По-моему, макияж нивелирует лицо.

— Боюсь, вы еще скажете, что вам не знакома ревность. Или вы все-таки мавр?

— (Посмеивается.) У меня же спортивный темперамент! Да и по роману все ясно — мой герой только и делает, что страдает от ревности. Думаю, что я недалеко ушел от него.

— Говорят, что романисту проще воспеть безумство любовных порывов, встреч и разлук. А что же происходит с персонажами после брачных уз? Ваш семейный градус еще не раскалился настолько, чтобы само письмо стало «рождать сюжет» на эту тему?

— Кошмарный вопрос! Ну, во-первых, писатель чувствует вдохновение не только от каких-то страстей. Литература — это область незримости. Пишущий человек часто себя обнаруживает словно бы не в этой жизни. Он отрешается от здешнего мира, влезает туда, где царят совершенно другие законы. Там другая жизнь его сопровождает. И поэтому нельзя взвешивать творческое состояние мерками здешнего быта. Конечно, из этой «другой» жизни приходится возвращаться. И какие-то изменения, захваченные из области незримого, в реальной жизни приходится брать под свой контроль.

— Очень интересная откровенность. Любопытствую, Саша, издательства еще не бросились тиражировать ваши романы?

— В магазинах уже нет «Матисса». Он имел две тысячи экземпляров плюс еще две. Вот-вот должен подоспеть десятитысячный тираж.

— У «Ай-Петри» тираж крохотный. А роман поэтичен и может утолить неутешное воображение женщин.

— Судьбу романа решает издательство «Время».

— Как вы относитесь к мату, вытесняющему нормальный язык из жизни и литературы?

— Язык многогранен. У Юза Алешковского, великолепного писателя, и мат блистателен. Он функционален и протеста у меня

не вызывает.

— Но сейчас мат выносят даже в название книжки. Что ж, придется согласиться с восклицанием героя Леонида Андреева: «Погасим наши фонарики и полезем во тьму»?

— Да ни в какую тьму мы не полезем. В литературе у нас происходят совершенно замечательные вещи, особенно в поэзии, о чем мы еще толком не догадываемся. Этот расцвет поэтических индивидуальностей могу сравнить только с Серебряным веком. Великолепная Мария Степанова, Елена Фанайлова, Мария Галина, Алексей Цветков, совершенно гениален Борис Херсонский и более старшие, мои учителя — Алексей Парщиков и Иван Жданов.

— Жданова «МК» печатал еще в 80-е годы, в пору молодости поэта. Алексей Парщиков тоже довольно воспет.

— У нас еще узок горизонт, чтобы оценить все, что сейчас происходит в русской поэзии.

— К сожалению, издание книжек не по карману поэтам. Целую жизнь предстоит ждать грант. Издание даже тоненькой книжечки стоит поэту немыслимых денег.

— Это отъявленное уродство нашей культуры!

— И под занавес: скажите не таясь, вы собираетесь продолжить авантюризм путешествий?

— Без путешествий не могу жить. Сейчас пока не решил, куда поеду. Недавно был в довольно серьезной экспедиции в Иране. Не предполагал, что так ярко пройдет эта поездка. К ней еще мне предстоит не раз возвращаться.

— Какой спорт всего более отвечает вашему темпераменту?

— Думаю, все-таки ориентирование на местности. Есть такая современная игра, когда ищут некие «клады», ориентируясь по координатам GPS. Это азартное путешествие.

21 января 2008 г .

Тело мастера не боится

Фотохудожник Серж Головач: «Когда я предложил влюбленным обнажиться полностью, они испытали смятение»

Серж любит тех, кого снимает. Не оторвать взгляда от лица Джигарханяна: покоряет улыбка волшебника сквозь серебряные усы, полная блаженства. Взгляд полуоткрытых глаз отрешенно погружен внутрь, где дышит и блаженствует душа. Мрачноватый Шакуров с лицом философа, познавшего разлад с миром. Печальный Абдулов, словно читающий свою судьбу. Должно пройти время, чтобы мы смогли на этом последнем психологическом портрете Александра Гавриловича прочесть послание из вечности.

От Сержа исходит некая живительная энергия: невысокий, подвижный, даже какой-то молниеносный. Накануне нашей встречи он снимал Киркорова, выполняя задание своего журнала.

— Сережа, когда вы с ним впервые увиделись?

— С Филиппом познакомились в 2003 году: меня пригласили в телевизионную программу «Разум и чувства». Одним из ее рецензентов был Киркоров. Программа прошла в эфире. При встречах мы здоровались. А в прошлом году Филипп посетил мою выставку «сНАБИзм». А вчера меня пригласил женский журнал, чтобы я сделал несколько красивых портретов Киркорова. Съемки проходили в гламурном клубе «Сохо» — там красивые диваны, интерьеры, люстры… Филипп был контактен, много философствовал, говорил о том, что он сейчас находится в том возрасте, в каком была Алла, когда они познакомились. Повзрослев, оглядываясь на прошлое, Филипп обнаружил в себе иную точку зрения на их отношения.

— Вы делали панорамные портреты?

— Разные: и крупным планом лицо, и фигуру по пояс. Журнал, мой работодатель, заказал мне цветную съемку. Снимал я на цифровой аппарат. Филипп сразу увидел, что у нас получается, и убедился — все сделано профессионально. Мой принцип подчеркивать только достоинства.

— Сделали ли вы снимки в рост?

— У Филиппа огромный рост. Необходимо найти точку зрения, чтобы человек не выглядел Гулливером. Я этого достиг. Певец пришел на съемку загримированный, стильно одетый — все модно и дорого.

— Мизансцены придумывали вы?

— Мы в клуб приехали заранее, чтобы выбрать место съемок.

Зашли и на кухню. Нас поразило декорирование блюд. На одной тарелке в окружении россыпи соли лежал раскаленный докрасна камень: гость сам положит ломтики мяса или рыбы на эту огненнодышащую диковину. Очень красивая придумка.

— Серж, а если знатный человек на съемках капризничает, вы терпите и мудро воплощаете задуманное?

— Я терпеливый, коммуникабельный. Но ведь у всех совершенно разные настроения. Не забыть съемку Сергея Александровича Соловьева, мной очень уважаемого кинорежиссера. Снимал я сюжет для одного мужского журнала. Приехали мы к нему в студию на Малой Бронной. Он чуть-чуть задержался. Вошел взволнованный, а на его голову сотрудницы сразу обрушили неприятную новость: за какие-то титры ему предписали платить дополнительно две тысячи евро, в то время как начальная цена равнялась двумстам. Соловьев пришел в ярость: «Почему? За что? Какую-то ять там нарисовали…» Мы подумали с ужасом, что наша съемка не состоится. Но, слава Богу, контакт все-таки возник.

Сергей Александрович увидел в моих руках панорамный пленочный аппарат. Замечательный режиссер тут же переключился, вспомнив, как в 90-м году летел в Токио, и японские таможенники конфисковали его русский аппарат «Горизонт». Он так и не знает, зачем им это было нужно. Соловьев заинтересовался моей пленочной камерой. И процесс пошел: мы стали снимать. Великий кинорежиссер, управляющий на съемочных площадках толпами людей, тут увлекся и был вполне мной «управляем».

Я объяснил, что хочу снимать его в лифтовой шахте. А дом был старый, где огромный двигатель находился не вверху, а внизу. Рядом с мотором и множеством тросов он оказался впервые. Наш кадр редкостный, вышел на славу, словно в руках у кинорежиссера «миров приводные ремни».

— Вы побывали гостем на недавнем Берлинском международном кинофестивале. Кто платил?

— Пригласившая меня секция документального кино Берлинского фестиваля оплатила мои перелеты и проживание в гостинице. Там показывали снятый в прошлом году документальный фильм «Восток — Запад». У меня в фильме всего семь с половиной минут. Роль небольшая — я снимал тогда панорамные снимки московской команды регби. Это понравилось и даже удивило иностранцев: оказывается, в России есть и красивые регбисты, и хорошие художники.

— А как вы были одеты в кадре?

— Регби снимали в реке, и все мы были в плавках.

— Вы накачали свои мышцы?

— Не особенно. Я нормальный пропорционально сложенный парень, отслуживший свой срок в армии, сначала в Орле, а потом возле Грузии, в полку связи. В те времена и студентов брали. Я из их числа. Институт закончил после армии.

— На каком языке общались с иностранцами?

— Со сцены — с переводчиком. А в быту — на английском.

По мнению специалистов, Головач раньше других русских фотомастеров воспел красоту мужского обнаженного тела. В 2002 году фотогалерист Оливье Серри в своей «ArtMenParis» рядом с работами французов, американцев выставил русских, в том числе и Сержа. В экспозиции — исключительно мужской портрет.

— Серри отобрал 13 моих фотографий, снятых еще в Хабаровске.

— Что же увлекло французского галериста в этих снимках?

— На Западе почему-то думают, что в России проживают одни крестьяне. Французы действительно удивились красоте наших мужчин. Я хотел показать именно красоту неизвестных мужчин, не моделей, не спортсменов. Их безупречные формы и природную пластику.

В 2006 году Оливье Серри устроил в Париже персональную выставку «Русские» Сержа Головача. Интерес к ней был огромен. На вернисаж пожаловали официальные лица, дипломаты, художники, легендарные свободомыслящие русские художники, десятки лет живущие в Париже.

— Я рада, что наши живописцы-классики Оскар Рабин и Валентина Кропивницкая пришли посмотреть на ваши работы: значит, они здоровы и еще выходят в свет.

— Они с огромным пониманием отнеслись к моим работам. Блестящие профессионалы и замечательные люди! Мне очень дорого их внимание. Они поблагодарили меня, что я привез своих «Русских» в Париж. К сожалению, не смог приехать на вернисаж из Нормандии близкий мне по духу художник Вильям Бруй. С ним я познакомился на его первой выставке в Москве. Мастерство этого художника уникально.

— Серж, в Москве, в галерее «Fine Art», вы поразили зрителей своим фотороманом одного дня, снятым под знаком «+» ВИЧ-инфекции. До сих пор перед глазами встают безупречно сложенные мужчины — тридцатитрехлетний Лео и его близкий друг двадцатитрехлетний Франсуа. Много дум и сомнений вызывает их

любовь на краю возможной трагедии. Расскажите о них.

— Проект «+» символизирует любовь, ношу, бремя. Два молодых человека любят друг друга. Лео — носитель ВИЧ-инфекции. Это еще не СПИД, а вирусоносительство. Много лет он несет в себе этот опасный знак. Но держит себя в блестящей физической форме, принимает постоянную помощь врачей.

— Но в какой опасности находится танцовщик Франсуа! Что думают про эту связь их родные?

— Речь, конечно же, идет прежде всего о безопасном сексе. Они всеми средствами предохраняются. Мать и сестра Лео знают все подробности. Обе семьи полны добрых чувств к этой паре. Доказано, что этот вирус не передается ни через поцелуй, ни через рукопожатие, ни через еду и укус комара. Только через кровь. Защищенный секс дает надежду на гарантию.

— Ваши светописные кадры вызывают волну сочувствия к этим парням — так натренированы, пластичны и красивы их тела!

— Лео, любимец фотохудожников, старше и, конечно, достиг большего: он модель Пьера и Жиля. Это именно на их снимках, однажды представленных в московской галерее, я впервые увидел Лео. Он поразил меня своим совершенством, и я мечтал поработать с Лео и Франсуа, сделать свои снимки.

— Захотели соперничать?

— Ни в коем случае! Пьер и Жиль делают цветные картинки. Я — черно-белые. Они делают кадры вертикальные, я — панорамные. Это разный визуальный язык. Осознанно не вношу в снимки детали китча и гламура. Я реалист. Показываю конкретную ситуацию, реальную жизнь. Но, естественно, ее режиссирую, продумываю.

— Французские парни позволили вам снимать их обнаженными?

— При самых интимных встречах я не присутствовал.

— Но как важны касания!

— Еще бы! Их прикосновения, поцелуи есть на моих кадрах. Но не каждый может себе позволить целоваться в присутствии камер. На свадьбах молодожены при гостях целуются.

— Целуются Он и Она — это нормально. А любовь двух мужчин — нарушение нормы.

— В Париже, да и вообще во Франции, к этому привыкли. Там и на улице мужчины не стесняются целоваться. И женщины целуются, не замечая окружения.

— Как реагировали Лео и Франсуа, увидев на выставке свои изображения?

— Были в восторге. У Пьера и Жиля они никогда не

снимались обнаженными — только по пояс. Когда я предложил им обнажиться полностью, они испытали некое смятение. Я объяснил, что это не будет грубо-эротично. Я их развел в разные стороны. В моих кадрах обнажение имеет драматургическое оправдание: важно показать открытость человека, его незащищенность.

— У ваших персонажей есть внутреннее родство, и художник вправе найти в этом свою идею красоты. Почему вы снимали сюжет в Нормандии?

— Там живет семья Лео.

— У вас была редкая возможность увидеть и отразить первозданный простор Нормандии. Он до сих пор как при Вильгельме Завоевателе. Вблизи Ла-Манша чувствуешь себя первобытным человеком. Сколько же пленок вы тогда сняли?

— В России проявил 16. Мы работали целый день. Куратор моей парижской выставки Сергей Дедюлин содействовал нашей дружбе с Лео и Франсуа. Устраивал наши встречи, помогал переводами. Это все бесценно! Раньше Дедюлин жил в Петербурге, теперь — в Париже. У меня, к сожалению, не было денег, чтобы полететь в Париж на эту свою выставку. Огромное спасибо жене французского посла — она перевезла мои фотографии в Париж. Там они очень востребованы!

— Любопытно, получает ли что-то от выставок автор?

— В каких-то галереях берут плату за вход. И что-то могут заплатить мастеру. Галерея «Fine Art» в Москве открыта бесплатно. Ни галерея, ни я на этом не зарабатываем. И в Париже на эту выставку вход был бесплатный. Это же не выставка-продажа, а социальный проект. Замечательно, что вы и «МК» поддерживаете социальную важность проекта под знаком «+» ВИЧ-инфекции. А вот на моей выставке «Русские» один французский искусствовед купил мою фотографию за 1200 евро. Мой фотогалерист отчислил мне 600 евро. Представляете, сколько зарабатывает искусствовед там, если запросто платит за фотографию такие деньги! К слову, фотографии продаются очень и очень редко.

— Сергей, о вас талантливо пишут искусствоведы, особенно Александр Шумов, ныне швейцарец. Он называет вас ярким художником. Признайтесь, вы все-таки учились живописи?

— Да, я закончил Биробиджанскую художественную школу: рисовал, лепил, изучал композицию, историю мировой культуры. Дальний Восток многое в меня заложил. Но для серьезного занятия живописью нужна студия и много чего еще. А вот фотография стала моим инструментом, который позволяет мне выразить свои мысли.

— А как получилось, что ваши фотографии были отмечены солидной премией в Японии?

— Просто не стеснялся участвовать в разных конкурсах. Отправил в Токио две работы на конкурс, сначала маленькие. Они были отобраны, и меня проинформировали. Я отпечатал большие и отправил в жюри конкурса.

— Как выглядит эта ваша премия?

— Хрустальный шар с гравировкой. В ней моя фамилия.

— Вы дальневосточник. Бывали в Поднебесной?

— Двадцать раз! С загранпаспортом садишься в автобус и без визы едешь в Китай. Мой любимейший город — Харбин. В 93-м я побывал в русском соборе Святой Софии. Но уже в 2002-м внутри храма, как в музее, под иконами висели таблички с иероглифами. И ни одной подписи на русском или хотя бы на английском. Вход в храм платный. Как меняются времена!

Родился Головач в Биробиджане — столице Еврейской автономной области. Он не еврей, там вообще на 60 тысяч жителей всего 996 евреев. Просто родители Сергея, по образованию инженеры, после института были направлены в этот небольшой город.

— В 69-м мои родители встретились, а в 70-м я появился на свет. Мама уже умерла. Папа живет в родном Хабаровске. Я выпускник Дальневосточной академии госслужбы.

— Когда увлеклись фотографией?

— На мой 13-й день рождения родители подарили мне элементарную «Смену». Я стал с азартом снимать людей. Люблю людей.

— А была ли девочка которую вы любили больше всех людей?

— В 15 лет на меня накатила влюбленность. Девочка тоже мне симпатизировала. И нам казалось, что мы совершаем что-то ужасное: целовались. Но потрясающие влюбленности нахлынули на меня в студенческие дни. Мы ходили в таежные походы, шастали по берегам рек. Представьте одну из величайших рек — Амур!

— Была я на берегу Амура, в Благовещенске. Полный восторг. Любопытно, почему вы стали Сержем? Вам нравится французское звучание вашего имени? Или вы специально укоротили Сергей, отбросив последний слог, совпадающий с громокипящим клубом?

— Уточню. Я обдумывал, куда мне уехать из Хабаровска. Проще — в Москву. Я же мечтал о Париже. Но для этого шага слишком много надо, больше всего — денег, которых у художника никогда нет. Зато есть охота что-то изменить в себе или хотя бы в имени — придать ему европейскую звучность и

краткость. Так поступают японские художники на определенном этапе творчества. Марка Шагала по рождению звали Мойша. И короткий «Серж» как-то лег на мою возбужденную сущность. Корни у меня русские. Предполагаю, есть еще и гуранская ветвь во мне. Гураны — это славянские племена, породненные с маньчжурским населением. Видите: у моих глаз разрез чуть-чуть скошен по-тунгусски.

— Теперь из-за дороговизны вы не можете поехать к отцу в Хабаровск?

— Слава Богу, летаю ежегодно и не за свой счет: меня систематически приглашают судить разные конкурсы. Конкурс дизайнеров «Золотое лекало», «Мисс Дальний Восток».

— Пора бы и самому обзавестись семьей.

— Да я давно женат! Моя жена Виктория — моя муза. У нас двое детей: сын Вики от первого брака Данила и наша дочка Сонечка. Семья живет в Витебске. Два раза в месяц езжу к ним — от Москвы всего 500 верст. Сонечка родилась в Хабаровске, я присутствовал на родах. Фотографировал ее появление на свет.

— Ну какой хороший папочка Сержик!

— Пережил жуткий шок, наблюдая за страданиями Вики. 27 февраля Сонечке исполнилось 7 лет. Я купил куколку по имени Хлоя и съездил в Витебск ее поздравить. От куклы она пришла в восторг. Даниле уже 13. В Витебске большая трехкомнатная квартира. Мы ее купили. За эти деньги в Москве даже комнату в коммуналке не купить. Вика тоже профессиональный фотограф, работает на телевидении, снимает видео.

— Александр Шумов, наверное, из своего швейцарского далека перепутал вас с русским медведем: он называет вас «вальяжным и сибаритствующим». В его отличном знании русского не сомневаюсь; возможно, он чисто провокационно пристегнул к вам, «вальяжный», — то есть массивный, крепкий, толстый, чванливый. Просто ужас какой-то!

— Это не я, не я!

— А уж «сибаритствующий» — какая-то игра в несуществующие понятия. Кто такой нынче сибарит? Да живущий в роскоши и праздности бездельник. Подходит это к непоседе Головачу? Вы барственность можете себе позволить?

— Остаюсь гедонистом. Люблю жизнь.

— Для соответствия вы должны высшим благом считать наслаждение. А гедониста легко вывести из себя?

— Трудно. Но все-таки такое случается. Правда, я мудр и достаточно уравновешен.

— Заводной?

— Да, кипящий, бурлящий, лезущий в драку.

— Вы называете жену музой. На что она вас вдохновила?

— Однажды совершенно профессионально предложила: «Попробуй снимать голых мужиков».

— И какое впечатление на нее произвели ваши мужские «ню»?

— Они ей понравились, да и я сам пришел от них в восторг. Но в Хабаровске что мне было делать с этими потрясающими обнаженными античными фигурами? И я решил искать свой путь в столицах. Сейчас 7 моих фотографий есть в Государственном Русском музее; 30 — в Московском доме фотографии. У Зураба Церетели в Музее современного искусства — 13. Нынче все умеют фотографировать. Но искусство фотографии — это еще и психология, ты должен быть психологом, чтоб человек раскрылся.

— О вас говорят, что вы постигли тайну дизайна клубных одежд. А сами имеете вещи fashion-дизайн?

— Одеваюсь стильно, но не сторонник дорогих брендов. Не ношу. Предпочитаю дизайнерскую одежду русских, французских или немецких мастеров. Но чтобы это было не по бешеным ценам, достаточно демократично и скромно по деньгам. Но по стилю, может быть, даже вычурным. Люблю одеваться ярко. Вы заметили, я пришел к вам в белой шапке с искусственным белым дизайнерским зайчиком. Она стоит всего 800 рублей.

— Это очень дорого. Правда, шапочка подчеркивает ваше озорство. Скажите, господин художник, имеете ли вы возможность издать альбом своих фотографий?

— Сам я не могу найти деньги на его издание. К тому же в нашем обществе не выработана культура потребления фотографий и фотоальбомов. На Западе альбомы издаются многотысячными тиражами и раскупаются.

2008 г .

Пролетая над гнездом соблазна

Молодой писатель Алмат Малатов: «Мы с моей женой прожили 7 лет»

Тираж его романа «Кризис полудня» приближается к 20 тысячам. В нем привлекательна естественность тона, многим будет симпатична полуденная разбросанность чувств, раскованность и озорство студенческого братства. Лирический герой вобрал в себя и автора, и множество зеркальных отражений любителей сомнительных удовольствий.

Я пригласила Алмата к нам в «МК». Он появился под вечер. Скинул с плеч черную куртку из дорогой каракульчи, искусно отделанную кожей. Безупречный и красивый, он мягко двигался по длинному коридору, очень похожий на черную пантеру. Открытый ворот невесомой блузы от-кутюр позволял разглядеть чистое сияние драгоценного камня на груди. Гость улыбнулся как-то беззащитно, и пропасть, разделявшая нас, вдруг пропала.

— Алмат, вы подписываете свои тексты псевдонимом Immoralist. Ловите на живца своих читателей? Интригуете?

— Это не совсем так. Immoralist — мой nikname. Когда я начал вести свой сетевой дневник, то, естественно, выкладывал под ним и свою прозу.

— И тем не менее вынесли niknate на обложку романа.

— Издательство настояло. Я позаимствовал nikname у Андрея Жида, хотя его знаменитый «Immoralist» немножко про другое.

— У вас экзотическая внешность, словно пришел к нам красавец Камиль де Грие из романа Оскара Уайльда. Если к внешнему изыску прибавить признание о корнях ваших французских, еврейских и казахских предков, то получится обжигающая смесь. Неужели в самом деле?

— В моей семье о национальности никогда не говорили, поскольку родители работали в режимной структуре. Да и я этим не интересовался. Знаю — дедушка со стороны матери был восточных кровей. По семейной легенде где-то пробегали французы, были и евреи. Я себя не ассоциирую ни с одной нацией. Я человек постсоветской национальности, как и все мое поколение.

— Очень точно замечено! В интернетском тексте вы, наверно, во хмелю воскликнули: «Я закончил мединститут и знаю, как найти ваш мозг». Согласитесь, это не врачебная, а скорее бандитская интонация. Хотели припугнуть навязчивых прилипал?

— *(Улыбается.)* Да все это шутка, самая обычная шутка. В общем контексте довольно циничная шутка, но она никого не напугает.

— *Ваш глаз сохранил пестрые и соленые сцены студенческой жизни, а гибкий язык в романе стремился к эпатажной выразительности: там стеб и мат со всех сторон. У вас это выходит ловко, почти не вызывая отторжения. От кого переняли эту манеру?*

— Я ее усвоил от жизни. Рос в портовом городе, учился в мединституте, жил в общежитии, где эта лексика носилась в воздухе. А вот использовать ли ее в тексте — зависит от чувства языка. Меня очень сильно коробит неуместный мат. Он режет ухо при разговоре, оскорбляет глаз при чтении. Но в тексте, когда передаешь прямую речь пьяного докера, трудно ожидать, что он заговорит языком барышни. Мат подобен перцу чили: он уместен в качестве пикантного акцента, но когда все блюдо состоит из поджаренных перчинок — увольте! Попытка натыкать во все фразы матерные слова — это признак авторской беспомощности. Автору нужен большой текстовый дар. При отсутствии текстовой техники он, вероятно, не придет никогда.

— *У вашего героя, а прежде всего у самого автора, «болит память». Эта боль личная? Или вас одолевают уколы социальной и прочей несправедливости? Или вам близка «мировая скорбь»?*

— «Мировая скорбь» уместна в двадцать лет. Тогда это красиво. Не могу сказать, что и социальная несправедливость вызывает у меня мучительное чувство боли. Знаю: мир несправедлив по определению. И человечество пытается эту несправедливость как-то уменьшить. Победить ее нельзя, но попытаться уменьшить можно и нужно.

Конечно, есть у меня и личная боль — определенная рефлексия: возврат памяти назад. Нельзя двигаться дальше, нельзя пройти кризис полудня, не разобравшись в себе.

— *Вы несколько лет живете в столице. Как организован ваш быт?*

— Быт мой организован как попало. Честно говоря, я равнодушен к степени комфортности. У меня о комфорте свое представление. Мне нужен компьютер, подключенный к Интернету, нужна в любой момент доступная горячая вода и кровать. Если вдуматься, мне не нужно больше ничего.

— *Признаюсь, Алмат, я была настроена на более жесткий диалог с вами, так меня ожесточили ваши сетевые тексты. Но, увидев ваши улыбчивые открытые глаза, я оттаяла. Вот эта безукоризненность в одежде, внутренняя тишина и отточенность жеста, наверно, результат долгой шлифовки. Откуда в вас это?*

— Что-то взял от родителей. Но от них я рано уехал и начал работать. Предпочитаю быть независимым. Мне важно четко знать, сколько у меня денег, на что могу их потратить. С родителями мы живем совершенно разными жизнями. Знаю, они относятся к моей жизни с уважением, и я уважаю их ценности.

— *Вы хорошо вписались в московскую среду. Есть какие-то особые достоинства у столичного ритма?*

— Мне здесь удобно, комфортно. Меня устраивает ментальность большого города и его скорость. В Петербурге я всегда испытывал желание дать пинка впереди-идущему, потому что он копается, долго думает — мешает. А когда ты приходишь в кофейню на Невском и оказываешься единственным посетителем у стойки, то барменша тебя не видит. Приходится ей заметить: «Девушка, мне что, голым на столике сплясать, чтобы вы меня заметили?» А в ответ слышу: «Ах, что? Ко-офе? Сейчас, сейчас…» И уходит куда-то. В Москве, как правило, такого нет. У меня есть пятнадцать минут на еду или, скажем, час. И если вовремя не подадут, то просто уйду.

— *Вы часто позволяете себе не есть?*

— Очень редко. Поесть люблю и хорошо сам готовлю. Почти все, только ничего не пеку, хотя тоже умею. Но выпечку по-домашнему люблю.

— *Вас посещает чувство вины?*

— Оно присуще всем. С возрастом я научился работать со своим чувством вины. Пытаюсь понять: а была ли реальная вина? Психика людей так устроена — она диктует находить всему объяснение. Я нахожусь сейчас в месте сбора камней. В своей жизни я сделал много всего, в том числе и поступков, прямо говоря, некрасивых: одни можно исправить и жить дальше; другие попросту не являлись таковыми — осознав это, можно жить без поедания «червей».

— *Вы многое перепробовали. Что больше всего влияет на вас, достаточно успешного человека? Вы даже медбратом были…*

— И врачом успел поработать, и на подиуме немного. В 90-е годы многие более или менее эффектные юноши и девушки шли на подиум. Была мода на топ-модели.

— *У кого вы одеваетесь?*

— Одеваюсь по принципу: вещь должна мне нравиться. Спокойно могу надеть безымянные турецкие штаны с рубашкой от Версаче. И все находят, что это хорошо. Стремление свести брендовость в одежде к абсолюту — это, мягко говоря, дурновкусие.

— *В вашей сегодняшней одежде я угадываю стремление к дендизму.*

— Дендизм исключает бренд. Он предполагает выработку собственного стиля.

— Шарль Бодлер писал: «Денди никогда не может быть вульгарным». Поэт отметил, что взгляд самого денди ценит изысканность, совершенство одежды. А ее идеальная простота и есть «наивысшая изысканность». Жаль, Бодлер не дожил до брендов.

— Брендовые вещи имеют значение, если они хорошо сшиты, либо это социальный код распознавания «свой — чужой». Есть круги, где этот код необходим. В других кругах это не значимо. Там брендовые вещи носят, просто чтобы повысить свою самооценку. Меня это удивляет. Как можно с помощью тряпки повысить самооценку!

— Зато можно подчеркнуть свою покупательную способность. Алмат, где вы зарабатываете на жизнь и бренды?

— Работаю везде и понемножку. В свое время четко понял, что не хочу ходить каждый день на работу. Значит, не буду. Заканчиваю свои дела в 4–5 утра, а встаю в полдень. Так хочет мой организм. А организм у меня один. Соответственно: пишу куда-то колонки, где мне нормально платят.

— В одном из текстов вы, открыв забрало, признаетесь: «Меня зовут Алмат. Я сексоголик». В какой стадии — чтоб «согреть нутро» или это привычка?

— *(Смущенно.)* Уточню: все-таки признается в этом мой лирический герой, которому я подарил свое имя.

— Рисковый поступок. Если в романе ведется рассказ от первого лица, а в его жизни воспроизводятся факты биографии автора, читателю трудно провести разделительный знак между вами.

— Я же оговорил в начале романа, что все герои вымышленные.

— Думаю, эта оговорка — всего лишь мнимость. В том круге, где вы свой, безусловно, поставят знак равенства между героем и автором.

— Если говорить о моем отношении к сексу, замечу: секс — всего лишь секс. Это не больше и не меньше. Это важная, но не единственная часть моей жизни.

— Вы делали попытку завести семью?

— Уже развелся и пока больше не собираюсь. И мой лирический герой прошел через это.

— Какое совпадение!

— Ну уж такая практика у людей. Мы с моей женой прожили 7 лет. Это был счастливый брак, и хотя, как и многие студенческие браки, он распался, мы с Мэри сохранили

прекрасные отношения. Встречаемся, общаемся, ездим друг к другу в гости. Она в Петербурге, и мы по-прежнему близкие люди. Когда тебе тридцать два, невозможно из них вычеркнуть без потерь 7 наших лет.

— Наверное, самых прекрасных?

— Правда. Прекрасные и даже ужасные — все они мои.

— Для поэтов, художников — словом, людей, тонко чувствующих, эротика — это объект и поэтического созерцания. Современные чувственники позволяют себе сердечную эротику без мысли об обладании?

— Ну конечно, само эстетическое чувство не имеет отношения к сексуальному. Одно другому не мешает. Красивое — это гармоничная законченность образа. Знаю одну даму, работающую стриптизершей. Ей далеко за 40, ее вес 120 кг. И она не сидит без работы. Ее красота — это другая красота. Кто-то умеет увидеть красоту и в грязи, кто-то везде видит только грязь.

— Вы примеряли облачения трансвестита?

— *(Смеется.)* Лично я — нет. Но было такое поветрие в 90-х годах — ну, там фишка, приколка.

— Почти театральное представление?

— Ну конечно: разные джоуки, шутки. Ведь трансвестит — это человек с определенными психологическими параметрами. Он просто испытывает половое удовольствие от переодевания в одежду другого пола. А есть транссексуалы. Они считают себя людьми другого пола и, соответственно, пол свой меняют. Правда, бывает совершенно игровая ситуация — давайте повеселимся. В студенчестве мальчики переодевались, размалевывали морды жуткими полосами, портили кучу косметики; было забавно.

— На ваш взгляд, кто из писателей создал самые совершенные романы, где присутствует сексуальная тема?

— Ой! Как сказать? Тут нет объективных данных — это то же самое, что примерить чужой костюм на себя.

— Ну а с точки зрения эстетики?

— Думаю, это интересно у Куприна. У наших сегодняшних не знаю ни одного удачного сочинения на эту тему. Тут большой соблазн скатиться либо в порнографию, либо в истерику. Очень тяжелая тема. С ней тяжело работать — слишком заштампована. Это, увы, мировая тенденция. Из всех авторов в этой теме лидирует, на мой взгляд, Теннесси Уильямс. Сексуальная тема интересна, когда идет на равных с другими темами текста. Есть, конечно, талантливые порнографы. Ничего плохого в этом не вижу. Порно — тоже жанр, тоже нужен, и среди них есть свои звезды.

— В той среде, где вы свой, воспитано ли в людях чувство запретного? Действует ли евангелический завет «не убий» и медицинское правило — «не навреди»?

— Евангелическое от меня далеко как Африка. «Не навреди» — это чувство редуцировано для многих, особенно работающих в области публицистики. Чувство внутренней цензуры, чувство запретного — большая редкость. Чувство запретного не свойственно человеку — оно воспитывается. Есть вещи, которые я делать не буду. Универсальной этики не бывает.

— По вашему роману и по другим текстам я, кажется, угадала астрологические особенности вашей натуры. Попробуем поиграть?

— Хорошо.

— Вы бываете чрезмерно самоуверенным и негибким?

— Чрезмерно самоуверенным — нет. Самоуверенным и негибким бываю.

— Руководит ли вашими прихотями фраза «я желаю»?

— Никогда. Мною руководит немножко другая фраза — «я хочу». Значит, «мне надо». Когда возникает определенная ситуация, я сначала подумаю.

— Вы замечали, что обладаете какой-то целительной силой? Разговаривая с вами, почему-то убеждаюсь — такая сила есть.

— (Долгий вздох.) Думаю, тут надо проверять путем обследования — есть оно или нет. У нас есть Институт паранормальных способностей. Но я об этом никогда не думал. Я медик, и таких людей встречал. Так что все возможно.

— Вы ревнивы?

— Нет, абсолютно.

— Алмат, этим ответом вы ломаете мое обобщение. Ревность из вашего ряда!

— Скажу так: нет, но я злопамятен.

— Вы эгоист? Бываете ли в плену каких-то маний?

— Мания не диагноз. Но к маниакальности не склонен. Моя бывшая жена, психиатр, говорила мне: «Ты психически здоров, до отвращения». А эгоист ли я? Конечно, разумный эгоизм во мне, несомненно, сидит: сначала интересы мои, потом интересы моих близких, если они не навредят никому. А потом уже и другие. Сначала все-таки думаю о себе. Считаю: если бы все люди заботились о себе и занимались своим делом, у нас не осталось бы острых проблем социального и мирового характера. Религиозная фраза «возлюби ближнего своего, как самого себя» — универсальная фраза.

— Вашим знаком управляет Плутон. И он диктует своим подопечным преобладающее сексуальное желание. Господин, вы

Скорпион!

— Да я же Скорпион Скорпионыч! Родился в день и час Скорпиона, мои отец и бабушка — тоже.

— Обрадую: Плутоном вам обещано слияние сверхсознания с творческой энергией. Соответствуйте! В еврейской древней мифологии первой соблазнительницей Адама была Лилит, роковая женщина вскоре покинула его. Лишь потом Бог послал ему плодородную Еву. А Лилит стала прислуживать дьяволу — от ее зла спасали новорожденных. В тексте у Набокова читаем: «Лилит была той, о ком он мечтал», — то есть нимфеткой, роковой женщиной. Исследователи говорят, что набоковская Лолита не подлежит расшифровке. Сколько авторов пытались это сделать. Вы тоже создали свой текст: «Лолита: перезагрузка». Какую вы обозначили цель?

— Архетипный образ Лолиты, конечно, древний. Девушка в возрасте цветения становится объектом для секс-переживаний. Но этот объект влечения все-таки абстрактен. Я хотел представить, что было бы, если бы абстракция заговорила.

— А вы видели два голливудских фильма «Лолита» — Стэнли Кубрика и Адриана Лейна? Один 60-х, а другой 90-х годов.

— Я специально их посмотрел. Они, конечно, по-своему рассматривали символ Лолиты. Но есть у Кубрика и Лейна нечто общее: Лолита у них — это фантом. Ее нет.

— А у вас в условиях новых технологий фантом начинает говорить.

— Да. Сейчас можно написать программу, и фантом будет мыслить.

— Прерву наши абстракции. Мне любопытно другое: куда вы будете развиваться как писатель?

— Я не знаю куда. Сейчас понимаю, могу писать лучше, но еще не знаю, как это выполнить. Через это проходят многие авторы. Но я не тороплюсь. Делать две-три книги в год, чтобы держаться на плаву, не хочу. Мне проще стать медийным персонажем, публичным человеком, чтобы сохранился интерес ко мне как к автору. Лучше буду писать одну книгу два года, но хорошую.

— Приглядываюсь к вам, Алмат, и вижу: вы очень киногеничны. Вам не предлагали сниматься?

— Предлагали дважды, но проекты срывались. Недавно я вышел на сцену в театре «Практика» в спектакле на стихи Лены Фанайловой — сыграл самого себя. Театр маленький, но он востребован. Публике не хватает места, стоят в проходах и по углам. Туда приходят студенты театральных институтов. Там

привлекателен срежиссированный корпус текстов. Так что сценический опыт мне был интересен.

— Вы курильщик? Что с вами делает курево?

— Нажил бронхит, как и все курильщики.

— Но вы же доктор, знаете о последствиях табака.

— Доктора тоже люди. Но я не практикующий доктор, а человек с медицинским образованием. Чтобы бросить курить, надо иметь глубинную причину, когда стоишь перед дилеммой: или бросишь, или помрешь. Некоторые бросают сразу, проснулись с мыслью «не хочу» — и перестают курить.

— А может, освоить трубку?

— Очень не люблю чрезмерностей. Мне ближе минимализм. Люблю в одежде одну яркую деталь, а не сорок пять. Трубку возьму только в кадре, в модели, в качестве какого-то актерства могу это сделать. Трубка — это куча принадлежностей. С ней надо возиться, чистить, складывать и правильно дымить. Тут целая наука. Вспоминаю фразу Коко Шанель: «Безвкусно то, что неуместно». При моем ритме это неуместно.

— Есть ли в вашем роду аристократы? При вашем росте 192 вы носите туфли сорок первого размера, у вас изящные пальцы музыканта…

— Мои руки либо скрипача, либо гинеколога. А по роду я — чистый дворняжка. Вот так получилось. Если честно, я равнодушен к истории рода. Для меня жизнь — здесь и сейчас. Что прошло, то мое. Что мною не прожито, не осознано мною, того нет.

— И все-таки признайтесь: ваши тексты в Интернете не слишком ли эпатажны?

— Как все несостоявшиеся актеры, я свои несыгранные роли должен где-то отыгрывать. Я отыгрываю их в тексте, отдаю своему лирическому герою. Было бы значительно хуже, если бы я их отыгрывал в жизни. В тексте новой книги все мои персонажи будут говорить моими голосами. Для этого я должен вжиться в каждого. А потом посмотреть со стороны, что получилось. Максимально оценив свою игру, взглянуть на жизнь придуманных персонажей, вот тогда начну писать. Это, по-моему, называется техникой по Брехту. Станиславский мне не близок. Станиславскому сам не верю. Мое право — верить или не верить.

В юности Алмату посчастливилось погостить у двоюродной бабушки, личности уникальной: все еще красивая и все-таки одинокая, она гоняла на «Жигулях», а проезжая с восьмилетним мальчиком, своим гостем, над Днепром, бросила фразу, словно продолжение гоголевской мысли: «Когда долетишь до середины, не смотри вниз».

Тридцатилетний писатель вдруг вспомнил тот давний днепровский совет: «Сейчас я понимаю: она та самая редкая птица, долетевшая до середины Днепра. А редкие птицы не летают стаями. Только в одиночку». Ветер под крыло всем отважным птицам. *28 февраля 2008 г.*

Рядом с бессмертными

Александр Лаврин: «Мы создали Общество воздержания от смерти»

Александр Лаврин — член Союза российских писателей и Российского ПЕН-клуба. Автор 16 художественных и документальных книг. Некоторые из них издавались в Великобритании, Китае, Италии, Франции, Германии, Болгарии… Лауреат ряда российских и международных премий, в том числе Marriott International Golden Circle Award (2001 год) как лучшему российскому журналисту.

Вспоминаю золотые времена «МК» на Чистых прудах. В маленькую комнатенку отдела литературы и искусства однажды пришел двадцатилетний Саша Лаврин. Худенький поэт, воскресающий постепенно после полиомиелита. Он тяжело опирался на палочку, а в стихах его была гармония и радость жизни. Я напечатала несколько стихотворений Саши с приветственными словами замечательного поэта Арсения Тарковского. И вот спустя 30 лет на Международной книжной ярмарке в Москве появилась книга «Тарковские. Отец и сын в зеркале судьбы», написанная Александром Лавриным вместе с Паолой Педиконе, итальянским славистом. Она перевела книгу стихотворений Арсения Тарковского на итальянский, встречалась с Андреем Тарковским в Италии. А Лаврин, можно сказать, формировал себя под влиянием личности Арсения Александровича. На обложке этой удивительной книги — фотография: могучая личность, поэт милостью Божией, смотрит отрешенно, то ли в прошлое, то ли в вечность, и рядом сын своим любящим, незащищенным взглядом ласкает отца, не умея преодолеть то, что их разделяло. Авторы избрали сложнейший путь — прочесть личность отца и сына мистически отраженно друг в друге и в творчестве.

На улице дождь. Саша Лаврин, несмотря на непогоду, приехал ко мне, в мою садовую обитель. И, естественно, я спросила его о том, как он отважился написать о Тарковских, когда о них написано несколько крупных книг, в том числе «Осколки зеркала» Марины Тарковской и воспоминания Александра Гордона, друга Тарковского вгиковских лет, мужа Марины.

— Я знал Арсения Александровича последние 10 лет его жизни. Смею сказать, дружил с ним. Это человек фантастической духовной силы и глубинной культуры. Он весточка Серебряного

века: близко знал Цветаеву, Ахматову, Мандельштама, Пастернака. Был знаком с Сологубом. Общался с великими. В первые годы знакомства с ним я записывал за ним как Эккерман за Гёте.

— Но тогда не было диктофонов.

— Я записывал перышком. Вел дневник… Мне довелось увидеть трагедию отца, к концу жизни потерявшего сына. А вскоре ушел и он сам. И я тогда подумал: написать бы параллельную биографию отца и сына. Несмотря на разницу поколений, к которым они принадлежали, у них было множество совпадений. Оба прекрасно музицировали, рисовали. Поэту и кинорежиссеру пришлось преодолеть жуткое давление официальных структур. Стихи Арсения долго не печатались — он жил только переводами. Фильмы Андрея (великие фильмы!) не выпускали на экраны, делали ничтожное количество копий.

— Саша, просвещенному читателю интересно узнать, почему у книги два автора.

— Где-то в середине 80-х я познакомился с итальянкой Паолой Педиконе. Она, преподаватель университета, привезла в Москву свои переводы стихов Тарковского. Я ее познакомил с Арсением Александровичем. Потом, когда Андрей Тарковский попросил убежища в Италии, ему там помогала организация Russia Ecumenica. Паола и ее муж тоже принимали участие в ее работе.

— А вы побывали в Италии?

— Вместе с Паолой мы дважды проехали по всем местам, где Андрей работал и жил. Были во Флоренции, в квартире, которую мэр города подарил Тарковским, — она в здании университета на верхнем этаже. Встречался я с Ларисой Тарковской и Андреем-младшим. Мы с Паолой общались с разными людьми, работавшими с Тарковским, в частности с каменщиком, который должен был ремонтировать дом, купленный Андреем в Сан-Грегорио. Андрей сам сделал чертежи реконструкции, но, к сожалению, болезнь все изменила. И дом пришлось продать.

— Сын Андрея бывает в Москве?

— В феврале этого года он приезжал в Москву на презентацию книги отца «Мартиролог». Это дневники Андрея Арсеньевича. Кстати, в этих дневниках я упоминаюсь. Был такой случай: Андрей позвонил мне и попросил, не могу ли я продать книжку «Дада и дадаисты» из его собрания. Я горел желанием помочь Андрею. Тут же поехал на Мосфильмовскую, взял эту книгу, хотя не знал, как я буду продавать ее. Андрей сказал, что книга стоит 200 рублей. Привез я ее в букинистический в гостинице «Метрополь». Там оценили ее в 200 рублей, но

высчитывали 40 комиссионных — это их маржа. Звоню Андрею: «Дают только 160». — «Пусть не дурят: она стоит 200!» — сказал Андрей. Добавил я к 160 свои студенческие 40 и деньги отвез Андрею. Во Флоренции в 89-м году его вдова Лариса вспоминала, что в тот момент они с Андреем очень нуждались.

— Унаследовал ли Андрей какие-то отцовские черты?

— И во внешности, и в характере он был очень похож на отца. У них даже почерк почти одинаков.

Лаврин несколько лет назад написал книгу «Хроники Харона. Энциклопедия смерти». В трех изданиях книга вышла тиражом 300 тысяч. Сейчас грядет четвертое издание.

— Что заставило вас обратиться к такой трудной теме, писать о смерти известных людей? Вам тогда, наверное, не было и сорока?

— Мне было 31, но ведь смерть всегда ходит рядом. К этому времени у меня буквально на руках умерли несколько близких мне людей. Я был свидетелем совершенно тяжелых прощаний с жизнью.

— Робею, но все-таки спрошу о перенесенном вами полиомиелите.

— В раннем детстве я пережил тяжелейшее состояние. До 12 лет валялся по больницам, перенес пять операций. Однажды мама, приехав навестить меня в больнице, увидев меня, испугалась и отчаянно сказала: «Это чужой мальчик». На такой грани истощения и умирания я находился тогда. Так что опыт общения со смертью у меня был. Но меня интересовала философская и этическая сторона вопроса. А как умирали известные люди, Чехов например? Или Толстой? Смерть ведь — это некая знаковая система, которая позволяет нам жить. Понимание того, что человек не вечен, заставляет любого из нас по-иному оценивать свои поступки и мысли, учит иначе жить.

— Не в 20 лет приходишь к этому пониманию. В юности и в молодости все чувствуют себя бессмертными. Летают и во сне, и наяву. Правда, вы рано повзрослели и рано женились.

— Женился в 19 на однокурснице.

— Вы с Ириной молодцы: быстро разглядели душевные таланты друг друга. Помните, вы однажды пригласили меня в гости и везли к своему дому на крохотном «Запорожце»?

— Я многих знаменитых людей возил. В своей книге поэт Инна Лиснянская припомнила рассказ Арсения Тарковского обо мне: «Вот мой друг, он тоже ходит, как и я, с палочкой, хромает, но в отличие от меня водит машину». В детстве я, конечно, был немножко белой вороной. Дети часто бывают жестокими. Коль ты

хромаешь, тебе достанется — смеются над тобой, дразнят. И перенести это трудно. Но в какой-то момент я решил быть выше обид, стать сильным. Сначала научился плавать, потом ездить на велосипеде, потом — на автомобиле. Однажды был у меня эпизод. Повез я, будучи «тротуарщиком», одного крутого человека. И ему понравилось, как я управляю и как провел машину чисто, спокойно и осмотрительно по всем пробкам, и вдруг он предложил: «Послушай, а ты не хотел бы поработать у меня — мне нужен личный шофер?»

— Поэтом быть куда безопаснее и верный путь к любимой. Тогда у вас в гостях я видела изумительные вышивки Ирины, потом она увлеклась фотографией.

— Уже две первые выставки ее фоторабот имели большой успех. Ирина выбрала движение — снимала мальчиков на роликах, потом театральные спектакли.

Разглядывая фотоработы в книге «Другой театр Ирины Лавриной», я поразилась: пластика персонажей, их психологический и эстетический образы кажутся запечатленными кистью импрессионистов. Ныне Ирина Лаврина — член Союза фотохудожников.

— Для нее фотография — не средство заработать. Наоборот наш семейный бюджет несет солидные затраты на осуществление фотоэкспериментов. Это очень дорогое искусство.

— Какие у нее фотоаппараты?

— Она снимает не на цифровые камеры. У нее классические пленочные аппараты и уникальная ручная печать. Ей интересна природа цвета. Это главное достоинство ее манеры изображения. Кстати, она снимала Билла Клинтона, когда он прилетел в Москву и остановился в отеле «Марриотт». Кто-то из администрации отеля видел работы Ирины на выставках, и ее попросили запечатлеть Клинтона.

— Саша, у вас с Ириной уже взрослая дочь. Какой выбор она сделала?

— Ася родилась, когда нам с Ириной было по двадцать. Можно сказать, она сама себя сделала. Сейчас она работает в большом холдинге, куда входит куча радиостанций. Как и многие сейчас, Ася стремится к самовыражению. Она успешный менеджер.

— Я помню вашу квартирку с тремя маленькими комнатами. Вы по-прежнему живете там?

— Стало просторнее — дочь живет отдельно в своей квартире. Мы превратили трехкомнатную со смежными комнатами в двухкомнатную. Моя комната от пола до потолка с

книгами, с ними расстаться я не могу.

— Загородный участок имеете?

— Мне достался дом деда — он был плотником. И в моих генах сидит интерес к столярному мастерству. У меня в прекрасном состоянии дедовский инструмент: всякие рубанки, фуганки…

— А что сохранилось в доме?

— Самое главное — старинный дух. Дом окружен садом с сорокапятилетними яблонями. В урожайный год яблоки устилают толстенным ковром все вокруг. В этом году наши яблони отдыхают.

— Саша, какой сюрприз принесли вам достославные 90-е годы?

— Сначала было замечательно. У меня стали просить статьи зарубежные журналы. По тогдашним меркам платили огромные деньги: когда получал 200 долларов за статью, мне казалось — я просто миллионер. Потом стало еще интереснее: у меня выходили книги в Италии, во Франции, Германии… Мне казалось, что на эти гонорары можно жить вечно. *(Весело смеется.)* Но довольно быстро Запад потерял интерес к России и к ее авторам. Деньги быстро растаяли. И я оказался на мели. Пришлось вспомнить студенческие свои заработки: я книги переплетал, чинил дверные косяки — мастер на все руки. Переводил стихи, но гонорары за них — это, по сути, гроши. И я не испугался — пошел работать частным извозчиком.

— Бомбилой?

— Это по-разному называется. Бомбилы работают на вокзалах. А я был «тротуарщиком». Проголосуют — подвезу.

— А если везти в аэропорт?

— Довезешь, выгрузишь — и в путь, стоять там невозможно. Чужаку или голову пробьют, или колеса проткнут.

— Драматические случаи бывали?

— Однажды пассажир на меня напал и сломал мне палец.

— А чего он хотел?

— Ничего. Не сразу поймешь, что машину остановил невменяемый.

— И вы этот опасный заработок бросили?

— Мне повезло: однажды подвозил вьетнамца в Лужники на вещевой рынок. И меня попросили помогать им. Тяжелый для меня оказался заработок. Надо было вставать в 5 утра, ехать к их общежитию. Они загружали мою машину так, что она прогибалась чуть ли не до земли.

— Какая машина тогда у вас была?

— «Пятерочка» несчастная. Уж так я ее заэксплуатировал, что у нее даже задняя ось переломилась. Конечно, сейчас со смехом

все вспоминаешь. А тогда извоз был моим спасением.

— Сколько лет пролетело! Меня поражает многожанровость вашего творчества — вы даже взялись за драматургию.

— Вместе с Виктором Коркией написали несколько пьес. Для театра Райхельгауза сделали «С приветом, Дон Кихот!». В этом блестящем спектакле играли люди известные: Дуров пел Санчо Пансу, Филозов — Дон Кихота, а Татьяна Васильева — Дульсинею. Вторая наша с Виктором пьеса «Казанова: уроки любви» ставилась несколькими театрами в России… Осенью прошлого года ее поставила независимая антрепризная компания. В главной роли, Казановы уже на пенсии, выступил Владимир Меньшов. Были гастроли в Бельгии, Голландии, спектакли проходили очень успешно.

— Драматурги получают какие-то деньги за спектакли?

— Получают, но, конечно, несравнимые с гонорарами актеров и режиссеров.

— Что вы еще с Виктором Коркией вытворяете в жизни?

— Похвастаюсь: для мультиков про пивовара Ивана Таранова, одного из первых русских летчиков, сценарий написали мы.

Саша пересказывает сцену, когда Таранов привез пиво Эйнштейну и говорит гению: «Альберт Иванович, куда пиво поставить?» — «Ставьте справа». — «Относительно меня или относительно вас?» — «Гениально! — воскликнул Эйнштейн. — Все относительно!»

— Действительно, все забавно.

— Мы с Коркией создали биографию Таранова, отыскали вещи русского пивовара и летчика и передали в Музей авиации и космонавтики.

— Весело и полезно вы с Виктором развлекаете публику.

— А для узкого круга мы с ним и с нашими друзьями создали Добровольное общество воздержания от смерти. Среди основателей и Жанна Агалакова. Тут в чем философия и азарт? Пока ты член нашего общества, мы гарантируем тебе бессмертие.

— На обыкновенных смертных когда-нибудь проливается щедрость ваших веселых придумок?

— А как же! Как-то на Арбате мы бесплатно раздавали яблоки. Поставили в переулке машину и предлагали наши яблоки, приговаривая: «Каждое яблоко — это примерно полтора месяца прибавки к жизни».

— И как вели себя народы?

— Сначала с подозрением смотрели на нас. Но потом про даровые яблоки прознали тамошние бомжи. Тут же выстроилась очередь. А на Черемушкинском рынке нас чуть не побили за

бесплатный фрукт. Местные торговцы смотрели на нас как на личных врагов.

К приезду Лаврина я приготовила обед с роскошным салатом. Чего стоят желтые помидоры из собственной теплицы — сочные, почти без семян, так и пробуждают зверский аппетит к хорошей жизни. Но Саша от обеда отказался — мол, торопится на встречу с кем-то. Но я ему сказала:

— Признайтесь, Лаврин: вы, знаток кухни, не раз выступавший в роли ресторанного критика, наверное, отвыкли от старосветской еды?

— Вы, Наталья, угадали. Я действительно большой специалист по еде. У меня вышла книжка «Высокая кухня», посвященная великим кухням мира — французской, итальянской, китайской, японской. И все я иллюстрировал собственными фотографиями.

— А что вы больше всего любите из еды?

— Форель, семгу, курицу. Но ем я все, за исключением, может быть, мозгов обезьяны. Пробовал и лягушек, и саранчу.

— С отвращением?

— Ну зачем? Обыкновенный круговорот бытия. Может быть, в другой жизни превратимся и мы в саранчу.

— Вы и в юбилейном возрасте сохраняете склонность к спасительной самоиронии.

— Ирония — лучший зонтик от непогоды, душевной или физической. А еще спасительны стихи любимых поэтов. Отрадно читать прекрасные строки Арсения Тарковского:

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, —
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас…
29 апреля 2007 г .

Раскопки счастья

Писатель Петр Алешковский: «Мне все время хочется удрать на природу»

Еще один талантливый писатель в роду Алешковских — Петр. Интереснейшая личность! Прекрасный рассказчик и отменный стилист. Немногие писатели трижды были внесены в шорт-лист премии «Русский Букер» за лучший русский роман года. Петр Алешковский удостоился такой чести. Среди финалистов был и его роман «Рыба», хотя и не подучил главной премии.

Не всем близка исповедальная откровенность его героини по имени Вера. Иные критики отыскали параллель между ней и Христом. Она действительно жила так, словно исполняла заветы Иисуса, который говорил, что уверовавшие в него «возложат руки на больных, и они будут здоровы». «Рыба» у мудрого автора возвращает заинтересованного читателя к евангелическим откровениям: Иисус позвал за собой братьев-рыболовов: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». Алешковский, вероятно, захотел посмотреть на свою современницу глазами пророков. И понять ее. И разделить ее душевный свет.

— Петр, отдельные сцены вашего романа «Владимир Чигринцев» нагоняют на доверчивого читателя всамделишный страх. У вас там появляется то ли колдун, то ли вурдалак — словом, запашок нечистой силы иногда щекочет читательские ноздри.

— Ирреальный мир существует, по крайней мере он давно обжил литературу, она его запечатлела столь определенно, что иногда эта дьявольщина похожа на нашу современность.

— В жизни не приходилось встречаться с подобным?

— Страх непридуманный намного хуже — стоит порой выйти на улицу. Случайный прохожий бывает страшнее вурдалака. Я задумывал роман как голливудский антитриллер. Вурдалак у меня не собака, а сталинский палач, повстречавшийся герою и о своем прошлом откровенно рассказавший. Реальность оказывается куда страшнее вымысла. Ирреальный мир отрицать глупо — каждый встречался с чем-то странным. Но тем не менее я вспоминаю слова священника, которому задал вопрос о присутствии потусторонней силы в нашей жизни. Он ответил: «Нам всем случалось встречаться с различными видениями, но давайте перейдем к делу». По-моему, дело литературы — создавать иной мир, пусть он будет иногда сказкой или чем-то

отвлеченным. Мне интересна та грань, что проходит в нашем сознании. Свидригайлов у Достоевского говорил, что привидения встречаются в особых ситуациях, когда наша нервная система терпеть уже больше не может. Вопрос заключается в том, как настроить себя самого на реальную жизнь, чтобы терпеть и принимать ее с удовольствием. Но ведь не всегда удается…

— На вашем добродушном лице читается любовь к житейским удовольствиям. Могу предположить, что вы хлебосольный хозяин.

— Сознаюсь, люблю поесть. И люблю приготовить. А если будет все на столе, гости найдутся.

— Как вас принимали в Штатах?

— Я был там три месяца в Айова-Сити. Помните поговорку: «Дрожи, корова из штата Айова» — когда Хрущев посетил Америку? В самом сельскохозяйственном штате — университет на 30 тысяч студентов, где осуществляется самая известная писательская программа в Америке, дающая стипендии американским писателям и поэтам: они здесь живут и создают свои творения, читают время от времени свои вещи, участвуют в дискуссиях на скучную тему «Почему я пишу». Это, по сути, дом творчества. Вот туда меня и пригласили.

— И вам оплатили дорогу в оба конца? И все остальное?

— Да. Нас было 37 человек из разных стран. От России приезжал еще Виктор Пелевин. Два австралийца, два латыша, один литовец, двое из Аргентины… Самый интересный месяц из трех — посередке, когда нам был выдан билет «Дискавер Америка». Мы разлетелись кто куда. Месяц и неделю я путешествовал по стране. Посетил шесть крупных городов: читал, выступал, общался. Нашлось много старых и новых друзей, они тут же бросались навстречу, предлагали свои машины и свои услуги. В 89-м году я бежал из Америки с ощущением Леонида Зорина, что я покинул город Желтого Дьявола. Тогда я жил в бюрократическом и скучном Вашингтоне, а на этот раз был свободен, как турист-одиночка.

— Как будто впервые приехали в Америку?

— Нет, как будто второй раз. Я вспоминал свой первый приезд, отталкивался от старого впечатления, глядел на все новыми глазами.

— Петр, и какие впечатления самые экзотические?

— Самое экзотичное — это посещение бизоньей фермы, где живет Дан Макфарлейн, нынче уже мой приятель, и выращивает бизонов, причем на отстрел. Помните фильм «Благослови детей и зверей»? Когда я приехал к нему, то понял: не надо дикий скот жалеть. Я знаю, «зеленые» меня за это заклевали бы и заклюют. Так вот, Айова — плоская и скучная. Фермеры растят здесь

кукурузу и сою — и все, больше ничего. За это они получают государственную поддержку. Мой герой вернулся в эти родные для него места в 50 лет, по существу — в предпенсионном возрасте. И уже 10 лет служит своему штату и своей странной идее: возрождает семейную ферму, отказавшись от официальных субсидий.

— И Бог ввел его прямо в объятия бизонов…

— Сначала он построил дом, взял ссуду и купил сто породистых коров. Но этого оказалось мало, и появились бизоны. За одного убитого зверя охотник платит 2 тысячи долларов, после отстрела фермер сдает мясо, и получается в целом тысяч 5–6 долларов. Конечно, сложно вычислить, разыскать такого клиента, который может выложить столько за удовольствие охоты. Отстреливаются в основном бракованные животные. Живет мой приятель не скучно. Бизоны помогают ему сохранить лес, в котором свободно пасутся олени. Их он охраняет, как и лес, редкость в давно распаханной прерии. Вообще диких животных в Америке невероятно много: олени, еноты, скунсы, опоссумы, ястребы, белки. А белки — это настырные крысы.

— Но зачем вы так милых белочек унижаете?

— А они на самом деле из породы грызунов. В Америке их великое множество. Сбитая белка или енот — обычная картина на дороге: ими усыпаны обочины. Ночью они выбегают на шоссе, и фары их ослепляют. И они погибают. И никому в голову не придет сделать из них шубу.

— Откуда у Дана бизоны?

— Бизонов в Америке много. Дан Макфарлейн признался: у американцев бизон в крови, это миф, а потому охота на них вроде участия в вестерне.

— И несмотря на знаменитый фильм?

— Да этот фильм смотрели, наверное, только в России. Он же не кассовый… Охотники — особая порода. Мне показывали видеофильм, где охотник одной стрелой завалил бизона. Человек, надо сказать, отвратительный.

— Стрела была с ядом?

— Нет, сейчас делают такие луки, каких в древности не производили. Кстати, очень распространенный теперь вид охоты.

— Что получает охотник от фермера за свои 2 тысячи баксов?

— Отличившемуся герою выдают голову на чучело. Чучельщик живет рядом, зарабатывает не много — кажется, долларов 120. Убивший бизона забирает еще 35 фунтов бифштечьего мяса.

— Оно вкусное?

— Очень даже, как всякая дичина: без жира, с особым привкусом.

— Как же ваш знакомый справляется с таким сложным хозяйством?

— Жена Дана работает медсестрой в маленьком городишке и в делах фермы не участвует. У них две дочери: одна в университете учится на писателя или журналиста, другая мечтает стать врачом. Ездит эта шестнадцатилетняя девочка в школу на длинном «бьюике» — три мили до школы каждый день, если только не идет снег. Когда наваливает, вся Америка встает… Помогает моему приятелю дочь от первого брака: она живет рядом, в доме его матери. С ней вдвоем он, по сути, ведет все хозяйство. Конечно, механизация невероятная!

— Как вы с ним общались?

— На английском.

— Кто вам поставил английский язык?

— Ненавистная спецшкола, а затем МГУ — истфак. По образованию я археолог.

— Роман ваш заставляет думать, что вы имеете вкус к старине. Не литературный и даже не бытовой интерес, а что называется искусством для искусства.

— Мне сложно соглашаться или отвергать такое впечатление. Археолог я потомственный. Родители — археологи, дед с бабкой — искусствоведы. Тесть — историк, жена — историк. Так что из этого «проклятого круга» никуда не деться. Шесть лет я проработал в «Союзреставрации», в Андрониковом монастыре. Правда, уже 13 лет, как я это дело бросил.

— Не от археологии ли ваше знание драгоценных камней, о которых вы так вкусно пишете в своем романе?

— Камни я знаю и люблю, но не люблю коллекционирование. Люблю смотреть на редкие вещи, держать их в руках. С детства мне было вбито: коллекционирование — грех. Музейный сотрудник не имеет права собирать. У меня есть несколько побрякушек, которые я люблю: наконечник стрелы, какие-то фитюльки, глиняный горшок, с которым связаны воспоминания. Но собирать коллекцию бабочек или картин мне и в голову не придет. Коллекционирование я не осуждаю. Например, я долго покупал книги. Сейчас покупаю их значительно меньше. Предпочитаю коллекционировать места. И не наскоком, а основательно: приехать, пожить, посидеть месяц. Еще лучше приехать второй раз. Стихов, например, я почти не помню наизусть. Зато помню настроения. Как выглядело, скажем, дерево. Помню пейзажи. Могу не запомнить лица, но помню в подробностях одежду. Пальто, например, где дырка была

закрашена тушью. Это мои коллекции. Они мне интересны.

— Я вас знаю по вашим сочинениям; мне представилось, что вы человек лесной, — так хорошо вы чувствуете его дыхание.

— Если бы мог, я, наверное, жил бы в лесу. Значит, я не очень лесной. Но мне все время хочется удрать на природу: там мозги прочищаются и работают лучше. Спокойно, никто не звонит, не дергает. А когда нужно, можно сесть в машину и приехать в Москву.

— Приходилось ли одному ночевать в лесу, как вашему герою Владимиру Чигринцеву?

— Не раз! И блуждать приходилось. Однажды я чуть коньки не отбросил в тайге, под Архангельском. Был у меня компас, но, двоечник по физике, я ему не поверил. Заночевал. Выли волки. Это встретишь не часто. Выли очень красиво.

— Красиво, если слышишь в кино…

— Да нет, на самом деле красиво. Но пока ты до этого дойдешь, переживешь много тревожных минут. Потом понимаешь: они воют далеко и не для тебя. Они разговаривают сами с собой… Хорошо, что тогда светила луна. Хотя разжег я костер, но холод пробирал, потому что уже морозило.

— Уж не на охоту ли вы приехали в архангельскую тайгу?

— Охотился. Спутал следы и заблудился. Некуда было деваться. Еды осталось немножко, и я ее не тронул, поскольку не представлял, как долго мне придется блуждать. Живности никакой не встретил. Пошел я за глухарем. В тех местах глухари, случается, подпускают человека близко — птицы там непуганые. Да и шел-то я не столько убить, а насладиться. Не знаю, насколько это хорошо. Но тянет, на охоте хочется отдаться чувству, как внезапной любви. Иначе зачем?

— При свете дня вы легко нашли дорогу?

— Услышал ночью выстрел своего напарника — он меня «выстреливал». Засек направление. Потом мы с ним посчитали — нас разделяло 11 километров, и звук не должен был долететь до моего уха. Может быть, ветерок какой-то особенный от него ко мне подул. Вышел я к напарнику совершенно без сил к концу второго дня. Никому не желаю такого эксперимента. Но он нужен, хотя не знаю зачем. Счастье спасения — это счастье. Никакого Джека Лондона — просто идешь. Никакой романтики, очень тяжелая грязная работа — идти по лесным завалам. Сапоги резиновые — тяжелые и холодные. Ноги сбиты.

— Но работает инстинкт самосохранения?

— Да, сам себе говоришь и подстегиваешь себя: чего ты лежишь, давай — пошел! Городскому человеку не часто такое доводится испытать.

— Вы были в Архангельске, до Соловков там недалече. Не приходилось побывать?

— Я работал на Соловках археологом. Первые дни, я помню, было тяжело: ГУЛАГ вылезал отовсюду — кости, черепа мы находили грудами. Археолога черепами не испугаешь. Но здесь за ними стояли сотни безвинно убитых… Постепенно монастырь взял свое. Я уже не думал о ГУЛАГе вообще. Размышлял: какой нужен был труд, чтобы выполнить такую титаническую работу! Стены и дамбы — это же российские пирамиды. Сила и красота соловецкой природы и самого монастыря постепенно вытеснили ужас. Он впитался в мозг, в сознание, но уже не давил. Я по настроению не пессимист и не стремлюсь к пафосу. Но там чувствуешь: эта мощь существовала и останется для людей. Впечатляющая поездка, не могу найти слова попроще. Я много видел таких поруганных мест, работая в реставрации.

— Как вам сегодняшняя Москва?

— Восхитительно молодеет! Дом за домом возрождается. Мы ходили и не видели эти прекрасные особняки, потому что они были грязные, обшарпанные, серые. Теперь я понимаю восклицания приезжающих сюда американцев: «У вас Европа». А мы им: «Какая там Европа!» В Москве сохранилась-таки Европа! Правда, у сегодняшних нуворишей нет вкуса. Я видел на Пречистенке новый дом — ужасный, с золотыми колоннами, поросячий, богатый. Он нелеп рядом с особняками начала века.

— Сказывают, наши эмигранты в Америке очень любят оставленные в России социалистические порядки. Вы понаблюдали нашу эмиграцию?

— Эмигранты разные. Одни вообще не вспоминают о Родине. Таких не много. Другие живут в русском Гарлеме, на Брайтон-Бич. Наряжены по невероятной моде. Говорят ужасающе — по стилю, по слову, по содержанию: про жрачку, про телеса. Невероятно, какое сословие там укоренилось! При этом все косно, рутинно. Застывшее болото. А ведь среди них есть люди хорошие. Но растворились в болоте, почти не видны. Общее впечатление ужасающее. Мне больше по душе люди, которые пытаются стать американцами. Уж коль ты уехал, живи по законам страны, тебя приютившей. Никогда не станешь до конца американцем — это понятно. И нечего плакать, кричать, убиваться по прошлому. Надо жить, действовать, работать. Эти работающие вызывают у меня глубокое уважение. Судьбы у них складываются по-разному. Один мой приятель живет в Сан-Франциско 15 лет. Начинал с нуля, а сейчас — менеджер компьютерной фирмы. С ним все в порядке. Он технарь из Питера. Вывезла его из России юная девочка

Эмили. Она вывозила диссидента, поэтому расписались, поженились, выехали. Но очень скоро поняли, что жить вместе не смогут. Разошлись. Но не поссорились, а поддерживают дружеские контакты. Дальше приятель вставал на ноги, женился еще раз, теперь на русской, родившейся там. Пожил какое-то время и понял, что в унисон они не попадают — разные. Разошлись. И вот произошло неожиданное: мой приятель вновь женился на Эмили. Сейчас у него нормальное состояние нашедшего свой путь человека. И жаль тех, кто постоянно ждет, что кто-то что-то ему обязан преподнести. Но ведь такие есть везде — и у нас.

— Ваша жена, наверное, окружает вас таким уютом и такой тишиной, чтобы вам хорошо работалось?

— Тишина достигается другим способом. Раньше я уходил в свою мастерскую. А когда стал ее сдавать, чтобы выжить, я уезжаю куда-нибудь — в деревню, на дачу. Там, где мне удобно, — моя мастерская. Обслуживаю себя сам, поскольку бываю один. Собственности у меня нет — всегда живу приживалом. Мне так проще. Не хочу ее заводить, боюсь ее — ответственность, привязанность, бесконечные доработки.

— Вы по-настоящему свободный человек .

— Может быть. У меня есть машина, которая меня передвигает из точки А в точку Б.

— А если в дороге что-то сломается, вы обслуживаете себя сами?

— По мелочи — да. Крупный ремонт сам делать не берусь. Кстати, об обслуживании. Моя жена работает в государственной гимназии. Получает нормально. А я до последнего времени таксичничал на своем «жигуленке» — 5 лет работал водилой по Москве. Радости это не приносит. Занудно. Знаю наперед, что мне расскажет очередной клиент. В Лондоне я делал материал — сравнивал лондонское и московское такси. Сел в кеб и спрашиваю водителя: «Вам хватает на жизнь?» А он мне: «Ты думаешь, эта профессия в разных странах разная? Всюду то же самое. — Он чирканул ладонью по горлу: — Во как достали».

— Про такси вы вспомнили, а про жену не рассказываете. Как ее зовут?

— Тамара Эйдельман.

— Дочь знаменитого Натана Эйдельмана?

— Да. Мы учились на истфаке МГУ — она на два курса моложе. После диплома Тамара сознательно выбрала преподавание. Гимназия у них хорошая, у Поклонной горы, за Бородинской панорамой. Сейчас, помимо истории, преподает еще английский — не хватает англичанок. Приходит домой очень

поздно, уходит очень рано, потому что есть еще и нулевые уроки. Загруженность и ответственность невероятная. Помимо своих детей у меня в доме еще 40. Устаю от впечатлений. Школьный учитель — либо он влюбленный сумасшедший, либо ему там делать нечего. Профессию учителя уважаю. Но хотел бы видеть свою жену домохозяйкой, коль мог бы содержать семью сам. Увы, ничего не получается и не получится никогда. Никуда не денешься.

— *Сколько у вас детей?*

— Дочка и сын. Сын увлечен компьютером и разбирается в нем лучше отца. Невероятно. Я не люблю компьютер. Пишу ручкой, печатаю на машинке. На компьютере уже перенабираю набело. А для молодого поколения записать, перезаписать, сделать дубль — все элементарно, приятно, легко. Я чувствую: надо догнать сына — впрыгнуть в последний вагон уходящего поезда.

— *Ваши дети, наверное, получили классическое эйдельмановское воспитание?*

— Натан Яковлевич никогда не был классическим воспитателем. Он был человеком неординарным и одним из самых значительных, каких мне довелось встретить. У нас с ним были теплые отношения. Он много хорошего сделал для меня. Натан Яковлевич обладал широтой: мог отдать свою тему ученикам и впрыгнуть в другую тему. Он жил с удовольствием, приручая всех, кто был рядом. Сверхобщительный человек.

— *Кажется, судьба Эйдельмана сложилась более благополучно: он избежал лагерей…*

— Натан Яковлевич проходил по делу художника Краснопевцева. Его вначале не допускали до науки, и он преподавал в Новом Иерусалиме, потом в Москве. Школа ему много дала — развязав ему руки, заставила стать писателем. Он был и ученым очень большим. В меру своей широты ему удалось повернуть историю к человеку. В спорах он не дрался, а в игре в пинг-понг мог и запустить в победителя ракеткой. У него был совершенно взрывной характер. Он шел напролом, но никогда не оскорблял человека. Доброта в сочетании с простотой была в нем удивительна.

— *Ваши дети что-то унаследовали от деда?*

— Очень большой лоб и широкий нос. Он любил с ними возиться.

— Петр, когда вы пришли в литературу, вовсю гремела слава Юза Алешковского. Вы родственники?

— Алешковские — вероятно, обычная еврейская фамилия из Белоруссии или Украины. Я не знаю. Бабушку помню слабо. Дед

умер до моего рождения. Поэтому у меня нет никакого знания своей европейской родни. Папа довольно рано умер, как только я кончил школу. По маме — русская линия. Я и прабабку знал. Ни в коем случае не открещиваюсь от еврейской своей половины. Юз Алешковский — папин старший брат, мой дядя. Живет он в Америке.

— Дядя не отпускает шпильки по поводу ваших сочинений?

— Дядюшка отпускает шпильки в адрес любого человека в зоне его внимания, поскольку он остер на язык. Существует мнение, что дядя Юз — матерщинник и бандюга.

— Про матерщину знают все.

— Да, он матерщинник. А кто не матерится? Но, уехав в Америку, он не выучил язык не по лени своей, а принципиально. Не пошел работать ни на «Голос Америки», ни на радио — отстоял свою независимость. Это удивительно. Александр Исаевич Солженицын отстоял свою независимость при наличии мировой известности и капитала. Дядюшка отстоял ее путем внутренней свободы. Он уехал с женой. Его Ирина, как мне кажется, — самая большая его находка. Она преподает в университете на английском, совершенно свободно владеет им. И очень любит студентов, они отвечают ей взаимностью.

— На соискание Букеровской премии выдвигали сочинения и Юза, и Петра Алешковских. А в финал попали вы. Как он отнесся к такому исходу?

— Я не виноват. По-моему, он переживал за меня — по крайней мере он мне так говорил. Зависти у нас друг к другу нет. Было бы смешно.

— Петр, можно сказать, ваша жизнь складывается удачно. Вас вновь выдвинули на Букера, хотя главной премии не дали.

— Да, как в анекдоте: новый русский спрашивает приятеля на банкете: «Вась, жизнь удалась?» Тот отвечает, падая мордой в черную икру: «Жизнь удалась». Я тоже могу сунуть голову в литературную икру с тем же восклицанием.

— О чем вы мечтаете?

— Я мечтаю о деньгах. Хотел бы иметь большие деньги, чтобы раз и навсегда забыть о них. Наверное, это мечта каждого, только сможет ли он в этом признаться. В детстве мне строгая мама говорила: «Деньги — ничто. Но очень хочется их иметь. И побольше».

— Вы хотели бы увидеть фильм по вашему роману?

— Лучше, если это сделает Голливуд. Представляете, сколько бы денег я получил? Поехал бы в Америку с большой сумкой, напихал бы ее там банкнотами, нанял телохранителя и приехал сюда, к себе в Москву…

Мистик и однолюб

Александр Проханов: «Все мои романы — сплошное самоедство»

На теледебатах, когда он молчит, лицо его отрешенно и угрюмо. Но вот он взрывается, в эфир летят слова, полные злой иронии и ненависти. Он не любит разрушителей России. Страсть прохановских обвинений, во многом справедливых, часто вызывает лишь раздражение.

Проханов — поистине независимая и гордая личность: не был ни комсомольцем, никогда не состоял в КПСС или в других партиях. Он имеет множество советских орденов и наград. Его роман «Господин Гексоген» в 2002 году стал «Национальным бестселлером». Недавно Проханов стал лауреатом Большой Бунинской премии в номинации «Публицистика». Захотелось увидеть его в домашней обстановке. Александр Андреевич с готовностью согласился. И в нерабочий день — в праздник иконы Казанской Божией Матери — он встречал машину «МК» у ворот дачного поселка. Просторный его дом по внутреннему убранству — скромное жилище поселкового типа: газовое отопление, старая мебелишка… Главная радость этого дома — жена и дети. У Александра и Людмилы двое сыновей и дочь. И восемь внуков!

Русский рай **По узкой деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж, в его кабинет, и сразу оказываемся в окружении его акварельных работ на старорусскую тему. Увлеченно автор изобразил акварелью «Русский рай», словно искал в нем свое духовное спасение. Жестокий человек никогда не вообразит Россию такой праздничной — с зелеными, красными, белыми и сиреневыми лошадками, с петухами и индейками она возносится в небо.**

— Что побудило вас взять в руки кисть?

— После множества скитаний по деревням и весям я написал первую свою книжку, самую любимую. Издали ее, скажу откровенно, бездарно. И я решился ее проиллюстрировать. Открыл акварельные краски… Рисовал полтора года, увлеченно, как будто у меня за плечами стоял ангел и диктовал свои откровения. А потом вдруг все видения исчезли. Закончились, словно ангел улетел.

— Вы помните свое состояние, когда писали акварелью?

— Оно было похоже на какое-то помрачение, наваждение. Это один из самых загадочных эпизодов в моей жизни.

— Когда-нибудь их выставляли?

— Перед изданием «Крейсеровой сонаты» я устроил выставку этих акварелей. Корреспондент «МК» Марина Овсова написала о ней, что эти картины пахнут медом.

Проханов подошел к книжной полке, достал «Крейсерову сонату» — огромный подарочный фолиант с его акварелями. Он издан всего в 500 экземпляров. На последней странице обозначено: «Продаже не подлежит». Пока он подписывал мне книгу, я заглянула в узкую комнату напротив. У икон горит лампада. А в кабинете полстены занимают старинные храмовые иконы со следами давних церковных погромов. Краски потускнели, местами облупились, грунтовка кое-где вспухла…

— Александр Андреевич, иконы находили среди щебня и развалин?

— У этих икон самые разные истории. От некоторых люди просто хотели избавиться. Вот эта валялась в развалинах храма без кровли, поливалась дождями, снегом, она чудом сохранилась. Она часть Каргопольского иконостаса. Мы ее освобождали от смерти. А эту икону Александра Невского, моего святого, мне подарил Илюша Глазунов.

— Вам недавно вручили Большую Бунинскую премию. Как вы отнеслись к этому событию?

— Мне очень приятно получить эту медаль, поскольку по натуре своей я Кощей. Получив медаль, я на зубок попробовал и пробу лицезрел. Медаль золотая.

— Что вас трогает в Бунине? Природа?

— Да. Она для меня является религией, которую исповедует русская душа. Религия моя — прежде всего православие. В XIX веке ощущалось ее угасание. Место религии заступила русская поэзия. Она — единый псалом во славу народов и мира. Наш первый певец Пушкин, потом Лермонтов, Тютчев, Блок, Ахматова… В поэзии — это воздух восклицаний и поклонения. Весь Есенин — огнепоклонник. Он поклонялся огням осенних лесов, огням цветущих полей с одуванчиками… Религия — это и сама природа. Третья религия — это литература.

Но в XX веке появилась религия победы русской, которая, казалось бы, была одержана в 45-м. Но я говорю не о военной победе. Мистическая, метафорическая победа с тех пор стал религиозной философией. Народ в этой победе был не паствой, а священнослужителем. Он взял ее, снял с креста. Это огромная жертва, мистическая и святая, которую Россия принесла миру в целом. Эти четыре религии я исповедую.

— В этой исповеди найдется ли место для личности Бунина?

— Бунин — мой любимый художник. Погружаясь в его произведения, в ароматы раскаленного русского языка, я забываю, что живу в другое время. Читая Бунина, растворяюсь в нем, как кусочек сахара в огненном кипятке. Мне кажется, что чисто эстетически русская словесность достигла в Бунине своей вершины и остановилась в нем. Перед изящной словесностью возник выбор: либо зачахнуть и исчезнуть в эпигонах, либо рвануться в совершенно другую сферу.

— А куда же нам отнести Набокова?

— Вслед за Буниным России был явлен Набоков. Он и продолжатель Бунина, но и его антагонист. Он прорвался сквозь бунинские эпитеты, сквозь сумасшедшую бунинскую изобразительность, сквозь мучительный, порой изнурительный эстетизм Бунина и сумел выйти на эстетику метафоры, метаметафоры, эстетику иррационального пересотворения миров.

— Его «Лолита» славна не иррациональным началом.

— И тем не менее после Бунина русская проза не в состоянии была подняться до бунинского уровня.

— Вы могли бы сейчас перечитать «Лолиту»?

— С какой стати я до сих пор буду читать «Лолиту»? Зачем мне «Лолита», посмотрю порнофильм. И все.

Мы из молокан

— Александр Андреевич, забудем про самых роскошных нимфеток! Лучше расскажите о вашей семье.

— Во мне две родные ветви — прохановская и фефеловская. С одной стороны, ветвь модернистского баптизма — дед Проханов был евангелистом. Двоюродный мой дедушка Иван Степанович Проханов решил стать лидером этого направления. Родной дед занимался философией, теософией. Сам про себя я не могу сказать, имею ли глубокие корни философского умонастроения. Мне дороже молоканская вера. Мы из молокан, люди замкнутые, своенравные, ходим в таких длинных зипунах, готовим молоканскую лапшу. С вами, православными, мы очень осторожничаем. Когда-то все православные иконы, книги мои предки погрузили на телеги, передали православным батюшкам и уехали на Кавказ.

— Сказывают, что ваших предков на Кавказ переселила Екатерина Вторая.

— По-видимому, это сделано не при ней, а при Александре Втором. Поселили в голом ущелье — живите! Кстати, чаще были просто беглецы из России, уходили из-под разного гнета, в том числе из-под религиозного. Бродили в ту пору странники, скитальцы, проповедники. Русь ведь полна ереси, полна

фанатизма, всевозможных безумств и тайн. И вот несколько странников в лапоточках или босиком, а может, они бродили, не касаясь земли, пришли к моим предкам в Тамбовской волости, в деревню, искусили и увели на Кавказ.

— Вы родились в Грузии?

— В Тифлисе, но прожил там всего месяц, чтоб только родиться. Но мое детство и наш дом были наполнены кавказскими настроениями. Мои родственники, моя мама с удовольствием вспоминали грузинское бытие. Они никогда не говорили «Тбилиси» — только «Тифлис». Я туда не ездил, лишь однажды бывал в Тифлисе, когда работал в журнале «Жизнь слепых».

— В каком-то вашем интервью вы сказали, что часть вашей семьи была уничтожена.

— Да, может быть, две трети. Одна ветвь моей родни расщепилась во время Гражданской войны и ушла с Белой армией — кто в Чехословакию, другие — в Турцию. Словом, рассеялись по миру. В советскую эпоху связь с ними была потеряна. Лишь в более благополучные времена стали доноситься вести о родственниках. Приехала посланница — тетка моя, рассказала обо всех, кто умер в Чехословакии; некоторые даже работали в Голливуде шоферами. Другой, из ветви богатых Фефеловых, был лифтером в Калифорнии.

— Ваш отец участвовал в Великой Отечественной войне?

— Папа, царствие ему небесное, погиб под Сталинградом в 43-м году. Это еще одна жертва на алтарь любимой мной империи. Я был единственным сыном у мамы. Меня воспитали женщины, мама и бабка. Я очень высоко думаю о женщинах. Обожествляю их. У меня ко всем женщинам — и молодым, и среднего возраста, и пожилым — чувство поклонения. Особенно люблю беременных женщин. На улице, когда я вижу беременную, мне хочется ее охранять, защищать, окутать ее своим теплым покровом. Я вижу в них вечную женственность. Женственность для меня очень много значит.

Отец троих детей

— Александр Андреевич, почему из множества институтов вы выбрали МАИ? Хотелось стать конструктором летающих гигантов? Или вас притягивало небо?

— Когда начинаешь об этом размышлять, в голову лезет какая-то мифология. Наше с вами непринужденно-ироническое интервью утяжеляет мифология — ложь о самом себе. Если продолжать тонко и неизысканно лгать о себе, скажу: я не был технарем. Рос гуманитарием. Мама — архитектор, бабка тоже гуманитарный человек. Я был воспитан не на ревущих моторах.

Но моей молодости досталось удивительное время, когда Советы рвались в небо, в космос, но космические программы еще были закрыты. Но этому предшествовал гигантский взрыв авиации. Я жил в Москве, в Тихвинском переулке. Сквозь открытую форточку голубело небо, веял прохладный воздух весны, и, казалось, прямо в форточку врывались эскадрильи самолетов. Стремительно, как мерцающие звезды, пролетали истребители. Меня это завораживало.

— Влюбился в авиацию. Получил диплом инженера в 61-м. А через два года оказался в Карелии лесником. Искал в лесах тишину, одиночество?

— Я устал от обилия, сверкания люстр в танцевальных залах, устал от офицеров, щелкающих каблуками на паркете перед цветником барышень. Тошнило от эпиграмм, от мадригалов.

— Да это просто лермонтовские впечатления! Вы тогда были еще не женаты?

— В Карелию я убежал от жены.

— Вы меня озадачили. От первой жены?

— И от последней.

Бывший лесник просто поиграл словами: у него жена одна на всю жизнь. Людмила — его спасающая тишина, его ангел-хранитель и вдохновительница на всё доброе.

— Зная ваш гороскоп, я убеждена, что вы однолюб. Рада, что не ошиблась.

— Абсолютный однолюб! *(Входит в самоиронию.)* Я даже не человек — монумент, памятник, который любит другой памятник. У нас прекрасная семья, масса внуков, даже не берусь сосчитать. Но точно восемь есть. Когда они приезжают ко мне, растекаются как ртуть. Я пытаюсь всех поймать сачком. Только поймаю пятерых, остальные убегают. Сколько радости нам всем. Меня в них всё трогает, поражает.

— Кем стали ваши сыновья?

— Прежде всего моими детьми. Работают оба у меня в газете. Один пишет, второй — фотографирует. Дочка воспитывает некоторую часть моих внуков.

— Разглядываю ваш дом в дачном поселке — потемневшая вагонка потолка явно еще советского производства. Вы его строили сами?

— Мы его купили, а потом что-то ремонтировали.

Сумасшедший темперамент

— Александр Андреевич, как полезно с вами общаться в домашней обстановке. Но на экране, во всяких дуэлях и идейных схватках, в атмосфере разговорного балагана, вы бываете

невыносимым монстром со следами хронической усталости. А дома вы помолодели на полусотню лет.

— Так оно и есть. Мне осточертели эти политические комментаторы. Как приятно побеседовать с очаровательной дамой, с умной, тонкой собеседницей, очень доверчивым и наивным человеком.

— К счастью, наивность не утратила.

— Видите, я ею не пользуюсь.

— Алаверды: вы отважный спорщик, редко кому удается вас положить на лопатки. В публичных схватках от вас исходит совершенно реактивная энергетика. С годами она не теряет своей взрывной силы. Где вы эту энергию черпаете?

— Это допинги, допинги. Когда я иду на телевидение, я колюсь.

— Проханов, не издевайтесь надо мной и над читателем.

— *(Улыбается.)* А в антрактах импресарио вручает мне «косячок».

— Что заставляет вас наговаривать на себя, приписывать себе всё, чем больна изрядная часть сегодняшней молодежи?

— Потому и впадаю в некий раж, взрываюсь и кричу, что ясно вижу, как на мою страну, на мой город, на дом мой нападают гадкие муравьи. Они ползут тучами, по полям, по лесам, заполняют мои храмы, и это видение бросает меня в состояние аффекта. Ведь я сражался, например, не с Михаилом Веллером — однажды нас свела дуэль у Соловьева, и я, кажется, поколотил его немного, он как бы вынужден был мне уступить, отдать свою шпагу. Я тут же вернул ему эту шпагу. И в награду передал ему свою, — сочинил Проханов еще один миф. И тут же подошел к письменному столу. — Полно у меня оружия, кстати.

— Не верим. Покажите.

— *(Вытаскивает сверкающую шашку.)* Этот меч мне подарил солдат в Трептов-парке, в Берлине. Этим мечом солдат разрубил свастику.

— Природа наделила вас сумасшедшим темпераментом. В споре с противником, разгоняясь, вы производите впечатление неадекватного человека. В интервью с Дмитрием Быковым разразились целой тирадой о себе: дескать, ваши соавторы, то есть лирические герои, — «оба сумасшедшие, и я поддерживаю в них огонь безумия». Это суждение провокационно. Вы знаете, что вслед за вами с легкостью это образное признание повторяют на полном серьезе?

— Ну и пусть. От моего крика все эти белые боровики, свинушки разбегаются.

— Вы их обличье знаете?

— Конечно. Врагов надо знать в лицо. Одно время я к грибовидным особям относил Ирину Хакамаду.

— Да что с вами? Она такая красивая, элегантная, добродетельная женщина.

— Она, ну, благоухающий гриб на тонкой ножке — вторую в азарте поджимает. Такая элегантная цапля. Она серьезно вызывает у меня чувство протеста.

— Протест естествен — у вас разные идеологии.

— Лишь раз только на пароходе по Волге мы с ней примостились на один шезлонг. Это был краткий миг нашего уединения, братания. А всё остальное время мы антагонисты.

— После политических баталий вы долго приходите в себя?

— Долго. Целых 30 секунд. Мне они необходимы для полного покоя и одиночества.

— А потом отправляетесь домой поужинать?

— Нет, лечу на следующий ринг. В день иногда целых три бывает. После нашей с вами веселой разминки я бегу на «Эхо».

— С Ольгой Бычковой? Она из наших, из «МК».

— Да? Она умеет выгрызть печень.

— Кстати, как вы относитесь к Прикованному Прометею?

— Как орел к его печени.

— Хотели бы тоже поклевать?

— Ну зачем он дал огонь людям? Он же уворовал этот огонь. Значит, он отвратительный вор.

— Не только Эсхил, но и Гете, и Байрон воспели его как символ человечества, освобождающегося от своего бессилия перед тайнами природы. Он гордо переносит муки, не теряя достоинства.

— Ему доверили огонь. А он спер огонь преисподней. Сюда принес и воспламенил благое человечество.

— Не было бы огня, не было бы и человечества. Не родился бы и Проханов.

— А зачем нам Проханов?

— Признайтесь, бывает ли момент, когда вы недовольны собой: «Черт возьми, что я там молол?»

— Это состояние меня преследует постоянно. Я дико собой недоволен. У меня никогда не бывает чувства самодовольства. Я себя изъедаю, наполнен комплексами, бессонницей. Последние шесть лет не спится.

— Вы переусердствовали в спасении человечества.

— Взрываю очень часто свою подкорку. Наверно, через эту подкорку соединяюсь с мирозданием.

— Ведь не весь огонь преисподней унес Прометей?

— Это проблематично. Еще предстоит кому-то исследовать характер преступлений перед Богом.

— Надо еще вчитаться в Эсхила. Там неоспоримой мудрости полно.

— Эсхил зашифровывает историю, а ее надо дешифровать.

— Сумеют ли новые поколения сделать это возвышенно и красиво?

— Остановимся на Геродоте. Это самый достоверный историк древности. Он говорил, что Прометеев огонь вовсе не огонь. Это огнь. Это разные вещи. Огнь — та изначальная материя, о которой греки говорили: «Вначале был огнь, логос, то есть слово. Огнь был сам Бог». Прометей посягнул на сотворение мира…

— Отдельного от Бога?

— Да, альтернатива божеского начала. Богоборчество началось с Прометея. И с тех пор мы святотатствуем.

— Когда вы присутствуете на политической кухне телевидения и радио, кем себя осознаете?

— Я на этой кухне не наблюдатель, а повар в белом колпаке.

— Вы, обличитель разрушителей всех мастей, вдруг, шокируя благодушное население, предполагаете, что вслед за вами жители России назовут Путина отцом. Что это за дичь?

— Ну была же такая песня *(напевает)* : «Мы готовы к бою. Сталин — наш отец».

— Чтоб такое запели, надо сначала главе государства стать вождем.

Про «МК» и преисподнюю

— Веселым и ярким предводителем для многих стал «МК». Каким он вам кажется?

— «Московский комсомолец» — это одно из самых ироничных, отчасти раблезианских изданий. С «МК» нельзя говорить банально, тускло, пошло, рационально. С вашей газетой можно говорить примерно так, как бизон говорит с охотником.

— В 80-х годах вы тоже были охотником. Наверное, бизоны вам под Москвой не попадались? Кого вам удалось взять на мушку?

— Я был наивным ружейным охотником. Стрелял иногда уток влет, иногда на воде. Случалось, рябчиков выслеживал на ветке, и они откликались на мой манок. Иногда вылетал заяц — то русак, то беляк. У того и другого — одна судьба, я их подстреливал.

— Насладились дичью?

— Всё отдавал любимым девушкам: мне нравилось, как они обгладывают косточки. Кто-то помогал им… Я не следил — эти девы не были женщинами моих пещер.

— И почему вы бросили охоту, это модное увлечение состоятельных господ?

— Просто перестал проливать живую кровь.

— Но противников на ринге вы перекусываете пополам прямо в рубашках от — кутюр.

— А что делать писателю? Он двигается по миру, находит жертвы. Заглядывает к жертвам во все интимные места. Драма знаете в чем состоит? После смерти, когда писатель переносится в мир иной, все его персонажи и прототипы набрасываются на него, грызут со страшным голодным скрежетом.

— Какая мрачная перспектива!

— Какая она есть! Художник, примеряясь к сюжету, расписывая героев, должен помнить: на том свете его ждет за это расплата.

— Кто из прототипов — а их ведь множество! — самый страшный и непредсказуемый у вас?

— Это я сам. Все мои романы — сплошное самоедство. Каннибализм. Я изглодал всего себя. Уже вижу, как вхожу в чистилище… Чуть не сказал — царства небесного — этому счастью не бывать никогда. И на меня набрасывается господин, вылитый я. Он из «Господина Гексогена», он из «Политолога» — все они набрасываются и пожирают меня.

— У вас солидное тело, им есть чем позабавиться.

— Однажды я был в Мексике. И в харчевне зажаривали быка. Мясо шкварчало, исходило соком. Гастрономы угощали меня его плотью. Неповторимая трапеза! Уверяю вас, глаз быка и его семенник — это совершенно разные вкусовые достоинства. Кстати, особенно вкусны были рога: пропущенные сквозь огонь, они наполняются мягкой субстанцией. У быка в рогах — мудрость всех бычьих поколений.

— Они знают, кого насадить на свой рог.

— Быки — очень милосердные животные. Их надо сильно раздразнить, взбесить, чтобы это животное пошло, скажем, на ринг к Соловьеву бодаться с кем попало.

— Но ринг закрыли. Почему? Свобода, свобода! Эх, без креста! Помните?

— Думаю, всё имеет конец, свое завершение. Эпатирующий ринг просто прошел все свои стадии. Умер своей гармоничной смертью.

Охота на охоту

— Вы, наверно, негодуете, когда охотники убивают львов, антилоп?

— Надо очень не любить львов, чтобы тащиться на край земли, преодолевать массу хлопот, тратить деньги на самолеты, нанимать погонщиков, стрелков, которые носили бы за тобой оружие, ставили бы палатки. А еще ждать, когда на тебя выйдет этот великолепный венец творения. Ведь лев — это Зевс! И

всадить в это природное совершенство свой жакан, видеть, как он разрывается, превращается в кровавое нечто… Поэтому я бросил охоту и занялся бабочками. Но я не думаю, что совершил подвиг. Убивать бабочек так же ужасно, как и убить быка.

— Но бабочкин век не длинен. Тут греха поменьше.

— Как знать. Мы рождаемся, готовые к жизни. А бабочка проходит столько стадий! Потом — о чудо! — появляется бабочка. Это одно из таинственных превращений.

— В воспоминаниях «Робкий путь к Набокову» Белла Ахмадулина пишет: в Монтрё старый писатель признался ей, что никогда не был на Кавказе, а там есть очень редкая бабочка, которой нет нигде. Вы знаете про нее?

— Вот эта бабочка — «Дельфиниус проханикус». Я ее открыл, описал и дал ей свое имя. Она жила в предместьях Тифлиса. Белле я пробовал это знание втолковать. В моих книгах бабочки — среди главных действующих лиц. В русской культуре бабочка — странное явление. Русский луг переполнен бабочками — голубые, золотые, белые, пестрые. Но фольклор их не знает. Тут скрыта какая-то тайна, фигура умолчания. Первым табу нарушил старик Аксаков, написав книгу о бабочках. Потом Набоков эстетизировал бабочку. Восхитительные создания летели перед ним всю жизнь. Мои бабочки собраны мной на «горячих точках» мира.

— Вы мужественный человек. Ваши сегодняшние осудители такой смертельной опасности не подвергались. Как же вы рискнули поехать корреспондентом «Правды» в Афган?

— (Отшучивается.) Исключительно за бабочками. Вот эти голубые, словно из блестящего самоцвета, — они из Никарагуа. Эта из Кампучии.

— Ну и помотались вы по опасным точкам. Вас ведь не призывали солдатом?

— А что такое «Певец во стане русских воинов»? Это тоже миссия. Была она и у меня. А Верещагин? Великий художник связал свою судьбу с русской армией навечно. И погиб на броненосце вместе с адмиралом Макаровым в Японскую войну.

Какая монархия ему нужна

— Вы называете себя монархистом. Что за монархию вы имеете в виду?

— У меня бабочка есть — монарх. Она похожа на Владимира Кирилловича Романова, великого князя. Он мог бы стать престолонаследником. В эмиграции он себя провозгласил императором. А когда Гитлер вторгся в Россию, стал симпатизировать захватчику.

— У нас нет престолонаследников — все кончились.

— Да они нам и не нужны. Я сталинист. Нам нужен большой красный советский монарх.

— Где вы его возьмете? Он не бабочка, чтоб долго париться в коконе-саркофаге, поедая чужую капусту.

— Русская история выработает его в пекле русских катастроф.

— Увы, не успеет. Россия ускоренным темпом дряхлеет.

— Вымирает, будет вымирать до тех пор, пока не родит великого спасителя.

— Какими качествами он должен обладать?

— Должен любить народ и бояться Бога, чтобы совершить возрождение России. Конечно, он не должен повторить грехопадений, чем замарали себя выдвиженцы наших десятилетий. Этот человек должен осознать себя как плоть от плоти своего народа, а не приживалка, не менеджер, не клерк.

— Но и не палач!

— Если он будет бояться Бога, то не начнет казнить направо и налево врага. Свою волю он должен соизмерять с волей Всевышнего. Если женщина наградит этими чертами русского небожителя, он никогда не продаст свою Родину и не пустит сюда, в дивную, восхитительную, политую слезами и кровью страну, не пустит этих страшных муравьев. Они приходят и съедают лучшее, из чего мы состоим…

Мы проговорили два часа. А потом спустились в столовую. На большом столе нас ждали бутерброды и чай.

— Что будете пить — виски пятидесятилетней выдержки? коньяк лучших французских заводов? утонченные виноградные вина?

Людмила улыбалась — Проханов явно мистифицировал. И он достиг эффекта.

— Есть настойки на змеях, на женских пальчиках и на волосах ведьм.

— Мы недостойны таких редких коллекций.

— Тогда яд кураре?

— В нашем интервью яда достаточно. На улице снег и ветер, глоток коньяку нам не повредит.

Но Проханов еще не закончил приобщать нас к горькой российской правде. Принес из темного уголка бутыль в коробке и вытащил со смехом.

— О, это не коньяк, это антифриз.

Еще по дороге наш водитель Алексей рассказывал, как в Новосибирской области пьет народ антифриз… Прохановский

жест с антифризом возвращал нас к русской горькой реальности. Руслан Киреев, финалист «Большой книги» 2008 года, свидетельствует: Проханов не пьет. Он плеснул себе в рюмку несколько капель, но так и не прикоснулся к ней. Меньше всего я ожидала от Проханова стихов. Наш застольный разговор о поэзии он утеплил чтением стихов великого поэта: «За всё, за всё тебя благодарю я: / За тайные мучения страстей, / За горечь слез, отраву поцелуя…» — читал и смотрел на жену. Это она держит дома атмосферу тишины и полного доверия, умиротворяя реактивную энергетику мужа. На стене у камина висит большой портрет Проханова с бабочкой на сердце, написанный и подаренный Ильей Глазуновым. Писатель в раме выглядит счастливым и мирным, хотя красные зигзаги и всполохи вьются над его упрямой головой.

3 декабря 2009 г.

Фото с вкладок

Наталья Дардыкина *Фото А. Астафьева*

Михаил Веллер

Леонид Бородин *Фото П. Кривцова*

Родион Щедрин *Фото Ю. Дубровина*

Вячеслав Шалевич *Фото из домашнего архива*

Серж Головач *Фото Г. Виноградова*

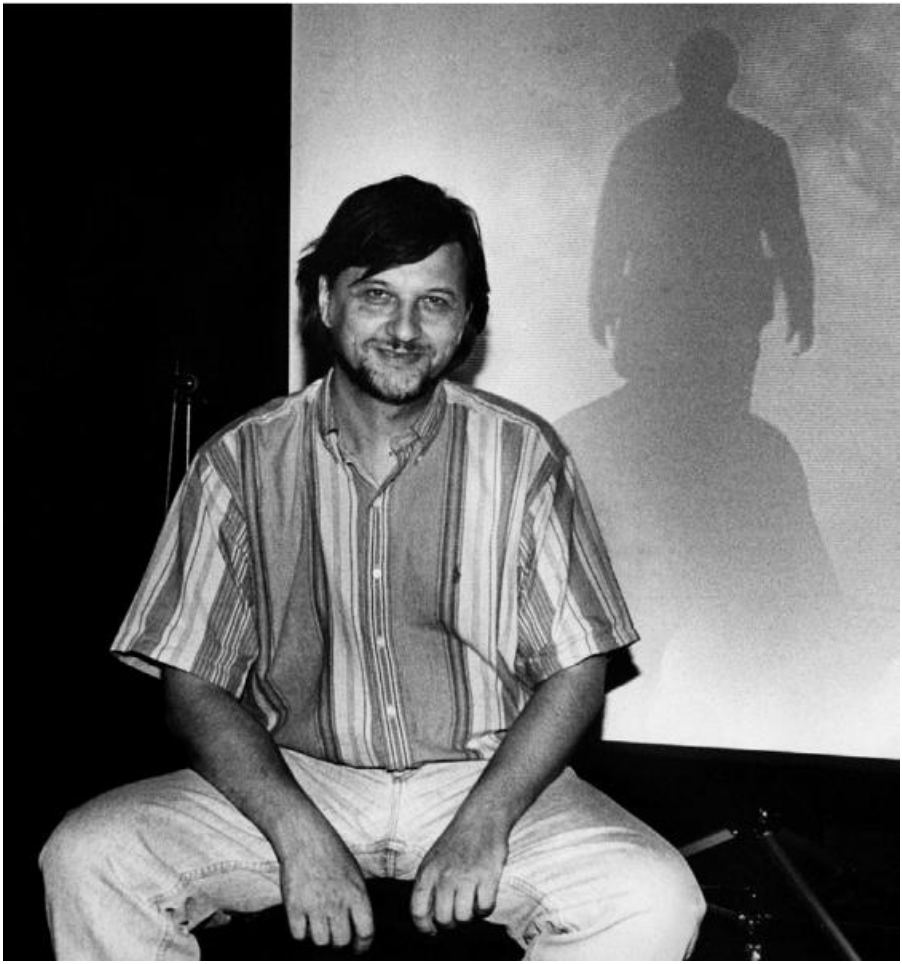
Виктор Ерофеев *Фото Н. Мущинкиной*

Генрих Штейнберг *Фото из домашнего архива*

Князь Никита Лобанов-Ростовский с супругой *Фото из домашнего архива*

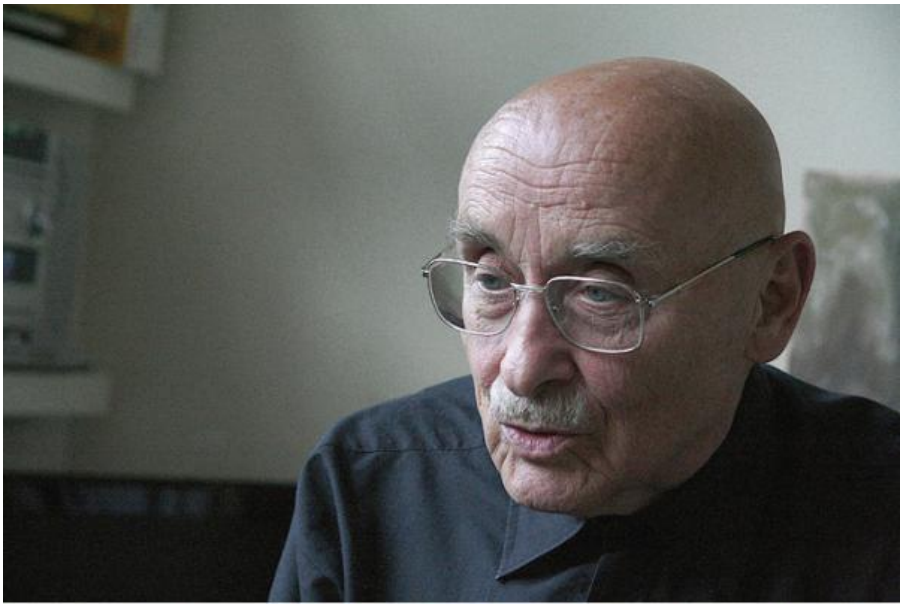
Алексей Рыбников *Фото А. Корнющенко*

Татьяна Назаренко *Фото В. Склярова*

Александр Проханов *Фото Г. Черкасова*

Оскар Рабин *Фото А. Белой*

Рустам Ибрагимбеков *Фото М. Ковалева*

Алексей Козлов *Фото М. Ковалева*

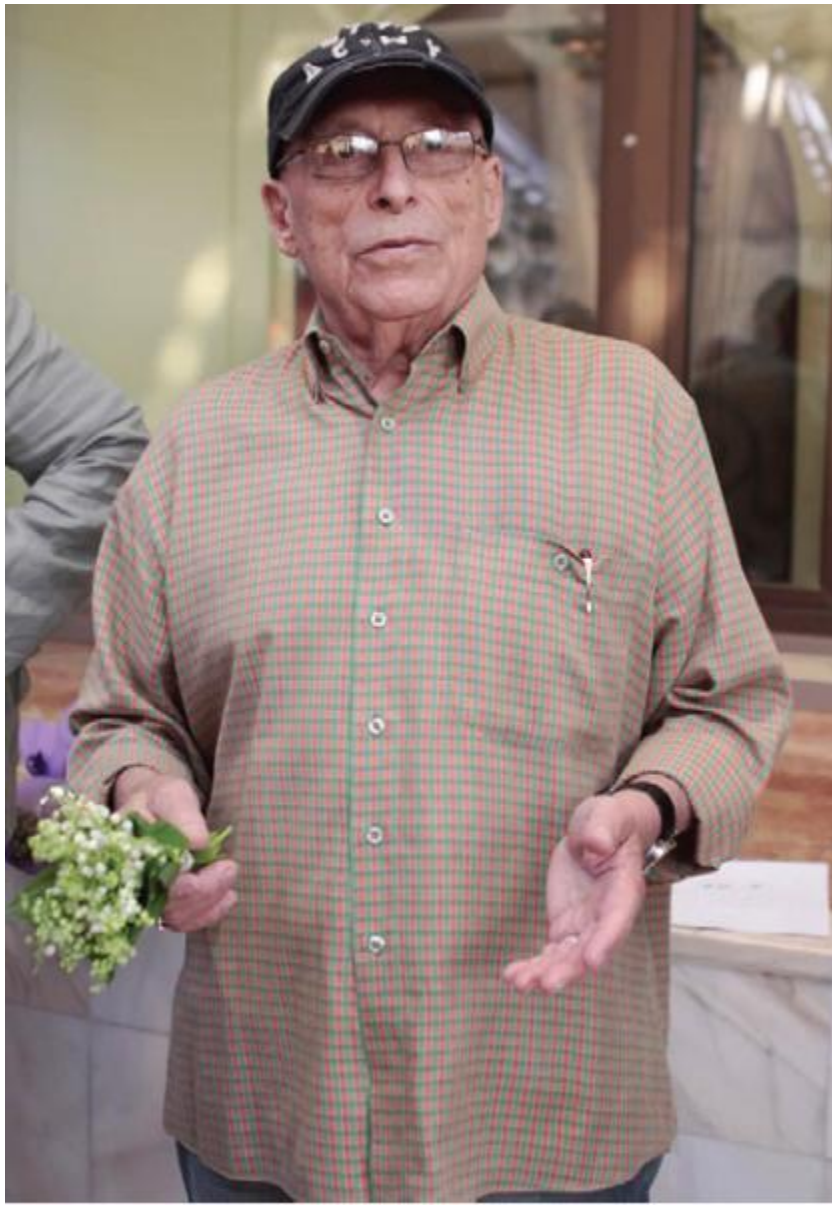

Алмат Малатов *Фото С. Головача*

Евгений Евтушенко *Фото О. Климова*

Андрей Дементьев *Фото А. Андрющенко*

Юз Алешковский *Фото Н. Мущинкиной*

Александр Сенкевич *Фото Л. Белой*

Глеб Шульпяков *Фото А. Корнющенко*

Писатель Леонид Зорин на церемонии вручения литературной премии «Большая книга» 2009 года. Награждение прошло в Доме Пашкова (Российская государственная библиотека) *Фото М. Ковалева*

Борис Екимов *Фото из домашнего архива*

Вильям Бруй *Фото Л. Белой*

Александр Иличевский

Юрий Ряшенцев с супругой *Фото из домашнего архива*

Анатолий Алексин с супругой *Фото из домашнего архива*

Майя Плисецкая *Фото А. Астафьева*

Дмитрий Липскеров *Фото А. Корнющенко*

Леонид Жуховицкий *Фото Н. Мущинкиной*

Слободан Юрич *Фото Н. Дардыкиной*

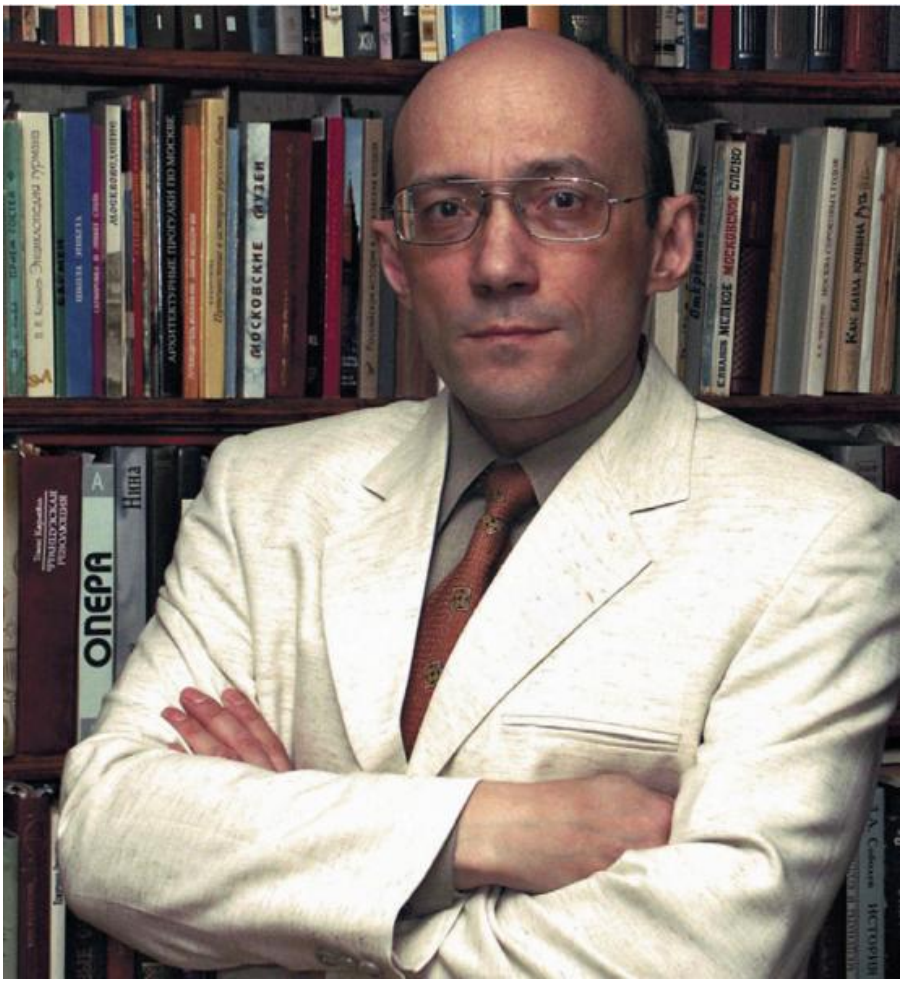

Владислав Огрошенко *Фото А. Макеева*

Сергей Чепик *Фото Л. Белой*

Михаил Шишкин *Фото М. Ковалева*

Александр Лаврин *Фото И. Лавриной*

Михаил Шемякин *Фото Г. Авраменко*